

МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
ХАНГАЛОВ

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

В трех томах

ТОМ III

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОАО «РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ТИПОГРАФИЯ»
УЛАН-УДЭ • 2004

УДК 39
ББК 67.5(2 Бу)
Х 19

Подготовлен к печати *Г. Н. Румянцевым,*
Б. В. Семичовым,
под редакцией *Г. Н. Румянцева*

Хангалов М. Н.

Х 19   Собрание сочинений в 3 т. Т. III. /Под ред. Г. Н. Румянцева.— Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография»,— 2004. 312 с.: ил.

ISBN № 5-7411-01-03-8

Трехтомное «Собрание сочинений» М. Н. Хангалова вновь увидело свет через 45 лет. Первое издание было осуществлено в 1958-1960 гг. к 100-летию со дня рождения ученого. Издание выпущено в новом художественно-техническом и полиграфическом исполнении, редакционная правка осуществлялась весьма корректно.

Новое издание трудов этнографа-исследователя предвьяет 150-летний юбилей М. Н. Хангалова.

В настоящее время труды ученого-этнографа представляют кладезь бесценного материала по фольклору, этнографии, шаманству бурят.

Для специалистов и всех тех, кто интересуется этнографией бурят.

ББК 67.5 (2Бу)

© Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

В третий том «Собрания сочинений М. Н. Хангалова» включены фольклорные бурятские материалы, опубликованные ранее в разных сборниках: «Сказания бурят, записанные разными собирателями» (Записки Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества по этнографии, т. I, вып. 2, Иркутск, 1890), «Бурятские сказки, записанные М. Н. Хангаловым и другими» (Записки Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества по этнографии, т. I, вып. 1, Иркутск, 1889) и в «Балаганском сборнике» (М. Н. Хангалов, Балаганский сборник. Сказки, поверья и некоторые обряды у северных бурят. Под редакцией Г. Н. Потанина. Труды ВСОРГО, том V, Томск, 1903).

Весь материал по своему содержанию разбит на одиннадцать разделов: 1. Мифы космогонические и этиологические; 2. Легенды о животных и растениях; 3. Шаманские легенды; 4. Поверья и приметы; 5. Исторические предания; 6. Генеалогические предания; 7. Улигеры; 8. Сказки; 9. Сказки о животных; 10. Легенды; 11. Этнографические заметки.

Г. Н. Румянцев

ПРЕДИСЛОВИЕ

В третий том «Собрания сочинений М. Н. Хангалова» вошли лучшие образцы бурятского фольклора, опубликованные им при жизни в сборниках, недоступных сегодня для широкого пользования. Сюда вошли записи М. Н. Хангалова из трех книг: 1) Бурятские сказки, записанные М. Н. Хангаловым и другими (Записки ВСОРГО по этнографии, т. 1, вып. 1, Иркутск, 1889); 2) Сказания бурят, записанные разными собирателями (Записки ВСОРГО по этнографии, т. 1, вып. 2, Иркутск, 1890); 3) М. Н. Хангалов. Балаганский сборник (Труды ВСОРГО, т. V, Томск, 1903). Эти книги представляют собой настоящую энциклопедию бурятского устного народного творчества. Однако наиболее ценной книгой считается «Балаганский сборник», составленный М. Н. Хангаловым по записям, произведенным им в Балаганском ведомстве. В нем впервые увидели свет две части эпоса «Гэсэр», легенды о Чингис-хане, эпические сказы, сказки о животных, мифы, обычаи и поверья. Сведения о происхождении отдельных родов и их генеалогии, собранные М. Н. Хангаловым, были напечатаны в двух других упомянутых сборниках.

В первые годы своей научной деятельности М. Н. Хангалов был известен прежде всего как знаток и собиратель бурятского фольклора. Он записывает предания, героические сказания, сказки, призывания, обрядовые песни. Несмотря на то, что работы сделали его обладателем обширнейшего фольклорного материала, который он систематически передает для издания в ВСОРГО, получая отсюда постоянную помощь и поддержку.

Редактором фольклорных записей М. Н. Хангалова являлся Г. Н. Потанин, которому была поручена подготовка к изданию трех вышеуказанных сборников. Эту работу он проводил с 1888 по 1896 гг. На это время приходится и активная переписка между двумя учеными. Как пишет Е. М. Залкинд: «Большое число его (Г. Н. Потанина – С. Ж.) пространных писем к последнему (М. Н. Хангалову – С. Ж.) свидетельствует о том, что этому ученому с вполне установившейся репутацией приходилось выступать не только в качестве наставника, но и в роли ученика. Погруженный в обширные исследования по фольклору и этнографии сибирских народностей, Потанин советуется с Матвеем Николаевичем о значении отдельных обрядовых деталей, о происхождении названия различных духов, просит разъяснить ему некоторые явления из области мифологии и этнографии, делясь одновременно своими соображениями»¹.

Третий том «Собрания сочинений М. Н. Хангалова» будет интересен самому широкому кругу читателей – от самых маленьких детей до глубоких старцев.

*С.Т. Жамбалова,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИМБиГСО РАН*

---

¹ Залкинд Е. М. М. Н. Хангалов. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1945. – с. 23.

I

МИФЫ КОСМОГОНИЧЕСКИЕ И ЭТИОЛОГИЧЕСКИЕ

СОТВОРЕНИЕ МИРА И ЧЕЛОВЕКА

(Сотворение балаганских бурят)

1

Прежде земли не было, а только была одна вода. В это время был один бурхан, которого звали Сомбол, потому что он сделался сам собою (бээр ботоһон Сомбол-бурхан).

Сомбол-бурхан захотел сотворить землю и ходит по воде. В это время птица ангата¹ с 12-ю детьми плывет по воде. Сомбол-бурхан, увидев ангата, говорит ей: «Ангата, нырни в воду и со дна принеси мне землю!» Тогда ангата по словам Сомбол-бурхана нырнула в воду и со дна достала землю; на носу принесла черную землю и в лапах красную глину.

Сомбол-бурхан от птицы ангата вперед взял красную глину и разбросал по воде, а потом взял черную землю и тоже разбросал по воде; тогда образовалась земля, и на ней выросли травы и деревья. Потом Сомбол-бурхан благословил птицу ангата: «Ты будешь иметь много детей и плавать по воде и нырять!» Вследствие этого благословения птица ангата плавает теперь хорошо и ныряет в воде долго.

2

Прежде была одна вода, а земли совсем не было. Сомбол-бурхан хотел сотворить землю и ходил по воде. Он увидел птицу ангир², которая плыла по воде. Сомбол-бурхан говорит птице ангир: «Нырни в воду и со дна принеси мне землю!» Птица ангир нырнула в воду за землей, но на пути ей встретилась рыба хаши-загаһан³, которая спрашивает у птицы ангир: «Куда ты ныряешь?»

---

¹ Ангата – «аркалик».

² Ангир – «турпан».

³ Хаши-загаһан – «рыба-ножницы», хаши – «ножницы», загаһан – «рыба».

Птица ангир говорит: «Я ныряю, чтобы со дна достать землю». Тогда хаши-загаһан говорит: «Я живу в воде, до сих пор не видела дна, а ты хочешь земли достать; воротись обратно, а то перережу тебя пополам!» После этого птица ангир обратно вынырнула на поверхность воды.

Тогда Сомбол-бурхан спрашивает у птицы ангир, отчего она не принесла земли. Птица ангир говорит, что она встретила с хаши-загаһан, который хотел ее перерезать пополам; потому, боясь его, возвратилась обратно, не достигнув дна воды.

Тогда Сомбол-бурхан сказал птице ангир: «Опять нырни в воду за землей; на пути говори слова: «об мани будьма хан». Птица ангир опять нырнула в воду и на пути говорила слова: «об мани будьма хан». На этот раз птица ангир достигла дна, взяла земли со дна и обратно вынырнула на поверхность воды. Сомбол-бурхан взял принесенную землю и сделал из нее Землю. Потом на земле выросли травы и деревья.

3

Прежде была одна вода, а земли не было. Три бурхана — Шибэгэни-бурхан, Мадари-бурхан и Эсэгэ-бурхан, все трое хотели сотворить землю. Они ходили по воде и увидели птицу ангата, которая с 12-ю детьми плыла по воде. Все эти три бурхана сказали птице ангата: «Ты нырни в воду и со дна воды достань нам земли: черную землю, красную глину и песок (хара-шоро, улан-шоро, илхэ)». Тогда птица ангата нырнула в воду, со дна воды взяла черную землю, красную глину и песок, обратно вынырнула на верх воды и принесенную черную землю, красную глину и песок передала трем бурханам. Эти три бурхана принесенную землю, красную глину и песок разбросали по воде и сотворили землю, на которой выросли травы и деревья.

После этого создали человека. Тело создали из красной глины, кости из камня и кровь из воды. Таким образом, эти три бурхана сделали двух человек: мужчину и женщину.

Потом эти три бурхана, Шибэгэни-бурхан, Мадари-бурхан и Эсэгэ-бурхан, между собою порешили: кто из них оживит этих сделанных двух человек, тот и будет им покровительствовать. После этого еще порешили, что они перед собою поставят по свечке и по горшку, а потом лягут спать; когда на другое утро проснутся, тогда чья свеча будет гореть и в чьем горшке вырастет цветок, тот должен оживить двух сделанных людей и стать их покровителем. Все эти три бурхана поставили перед собою по свечке и горшку и легли спать. На другое утро прежде всех проснулся Шибэгэни-бурхан. Посмотрел — свечка перед Мадари-бурханом горит, а из горшка его вырос цветок. Тогда Шибэгэни-бурхан зажег свою свечку, а свечку Мадари-бурхана угасил; цветок выдернул и посадил в свой горшок и потом снова лег спать. Когда все трое проснулись, то видят, что свеча перед Шибэгэни-бурханом горит, а в горшке его растет цветок. Тогда присудили, что сделанных людей должен оживить Шибэгэни-бурхан, и он же должен покрови-

тельствовать им. Но Мадари-бурхан узнал, что Шибэгэни-бурхан украл у него цветок и огонь, а потому он сказал Шибэгэни-бурхану: «Ты украл у меня цветок и огонь; вследствие этого оживленные тобою люди будут друг у друга красть и ссориться!» Вот почему нынешние люди крадут друг у друга и ссорятся.

После этого Мадари-бурхан и Эсэгэ-бурхан поднялись на небо; Шибэгэни-бурхан остался на земле и оживил сделанных двух человек, которым сотворил караульную собаку. Первых людей бурханы создали с шерстью, чтобы они не мерзли; собаку сотворили без шерсти. Затем Шибэгэни-бурхан поднялся на небо, а два человека спали; собака караулила их. В это время пришел Шитхыр. Собака стала на него лаять и не допускала его близко к спящим. Тогда Шитхыр говорит собаке: «Ты не лай на меня! Я тебе дам поесть, да еще вырашу на тебе шерсть как на людях. Ты не будешь мерзнуть». Собака согласилась на предложение Шитхыра, не стала лаять. Тогда Шитхыр накормил собаку и плюнул на нее, от чего у собаки выросла шерсть. Поэтому ныне буряты говорят, что шерсть собаки нечиста.

Шитхыр подошел к спящим людям и плюнул на них со всех сторон, а сам ушел. Шибэгэни-бурхан спустился с неба на землю и приходит к людям; видит: спящие люди оплеваны Шитхыром, а собака стоит в шерсти. Тогда Шибэгэни-бурхан сильно рассердился на собаку и проклял ее: «Ты всегда будешь ненасытной. Будешь грызть кости от холода и есть человеческие испражнения от голода. Люди тебя будут бить!»

После этого Шибэгэни-бурхан оплеванную шерсть на людях выбрил гладко и только оставил на голове, где шерсть не была оплевана Шитхыром; когда люди спали, то руки держали на голове, поэтому на голове под руками шерсть осталась чистой. Вот каким образом первые люди лишились шерсти.

4

Бурхан землю сотворил ровною и гладкою и сначала гор и долин не было. Когда Бурхан творил землю, то в это время около него стоял Шитхыр, который под пятою ноги спрятал немного земли. Когда Бурхан кончил творить землю, то Шитхыр взял спрятанную под пятою ноги землю и разбросал по земле; тогда на земле образовались горы и долины; земля сделалась неровной. Тогда Бурхан спрашивает у Шитхыра: «Для чего ты на земле сделал горы и долины и испортил землю?» Шитхыр говорит: «Когда люди будут спускаться под гору, то, боясь, будут призывать тебя: «Ай, Бурхан!» А когда будут подыматься на гору, то будут упоминать меня, говоря: «Шитхырова высокая гора!» Таким образом обоих нас постоянно будут упоминать».

Записано у балаганских бурят М. Н. Хангаловым

Первые напечатано в сб. «Сказания бурят, записанные разными собирателями», Записки ВСОРО по этнографии, т. I, вып. 2, Ирк., 1890, стр. 65-69.

ПЕРВАЯ ЧЕТА

Сперва земли не было, а только были вода и огонь; последний плавал по воде отдельными полосками, как дорога. По воде плавали в двух отдельных серебряных лодках (монгон онгосо), в одной – мужской половой орган (эсэгэн монгон бахана, буквально по-русски «отцовский серебряный столб»), в другой – женский (эхэн алтан тоно, «материнский золотой орган», вариант: эхэн алтан ума, «материнское золотое влагалище»). Лодки сделали два круга по солнцу и не могли сойтись; тогда они сделали еще круг против солнца (нарабуру) и тогда соединились и произвели оплодотворение. В память об этом во время свадьбы жених и невеста, идя под шалью, делают круг против солнца.

*Со слов бурята Унгинского ведомства
Шетинского улуса Башина Трубочеева,
грамотного кузнеца, знающего русский язык*

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 192.

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Высокое небо (ондор тэнгэри) и Широкая земля (улгэн дэлхэ) породнились; Высокое небо за своего сына высватало дочь Широкой земли; земля за свою дочь потребовала в калым от Высокого неба солнце и луну. Небо отдало эти светила; тогда на небе и земле сделалось темно, потому что Широкая земля заперла солнце и луну в ящик.

Высокое небо не может придумать средство, как получить солнце и луну обратно от Широкой земли. У Высокого неба было девять сыновей и девять дочерей. Оно послало за Заря-Азарга¹, от которого надеялось получить совет, как поступить, и строго приказало своим сыновьям и дочерям не смеяться, когда войдет Заря-Азарга, который не имел ног и не ходил, а катился по земле. Когда Заря-Азарга вошел в юрту, девять сыновей и девять дочерей Высокого неба, увидев его, не могли удержаться от смеха. Заря-Азарга сильно осердился и укатил назад. Тогда Высокое небо послало пять зверей, чтоб они пошли по следам Заря-Азарги и подслушали, что он будет говорить. Посланные пять зверей были: заяц (шандаган), маленький козуленок (инзаган), горноста́й (угин), белка (хэрмэн) и хорек (холонго).

Заяц первый подслушал слова обиженного Заря-Азарги и передал их Высокому небу. Заря-Азарга, катясь обратно, ругался и говорил:

– Высокое небо не может держать в подчинении своих девять сыновей и девять дочерей! Они смеются надо мной. Пусть же девять сыновей спустятся

---

¹ Заря – по-русски «еж».

на землю и сделаются девятью западными хатами, а девять дочерей пусть спустятся на землю и сделаются девятью онгонами. Высокое небо породнилось с Широкою землею, в калым отдало солнце и луну и не может придумать, как их обратно взять от Широкой земли; а для этого нужно только поехать к Широкой земле в гости и попросить у ней эхо леса и мерцание воды; Широкая земля не будет в состоянии поймать ни эха леса, ни мерцания воды и принуждено будет отдать назад солнце и луну.

Эти-то слова подслушал заяц и передал Высокому небу. Вот почему в шаманских обрядах шкура зайца стоит первой в правой стороне.

Высокое небо поехало к Широкой земле в гости и попросило подарить ему эхо леса и мерцание воды. Широкая земля поручила своим трем сыновьям поймать эхо леса и мерцание воды, но три сына не могли поймать. Тогда Широкая земля отдала Высокому небу обратно солнце и луну. Приехав домой, Высокое небо привезенные светила вновь пустило по небу, тогда на небе и земле по-прежнему стали чередоваться день и ночь. Слова Заря-Азарги исполнились, девять сыновей Высокого неба спустились на землю и стали девятью западными хатами, а девять дочерей его, тоже спустившись на землю, стали онгонами.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 187-189.

ОТКРЫТИЕ ДВЕРЕЙ НЕБА

Изредка тэнгэрины открывают дверь неба; если человек увидит, что дверь у неба открылась и в это время что-нибудь попросит, то просьба его исполнится.

Если дверь неба откроется на южной или западной стороне, это хороший признак; если же на северо-восточной, то это худо, и увидевший это человек будет несчастлив. Чтоб избежать несчастья, нужно сказать:

Ши урба хада	Если ты выворачиваешься,
Би урба хаб	И я выворачиваюсь!
Шини хорбо хада	Если ты изменяешься,
Би хорбохоб	И я изменяюсь!

С этими словами нужно снять с себя шубу, выворотить вверх шерстью и ехать или идти далее.

Если дверь открывают восточные и худые тэнгэрины, это худо для людей и для того, кто это увидел, потому что эти тэнгэрины смотрят на землю и посылают людям несчастье. Если дверь неба открывают западные тэнгэрины, это хорошо для людей, а также и для того, кто увидит, потому что западные тэнгэрины смотрят на землю и посылают людям счастье и богатство. Если дверь неба открывается на восточной или северо-восточной стороне, то свет бывает красный; если на западной или южной, то свет бывает белый.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 190.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

По словам бурят, Млечный Путь (по-бурятски: Тэнгэрин оёдол) произошел вследствие того, что Манзан Гёрмё-ётёдё, подоив свое молоко, бросила его. Это брошенное молоко и стало Млечным Путем. Другие говорят, что это дорога, по которой небесные бурханы судят и ходят.

Записано М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1889, стр. 127 (№ 40).

О ЛУНЕ

Буряты рассказывают о луне следующую легенду. Каждый из нас видел черное пятно на луне, ясно заметное в полнолуние. С одной стороны кажется, что стоит человек, а с другой — темное пятно, по форме напоминающее кустарник. Тут же видно пятно, похожее на ведро и ковш.

Насчет этого пятна говорят, что в прежнее время один человек имел сына и дочь от первой жены. Вторая жена его ненавидела этих детей. Однажды мачеха послала их ночью за водой на реку. Она долго не могла их дождаться и начала ругаться: пусть их возьмет солнце и луна. Эти бранные слова услышали солнце и луна и бросились к детям, которые играли у воды. Заметив, что солнце и луна приближаются к ним, старший из детей, мальчик, бросился на берег, где в это время лежал кубсур, и накинул на себя. Поэтому солнце не взяло мальчика. Месяц же бросился к девочке, которая ухватила одной рукой за куст тальника, а другой держала ведро. Тогда месяц взял девочку на небо вместе с тальником. Вот почему буряты говорят, что в настоящее время на луне видна эта девочка, одной рукой держащаяся за тальник, а другой — за ведро.

Среди онгонов, т. е. небесных богов, упоминается хозяин луны Хал-хатан и солнце — Нал-хатан.

М. Н. Хангалов, РО БКНИИ, инв. № 353, л. 2

ЗАТМЕНИЕ ЛУНЫ

У балаганских бурят затмение луны и солнца объясняется тем, что их проглатывает Алха. По словам бурят, Алха прежде был какой-то большой зверь или шитхыр¹. Этот зверь или шитхыр проглотил луну и солнце. Тогда на земле сделалось темно. На небе бурханы собрались и отсекли Алхе половину тела. Задняя часть тела упала на землю, а передняя часть тела осталась на небе. И теперь изредка Алха проглатывает солнце и луну, которые потом снова

---

¹ Шитхыр (шидхур) — «злой дух».

выходят, так как у Алхи задняя часть отрублена. Когда Алха проглатывал солнце и луну, то будто бы эти светила говорили:

– Земные люди, выручите!

Вследствие этого прежние буряты во время затмения солнца и луны принимали страшный шум и кричали:

– Алха, таби! (по-русски: «Отпусти, Алха!»).

Записано М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записи ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, стр. 127-128 (№ 41).

СОЛБОН

Балаганские буряты посвящают звезде Солбон (Зарница) каурого коня. О Солбоне говорят, что он ездит верхом с арканом. У Солбона есть свой табунщик, которого называют а д у ш а¹ Т о к л о к (иногда говорят адуша Токлок архинша ханже). Табунщику посвящают чубарого коня. Этот табунщик Солбона постоянно ездит за табунами. Когда весной балаганские буряты снимают гривы и хвосты с лошадей и пятнают молодых жеребят, тогда они варят мясо, саламат (вареная сметана с мукой) и приготавливают тарасун или вино. Тарасун или вино брызгают Солбону и его табунщику Токлоку, а мясо и саламат бросают в огонь; потом пьют и едят.

Один балаганский бурят Буру Тармаев однажды встретился с табунщиком Солбона Токлоком, и Токлок ему сказал, что он хорошо смотрит за табунами. Тогда же Токлок предсказал, что у одного бурята Хахина будет три табуна лошадей; в это время у этого бурята была одна пегая кобыла. Это предсказание сбылось. Впоследствии у этого бурята Хахина действительно от одной пегой кобылы образовались три табуна лошадей.

Записано М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, стр. 125-126 (№ 37).

ДОЛОН-ОБОГОД

По словам балаганских бурят, созвездие Большая Медведица (Д о л о н о б о г о д)¹ есть верхние части черепов от семи кузнецов, которые были сыновьями кузнеца Хожира (по-бурятски: Х о ж о р и д о л о н д а р х а д). Семь сыновей Хожира были черными кузнецами; нынешние черные кузнецы у бурят находятся под их покровительством. Это сказание находится в сказке «Абай

¹ А д у ш а – «табунщик».

² Д о л о н о б о г о д – «Семь старцев».

Гэсэр-хан», который просит убить семь сыновей Хожира и из их голов приготовить семь чашек. Из этих чашек он напоил допьяна свою Манзан-Гёрмё-ётёдё¹. Она бросила эти чашки, и они сделались звездами созвездия Долон-обогод.

Записано М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1889, стр. 126-127 (№ 39).

ХОХОСО-МЭРГЭН

По словам балаганских бурят, Хохосо-мэргэн был очень сильный человек (б а т о р) и меткий стрелок из лука стрелою. Во время одной охоты Хохосо-мэргэн увидел трех оленей и погнался за ними. Когда он начал догонять их, они поднялись наверх. Тогда Хохосо-мэргэн выстрелил в них из лука стрелою. Три оленя на небе сделались созвездием Орион (по-бурятски: Г у р б а М а р а л). Стрела тоже обратилась в три звезды, которые видны немного пониже.

Записано М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1889, стр. 126 (№ 38).

ЦАРИ ЗЕМЛИ

На юго-западной стороне есть царство Маса-Богдо-хана, где находится царь всей земли гора Сэмбэр-ула, на которой растет царь всех деревьев Аха-зандан-модон, а царь всех трав Угитэ-саган-обохон растет, обвинившись вокруг царя всех деревьев Аха-зандан-модона до самой вершины, откуда царь трав спускается опять вниз до половины дерева Аха-зандан-модона; на этой горе находится царь всех зверей Аргалан-зон, царь всех домашних животных Пегий лончак (а л а к д а г а н) и царь всех змей Абарга-мого.

(Со слов бурята Балаганского ведомства Харитона Антонова)

На горе Сэмбэр-ула находятся четыре царя земли; на ней растет царь деревьев Захан-зандан-модон; обвинившись вокруг него, растет царь трав Угитэ-саган-обохон, поднимается до вершины дерева и потом спускается вниз до его половины; царь птиц Хан-Хэрэгдэ-шубун имеет гнездо на царе деревьев Захан-зандан-модоне, а змеинный царь лежит, три раза обвинившись вокруг царя деревьев.

Со слов бурята Зунгаро-Быкотского ведомства Мадаса Макарова

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 189-190.

---

¹ Ё т ё д ё – «старуха».

О ПОТОПЕ

Перед тем, как быть потопу, Бурхан начал учить одного человека выстроить корабль. Этот человек каждое утро вставал и с топором уходил в лес, где строил по научению Бурхана корабль, который был очень большой, а вечером приходил домой. Долго так уходил он каждое утро в лес. Однажды жена его спросила, что он делает в лесу каждый день. Тогда муж сказал жене, что он рубит дрова. Однажды, когда муж ушел в лес с топором, к жене его пришел Шитхыр и говорил ей, что муж обманывает ее: он вовсе не рубит дрова, а строит большой корабль. Потом Шитхыр говорит жене этого человека: «Корабль скоро будет готов; твой муж будет тебя заставлять взойти на корабль, а ты не всходи, отказывайся; муж твой будет тебя бить; тогда скажи ему: зачем меня бьешь, Шитхыр? А потом входи в корабль; я с тобой войду вместе». Эта женщина обещалась сделать так, как ее учат, а Шитхыр ушел.

После этого вскоре сделался потоп. Тогда этот человек привел свое семейство к кораблю и велел войти в него, но жена его не соглашается; он долго уговаривал свою жену и, наконец, рассердился, начал бить ее; тогда она сказала своему мужу: «Зачем меня бьешь, Шитхыр!» После этого вошла в корабль и Шитхыр с нею вместе вошел.

Этот человек с помощью Бурхана поставил на корабль много зверей, а царь зверей Аргалан-зон сказал: «Я большой, не утону» и отказался взойти на корабль. Потом вода сильно поднялась; корабль поплыл по воде. Шитхыр, вошедший на корабль, обратился в мышью и начал грызть дно корабля; прогрыз много дырок, в которые пошла вода. Этот человек начал затыкать дыры и выбрасывать воду, а мыши прогрызли другие дыры, через которые опять входила в корабль вода. Бурхан, видя это, сотворил кошку, которая переловила всех мышей на корабле. Поэтому буряты говорят, что род кошки нечистый, потому что она ловила и ела мышей Аргалан-зоны. Когда вода сильно поднялась, долго плавали и, наконец, все утонули. А потому некие их кости выходят из земли. От этого человека произошли все люди после потопы.

Записано у балаганских бурят М. Н. Хангаловым

Впервые напечатано в сб. «Сказание бурят...», стр. 71-72.

ПОВЕРЬЕ О ЗЕМЛЕТРЯСЕНИИ

По словам балаганских бурят, земля стоит на большой рыбе. Эта рыба стоит среди моря Мэлхэн-дала. Когда эта рыба меняет положение, поворачивается на другой бок, тогда бывает землетрясение (по-бурятски: г а з а р- х ё д ё л х ё). Когда бывает землетрясение, буряты берут около порога щепотку земли. Эта земля считается целебной во время замедления родов у женщин.

Записано М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1889, стр. 128 (№ 43).

II ЛЕГЕНДЫ О ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЯХ

ЦАРИ ЖИВОТНЫХ

На земле шесть царей над всеми животными (по-бурятски: эртэнгин жоргонзулэ):

1. Хуни хан.	Царь людей.
2. Шубуни хан Хан-хэрэгдэ-шубун.	Царь птиц птица Хан-хэрэгдэ.
3. Анги хан Аргалан-зон.	Царь зверей Аргалан-зон.
4. Могон хан Абарга-мого.	Царь змей Абарга-змея.
5. Шургалжини хан Широ-темен-шургалжин-хан.	Царь муравьев Широ-темен- шургалжин-хан.
6. Загахани хан Абарга-эхэ-загахан.	Царь рыб великая рыба Абарга.

Летучая мышь (харьхаэрбэхэ) ни одному царю не подчиняется.

Записано М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1889, стр. 118-119 (№ 24).

МЕДВЕДЬ

Медведь прежде был царем; он хотел испугать одного идущего по дороге человека. Для этого он залез под мост. Когда человек проходил по мосту, царь из-под моста громко крикнул. Проходивший человек был сам Бог. Он сказал царю:

— Останься медведем! Будешь пугать людей в лесу!

Тогда царь обратился в медведя и убежал в лес.

Записано М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1889, стр. 119 (№ 26).

МЕДВЕДЬ

Жил бедный посудник; пошел он на остров моря вырубить обруч для посуды; увидел на острове красную березу (по-бурятски: у л а н б у р г а х а н)¹ и хочет рубить ее. В это время красная береза говорит ему:

– Не руби меня! Я тебе дам все, что спросишь!

Тогда посудник говорит ей:

– Не буду рубить. Сделай меня купцом.

После этого посудник вдруг разбогател и сделался купцом.

Спустя некоторое время посудник опять приходит к красной березе на морском острове и просит сделать его царем; она сделала его царем.

Сделавшись царем, посудник приезжает на остров моря в повозке и с войском, чтобы срубить красную березу. Царь и царица сидят в повозке, а войско подходит к березе и по приказанию царя хочет ее рубить. Красная береза говорит им:

– Посмотрите на своего царя и на царицу!

Войско оглянулось и видит, что царь и царица обратились в медведей и убежали в лес. Войско, испугавшись, разбежалось. Вот почему буряты говорят, что медведь прежде был царем.

Встретившись с медведем, следует сказать:

– Хан хун, харгуя ого; царь-человек, дорогу свою дай!

Тогда медведь своротит с дороги.

Если кто убьет девяносто девять медведей, того непременно сотый медведь задавит. За сто убитых медведей должен умереть один человек.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 197-198.

ХУН-ГОРОХОН

Хун-горохон живет в лесах, совершенно похож на человека и говорит по-человечески. Один охотник охотился в лесу и убил козулю; увидав в лесу несколько хун-горохонов, он оставил убитую козулю, а сам спрятался за дерево и лежит. Хун-горохоны пришли и начали есть убитую козулю; один из них съел мясо с лопатки, смотрит на нее, начинает плакать и говорит:

– Я сейчас умру!

Тогда охотник выстрелил в него и убил. Хун-горохон хорошо ворожит на лопатке. Нынешние буряты хун-горохоном называют обезьяну.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 203.

---

¹ Б у р г а с у н (монг.) – «тал», «ива».

ВОЛКИ

Волков буряты называют тэнгэрин нохо — «небесными собаками». Когда волки воют, это значит, что у неба просят пищи, и тогда небо (тэнгир) указывает им, у кого что съесть.

Записано М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1889, стр. 120 (№ 27).

ВЕРБЛЮД

Верблюд прежде был большой шаманкой. Однажды она хотела испугать Бога. Для этого она отрезала свои груди, приклеила их на спине, сделалась верблюдом и в этом виде явилась к Богу. Тогда Бог осердился и оставил ее навсегда верблюдом. Потому, что это был прежде человек, плач верблюда похож на человеческий.

Записано М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1889, стр. 119 (№ 25).

КРЫЛАТЫЙ КОНЬ

(Дальта морин)

По словам унгинских бурят, в прежнее время были крылатые кони; они имели крылья, невидимые для человека; они видны были только в то время, когда конь спал; тогда эти крылья растопыривались, как будто конь хотел лететь; только в это время и мог их видеть человек. Когда человек видел крылья, конь пропадал. Крылатый конь на бегу был очень быстрый и мог далеко бежать.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 204.

ЗАЯЦ

Заяц прежде был совсем черный, но с каждым годом у него белело по одному волосу, так что теперь черные волосы у него остались только на конце ушей. Когда заяц совсем будет белый, тогда наступит «галаб», окончание мира: все сгорит. Тогда по земле будут бегать огненные козули (галтагурон), у которых из-под копыт будет сыпаться огонь.

Записано у балаганских бурят М. Н. Хангаловым

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», стр. 78.

БУРУНДУК

Бурундук (ж и р к и) от того полосатый, что бурхан погладил его рукою.

Записано у балаганских бурят М. Н. Хангаловым

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», стр. 78.

СОБАКА

Прежде собака ходила одна. Она начала искать, с кем бы жить вместе. Идя, встретила волка, говорит ему:

– Будем жить вместе?

Волк соглашается; они стали жить вместе. В одну ночь собака услышала в лесу шорох и стала лаять. Тогда волк говорит:

– Не лай, собака! Придет медведь, съест нас.

На другое утро собака оставила волка и ушла искать медведя, думая, что медведь сильнее волка. Встречает собака медведя и говорит ему:

– Будем жить вместе?

Медведь соглашается. Однажды ночью собака начинает лаять. Медведь говорит:

– Не лай, собака! Придет лев, съест нас.

На другое утро собака оставила медведя и ушла искать льва, думая, что лев сильнее медведя. Собака встречает льва и говорит ему:

– Будем жить вместе?

Лев соглашается. Однажды ночью собака начала лаять. Лев говорит:

– Не лай, собака! Придет человек с синим железом и убьет нас.

На другое утро собака оставила льва и ушла искать человека с синим железом, думая, что человек с синим железом сильнее льва. Собака встречает человека и говорит ему:

– Будем жить вместе?

Человек соглашается. Однажды ночью собака начинает лаять, а человек встает и говорит:

– Усь, усь!

Тогда собака подумала, что сильнее зверя нет, чем человек, который ничего не боится, а потому собака остается при человеке и до сих пор.

Записано М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1889, стр. 120 (№ 28).

СОБАЧИЙ ПАЙ В ХЛЕБЕ

Прежде солома хлеба была покрыта колосом от вершины до корня. Одна женщина коркой хлеба выгребла извержение ребенка и бросила ее на улицу. Это увидел Бог и рассердился на людей. Он начал с соломы снимать колосья. Лежавшая собака, увидя это, попросила Бога оставить ее долю. Тогда Бог оставил часть колоса на конце соломы. Буряты говорят, что нынешний хлеб – это собачий пай, оставленный Богом. Поэтому считается грехом жалеть хлеба для собаки.

Записано у балаганских бурят М. Н. Хангаловым

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», стр. 84-85.

КУКУШКА

Кукушка (х ё х ё ш у б у н) прежде была распутной женщиной. Бог в наказание обратил эту женщину в птицу кукушку. Вот почему кукушка не высиживает своих яиц.

Записано М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1889, стр. 124 (№ 35).

ТУРПАН

Птица турпан (по-бурятски: а н г и р¹) прежде была ламой. Один лама, желая очистить свои грехи, переселился на высокую гору над морем. Сидя на горе, он читал священные книги в продолжении трех лет. Он перестал чувствовать голод, холод и жару. Однажды к ламе приходит один человек и говорит, что он ищет Бога, что, найдя его, он хочет ему помолиться. Тогда лама говорит:

– Я сижу на этой горе и читаю священные книги в продолжении трех лет и до сих пор не вижу Бога. Ты тоже не увидишь Бога!

Не веря словам ламы, этот человек стал допытываться:

– Ты знаешь, где Бог. Укажи мне!

Он упрашивал ламу до того, что надоел ему. Лама говорит ему:

– Садись на коня верхом и с этой горы прыгни в море! Тогда увидишь там Бога.

---

¹ Красная утка.

Человек поверил ламе, сел верхом на коня и прыгнул в море, но на пути был поднят верхом на небо. Тогда лама тоже прыгнул в море, но на пути был обращен в птицу турпана и улетел.

Записано М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1889, стр. 123 (№ 33).

ФИЛИН

Филин прежде был невестой царя птиц (Х а н-х э р э г д э-ш у б у н). Каждую ночь филин по привычке стал кричать; тогда царь птиц оставил филина (ш а р а-ш у б у н).

Записано М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1889, стр. 121 (№ 30).

ПТИЦА ТУТЭ

Птица тутэ (т у т э ш у б у н) прежде была девица-сирота. Жена брата обращалась с нею жестоко. Однажды невестка сильно ее избила. Она ушла и легла спать в слезах, положив голову в муравейник. В это время Бурхан осматривал землю и, увидев ее, пожалел и обратил ее в птицу. Эта птица кричит теперь:

Аха хун алдар
Бэргэн хун бэлдэр
Гогони хюхама
Торхон унгэр.

Записано у балаганских бурят М. Н. Хангаловым

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», стр. 80.

ДЯТЕЛ

Дятел прежде был богатый и скупой человек, который однажды делал топориче к топору. В это время к нему зашел нищий и просит подаяние. Богатый скупец сперва подал нищему шепки, а потом топориче, но нищий не взял этой милостыни. Этот нищий был сам Бурхан. Он сказал богачу: «Тебе Бурхан дал богатство, а ты не хочешь поделиться с бедными. С этого времени будешь

питаться, долбя дерево!» С этими словами обратился богача в дятла. Вот отчего дятел питается теперь, долбя дерево.

Записано у балаганских бурят М. Н. Хангаловым

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», стр. 80.

ОРЕЛ

Орел прежде был человеком. Один молодой и хороший шаман, обратившись в птицу орла, улетел в «западный хат»; побывавши там, обратно прилетел домой и опять по-прежнему сделался человеком. Через несколько времени после того опять снова обратился в орла и улетел «в восточный хат»; побыв там несколько времени, тоже полетел обратно, но во время пути сильно проголодался, сел на падаль и начал клевать мясо. Наевшись досыта, прилетел домой, но сделался нечистым, потому что ел падаль, поэтому он уже не мог снова обратиться в человека и остался орлом навеки.

Птица орел имеет своего эжина¹. Буряты сильно уважают орла и не стреляют его. Если кто-нибудь из двух орлов убьет одного, то другой, оставшийся орел, в ту же ночь слетает на остров Ольхон. Там он найдет себе другого орла и с ним прилетит обратно. На другой день опять будут летать два орла. Человек же, который застрелил орла, умрет.

Записано у балаганских бурят М. Н. Хангаловым

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», стр. 80-81.

ПОВЕРЬЕ О ЛЕБЕДЯХ, ВОРОНАХ И КОРШУНАХ

Птица лебедь имеет своего эжина, а потому буряты сильно боятся лебедя и не стреляют его. Если кто-нибудь застрелит лебедя, имеющего своего эжина, то этот человек умрет, а лебедь долго не забывает о потере своего друга, весною и осенью при прилете и отлете постоянно кружится над местом, где лишился друга и жалобно кричит.

Ворон тоже имеет своего эжина; буряты обыкновенно боятся убивать ворона.

Коршуны в летние три месяца тоже имеют своих эжинов; в это время нельзя убивать их; в остальное время можно.

Записано у балаганских бурят М. Н. Хангаловым

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», стр. 81.

---

¹ Эжин — «дух, обладатель».

ЩУКА

Щука прежде была лошадыю. Одна лошадь, запряженная в соху, со всей упряжью убежала и утонула в воде и сделалась рыбой щукой. Поэтому-то в голове у щуки все кости означают земледельческие орудия и сбрую.

Записано у балаганских бурят М. Н. Хангаловым

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», стр. 82.

НАЛИМ

Налим прежде был человеком. Один человек положил за пазуху баранью печень¹ и пошел. На пути как-то утонул в реке и сделался рыбой. Вот почему у налима большая и вкусная печень.

Записано у балаганских бурят М. Н. Хангаловым

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», стр. 82.

ТАБАК

У одного человека заболела жена. Перед смертью она сказала своему мужу:

— Когда я умру, похоронишь меня; на моей могиле вырастет трава с большими листьями; если ты будешь печалиться обо мне, возьми с этой травы листья, высуши и кури.

Этот человек после того, как умерла жена, стал сильно тосковать о ней; тогда он пошел на могилу жены, увидел выросшую на ней траву, собрал ее широкие листья, высушил и начал курить; с этого времени он перестал сильно печалиться. Это растение было табак; оно выросло из тазовой кости умершей жены.

Бильширский бурят Халбай Хамаев

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», стр. 218.

---

¹ Бараний курдюк.

III

ШАМАНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

СТАРИК ХОРЕДОЙ

В прежнее счастливое время жил старик Хоредой, имевший 20 черных баранов, которые паслись на неистошимых лугах. Кроме того, он имел двух черных коней. Один из них был хорошим бегунцом и считался лучшей лошадейю, а другой бегал плохо и считался плохим. Хоредой жил счастливо, ни в чем не нуждался и всего было у него вдоволь. Случилось однажды, что у него из двадцати черных овец оягнилась одна овца и принесла ему белого ягненка – барашка. Вот прилетели две вороны и выклевали у ягненка глаза, а сами улетели. Рассердился старик на ворон, сел на бегунца, догнал их, выколол у каждой по одному глазу и вставил ягненку, после чего тот стал видеть так же, как и прежде. А вороны тем временем полетели к Эсэгэ-малану¹ жаловаться на старика, что он-де у них выколол по глазу, догнав их на своем быстром бегунце.

Рассердился Эсэгэ-малан на старика и послал девять волков съесть у него хорошего бегунца. Но старик узнал об этом и спрятал бегунца, а на место его привязал худого коня. Пришли ночью волки и съели худого, а хорошего по ошибке оставили целым. Когда волки ушли, старик сел на хорошего бегунца и скоро догнал их, потому что после еды они не могли скоро бежать. Затем он снял с них шкуры, оставил только немного хвоста, а сам воротился домой.

---

¹ Эсэгэ-малан, или Эсэгэ-малан-тэнгэри значит «Плешивый отец». В образе его буряты олицетворяют небесный свод и представляют его живым и личным божеством, живущим на небе. В наших сказках он является то как доброе божество, то как злое, как, напр., в этой сказке, посылающее людям разные испытания. Кроме того, в сказке о Му-монто он является распорядителем грома, которым и поражает или ослушников его воли, или не уважающих его. Наконец, из той же сказки видно, что ему приносятся жертвы за новорожденных. Последний член его имени – тэнгри – переводят обыкновенно словом «небо». Но перевод этот неверен, потому что для обозначения материального неба у монголов и бурят есть слово *окторхой*. Слово же *тэнгри* употребляется для означения лучезарного божества света. Дело в том, что выражение это созвучно, а может быть, и происходит от санскритского *deva*. А это последнее произошло от корня *div* – «светить, блистать» (отсюда русское «день», лат. *dies* и *deus*). Следовательно, первоначально им обозначались лучезарные божества света и добра, то есть живые существа, а не материальное небо. *И. Подгорбунский.*

Тем временем волки пришли к Эсэгэ-малану и жалуются, что старик снял с них шкуры, после того как они по ошибке съели у него вместо хорошего коня худого. Тогда Эсэгэ-малан призвал девять шулма¹ и приказал им привести Хоредоя к нему. Пришли девять шулма к старику и никак не могут попасть в юрту, потому что он узнал об этом и запер все выходы на улицу, оставил только небольшие щели, чтобы видно было, что делается в юрте. Ходят девять шулма около юрты и заглядывают в щели. А у старика уже все готово. В ожидании их он набрал помету и вскипятил его в котле. Когда девять шулма начали заглядывать в щели, он взял из котла горячего помету и давай брызгать им через щели в глаза девять шулма. Так и ошпарил им глаза и лицо. Девять шулма не могли попасть в двери юрты. Воротились девять шулма к Эсэгэ-малану и жалуются, что старик ошпарил их. Сильно рассердился Эсэгэ-малан на Хоредоя, что он не слушает его приказаний и обижает его послов, сел на облако и сам полетел к Хоредою, чтобы убить его громом. Узнав об этом, старик как можно скорее приготовил девять котлов тарасуна², поймал большого белого барана и, приготовив все необходимое для жертвоприношения, вышел на улицу и стал ожидать Эсэгэ-малана. Когда Эсэгэ-малан прилетел на облаке и увидел, что Хоредой приготовился сделать ему жертвоприношение, гнев его прошел, и он, спустившись на землю, спросил его: «Зачем ты вынул по одному глазу у двух ворон?» Хоредой отвечал, что вороны выклевали глаза у его ягненка, которого он намерен был принести ему, Эсэгэ-малану, в жертву, а потому он и взял у каждого из них по глазу и вставил своему ягненку. Тогда Эсэгэ-малан спросил: «А почему ты снял кожу с девяти волков, которых я послал, чтобы съесть твою лошадь?» «Я это сделал потому,— отвечает Хоредой,— что они не съели хорошего коня, которого ты послал их съесть, а съели худого». «А почему ты ошпарил лица девяти шулма, которых я послал привести тебя?»,— спросил Эсэгэ-малан. «Я потому сделал это,— отвечал старик,— что они не входили в юрту через дверь, а смотрели в щели». Удовольствовавшись этими ответами, Эсэгэ-малан простил старика, принял его жертвоприношение и воротился на небо, а старик воротился домой и стал жить счастливо по-прежнему. А дальше: а н х у ж и а ш т а, б у р х а н д а т у ш э.

Записано М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1889, стр. 4-6 (сказка № 2).

---

¹ Словом «ш у л м у с» или «ш у л м а» называются злые духи, враждебные человеку и старающиеся ему постоянно вредить; название это, кажется, употребляется вообще для обозначения злого духа. *И. Подгорбунский.*

² Т а р а с у н о м называется вино, приготовленное из кислого молока.

МУ-ШУБУН¹

1) В прежнее время жил один молодой человек, который влюбился в одну молодую девицу; впоследствии они ушли в лес и жили там; потом молодой человек умер. Девица долго плакала над телом своего возлюбленного; подумав, что она перестанет тосковать по умершему, если съест его печень, она распоролла брюхо умершего, вынула печень и съела ее. Вскоре после этого она умерла; душа ее, вследствие того, что она при жизни съела печень человека, превратилась в м у-ш у б у н.

М у-ш у б у н ы обращаются в разных птиц, а также принимают вид женщин; только красивые губы, длинные как клюв птицы, не меняются и остаются одни и те же, какой бы вид м у-ш у б у н ни приняла. Если кто-нибудь ночует в лесу один, м у-ш у б у н приходит к нему, обратившись в молодую и красивую девицу или женщину, и начинает разговаривать и шутить с ним, а губы при этом держит в рукаве. Она старается обратиться в ту девицу или женщину, которую любит этот человек. Если м у-ш у б у н у удастся обмануть человека, она бьет его по голове своим клювом и убивает, распарывает его брюхо и съедает его печень, почки и головной мозг.

2) Один человек охотился в лесу, опоздал и остался ночевать в лесу. Он развел огонь и сидит около него; к нему подходит красивая и молодая замужняя женщина, начинает с ним разговаривать и шутить, а рукава держит у рта. Охотник догадался, что это м у-ш у б у н, и был с нею осторожен. Он послал ее за дровами. А когда она ушла, он положил около огня дерево, покрыл его своею шубою, а сам, взяв ружье, спрятался за древесным стволом. М у-ш у б у н пришла и видит, что охотник уже спит под шубой; она осторожно подходит к дереву, закрытому шубой, вынимает из рукава свои красивые губы, длинные как клюв птицы, и бьет ими по дереву; от губ ее посыпались искры. Тогда охотник выстрелил из ружья и убил м у-ш у б у н а; она обратилась в голую тазовую кость; охотник сжег эту кость на огне.

3) В местности Хаха (ныне Хохинский род Бильширского ведомства) прежде водились м у-ш у б у н ы, которые ели людей. Один тунгус (по-бурятски: х а м н а г а н) расколел ель и в щель забил клин и около этой ели остался ночевать; к нему приходит м у-ш у б у н, обратившись в красивую девицу. Тунгус говорит ей: «Будем спать вместе! Положи свою руку в эту щель». Та положила свою руку в щель ели, тунгус выдернул клин, ель сжала руку м у-ш у б у н а, и она так тут и осталась, а тунгус ушел. М у-ш у б у н после этого дала клятву не ходить около ели и не подходить к тунгусу.

4) (Со слов Василия Иванова, бурята Бильширского ведомства Хохинского рода). М у-ш у б у н ы прежде водились в лесах около Хохинского рода. Один сильный человек Хадала поехал в лес и остался там ночевать; ночью

---

¹ М у – худая; ш у б у н – птица.

пришла м у-ш у б у н и напала на него; Хадала начал бороться с нею и во время борьбы вырвал из-под ее левой подмышки огниво; тогда м у-ш у б у н начала поддаваться, вырвалась и скрылась. На другое утро Хадала пошел по следу искать м у-ш у б у н а, с которой боролся ночью; след привел его к яме; в ней лежит м у-ш у б у н женщина, тут же находится и муж ее. М у-ш у б у н мужчина упросил Хадалу не трогать их, оба эти м у-ш у б у н а дали клятву не есть людей и не нападать на них. При этом м у-ш у б у н мужчина объяснил Хадале, что на людей нападают только их девицы и женщины; а м у-ш у б у н ы мужчины этого не делают; с этих слов буряты Хохинского рода уверяют, что м у-ш у б у н ы мужчины их не трогают, а нападают на людей только девицы и женщины.

Если м у-ш у б у н ы женщины или девицы начинают нападать на людей, то нужно произнести следующие слова:

Хадалан долон	Хадалаевы семеро
Хамнагахи найман	Хамнагановы восьмеро

Тогда м у-ш у б у н ы перестают нападать на людей.

5) У м у-ш у б у н а под обеими подмышками находится по огниву, под правую – красное и блестящее; это огниво содержит в себе жизнь живого человека; человек, борющийся с м у-ш у б у н о м, не должен трогать этого правого огнива; если он оторвет его, оторвет свою собственную жизнь и м у-ш у б у н одолеет его. Под левой подмышкой находится другое огниво, сплошь покрытое слюнями и гноем; человек, который во время борьбы с м у-ш у б у н о м оторвет это левое огниво, должен победить м у-ш у б у н а. Когда пытаются оторвать левое огниво, м у-ш у б у н сердится и говорит:

– Не тронь! Это худое и некрасивое.

В этом левом огниве жизнь самого м у-ш у б у н а, и потому он старается, чтоб борющийся человек оторвал у него правое, а не левое огниво.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 204–207.

ФИЛИН

По преданию унгинских бурят, у одного бурята умирали дети; он поймал маленького филина и вырастил его большим; впоследствии у него родился сын, около которого постоянно сидел филин. Жена этого бурята по вечерам готовила дрова и щепки, а филин носом бросал их в огонь очага и, махая крыльями, разводил огонь; спеленавши сына в люльке, она уходила доить коров, а филин сидел около ребенка. Однажды вечером, выдоив коров, приходит она в юрту и видит, что филин сидит весь в крови; она подумала, что он съел ребенка и замарался в крови, схватила полено, начала бить филина и убила его; посмотрела на ребенка, он спит спокойно, невредимый, в люльке. Оказалось, что в юрте этого бурята был худой дух «ада», который прежде съедал его

детей. Когда ада вошел, чтобы съесть ребенка, филин не дал ему, а вместо того съел самого ада, отчего тело его и было в крови. Узнав, как было дело, бурятка принялась плакать о филине. С этой поры у буряты перестали умирать дети, потому что филин съел ада, который поедал их.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 207-208.

ШАМАН-ДЕРЕВО

Один человек во время сильного ветра остановился в лесу ночевать под одним толстым деревом. Человек этот знал все языки и видел духов. Ночью приходит посланник-дерево и говорит этому толстому дереву:

— Шаман-отец! За вами пришел! Меня послал наш высокий и белый старший брат просить вас, чтобы вы пришли к нему; он сильно качается.

Толстое дерево, т. е. шаман-дерево, говорит посланному:

— Я теперь не могу идти к нему. У меня спит гость.

Посланное дерево ушло. Через некоторое время опять приходит тот же посланник и говорит:

— Просит скорее прийти. Он уже нагнулся.

Шаман-дерево говорит:

— Не могу идти; как оставлю гостя?

Посланник ушел. Немного погодя опять приходит и говорит:

— Непременно просит прийти. Оно уже падает, не может стоять.

Шаман-дерево говорит:

— Никак не могу; у меня гость; как гостя оставлю одного? Теперь не могу помочь, если он падает.

На другое утро человек, слышавший эти разговоры, пошел и увидел одно высокое и белое дерево, которое свалилось от ветра.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 217-218.

ХУР

В прежнее время Бурхан сделал себе музыкальный инструмент «хур»; натянул на него волосы из конского хвоста и сделал смычок, но никак не может играть. Хур не издает звука. А ч е т х ы р (черт) выстроил себе мельницу, но никак не может пустить ее в ход; она нейдет. Бурхан говорит четхыру:

— Давай поменяемся! Ты возьми мой музыкальный инструмент хур, а мне отдай свою мельницу!

Четхыр согласился; они поменялись. Бурхан взял мельницу, сделал на ней шестерню и мельница пошла в ход, а четхыр взял хур с волосяными струнами, натер смычок смолой и хур стал играть хорошо.

Буряты музыкальный инструмент хур долго в доме не держат, считая это неудобным, потому что у хура заводится хозяин (эжин), который по ночам

играет на нем, а на эти звуки собираются другие духи. Если у бурята окажется хур, который будто бы играет ночью, т. е. издает звуки, такой хур бурят изломает и бросит.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 220-221.

О ДУХАХ

Унгинские буряты верят, что души покойников в стране духов живут как живые люди на этом свете; они ходят там в том самом одеянии, в котором были похоронены покойники, ездят на том самом коне и с той самой сбруей. Духи ведут вполне праздную жизнь; они не работают как живые люди. Они устраивают свои вечерки и гулянья, во время которых пляшут бурятскую пляску «х а т а р х а» и пьют вино и тарасун. Все это духи делают ночью, а к утру перестают. Во время вечеров они разводят свой огонь, который живые люди видят; огонь духов бледно-синий. Вечерки свои духи делают в степи, на открытых местах или на горах, в падах, в лесах и на болотах, где им вздумается; иногда в пустых зданиях, в которых никто не живет. Огонь духов можно украсть живым людям, но исполнить это очень трудно и опасно; если же кто украдет его, то разбогатеет. В прежнее время жил один бурят, у которого были два бегунца; один из них очень хороший бегунец, а другой похуже. У бурята был один сын и умер; отец похоронил сына на хорошем бегунце. Потом этот бурят вздумал украсть у духов огонь, чтобы сделаться богатым; он увидел, что духи сделали вечерку и развели огонь. Бурят оседлал своего коня, но особенным образом; он положил седло на коня переднею лукою назад к хвосту и сам сел на коня, лицом обратясь к его хвосту; к концу тоненькой и длинной тычинки привязал трут и потихоньку поехал на вечерку духов. Духи, видя человека спиной к ним, подумали, что он едет не к ним, а от них. Когда бурят подъехал к духам близко, он сунул конец тычинки с трутом в огонь и трут загорелся. Сделав это, он помчался в мах от духов; духи погнались за ним, но все отстали от него, не могли догнать, только один не отставал от него и, наконец, догнал. Это был его умерший сын на коне, на котором он был похоронен. Бурят-отец слез с коня, лег на землю вниз лицом и скрыл под собой украденный у духов огонь. Сын узнал своего отца, сказал ему: «Более не делай кражу нашего огня!» и уехал обратно; бурят приехал домой и впоследствии сделался богатым.

Молькинские буряты верят, что если человек захочет удавиться, то духи радуются, называют этого человека славным, хвалят его намерение и торопятся помогать ему удавиться, чтоб он не раздумал и не снял с себя веревки. Один бурят имел раздражительный характер; рассердившись на жену, всякий раз убегал от нее и говорил, что удавится; жена гналась за ним и уговаривала его не давиться. Раз, рассердившись на жену, он убежал давиться, надел на себя петлю и сидит, ждет жену. Прибежали духи и говорят: «Какой славный человек!

Какое хорошее намерение имеешь!» И начали его давить. Бурят испугался, снял с себя петлю и убежал домой и с тех пор перестал пугать жену.

(Со слов бурята Луки Аршинова)

В тайге на вершине пади Хаха недалеко от Хакинского рода есть дух, который по ночам кричит:

— Где вы?

Этот крик живые люди слышат. В этой тайге в прежнее время заблудился один человек и умер; душа этого человека, сделавшись духом, бродит теперь по тайге и кричит:

— Где вы?

Иногда человеку чудится, будто кто-то зовет его по имени, а никого не видно поблизости; по мнению бурят, это духи зовут того человека, и если тот откликнется на зов, то умрет. В таких случаях не нужно откликаться или оборачиваться назад, а нужно идти вперед. Если это случится ночью, то нужно лечь вниз лицом, не откликаться и не выходить на улицу. Иные говорят при этом:

— Лежу, как черный камень, звеня; лежу, как рыжий камень, гудя!

Простые духи, т. е. души простых покойников, ездят ночью; если они на пути встретят живых людей, то они их так же боятся, как живые люди боятся духов. Если простой дух вперед увидит едущего живого человека, а живой человек не видит духа, последний иногда пугает коня, на котором тот едет. Иногда живой человек вперед увидит простого духа, простой дух не видит человека, боится его, и тогда конь, на котором едет дух, пугается.

Однажды простой дух встретил на пути живого человека, а живой человек увидел духа раньше; простой дух испугался, а конь его бросился в сторону. От этого испуга дух сильно заболел, призвал духа-шамана; тот поворожил и сказал ему, что он встретил «я б а д а л а» и что нужно побрызгать этому ябадалу тарасуном. Дух-шаман побрызгал от имени больного духа тарасуном встретившемуся живому человеку, и больной дух выздоровел.

Духи ловят души людей и коней, но они не могут поймать их без помощи живого человека. В каждом роде или улусе духи имеют живых людей, которые помогают им ловить души. Буряты не любят человека, про которого распространится молва, что он помогает духам в их ловле душ, и во время гулянок пьяные буряты иногда задают трепку такому человеку, чтоб он не занимался таким худым делом. Свое содействие духам такой человек оказывает во время сна; когда он спит, его душа выходит из тела и отправляется вместе с духами на ловлю душ. Во Втором Олзоевском роде в Мельхотхуйском улусе был бурят, который занимался этим делом. Когда он хотел отправиться на охоту за душою, он ночью седлал коня, на седло вешал колчан со стрелами и лук в футляре, а сам ложился спать. Во время сна душа его выходила из тела и садилась на душу оседланного коня и отправлялась вместе с духами ловить душу или человека,

или коня. Этот бурят иногда предупреждал соседей, что в эту ночь будут ловить душу такого-то человека или такого-то коня, и люди принимали в таких случаях предосторожности, иные всю ночь не ложились спать.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 240-243.

АДА

Ада прежде была девица, которая сделалась адою после смерти. Ада имеет один глаз на лбу и на каждой руке по три пальца. Она ест только новорожденных детей; как только ребенок подрастет и будет в состоянии поднять ножик, ада более к нему не подойдет; она боится и уже не может его съесть. Ада не любит, т.е. боится входить в дом, где есть сердитый и вспльчивый человек, который, входя и выходя из дома, запирает дверь, сильно хлопая; ада боится входить вместе с ним, думая, что такой горячий человек может прищемить ее в дверях; она входит в дом только с медленным и вялым человеком.

Ада ростом не более собаки; брюхо совершенно голое, без шерсти, а другие говорят, что ада похожа на кошку. Один бурят видел спящую ада с голым брюхом: сама она похожа на собаку. Ада очень скупа; если хозяин, в доме которого поселилась ада, дает кому-нибудь что-нибудь съестное, ада пожалеет и пойдет за отданной пищей, а потому буряты избегают брать съедобное из того дома, в котором есть ада, из боязни, чтоб ада не пришла и в их дом.

Со слов бурята Бильширского ведомства Василия Иванова

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 243-244.

ЗАЯШИ

Унгинские буряты верят, что каждый человек имеет своего собственного «з а я ш и», который заботится о нем. У богатых людей заяши бывает тоже богатый. Он ездит на хорошем коне, в хорошем одеянии и в руке держит аркан (б у г у л я)¹, присматривает за табунами и за рогатым скотом, чтобы они не терялись и чтобы их не давил зверь. Заяши заботится о своем человеке; он будит его рано поутру, чтобы он бодрствовал и работал.

У трудолюбивого и прилежного человека и заяши бывает трудолюбивый и прилежный. У бедного человека заяши тоже бедный, ездит на худом коне, в худом одеянии. Если бедный человек не имеет коня и ходит пешком, то и его заяши ходит пешком. У ленивого человека заяши тоже ленится и сердится на своего человека, что он ленится и не работает; иногда даже такого ленивого

---

¹ «Б у г у л я» буряты делают так: берут тонкий березовый шест или жердинку длиною более 2 сажень, очищают его от коры и сучьев и гладко строгают; на тонком конце (вершине) привязывают конец длинного ремня, другой конец которого привязывают к тому же шесту в расстоянии аршина от первого узла; тогда получается б у г у л я, которой ловят жеребят и больших кобыл.

человека заяши оставляет и перестает заботится о нем. У прилежного человека заяши радуется, что его человек работает.

Когда человек рождается, то у него бывает три души (х у н г у р б а н х у н х э т э, по-русски: «человек с тремя душами»). Первая хорошая душа (х а й н х у н х э н)— это есть заяши. Вторая средняя душа (д у н д а х у н х э н)— это та душа, которая во время сна человека оставляет тело и странствует повсюду; эту вторую душу ловят духи, и если поймают и посадят в темницу, то человек умирает; когда духи гоняются за душой и ловят ее, она плачет; другие люди слышат этот плач и говорят тогда: «Духи изловили чью-то душу». Когда же человек, душа которого поймана духами, умрет, то душа его делается духом и странствует повсюду на том самом коне, на котором похоронен покойник, и в том самом одеянии, в котором его похоронили.

Вторая душа богатого человека ездит поэтому на том хорошем коне, на котором его похоронили, на ней то самое нарядное одеяние, при ней те же орудия, она ест те же самые кушанья, пьет то самое вино, которые дали покойнику при его похоронах. У бедного покойника и вторая душа его будет после смерти жить в бедной обстановке.

Третья худая душа (м у х у н х э н) постоянно бывает в теле и никогда от него не отлучается. Эта душа никакого добра не делает, а делает, скорее, вред; по понятию бурят, кошмар бывает у людей от этой худой души; когда человек спит, эта худая душа выходит из тела и давит его. После смерти человека худая душа остается около тела, караулит его и никуда нейдет. Вот почему, по мнению бурят, на могилах покойников строить дом незначай худо; худая душа покойника будет показываться и вредить хозяину дома.

После смерти человека хорошая душа, т.е. заяши, поднимается на небо, вторая, средняя душа, делается духом и странствует по земле, третья, худая душа, остается около тела, а когда тело покойника сгниет, кости разрушатся и ничего не останется, она делается вихрем (х и-х у й). В этом вихре в самой середине его вертится дух, т.е. худая душа человека в виде моркови; верхняя часть этого духа толстая; на самой верхушке головы только один глаз; к низу дух делается все тоньше и тоньше и кончается острым концом; эту форму он получает потому, что, вертясь в вихре, истирается и становится тоньше. Под конец он совсем истирается и исчезает.

Когда буряты видят вихрь, то говорят:

— Долгонор хатхул.

Быть уколоту боярышником.

— Долгонор хатхул.

Быть застрелену семью стрелами.

Если эти слова произнести, то будто бы вихрь прекратится.

В прежнее время жил один бедный человек, который нуждался во всем. Однажды этот бедняк пошел искать своего заяши. Идя по дороге, он встретил такого же бедного человека, как сам он, шедшего, как и сам он, тоже пешком.

— Куда идешь?— спросил он этого человека, а тот, в свою очередь, спросил его:

— Ты куда идешь?

Тогда бедный человек говорит:

— Я бедный человек. Пошел искать своего заяши.

Встретившийся говорит:

— Я твой заяши. Что тебе нужно?

Бедняк отвечает:

— Я очень беден. Как мне разбогатеть? Научи!

Заяши говорит:

— Один богатый человек будет колоть верблюда; иди к нему, помоги ему заколоть, а шкуруними целиком; когда снимешь, набей ее травой и носи на себе; я буду в это время на небе у Бурхана, и когда ты понесешь шкуру, набитую травой, я скажу Бурхану: «Посмотрите, какой сильный человек — на себе несет верблюда!» Тогда Бурхан посмотрит на тебя и ты будешь богат.

После этого бедняк пошел к богатому человеку, помог ему заколоть верблюда, снял шкуру целиком, набил ее травой и несет на себе. В это время его заяши поднялся на небо и был у Бурхана.

— Посмотрите,— сказал он Бурхану,— на земле какой-то сильный человек на себе несет верблюда.

Бурхан посмотрел вниз и увидел этого человека. С того момента бедняк стал поправляться и сделался богатым человеком. Но когда скот его размножился, ему не стало ни покоя, ни времени; он постоянно должен был смотреть за своим скотом и беспокоиться о его целости. Наконец ему стало лень ходить за скотом и он подумал: жить бедному лучше и спокойнее, чем богатому. И он поехал искать своего заяши. Он встретил его едущим на хорошем коне, в хорошем одеянии и в руке у него аркан. Заяши спросил его:

— Куда ты едешь?

— Я ищу своего заяши, — отвечает тот.

Заяши спрашивает:

— Зачем ты ищешь меня? Что тебе нужно?

— Богатому жить трудно,— отвечает человек.— День и ночь не знаю покоя. Сделай меня по-прежнему бедным.

Тогда заяши научил его, что сделать.

— Когда приедешь домой,— сказал ему заяши,— то всю посуду положи отверстием к двери, корзины (т э б ш и) приставь наклонно к стене тоже отверстием к двери, и так ночуй! На другое утро, когда будешь выгонять овец, то возьми простоквашу с вьюком (а ш а) и, когда овцы будут выходить из двора, макай вьюк в простоквашу и бей каждую овцу по заднице. Тогда опять сделаешься по-прежнему бедным.

Заяши уехал, а человек приехал домой, всю посуду положил отверстием к двери, корзины приставил к стене наклонно также отверстием к двери; на

другое утро, когда стал выгонять овец, то взял вьюк, начал макать его в простоквашу и бить каждую овцу по заднице. Тогда все овцы обратились в козуль (г о р о х о н), почему у козуль под хвостом белое пятно. Остальной скот у него пропал. Тогда он сделался по-прежнему бедным. Некоторое время спустя этот бедный человек опять пошел искать своего заяши и нашел его; на этот раз заяши шел пешком и был в бедном одеянии. Человек говорит ему:

— Худо жить бедному; лучше жить богатому, хоть и не зная покоя ни днем, ни ночью. Сделай меня опять богатым!

Но заяши ответил:

— Бурхан по желанию людей богатство не дает. Ты прикончил свое счастье и более меня не ищи!

Сказав это, заяши ушел, а бедный человек остался бедным.

В другом варианте этого рассказа начало совершенно то же самое. Бедняк, разыскавший своего заяши, просит сделать его богатым; заяши наставляет бедняка набить верблюжью шкуру травой и нести ее мимо горы, на которой будут сидеть все заяши и Бурхан. Бедняк исполнил приказание. Когда он проносил шкуру мимо горы, заяши сказал:

— Посмотрите, какой сильный человек! Он несет на себе верблюда!

Все заяши и Бурхан посмотрели на этого бедного человека, и человек сделался богатым.

Буряты верят: если Бурхан на кого посмотрит, тот должен сделаться богатым и жить счастливо; они обыкновенно говорят о том, кто живет богато:

— Бурхан хара (по-русски «Бурхан увидал»).

Также есть поверье: если человек набьет верблюжью шкуру травой, понесет на себе и побывает с нею в трех разных и отдельных местностях, то будет богат, потому что его увидит Бурхан.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 231-235.

ДОЛЯ

Каждому человеку назначена своя доля. Если человеку суждено жить богато и счастливо, то он и будет жить счастливо. А если суждено жить бедно и страдать, то он будет всю жизнь страдать и никак не разбогатеет.

Один человек ехал ночью, заблудился и случайно остался ночевать среди могил покойников; он слышит разговор духов, т.е. разговор, который вели между собою души похороненных тут покойников. Они говорили между собой, что у них ночует гость, не позволяли посторонним духам обидеть этого человека и говорили им:

— Не троньте нашего гостя!

К утру пришли другие духи и рассказывают, что в ближайшем улусе у одного человека родился ребенок. Один дух спрашивает:

— Кто родился?

Другой отвечает:

— Девочка, которая имеет долю (х у б а, буквально по-русски «пай») выйти замуж за вашего гостя.

Утром этот человек поехал в ближайший улус. Входит в одну юрту; лежит новорожденная девочка. Он рассердился, что ему суждено жениться на такой маленькой и только что родившейся девочке, выхватил из ножен ножик и бросил в девочку, а сам выбежал из юрты и уехал. Впоследствии этот человек женился на молодой девице и однажды на ее ноге выше колена нашупал шрам. Спрашивает у жены:

— Отчего у тебя на ноге шрам?

Она говорит:

— Когда я только родилась, какой-то неизвестный человек бросил в меня ножик и попал в ногу.

Тогда этот человек вспомнил разговор духов на могилах, и о том, как он бросил нож в девочку. Каждый человек должен жениться на суженой (х у б и т а й) по доле, а не на другой; каждой девице от рождения уже предрешено, за кого выйти замуж. Если мужчина по ошибке женится не на той, которая ему суждена, он будет несчастен, муж и жена будут жить недружно, будут часто ссориться, у них не будет детей, а если и будут, то будут умирать, да и сами не будут долго жить, один из них скоро умрет. А потому буряты, когда женят сыновей или отдают замуж дочерей, чтобы узнать их «х у б и т а й», прибегают к ворожбе ворожей.

Некоторые люди со дня рождения несчастны, всю жизнь страдают; такая их уж доля (буряты говорят «х у б и н т и м э»). У некоторых людей бывает красное родимое пятно (у л а н м о н г о н); это печать несчастной доли; у кого такое пятно есть, осужден всю жизнь быть несчастным. Если это мужчина, то у него жена скоро умрет, если женщина, то муж скоро умрет.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 235-237.

ДУША ЧЕЛОВЕКА

1. Человек имеет две души. Одна хорошая душа; во время сна она выходит из тела и ходит по разным местам, отчего у человека бывают сновидения. Эту хорошую душу человека ловят духи. Другая душа худая; она постоянно находится в теле человека и никогда его не оставляет. После смерти человека худая душа тоже находится около тела.

2. Когда человек спит, душа выходит из тела и иногда летает. Этой способностью обладают души редких людей. Летящую душу никто не может поймать. Она летает высоко и далеко.

3. Вышедшую из тела во время сна человеческую душу преследуют духи и стараются поймать ее; она обращается в мышь, убегает от них, прячется в нору или куда-нибудь около дома.

4. Кошмар буряты объясняют тем, что худая душа давит человека. Когда с кем из бурят случится кошмар, он делает на поясе три узла и кладет его на себя или у изголовья; тогда кошмара не будет, т.е. худая душа не будет давить человека. Некоторые буряты, чтоб не было кошмара, кладут возле себя ножик или топор, или огниво; дух боится этих вещей и не давит спящего под их охраной человека.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 230.

СМЕРТЬ

Унгинские буряты думают, что человек умирает три раза; когда человек умрет в первый раз, душа его делается б о х о л д о е м, т.е. духом; когда умрет во второй раз, т.е. когда умрет бохолдой, то душа его делается вихрем; внутри вихря вертится дух вихря в виде моркови, вверху толстый, к низу тоньше и тоньше и кончается острием; на самом верху один глаз. По поверью бурят, если бросать чем-нибудь в идущий вихрь, то дух его сердится и делается более и более. Если вихрь входит к кому-нибудь в дом или в юрту, это считается дурною приметой; значит, нечистый дух вошел в дом. Когда душа человека умрет в третий раз, то совсем исчезает; существование ее прекращается.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 238.

О МОГИЛАХ

Могилы покойников на том свете, т.е. в стране духов, делаются целыми улусами¹; каждая могила или гроб превращаются в дом, в котором живет душа покойника. У кого гроб сделан хорошо, у того дом на том свете хороший, а у кого гроб худой, у того на том свете дом с дырами и щелями.

У бурят считается грехом похоронить покойника на свежем месте, потому что покойник не любит лежать один; он непременно в таком случае возьмет с собой (в могилу) живых людей; то есть живые должны умереть и быть похоронены там, где он похоронен. Поэтому буряты не хоронят там, где ранее никого не хоронили. Когда к существующим уже могилам присоединяется новая, покойники радуются, что их улус увеличивается.

Когда покойника хоронят, то заравнивают землю или лишнюю землю соберут кучкой, лопаты и другие вещи расколят и бросят на могильный холм; это называется «сделали крышу», т.е. дом покойника покрыли тесом или драньем. Если земля на могиле осядет и образуется яма, — будет еще покойник; если не

---

¹ У л у с — селение.

осядет, хороший признак. Если могилу покойника разроет рогатый скот по привычке, это считается хорошою приметой.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 239-240.

ЛЮДОЕДЫ

В прежнее время, как верят унгинские буряты, жили людоеды; они были совершенно похожи на людей, говорили человеческим языком, но только ели человеческое мясо. Поймав человека, они сначала откармливали его, чтоб он сделался жирным; для этого они давали ему есть печень убитого человека; когда человек съест человеческую печень, то начнет жиреть и до того жиреет, что не может ходить. Откормив человека, людоеды колуют его и сперва едят печень, потому что она у человека очень вкусна, а потом едят мясо.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 244.

ПОХОРОНЫ СКУПОГО ХОЗЯИНА

Когда в семье умрет отец, который при жизни отличался скупостью, исполняют следующий обряд. Когда покойник совсем одет и лежит на столе или в юрте, то на полу направо от очага ставят маленькое ведро и кладут в него молочную пищу и стрелу, к которой привязана белая миткалевая лента. Потом исполняют обряд «х у р у л х а», после которого ведро с молочной пищей и стрелой привязывают на столб (х о й м о р т э н г и) внутри юрты за очагом, а покойника выносят и хоронят. По поверью бурят, хозяин-покойник, отличавшийся при жизни скупостью, после смерти возьмет свой скот с собою; это проявится с тем, что скот начнет пропадать; если же исполнят обряд хурулха, то скот не будет пропадать, т.е. покойник оставит свой скот детям. Когда после обряда пройдет три дня, ведро отвязывают от столба юрты (т э н г и), молочную пищу выливают в чашку или корзину, делают обряд «д э ш и б а р ь х а», небольшую часть пищи бросают в огонь очага, остальное съедают члены семьи, а посторонним не дают. Этим обряд кончается.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 251-252.

IV

ПОВЕРЬЯ И ПРИМЕТЫ

НЕБЕСНЫЕ И АТМОСФЕРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

1. Когда бывает северное сияние (по-бурятски: тэнгэри улага), буряты говорят, что будет тяжелый год для людей, люди будут часто болеть и умирать. Иногда говорят, что будет большая война.

2. Кто ест заплесневевший хлеб, тот не боится грома.

3. Я случайно услышал, что ветер зовут хухэлэхэн анда (по-русски «приятель Хухэлэхэн»; анда — «приятель», Хухэлэхэн — собственное имя.) Не считали ли прежние буряты какого-то Хухэлэхэна покровителем ветров? Ныне, когда дует ветер, редкие старики говорят: «Хухэлэн анда ерэхайса иделхэ» (по-русски: «Пришел приятель Хухэлэхэн поесть хорошенько»). Не делали ли в прежнее время, когда дул ветер, каких-нибудь соединенных с жертвоприношением обрядов, которые теперь забыты?

4. Если осенью листья с деревьев падают рано и скоро или вдруг, то унгинские буряты говорят, что весна будет теплая и снег растает скоро или вдруг. Если листья падают медленно, то говорят, что весна будет холодная и снег растает медленно.

5. Молькинские буряты говорят: если осенью листья с деревьев падают недружно или не все спадают, а некоторые остаются на деревьях, то в этот год людям будет плохо, год будет тяжелый.

6. Если зимою по утрам рассветает скоро, то говорят, что весна будет теплая и скоро растает снег. Если медленно рассветает, весна будет холодная и снег не растает скоро.

7. Если в новолуние рога луны немного загнуты внутрь и луна стоит круто, то месяц будет бурный и холодный. Если рога луны не загнуты внутрь и луна стоит полого, месяц будет теплый и без ветров.

8. Во время тумана по земле ходят злые духи, которые вредят людям и насылают на них болезни.

ОГОНЬ

1) Поздно вечером постороннему человеку давать огонь на вынос из юрты или дома большой грех.

2) Если в очаге после огня сядет продолговатый уголь, буряты говорят: придет гость. На этот уголь ссыпают пепел; это будто бы приехавшего гостя угощают, а потом укладывают спать; сверху еще посыплют пеплом, это будто одели одеялом. Если уголь сел на «х о й м о р т а л а»¹, за очагом, это значит: будет гостя, уважаемая женщина или девица, которую нужно угостить. Если уголь сел на «б а р у н т а л а»², значит, гость будет уважаемый и почетный мужчина. Если уголь сел на «у д э н-т а л а»³, то гость будет бедный, который будет сидеть около двери.

3) Одна женщина сидела и чесала волосы около очага; в это время в очаге на «хоймор тала» сел уголь (по-бурятски: с о к х у г а); она рассердилась на то, что придет гостя-женщина, взяла севший уголь и бросила в хибур с водой. На другой день она узнала, что к ней ехала гостить ее дочь, выданная замуж, и по дороге утонула в реке.

4) Унгинские буряты говорят: пепел выбрасывать из очага куда попало не следует — это грех; выброшенный пепел может потоптать человек или скот. Обыкновенно же буряты ссыпают пепел кучкою на особом месте, где люди не ходят. Другие же ссыпают пепел из очага вокруг дома, чтобы злой дух не входил в дом.

5) Также и уголь выбрасывать куда попало, топтать его и раздавливать грешно.

6) Иногда буряты совершают обряд «т а р и м д а х а». Если в этом доме плачет ребенок как-то подозрительно, тогда делают так: возьмут из очага или из печи раскаленный пепел, бросают его в доме кругом и кончают бросать около двери; это значит: выгоняют нечистого духа, который вошел в дом. Когда бросают раскаленный пепел, он падает дождем из огненных искр, а злой дух боится искры. Этот обряд может исполнять всякий человек и даже женщина.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 196-197.

О ЧЕЛОВЕКЕ

1. Прежде люди все о себе знали: будут ли они счастливы или несчастливы и когда умрут; вследствие этого знания люди перестали работать, начали сильно гулять и проматывать имущество. Тогда Бурхан сделал так, что люди не стали знать о себе, будут ли они счастливы и когда умрут. После этого люди стали работать, стали стараться приобрести богатство.

¹ Х о й м о р — место в юрте между очагом и задней стеной юрты.

² Б а р у н — «правая», т а л а — «сторона».

³ У д э н — «дверь».

2. Человек так же линяет, как змея, т.е. кожа целиком с него спадает; отлинявшую кожу (х у н и з у л м а д х а н) человек теряет, но сам этого не замечает; если же змея находит потерянную отлинявшую кожу человека, то радуется и берет ее.

3. По поверью унгинских бурят, отец новорожденного ребенка, уезжавший куда-нибудь из дома, возвращаясь домой, не должен без пути бить коня или махать бичом; если он будет это делать, то новорожденный его ребенок будет плакать: когда отец бьет коня или машет бичом, он как будто бьет ребенка; каждый удар отцовского бича по коню ребенок чувствует на своем теле, отчего и плачет; тогда буряты говорят о нем: м и н а р х а ж и о р л е (по-русски: «плачет от бича»). Некоторые младенцы этого не чувствуют.

4. Унгинские буряты считают грехом бросать воду на человека.

5. Если больной человек чихает, то к выздоровлению. Если он чихает утром, это значит, что он выздоровеет, только медленно; если вечером, то выздоровеет скоро и быстро.

6. Стоя есть пищу нельзя: коровы будут телиться стоя.

7. Буряты считают за грех женить сына или выдать дочь замуж в марте месяце (по-бурятски: у л а н з у д а н); кто женится в этом месяце или выйдет замуж, будет жить несчастливо.

8. Если у человека вдруг явится отвращение к мясу или просто нежелание его есть, он скоро умрет.

9. Если у больного человека явится желание постоянно есть молочную пищу, больной медленно будет поправляться.

10. Если у старика или просто у пожилого человека усы и борода поседеют прежде, чем волосы на голове, под старость он будет жить худо; если волосы седеют с затылка, это тоже худо. Если волосы седеют спереди на обоих висках, тот человек будет долго жить и счастливо; если старик до глубокой старости не седеет, худо для его потомства. Тот, у кого волосы на голове седеют совершенно бело, на старости лет будет жить бедно или несчастливо, и его дети будут бедны и несчастливы; у кого поседевшие волосы имеют желтоватый или синеватый отлив, тот в старости будет жить хорошо, а также хорошо и счастливо будут жить и его дети.

11. Если у человека до старости не выпадут зубы и будут остры, а сам старик или сама старуха будут в еде жадны и ненасытны, у тех дети будут жить бедно и несчастливо. Если у человека в старости зубы будут тупы, выпадут, сам человек будет в еде не жаден, будет мало есть, у того дети и потомки будут жить богато и счастливо.

12. Буряты, обрезая с пальцев ногти, обрезки собирают и бросают, причем на эти обрезки плюют и фыркают. Если духи увидят обрезки ногтей, то спрашивают их, кто их хозяин и где его душа. Если на обрезки ногтей было поплевано и пофыркано, то они отвечают:

— Наш хозяин — слюна и фырканье; не знаем, где душа хозяина.

Если не принять этой предосторожности, то обрезки ногтя укажут душу хозяина духам.

13. Когда человек умирает, то ногти радуются. Они говорят:

— Теперь наш хозяин не будет нас обрезать; будем расти свободно.

А волосы человека сильно печалются и говорят:

— Теперь наш хозяин не будет нас гладить и чесать?

14. Религиозный, соблюдающий народные обычаи бурят ни за что не будет обрезать ногти и стричь волосы во время полнолуния. Стриженные волосы не бросают на землю, а затыкают где-нибудь выше.

15. Взрослая девица, которая уже носит косу, не должна ее подрезывать. Если подрежет, это считается грехом, потому что в таком случае ее братьям и сестрам будет несчастье. Если она сердита на своих братьев и сестер, то она подрезывает конец своей косы и тогда кто-нибудь из ее братьев или сестер умрет.

16. Бурятские женщины носят две косы, на каждой стороне по одной. Эти косы у бурят называются «б о л т о». Если замужняя женщина отрежет косы, то муж ее умрет; если жена сердита на мужа и захочет, чтоб муж ее умер, ей стоит отрезать свою косу и она избавится от нелюбимого мужа.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 225-228.

О ДЕТЯХ

1. Если у новорожденного ребенка вперед вырастут нижние зубы, это хорошо, а если верхние — худо, родители будут жить несчастливо и ребенок будет несчастливый.

2. Если ребенок родится с зубами, это очень худо; когда этот ребенок вырастет большой и делается черным шаманом, он будет съедать людей.

3. Унгинские буряты говорят, что новорожденный ребенок одним годом младше Бурхана и одним годом старше царя.

4. Когда ребенок спит и во сне смеется, это объясняют тем, что он будто бы разговаривает со своим заяши, иные — говорит с Бурханом и радуется. Если же ребенок плачет, это значит, что заяши или Бурхан, разговаривая с ним, дразнят его, пугая, что возьмут у него отца или мать.

5. Новорожденный ребенок все знает, о чем он говорит сам с собою; это знают также и те люди, которые понимают детский говор. Если у бурята маленький ребенок сильно лепечет, тогда приглашают такого бурята, который известен за человека, понимающего детский язык. При этом стараются это сделать так, чтоб ребенок не знал; если узнает, то не будет говорить. Тогда нужно его обмануть; приглашенный человек, знающий детский говор, должен притвориться спящим или нужно сделать вид, будто он уехал.

6. Если маленький ребенок смотрит на ладони своих рук и играет, это значит — он вырастает благополучно; если он смотрит на свои руки не со стороны ладони, а с оборотной стороны — он будет болезненный и будет часто болеть.

7. Некоторые буряты верят, что когда у кого-нибудь дети родятся и потом умирают, то, чтобы предотвратить смерть следующего ребенка, нужно его послед бросить собаке; если собака съест послед, родившийся ребенок будет жить; если не съест, это дурная примета: ребенок умрет.

8. Если в семье дети постоянно умирают, то вновь родившемуся ребенку хорошо давать сосать собаку. У одного буряты дети постоянно умирали; однажды у этого человека одновременно разрешилась от бремени жена и ошенилась сука; ребенку дали сосать сосцы суки; он не умер как другие, а вырос большим, очень сильным и красивым.

9. Если во время беременности женщины отца нет дома, то ребенок не спешит родиться, а ждет возвращения отца. Если отец замедлится в пути, замедлятся и роды, и мать мучается; тогда бьют мать штанами, чтобы ребенок скорее родился. Это поверье бильширских бурят.

10. Если у человека родятся двойники, унгинские буряты считают из них того старшим, который родился после, потому что старший приказывает младшему родиться вперед, а сам выходит на свет после него.

11. Когда маленькие дети играют землю, будто косят сено, ставят копны и зароды из земли, в этот год будет урожай хлебов и трав; а если дети играют камнями, будет неурожайный год, тяжелый для детей и скота.

12. Если новорожденный ребенок до года начнет ходить, это считается не особенно хорошим. Тогда в ребенка бросают шапкою три раза так, чтоб каждый раз ребенок упал; это делается, чтоб ребенок не ходил ранее года.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 228-229.

О ПОКОЙНИКАХ

1. Если покойник лежит на столе неплотно, под спиною образуется пустое место, можно туда просунуть руку, это значит, что из семьи еще кто-нибудь умрет. Если тело покойника лежит плотно, руки просунуть нельзя, это хорошая примета. Худюю приметой считается, если тело покойника не коченеет, а остается гибким как у живого, сгибается свободно; тоже будет другой покойник в семье, и притом скоро. Если тело окоченело — хорошая примета. Буряты обыкновенно имеют привычку спрашивать родственников или знакомых покойника: окоченел покойник или нет. Если у покойника глаза останутся открытыми, это тоже худо: будет другой покойник. Если у покойника рот остается открытым, — скот будет пропадать.

2. Оплакивать покойника сильно, по мнению унгинских бурят, нехорошо; покойнику это в тягость. Одна бурятка по смерти мужа сильно плакала о покойном муже, который оставил ее с малолетними детьми. Однажды она увидела

своего мужа во сне: оба передние подола его шубы были мокры, душа покойника едва ходила под тяжестью мокрых подолов. Покойный муж сердито запретил жене плакать, потому что от ее слез подол шубы становится тяжелым.

— Если ты еще будешь плакать, — сказал он ей, — возьму тебя к себе.

С того времени эта бурятка перестала плакать о покойном муже, боясь умереть.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 237-238.

О СНОВИДЕНИЯХ

Унгинские буряты верят, что если кто-нибудь увидит во сне, что к соседу приехала свадьба и кто-нибудь в соседском доме женится, то в этом семействе умрет мужчина.

Если видят во сне, что куда-нибудь выезжает свадьба и будто какую-нибудь девицу выдают замуж, то говорят, что в этом семействе или в улусе умрет девица или замужняя женщина.

Если кто-нибудь увидит во сне, что у кого-нибудь явился выстроенный новый дом или вновь строящийся дом, в том семействе кто-нибудь умрет. Если дом только еще строится, то покойник будет еще не скоро; если же приснится уже выстроенный, то кто-то скоро умрет. Если дом строится из старых деревьев, то умрет старик или старуха; если строится совершенно новый дом, то, говорят, умрет молодой человек. Если дом строится небольшой и некрасивый, то умрет бедняк; а если большой, красивый, покрытый тесом, со многими красивыми окнами, то умрет богатый человек, имеющий хорошее состояние, знатного происхождения, в числе предков которого были или родоначальники или знатные белые или черные шаманы.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 244-245.

О ДОМЕ И ДОМАШНИХ ПРЕДМЕТАХ

1. Человеку, особенно маленьким детям, спать в доме прямо против двери считается грехом; грех также спать около двери и поперек; головою к двери также грех.

2. Если кто выстроит дом и сделает дверь в восточной стене, в дом будут входить всякие нечистые духи и будут вредить хозяевам.

3. Есть дома, в которых всегда спокойно, хорошо и долго спится; в таких домах хозяева будут жить счастливо. В других домах плохо спится, хотя и хочется спать, чувствуется как будто неловко; такие дома считаются худыми или несчастливыми.

4. В доме, в котором все хозяева вымерли, никто не будет жить; бурят ни за что не купит такой дом. А если еще пойдет говор, что в этом доме поселился

худой дух, то все буряты будут избегать его. Если кто такой дом купит, он должен разобрать его и перевезти на другое место; при этом нужно сварить саламат и мясо и все это зарыть под полом и только после этого начать перевозить дом; нижние же бревна, т.е. приклад, следует оставить на старом месте; тогда нечистый дух останется около саламата и мяса.

5. Шубу, халат и одеяло грех класть воротником к двери, иначе в семье будет покойник.

6. Если кто найдет на дороге кем-то потерянную рукавицу, и если она лежит ладонью вверх, ее можно взять, но грех взять, если она лежит ладонью вниз.

7. Грех качать пустую люльку, без ребенка. А если ребенок сам качает, хорошо: у него скоро будет брат или сестра.

8. Унгинские буряты верят, что у лодки есть ноги, которые люди могут увидеть во время лучения; кто их увидит, тот будет несчастлив.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 219-220.

О КЛАДАХ

По мнению бурят, в их земле в разных местах есть клады золота и серебра, которые зарыты китайцами. В прежнее время в Балаганском уезде жили китайцы; сами жили на горах, а скот запирали во дворах, обведенных вокруг вырытыми канавами; для выхода оставляли нерытое место. Следы таких дворов указываются в разных местах уезда; буряты называют их «китайскими дворами» (к и т а х и х у р). Китайцы ушли с этих мест по случаю войны; в Китае была большая и продолжительная война; китайский хан послал в бурятскую землю своего чиновника, которого буряты называют Зугэ-ноен: он то и угнал китайцев в Китай. Оставляя край, китайцы все свое золото и серебро зарыли в землю, надеясь вновь вернуться в эту землю, но не вернулись и остались в Китае навсегда, а зарытое золото и серебро осталось в бурятской стране и изредка попадает теперь счастливому человеку.

По бурятскому поверью, это золото и серебро обращаются в разных животных и бегают. Серебро обращается в зайца, в белого барана, в белого ямана или козла и бегают по степи; золото — в солового жеребенка, в желтого ямана, в желтую собаку и тоже бегают. Если кто увидит и узнает, что это клад, нужно подойти близко и бросить что-нибудь в бегущее животное; если попадешь, животное превращается либо в золото, либо в серебро.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 244-245.

ВИНО

По словам некоторых унгинских бурят, «а р х и»— вино впервые сделали восточные тэнгерины назло людям, чтоб они, напившись архи, делались бы

пьяными, убивали бы друг друга, ссорились между собою и, вообще, чтобы они были несчастными.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 225.

ДОМАШНИЙ СКОТ

1. Когда рогатая скотина чешется об угол юрты или дома, это хороший признак; эту скотину стараются не продавать.

2. Если овцы и другой скот часто и без причины пугаются, находясь в своем дворе, это худая примета: у хозяина будет больной в семье; овцы или скот пугаются от того, что духи ловят души тех скотин, которых хозяин заколет в жертву духам, чтобы умиловить их и спасти жизнь больного. Или буряты говорят: скот пугается, значит, духи ловят души скота и нужно, следовательно, ждать, что в этом дворе скот начнет пропадать. Чтобы духи не пугали скот, хозяин брызгает в овчарне тарасуном.

3. Если корова кричит по-порозину — худая примета; такую корову нужно поскорее продать, а колоть на мясо для себя — грех.

4. Если корова родит двойников — плохая примета. Если двойники-телята оба будут быки или телки и останутся живыми, это не особенно худо; если из двойников один теленок бычок, а другая телка и оба пропадут, это совсем худо. Рождение двойников считается не особенно худой приметой потому, что корова имеет раздвоенное копыто.

5. Когда буряты продают рогатую скотину, то отрезают волосы с кончика хвоста, чтобы счастье осталось дома. Иногда выдергивают несколько щипков шерсти.

6. Если рогатый скот, принадлежащий одному хозяину, начнет бодаться между собою, это дурной знак.

7. Если корова отелится и послед (н а м т а х а н) упадет скоро, то, говорят унгинские буряты, снег растает скоро. Если послед не скоро падает, то снег не скоро растает и весна будет холодная.

8. Если кобыла родит двойников-жеребят, дурная примета для хозяина.

9. Если коза родит тройников, то третьего козленка отдают постороннему лицу; с этой целью собирают в том улусе маленьких детей-ровесников и заставляют их бежать в бег; кто из них выбежит против прочих, тому отдают третьего козленка.

10. Если у кого родится слепой теленок или жеребенок, или ягненок и т.п., это считается знаком того, что хозяин будет жить богато. Этого слепого теленка и пр. колют и мясо его едят только одни хозяева, посторонним не дают.

11. Грех давать из дому поздно вечером молочную пищу постороннему человеку, иначе скот будет пропадать.

12. Унгинские буряты считают большим грехом, если кто-нибудь, отдавая молоко кому-нибудь для маленького ребенка, подольет в молоко воды или вообще пожалеет молока для ребенка.

13. По мнению тех же бурят, молоко или что-нибудь молочное пролить или бросить в воду грешно. Даже считается грехом черпать воду из реки молочной посудой, потому что молоко может попасть в воду.

14. По словам бильширских бурят, будто воры, которые крадут чужой скот и колют, чтобы скрыть следы преступления, поступают так: отрезают у краденой скотины кончик языка и кончики ушей и зарывают в землю кончиками вниз, причем произносят: ш и х э т э ю м а д а д у л д а х а б э , а м а т а ю м а т а м э д э г д э х э б э , по-русски: «Имеющие уши не услышали бы, имеющие рты не узнали бы». Тогда воровство их не обнаружится.

15. Однажды в прежнее время был сильный валеж на скот (от чумы). Один бурят угнал свой скот в лес; дорогой ему встретился неизвестный человек, едущий на коне, и спросил его:

— Куда ты гонишь скот?

Тот ответил:

— Я гоню скот отдать его чуме (по-бурятски м и л а).

Встретившийся человек сказал:

— Твой скот не будет валиться!

И действительно, у этого человека скот не валился и остался цел. Встретившийся буряту человек был «хозяин чумы» (по-бурятски м и л а н э ж и н).

16. Отделившись от отца, сын, получив по разделу скот, должен по обычаю перепятнать его; при этом он должен к отцовскому пятну прибавить еще пятно. Если же от отцовского пятна убавить, то скот не будет размножаться.

17. Если молоко, налитое в крынки для отстоя сметаны, было надоено девочкой, которая родилась весной, то сметана отстоится в малом количестве, в виде тонкого слоя. Про такую девочку говорят: х у г э й г а р т а (по-русски «не с молочной рукой»). У девочки, которая родилась летом или осенью, сметана всегда отстаивается обильно и толстым слоем. Про такую говорят «с молочной рукой».

18. По поверью молькинских и боханских бурят, есть кони, так называемые х у л э к, которые в передних подмышках имеют под кожей дыру с обеих сторон; в эту дыру входит палец. Такие кони хорошо бегают и не задыхаются, несмотря на дальнейшее расстояние.

19. Боханские буряты считают за счастье для хозяина иметь скотину с белым пятном на лбу; такую скотину не продают.

20. По поверью молькинских бурят, совершенно белый ягненок, которого называют т э ж э х у р ь г а н, летом после грома худеет и пропадает.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 222-225.

СОБАКА

1. Если у собаки конец носа красный, это худо для скота; буряты избегают иметь такую собаку, считают иметь ее за грех; у кого есть такая собака, скот будет пропадать или не будет плодиться.

2. Буряты считают за большой грех держать собаку с стоящими, как у волка, ушами (по-бурятски х у б а ш и х э т э). Кто будет держать такую собаку, у того постоянно кто-нибудь в семье будет болеть и даже умрет.

3. Собаку, которая лежит поперек двери, считают хорошою, потому что через нее не может войти в дом нечистый или злой дух. Собаку, которая лежит на спине вверх брюхом, тоже считают хорошою, потому что она во время сна просит у Бурхана¹ счастья для своих хозяев.

4. Если собака вбежит в дом или юрту и помочится, это считается хорошою приметой: в семье родится сын или будет прибыль. Если собака помочится на дверь внутрь дома или юрты, это хорошо; но если она помочится изнутри дома или юрты на улицу — это нехорошо, будет убыль. Если собака помочится на сидящего или стоящего человека, для него будет очень хорошо; у того человека родится сын.

5. Собаку, выгоняя на улицу, у дверей бить грех; бить веником также грех; выгоняя из юрты, прижать собаку дверью — грех.

6. Боханские буряты верят, что совсем черная собака с черным небом во рту не впускает в дом хозяина нечистого или злого духа; он боится такой собаки.

7. По поверью молькинских бурят, есть так называемые шаман-собаки (по-бурятски б о-н о х о), которые все знают о своих хозяевах, и что случится с ними в будущем, как шаман знает о людях. Если к дому хозяина приходят злые люди, то шаман-собака лает и не пускает их. Есть также ворожея-собака (по-бурятски у з э л т э н о х о); такая собака также знает будущее своих хозяев как ворожея знает о людях. Ворожея-собака также лает на злых духов и не пускает их в дом; она знает о приезде гостей и лает в ту сторону, откуда они едут. Есть собаки, которые только видят злых духов и лаем не пускают их в дом; другие собаки вовсе не видят духов. Есть худые собаки, которые постоянным лаем приглашают злых духов; особенно та собака худая, которая лает и воеет по-волчьи, смотря на северо-восток; она призывает оттуда злых духов; буряты убивают таких собак; если же убить считают грехом, то отдают русским или нанимают кого-нибудь убить. Вообще, убить собаку — большой грех; кто убьет собаку, тот при совершении религиозных обрядов не должен держать с а с а л и, т.е. он считается нечистым.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 202-203.

МЫШЬ

1. Если мышь в чью-нибудь одежду или унты, в сапоги и т.п. натаскает круглого или печеного хлеба или что-нибудь другое, это считается хорошою приметой, тому человеку будет счастье и прибыль.

---

¹ Б у р х а н — бог.

2. По поверью бурят Бильширского ведомства, если мышь в чьей-нибудь одежде принесет детенышей, это считается хорошею приметой.

3. Унгинские буряты считают худою приметой, если мышь изгрызет чью-нибудь одежду или часть ее.

4. Если в конце лета или осени мыши рано приносят детенышей и рано их выводят, это означает, что рано упадет снег. Если мыши поздно выводят детей, то, значит, снег упадет поздно и осень будет теплая и долгая.

5. Если мыши на пашнях и в соломе гнезда для своих детей устраивают высоко, это означает, что будет глубокий и большой снег; если гнезда устраивают низко — снег будет малый.

6. По поверью бурят, мыши кладут в свое гнездо волшебный камень; кто его найдет, тот будет счастлив.

7. По поверью молькинских бурят, есть мышь, называемая «а д а-х у л г а н а»; эта мышь через известное время линяет и делается «а д а». Кто увидит эту мышь, должен убить ее.

8. По поверью бурят Боханского ведомства, есть мышь, называемая х э р э с э-х у л г а н а, которая через известное время линяет и делается «а д а».

9. По поверью унгинских бурят, если человек увидит белую мышь (по-бурятски с а г а н-х у л г а н а), он должен убить ее, снять шкуру, хорошенько высушить и постоянно носить при себе, потому что белая мышь приносит счастье, особенно в торговле. Мясо белой мыши высушивают и хранят, потому что оно имеет целебное свойство от разных болезней; больной человек скоро выздоравливает, если поест мясо белой мыши. Белых мышей видят очень счастливые люди.

10. По поверью бурят Унгинского ведомства, мышь, так называемая «а т а х а х у л г а н а» или «у р г э н ш и х у л г а н а», выпросила у бога разрешение кормить половину его людей; вследствие этого мышь «у р г э н ш и х у л г а н а» все лето собирает саранку (по-бурятски х а р а н а) и другие корни и кладет их в особо вырытую яму, чтобы люди взяли их из ямы и ели. Когда люди находят этот мышиный запас и берут, мышь радуется; а если не находят, то печалится и даже удавливается. В первом случае мышь говорит, что ее черный труд не пропал, а во втором, плача, говорит: «Труд даром пропал». Убить мышь «а т а х а х у л г а н а» буряты считают за грех.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 200-201.

ЛИСИЦА

Буряты Молькинского ведомства черную лисицу или огневку (по-бурятски г а л т а х а р а у н э г э н, в буквальном переводе: «огненно-черная лисица») называют «собакою Эрлэн-хана»¹. Если кто убьет эту лисицу, должен зарыть

¹ Эрлэн-хан — царь подземного царства, царь мертвых.

ее в очаг огня и держать ее спрятанной таким образом в продолжении трех лет; Эрлэн-хан будет три года искать убитую лисицу, но, спрятанную в очаге, не найдет и прекратит поиски, Если же человек спрячет лисицу не в очаге, а в какое-либо другое место, Эрлэн-хан найдет свою «собаку»-лисицу и убившего ее человека жестоко накажет.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 198-199.

ВОЛК

1. Если во время облавы гонимый волк забежит к кому-нибудь во двор или в сарай и если тут убьют волка, это дурная примета: в том доме случится несчастье или кто-нибудь в нем заболеет; поэтому хозяйева дома в таких случаях обыкновенно не дают убить волка в своем доме и стараются выгнать волка из двора, чтобы он был убит в открытом месте.

2. Если волки нападают на людей или гонятся за людьми и хотят их съесть, это значит — будет война.

3. Если во время облавы убьют волка, то пролитую им кровь забрасывают снегом. Если же кровь останется непокрытою, то будет холодный ветер со снегом, так называемая «зада».

4. Во время облавы на волков унгинские буряты соблюдают старинный обычай: когда убьют волка, то шкуру с него снимают вместе с головой, с дыхательным горлом, с сердцем и с легкими; таким образом вырезанная часть называется по-бурятски х у р а й, а обряд называется «х у р а л х а». Снятую в таком виде шкуру волка с такими придатками сушат и хранят до окончания облавы. Облавы на волков у унгинских бурят бывают обыкновенно, когда делается тепло, а прекращаются, когда растает снег. Когда облавы прекратятся, голову и хурай отрезают от шкуры и бросают на амбар или на сарай. Если голову и хурай отделили от шкуры до окончания облавы или снимут шкуру без головы и хурая, то убивать волков не удастся; волки будут убежать от облавщиков; когда облава неудачна, буряты говорят:

— Ула унтара, — «фарт погас».

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 199-200.

СУРОК

По словам унгинских бурят, если сурок (по-бурятски з у м а р а) в доме или под домом человека выроет себе нору, это худо, нужно скорее убить сурка¹.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 199-200.

---

¹ Под сурком автор разумеет, кажется, зверька, которого в других местах России называют сусликом.

ПЕРЕЛЕТ ПТИЦ

Когда птицы прилетают к нам весною жирными и летят низко, буряты говорят, что будет хороший урожай травы и хлеба, и что птицы принесли с собою счастье. Когда же прилетят птицы сухими и летят высоко, то говорят, что птицы из других краев принесли несчастье и голод. Если осенью птицы от нас улетают сухими и летят высоко, то говорят, что птицы счастье оставили здесь, будет хороший год, а несчастье и голод унесли с собою. Если же птицы от нас улетают жирными и летят высоко, то говорят, что птицы счастье унесли с собою в другие земли, а несчастье и голод оставили нам, будет худой и голодный год.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 204.

ПТИЦА БУХА-ШУБУН

По словам бильширских бурят, в больших озерах в тростниках живет птица буха-шубун¹, которая обыкновенно кричит по вечерам. Клюв буха-шубуна некоторые буряты берут с клятвою, если не боятся греха; это делается следующим образом. Перед выстрелом по буха-шубуну стреляющий произносит клятвенное обещание: г а ж а ш и н и х у ш е р, ш и н и т у х а р я б а х а б (по-русски: «Одною твоею силою и твоею помощью буду жить»); потом он стреляет по птице и берет один только ее клюв. Когда надоенное молоко разливают по деревянным крынкам (т о р с о к) для отстоя сметаны, клюв буха-шубуна макают в молоко; от этого в крынках отстаивается толстый слой сметаны; если клюв макать до половины молока, то до половины крынки отстоится сметана, а если до дна, то и сметана будет до дна; таким образом от двух или от трех коров с помощью клюва буха-шубуна можно получить столько же сметаны, как от двадцати или тридцати коров. Только, по мнению бурят, брать клюв буха-шубуна очень грешно.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 211-212.

ЖУРАВЛЬ

Есть черные журавли (х а р а т у х у р ю н), которые имеют своих духов-покровителей. Если кто убьет черного журавля, то его дух-покровитель будет преследовать того человека.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 211.

---

¹ Птица буха-шубун – выпь.

ЛЕБЕДЬ И ГУСЬ

Если вереница лебедей и гусей, летящая под небом, пролетая над чьим-нибудь домом, спугается, придет в беспорядок без особых причин к тому, это считается за худой знак. Хозяева этого дома будут жить несчастливо. Если это случится над целым улусом, в этом улусе появится какая-нибудь заразная болезнь и посторонние люди не будут ходить в этот улус.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 211.

ЛАСТОЧКА

1) Поверье унгинских бурят: если ласточка слепит гнездо в юрте человека, наносит в него много конских волос, и они густо висят вниз, это хорошая примета: у этого человека будет плодиться скот. Если она лепит в юрте гнездо на стороне двери, это не особенно хорошо; если же лепит за очагом, это хорошо.

2) Когда прилетит ласточка, говорят унгинские буряты, у бурят постоянно бывает хурунга; только у сильно бедных ее не бывает. Разорять гнезда ласточек грех, потому что они в таком случае ругают так:

Харасаган ерхэдэ,
Хахирмак угэй ба,
Хохосхон ерхэдэ,
Хурэнгэ угэй ба.

Когда прилетит ласточка,
Без хахирмака живи,
Когда прилетит плиска,
Без хурунги живи.

3) Если ласточка будет разбрасывать кал птенцов по юрте на разных местах, у хозяина юрты скот будет пропадать.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 210-211.

ПТИЦА УТАРГАЛЖИН

Унгинские буряты для отстаивания сметаны берут клюв птицы «у т а р г а л ж и н», которая ежегодно теряет свой старый клюв и выращивает новый. Кто найдет этот потерянный клюв, берет его и макает в молоко, от этого в деревянных крынках настаивается толстый слой сметаны; клятвенного обещания, какое дают буха-шубуну¹, при этом не дается. Клюв утаргалжина попадает в руки людей редко.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 210.

---

¹Буха-шубун – выпь.

УДОД

Поверье унгинских бурят: если птица удод (по-бурятски о б о л ж и н) начинает летать к кому-нибудь на дом, это считается нехорошим признаком. Если удод в чьем-нибудь доме сделает гнездо, снесет яйца и начнет высиживать птенцов, тогда бурят-хозяин караулит птицу, старается застать ее, когда она сидит на яйцах, ловит ее и вместе с гнездом и яйцами относит на степь на расстань трех дорог; здесь выкапывают яму, зарывают в нее птицу удода с яйцами и гнездом, засыпают землей и поверхность выравнивают.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 209.

ТУРПАН

1) По словам бурят, турпан — худая птица; если турпан сделает гнездо на чьем-нибудь доме и выведет птенцов, это очень худая примета для хозяина дома.

2) Турпан ест своих детей.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 210.

ЧЕРНАЯ ГАЛКА

Унгинские буряты говорят: если кричит черная галка (х а р а т у н), то будет дождь.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 209.

СОРОКА

Если сорока у кого-нибудь на дворе стрекочет утром, это предвещает несчастье: в этот день у хозяев этого двора случится несчастье или они услышат в этот день что-нибудь худое. Если сорока кричит вечером, это хорошо: хозяева в этот день услышат радостную весть или будет какое-нибудь счастье. Если сорока устраивает гнездо в чьем-нибудь дворе, это худо, нужно гнездо разбросать.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 209.

КОРШУН

Когда кричит коршун, буряты обыкновенно говорят, что будет дождь и продолжительное ненастье.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 209.

ВОРОН

1. По поверью унгинских бурят, ворон, когда снесет яйца в гнездо, свитое на дереве, то кладет в гнездо такую траву, от которой не видно ни яиц в гнезде, ни птенцов, когда они вылупятся из яиц; видно одно только гнездо. Чтобы найти эту траву-невидимку, нужно взять воронье гнездо, брать из него по одной травинке и класть отдельно; как только возьмешь в руки эту траву-невидимку, тотчас яйца ворона будут видны. Найдя эту траву-невидимку, нужно дать клятву, что, взяв ее, будешь жить только с помощью ее и что тебе не нужны ни жена, ни дети, ни хозяйство и пр., что ты отрекаешься от всего этого навсегда.

2. По словам капсальских бурят, ворон несет яйца зимою; чтобы яйца не замерзли, ворон разыскивает жаркий камень (х а л у н ш у л у) и кладет его в гнездо; от этого камня яйца ворона не мерзнут. Ворон несется только один раз в жизни и приносит только два яйца. Живет ворон очень долго, до 360 лет.

3. Когда ворон кричит, буряты говорят: будет несчастье.

4. Если к кому на дом садится ворон и кричит, это к худу. Хозяин должен пригласить шамана и брызгать вином и тарасуном, потому что ворон считается посланником больших черных зайнов.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 208.

ПЧЕЛА

Хорошим признаком считается, если пчелы заведут свой улей в здании или в одеждах человека.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 216.

МУРАВЕЙ

Бильширские буряты считают за добрый знак, если в постройку дома попадет дерево, в котором гнездились муравьи; такое дерево считается счастливым. Некоторые буряты нарочно ищут такое дерево и рубят его на постройку. Приступая к постройке, бильширские буряты ворожат таким образом: на намеченное место кладут камень или дерево; если под ним станут гнездиться муравьи, то на этом месте можно строиться, это место счастливое; если же муравьи не будут гнездиться, место считается несчастливим.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 216.

ЧЕЛОВЕК-РЫБА

(х у н-з а г а х а н)

В море (г а з а д а д а л а) есть человек-рыба, у которой передняя половина тела рыба, задняя половина человечья. Эту рыбу называют х у н-з а г а х а н

(человек-рыба). Увидев человека, эта рыба высовывает из воды голову и кричит по-человечески, а потом опять уходит в воду.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 215.

РЫБА

Когда много ловят рыбы, тогда скот пропадает часто.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 215.

ЛЯГУШКА

1. У кого родители живы, тот не должен убивать лягушек, это грех.

2. Если человек найдет мертвую обыкновенную озерную лягушку, в которой завелись черви, это хорошо. Такая лягушка имеет лекарственное свойство от многих болезней. Такую лягушку редко находят, только счастливые люди. Иногда встречаются живые лягушки с червями (о т о н), это очень к добру. Такую лягушку берут и хранят; человек, нашедший ее, будет жить богато и счастливо.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 215.

ЧЕРВИ

Если у кого-нибудь в очаге завелось много червей (о т о н), это считается хорошим признаком, у него будет много разного скота.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 216.

ЗМЕИ

1. Если кто едет или идет и в это время змея пересечет ему путь, это нехорошо; желание человека не исполнится. Этот человек должен убить змею или пересечь ей путь; а если не может или змей уйдет в нору, то он должен выдернуть зеленую траву, сделать на ней три узла и бросить. Когда змея пересечет путь человеку и уйдет от него не убитою, она говорит, что она убила человека. Если же человек сделал три узла на зеленой траве и бросил ее, то змея не может говорить, что она убила человека, и от пересечения дороги змеей худа не будет.

2. Осенью змеи уходят в норы или выбираются из леса до падения листьев; они боятся падающих листьев, они говорят:

— Если упадут на меня листья, они сломают мне спину.

3. Поверье унгинских бурят: если кто увидит двух змей, скрутившихся как веревка и катающихся, и бросит на них свой пояс, и если при этом змеи раскрутятся и разойдутся в разные стороны, то этот пояс будет иметь благотворное

влияние на родильниц. Если замедлятся роды у родильницы и она страдает, то на нее бросают этот пояс, и тогда она рожает скоро и без особых страданий. Такие пояса имеют силу. Если скрутившиеся змеи тотчас же раскручиваются и расходятся, как только брошен на них пояс, то пояс будет иметь сильное действие на родильниц; если же змеи медлят и расходятся только спустя некоторое время, то пояс будет оказывать слабое влияние на родильниц; если же змеи не разойдутся и не раскрутятся, хотя и брошен на них пояс, такой пояс никакого действия на родильниц не произведет. По поверью бурят, скрутившиеся змеи сильно страдают и иногда пропадают; если от брошенного на них пояса они раскрутятся, то они сильно радуются; змеи имеют в себе чудотворную силу, которую и передают поясу.

4. Змеи линяют; сброшенную кожу (з у л м а д х а н) буряты берут, потому что приписывают ей лекарственную силу от укушения змей и от болезни змеиного нарыва (м о г о н х а б а д а р).

5. Бильширские буряты говорят, что тому, кто имеет тяжёлые дела, хорошо иметь при себе змеиный язык; имеющий его всегда выиграет тяжбу.

6. Если кто убьёт змею и из нее выйдет красная кровь, тот человек будет худо жить.

7. Кто часто убивает змей, думают унгинские буряты, тому они часто попадают. Один бурят много убивал змей, где бы только ни встретил их, и они постоянно ему попадались. Однажды он увидел змей, выходящих из одной норы; он начал убивать их и убил уже девяносто девять; вышла сотая змея, маленькая, длиною около четверти; он начал бить ее; после каждого удара она делалась все более и более и, наконец, стала очень большою; бурят сел на коня и поскакал; змея погналась за ним. Бурят прискакал к одной юрте, вошел в нее и рассказал ее хозяину, что за ним гонится змея; хозяин юрты спрятал беглеца под котлом. Отворилась дверь, в юрту вползла громадной величины змея и легла кольцом вокруг котла, под которым был спрятан бежавший от нее человек. Немного полежав, змея выползла из юрты и ушла. Хозяин юрты посмотрел под котлом: от спрятавшегося под ним человека остались одни белые кости.

8. По поверью унгинских бурят, у змеи есть ноги, но люди их не видят; если человек увидит ноги у змеи, ему будет худо; обыкновенно змеиные ноги видят только несчастливые люди. Их можно видеть следующим образом: нужно снять листовничную кору с дерева и на нее бросить змею; она по скользкой поверхности коры ползать не может и покажет свои ноги. Змеиные ноги красные.

9. Унгинские буряты говорят, что встречаются белые змеи (с а г а н м о г о й), но очень редко. Видеть белую змею могут только счастливые люди. Увидевший белую змею должен убить ее, снять с нее кожу, высушить и потом постоянно носить при себе. Мясо белой змеи также советуют высушить и хранить, потому что оно считается целебным от разных болезней.

10. Унгинские буряты верят, что есть крылатая змея (г а л т а м о г о), которая летает по воздуху как птица.

11. Огненная змея (г а л т а м о г о) летает в тяжелые годы; тогда люди сильно мрут. Огненная змея может сжечь строение, если упадет на него во время полета.

12. Если кто увидит белую змею, убьет ее, сварит ее мясо и съест, тот будет знать семьдесят языков (со слов бурята Бильширского ведомства Хахинского рода Василия Иванова).

13. Если змея войдет к кому-нибудь в дом и родит детей – худая примета (со слов того же Василия Иванова).

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 212-215.

ПОВЕРЬЯ О ДЕРЕВЬЯХ

Некоторые деревья имеют своих эжинов. Эти эжины находятся в них. Буряты сильно избегают тех деревьев, в которых предполагают существование эжинов; такие деревья они называют «э ж и т э м о д о н». Их узнают по сердцевине, которая у них бывает красная, и по сучьям. Если кто-нибудь по незнанию вырубит эжитэ модон и употребит его в постройку, то эжин дерева будет сильно вредить домохозяину. Этот дом постоянно трещит и по ночам кто-то ходит по нему и т.п.

Изредка бывает дерево, имеющее огонь. Такое дерево называется «г а л т а м о д о н». Если галта модон попадет в постройку, то этот дом будет теплый; но в то же время это и опасно – может случиться пожар. Иногда, когда галта-модон тешет топором, из него брызжут огненные искры.

Леса имеют своего эжина, который в них и находится. Один человек из охотников во время охоты заблудился в лесу, долго блуждал в нем и, наконец, умер от голода. Этот-то охотник и сделался эжином лесов. Эжин лесов заставляет людей блуждать по лесу, заводя их далее. Заблудившиеся в лесах люди иногда видят высокого черного человека, который, сидя, плачет и говорит:

Мананда торфон хуб,
Борондо торфон боронхуб,
Олотхи дархи шиги узэлэб.

Этот плач и говор лесного эжина слышат заблудившиеся люди.

Записано у балаганских бурят М. Н. Хангаловым

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», стр. 83-84.

ЛЕТАЮЩИЕ ОРЕХИ И ХЛЕБНЫЕ ЗЕРНА

Встречаются на кедрах ореховые шишки, сидящие по три вместе на конце ветви. О таких тройных шишках говорят, что они улетают в другую тайгу;

летом замечают на кедрах множество таких тройчаток, а осенью ни на кедрах, ни на земле шишек не находят; тогда думают, что шишки улетели в другую тайгу и там упали на землю. Летом 1895 г. недалеко от Хахинского рода видели на кедрах много ореховых шишек, по три шишки из одного основания, а осенью буряты никаких шишек не нашли.

Хлебные зерна также улетают куда-нибудь, как и кедровые шишки. Осенью, когда жнут, колос бывает с хорошими зернами, а зимою во время молотбы зерен совсем мало, не оправдывает ожиданий. Это объясняют тем, будто бы зерна из кладей куда-то таинственно улетают. Бывает и наоборот: когда жнут хлеб, зерно совсем плохое, начнут зимою молотить, примолот хороший; это значит, что зерна откуда-то прилетели (со слов буряты Бильширского ведомства Василия Иванова).

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 219.

ДЕРЕВО С ОГНЕМ И ХОЛОДНОЕ ДЕРЕВО

Есть дерево с огнем (г а л т а м о д о н); если это дерево попадет в постройку, то дом будет очень теплый. Есть дерево холодное (х у т у н м о д о н); если это дерево попадет в постройку, дом будет холодный – как ни топи, все будет холодно.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 218.

БОЯРЫШНИК

Если у человека будет кашель с колотьем в груди, то буряты берут иглы боярышника (по-сибирски: боярки) числом девять или трижды девять, т.е. двадцать семь игл, кипятят их в воде, настаивают как чай и поят больного.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 217.

ТРАВЫ

1. Унгинские буряты думают, что сжигать зеленую траву – грех.
2. Прежде буряты как будто бы знали много лекарственных трав, но позабыли. По мнению бурят, когда берешь лекарственную траву, необходимо дать клятву, что будешь жить с помощью этой травы и что, кроме нее, тебе не нужно ни хозяйства, ни жены, ни детей. Давать такую клятву буряты считают за грех, вследствие этого они не старались узнавать лекарственные травы, и потому, какие знали, позабыли. Буряты, знающие эти травы, от тех, которые просят показать их, требуют принести вышеописанную клятву. Кроме того, узнающий о целебном свойстве травы должен иметь на то наследственное право (у т х а); иначе он скоро умрет. По мнению бурят, тот, кто знает какую-нибудь лекарственную траву, должен показать ее перед своею смертью другому

человеку, но под условием той клятвы, если найдется к тому охотник. Без клятвы же передавать это знание, по обычаю, нельзя.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 216-217.

ТРАВА ХУН-ХОРНИН

Есть так называемый корень травы х у н-х о р њ и н («человеческий корень»), который целебен от всех болезней. Этот корень совершенно похож на человека и разделяется на мужской и женский полы. Прежде этот корень выкапывали следующим образом: кто знает этот корень, тот, найдя его, выстраивал над ним небольшой шалаш, чтобы корень этот не видел солнца; иначе, если корень увидит солнце, наступит страшная засуха. Когда корень выкопают, то из него вырезают маленький кусочек в том месте, где у больного болит; например, если у больного болит правая рука около плеча, то и на корне вырезают кусок непременно около правого плеча; с другого места вырезать нельзя. Когда этот корень выкапывают, то он плачет по-человечески. Обыкновенно буряты считают большим грехом выкапывать этот корень.

Записано у балаганских бурят М. Н. Хангаловым

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», стр. 82-83.

НИКОЛА-БУРХАН

В прежнее время человек посеял хлеб, который и уродился. Человек приехал убирать его; он привез с собою запас коротеньких волосяных веревок, начал вырывать хлеб с корнем и перевязывать снопы привезенными волосяными веревками. В то время, как тот человек уходил обедать, пришел Никола-Бурхан (Св. Николай) с золотым серпом (а л т а н х а д у р) и пожал хлеб, связал снопы соломою, сложил крест и воткнул в него серп, а сам ушел. Все это он сделал, чтобы научить того человека жать хлеб, хлебом вязать снопы и класть снопы крестом. Приходит человек и видит: хлеб сжат, снопы перевязаны хлебом и складены в кресты; он сильно испугался, потому что принял золотой серп за зубатого червяка и подумал, что червяк съел его хлеб; он взял золотой серп и выбросил.

Никола-Бурхан видит, что этот человек не понимает его. Он обратился в седого старика, приходит к этому человеку и спрашивает:

— Что делаешь?

Тот говорит:

— Хлеб вырываю.

Никола-Бурхан указал на сжатый хлеб и спросил:

— А этот хлеб кто сжал?

Тот говорит:

— Это съел зубатый червяк.

Тогда Никола-Бурхан сказал ему:

— Это не червяк, а серп, которым жнут хлеб.

Никола-Бурхан нашел заброшенный серп и научил этого человека, как жать хлеб, вязать снопы и класть в кресты. С этого времени люди научились жать хлеб.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 186-187.

V

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ

ГОРА МОНГОТО-УЛА

Унгинские буряты рассказывают, когда в первый раз проводили границу между русским и китайским государствами, со стороны России был так называемый бурятами Гун-Сава¹, а со стороны китайцев Сэсэн-уган². Когда провели границу, гора Монгото-ула (по-русски «Серебряная гора») осталась за русским государством; Сэсэн-уган, желая взять гору Монгото-ула себе, придумал обмануть Гун-Саву. Он попросил Гун-Саву отдать ему участок земли величиною с кожу быка; Гун-Сава, не подозревая хитрости, согласился. Тогда Сэсэн-уган выбрал самую большую кожу быка, разрезал ее на тонкие ремни и обтянул ими всю гору Монгото-ула, вследствие этого гора Монгото-ула отошла в китайскую землю. Гора эта должна бы отойти к русской земле, так как по преданию на ней явилась печать русского государства; китайцы вытесывают гору, чтобы снять печать, но печать снова является.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 186-187.

ШОНО-БАТОР

Царь Хун-тайжи имел двух сыновей: старшего сына называли Сэрэн-Галда, а младшего — Шоно-батор³. Оба сына царя Хун-тайжи, когда выросли большие, то женились. Жену старшего сына, Сэрэн-Галда, называли Хальмакшин. Как звали жену Шоно-батора, не помнят. Царь Хун-тайжи был из племени Олот⁴.

Однажды оба сына царя Хун-тайжи поехали на зэгэтэ-аба (на облаву). Отец их — царь Хун-тайжи — обоим сыновьям дал каждому по 300 человек. Старший сын царя Хун-тайжи, Сэрэн-Галда и его 300 человек, во время зэгэтэ-аба охотились на зверей, но никого не убивали, а потому терпели голод.

¹ Граф Савва Рагузинский.

² Вероятно, монгольский Цэцэн-хан.

³ Ш о н о — волк; б а т о р — богатырь.

⁴ Следовательно, он был царем племени олот; буряты олотами называют калмыков; действительно ли Хун-тайжи был калмыцким ханом, буряты не знают. *Хангалов.*

Младший сын царя Хун-тайжи Шоно-батор во время зэгэтэ-аба убивал много зверей и кормил своих 300 человек; они не терпели голода. Сэрэн-Галда от стыда, что он не убивал зверей во время зэгэтэ-аба, сильно начал завидовать брату своему Шоно-батору. Из зависти он начал клеветать на своего брата Шоно-батара отцу своему Хун-тайжи, который поверил клевете и сильно рассердился на Шоно-батара.

Царь Хун-тайжи жестоко наказал своего младшего сына Шоно-батара следующим образом: он приказал поймать Шоно-батара. Когда поймали его, то ему вырезали хрящи от обеих лопаток, чтобы он не хвастался силою и меткостью в стрельбе. После этого Шоно-батара посадили в тюрьму.

Шоно-батор после такого несправедливого и жестокого наказания пел следующую песню:

Хуһан, хуһан модони	Березового, березового дерева
Холбо намшин гахалта,	Сросшиеся листья удивительны!
Хун-Тайжи бабан	Отца Хун-тайжи
Гэнэн тэнэгин гахалта.	Простота и глупость удивительны!

* * *

Нарһан, нарһан модони	Соснового, соснового дерева
Намши шилбэн гахалта,	Листья и хвоя удивительны!
Наһан болһон бабан	Состарившегося отца
Гэнэн тэнэгин гахалта.	Простота и глупость удивительны!

* * *

Шэнэнһэн, шэнэнһэн	Лиственничного, лиственничного дерева
Шилмэхэ намшин гахалта,	Хвоя и листья удивительны!
Сэрэн-Галда ахан	Брата Сэрэн-Галдана
Хобушигин гахалта.	Клевета удивительна!

Когда Шоно-батор сидел запертый в тюрьме, в это время другой царь Маса-богдо послал царю Хун-тайжи на трех верблюдах иголки и три больших лука; получив это, царь Хун-тайжи со своим старшим сыном обрадовались, что царь Маса-богдо им послал подарок. Шоно-батор, узнав об этом, сказал: «Теперь мой отец Хун-тайжи и старший брат Сэрэн-Галда радуются, что им Маса-богдо послал подарок – на трех верблюдах иголки и три больших лука, но скоро они будут покорены Маса-богдом».

Эти слова Шоно-батара донесли царю; тогда царь потребовал к себе своего младшего сына Шоно-батара и у него спрашивает: «Говорил ли ты, что мы будем покорены Маса-богдом?»

Шоно-батор сказал, что он говорил. Царь Хун-тайжи спрашивает: «Почему ты так говорил?»

Тогда Шоно-батор говорит своему отцу Хун-тайжи: «На трех верблюдах присланные вам иголки и три больших лука – не подарки; иголки означают,

что у царя Маса-богдо есть войска столько, сколько прислано иголок на трех верблюдах; три же больших лука означают, что у царя Маса-богдо есть три сильных батара. Царь Маса-богдо хочет прийти к тебе с войском и покорить твое царство».

Царь Хун-тайжи спрашивает у Шоно-батара: что теперь нужно делать?

Шоно-батор сказал своему отцу Хун-тайжи: «Все эти иголки раздать и вместо них послать огниво и складной ножик, а три лука нужно сломать».

Хэри хагдани	Степных старых трав
Олон шиги болхо.	Хотя много было,
Хэтэн гал барха,	Огонь от огнива кончит!
Толгон үхэни	На голове волос
Олон шиги болхо	Хотя много было,
Тонгор-хотога отолхо.	Складень-ножик перережет!

Тогда царь Хун-тайжи все иголки раздал, а три больших лука никто не мог натянуть. Шоно-батор взял три больших лука, натянул их и сразу все три сломал пополам; в то время, когда он тянул эти луки, из-под лопаток его вытек гной с кровью. После этого царь Хун-тайжи к Маса-богдо послал огниво со складным ножом и сломанные три большие лука; получив это, царь Маса-богдо раздумал идти с войском на царя Хун-тайжи, испугавшись, что у него тоже много войска и есть сильный батор, который и сломал все три больших лука сразу.

После этого Шоно-батор ходил на свободе; его не сажали опять в тюрьму. Сэрэн-Галда из зависти опять начал клеветать отцу Хун-тайжи на своего младшего брата Шоно-батара. Царь Хун-тайжи опять поверил клевете и сильно рассердился на Шоно-батара, послал войско за ним поймать его и привести к нему. Но Шоно-батор скрылся. Войско, посланное под предводительством Сэрэн-Галда, разыскивало Шоно-батара. Увидев их, Шоно-батор запел следующую песню:

Найн хани уральһа	Из местности доброго царя
Надаги баран харагдаба.	Колчаны стали виднеться,
Надагтани урда харахада	Спереди на колчаноносцев
Сэрэн-Галда туруши.	Сэрэн-Галда передовик
	(т. е. предводитель).
Сэсэн хани угамһа	Из местности умного царя
Сэрэги баран харагдаба.	Войска стали виднеться,
Тэдэни урда харахада	Спереди на них посмотреть
Сэрэн-Галда туруши.	Сэрэн-Галда передовик.

После этого посланные войска под предводительством Сэрэн-Галда окружили Шоно-батара с одной стороны, а с другой стороны было море; тогда Шоно-батор запел песню:

Шара, шара далада
Шахабди гэжи ханабыт
Шахагдаба шиги яхаб
Шарга морин омужин.

Хара, хара далада
Хагабди гэжи ханабыт,
Хагдаба шиги яхаб
Халюн-шарга омужин.

Хохо, хохо далада
Хурэлэбди гэжи ханабыт
Хурэлулбэ шиги яхаб
Хакшин-шарга омужин.

К желтому, желтому морю,
Думаете, будто притиснули.
Хотя бы притиснули, ладно —
Соловый конь переплывет.

К черному, черному морю,
Думаете, будто заперли.
Хотя бы заперли, ладно —
Халюный¹ соловый переплывет.

У синего, синего моря,
Думаете, будто окружили.
Хотя бы окружили, ладно —
Старый соловый переплывет.

После этой песни Шоно-батор на своем коне переплыл на другую сторону моря; переплыв, сидя на другом берегу моря, еще запел одну песню:

Хуһан, хуһан шибэги
Хуха даран орохоби,
Хоёр мянган сэрэги
Хумат гэжи гарахаб,
Тибэ яба яхаб
Орин зон харамта.

Нарһан, нарһан шибэги
Намта даран орохоби,
Найман минган сэрэги
Хумат гэжи орхихоб,
Тибэ яба яхаб.
Орин хон харамта.

Шонһон, шонһон шибэги
Шилбэ даран орохоби,
Сэрэг сур хоёриги
Хул таһа хюдахаб,
Тибэ яба яхаб
Орин зон харамта.

Березовую, березовую городьбу
Сдавивши, сломав, войду!
Двухтысячное войско
Переполошив, таки выйду!
Так-таки ладно.
Свой народ жалко.

Сосновую, сосновую городьбу
Сдавивши вниз, войду!
Восьмитысячное войско
Переполошив, таки выйду!
Так-таки ладно,
Свой народ жалко.

Лиственничную, лиственничную городьбу
Сдавивши вниз, войду!
Войско и воинов твоих
Совсем дочиста истреблю!
Так-таки ладно,
Свой народ жалко.

Шоно-батор после этой песни уехал в царство русского царя. Когда Шоно-батор уехал в русское царство, то жена его осталась дома и сделалась стряпкой у жены Сэрэн-Галда — Хальмакшин. В этом горестном положении она пела следующую песню:

¹ Х а л ю н ы й — местное выражение от монгольского х а л ю н — особая масть лошадей.

Хада дэрэ хухада
Хани хухэ бэлэб,
Хадаһан бухада
Хальмакшини шигэбшким.

Ондэр дэрэ хухада
Эжини хухэ бэлэб,
Ондэрхэн бухада
Хальмакшини шигэбшким.

Тэнгэри дэрэ хухада
Тэнгэрин хухэ бэлэб,
Тэнгэрхэн бухада
Хальмакшини шигэбшким.

На горе сидевши,
Царская жена была.
С горы спустившись,
Стряпка Хальмакшкины!

На высоте сидевши,
Хозяйская жена была.
С высоты спустившись,
Стряпка Хальмакшкины!

На небе сидевши,
Небесная жена была.
С неба спустившись,
Стряпка Хальмакшкины!

Впервые напечатано в сб. «Сказания бурят, записанные разными собирателями». Записки ВСОРО по этнографии, т. I, вып. II, Ирк., 1890, стр. 36-44.

Х У Р

У балаганских бурят есть музыкальный инструмент, называемый х у р, который будто бы имеет своего отдельного эжина: х у р и э ж и н. Кто пожелает научиться хорошо играть на хуре, тот должен в безлунную ночь сесть на росстани трех дорог, на голой лошадиной голове, которая должна быть обуздана шелковой уздой, сшитой шелковыми нитками и с шелковыми поводьями. Okоло полуночи лошадиная голова сбрасывает своего седока, играющего на хуре; если этот человек упадет, то он скоро умрет, а если не упадет и будет продолжать играть на хуре, то научится хорошо играть на этом инструменте.

Хурда хурдаһар
Хэтэ хуралаб.
Нарин оһон шинэдэ
Баруни хата
Орожи хурдалаб.
Баруни һахи
Урулажи хурдалаб.
Нуни утарха
Болсоро хурдалаб.
Тихэдэ буту
Бадарга дулалаб.
Тихэдэн зонсолоб.
Наран гурбан хушинда
Гурбан харгун
Бильшир дэрэ
Морини хубхи толго

Маатулажи абдалаб
Тихэхэн хоши
Эжилэн угэй
Үнэн хурта хуралаб.
Нарһан модон хурара
Нада зугада хурдалаб
Ушелгэжи ябалаб.
Хуши модон хурара
Хурило зондо хурдалаб
Үшилгэжи ябалаб.
Холон харин хилгаһа
Хаха таган хурдалаб
Хоршоһон абаган хургари
Гэнэн багада марталаб
Хулэнг хохон химаһа
Хоридон һужи хурдалаб.

Унажи хурдалаб.
Үри сихни хэрэндэ
Хубха толго
Бульяжи бала
Тэндэрэн
Барижи торолоб.
Зуни хата

Харьта ахан хургари
Гэнэн багада марталаб.
Бэлэн залон урулхада
Бэргэнут мини урмагила
Амар амар хурдахада
Абаганут мини урмагила.

Записано у балаганских бурят М. Н. Хангаловым

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», стр. 85-87.

ЧИНГИС-ХАН

1. Рождение Чингис-хана

Царь Ухэр-Боксо имел дочь, которую постоянно держал взаперти и за занавескою. Однажды она увидела солнечные лучи и оттого забеременела; впоследствии она родила сына; она положила его в кожаную корзину и пустила по реке. Этого ребенка нашли; он вырос; его назвали Чингис-ханом.

Дочь царя Ухэр-Боксо должна была выйти замуж за Эсхэ-Улан-батара, но на ней силою женился Оrorши-моргон. Некоторое время спустя Эсхэ-Улан-батар приехал к дому Оrorши-моргона; его не было дома. Эсхэ-Улан-батар говорит жене Оrorши-моргона:

– Ты моя суженая! Как я увезу тебя в свой дом?

Она говорит Эсхэ-Улан-батару:

– Тебе с моим мужем, Оrorши-моргоном, не справиться; он убьет тебя. Лучше ты спрячься в юрте; мой муж приедет, ляжет спать; утром я встану доить коров; вставая, откину немного одеяло; тогда мой муж отвернется лицом к стене и будет спать; в это время на спине его между лопатками ты увидишь его жизнь; ты выстрели в это место; если попадешь, то он умрет.

После ее слов Эсхэ-Улан-батар спрятался в юрте. К вечеру приехал Оrorши-моргон и лег спать с женою; утром, вставая доить коров, жена его откинула немного одеяло, Оrorши-моргон отвернулся лицом к стене и заснул. Эсхэ-Улан-батар действительно увидел на спине его между лопатками его жизнь; он вышел из засады, выстрелил и стрела его попала как раз куда следует. Тогда Оrorши-моргон сел на постели и говорит:

– Это устроила моя жена! Чем верить жене, лучше поверить дверной колоде!

Потом Оrorши-моргон умер.

Убив Оrorши-моргона, Эсхэ-Улан-батар привез его жену, свою суженую, к себе в дом и женился на ней. У него от нее родился сын; никто не мог этому ребенку дать имя; в это время с неба спустилась маленькая птичка и стала кричать:

— Чинг! чинг!

Поэтому новорожденному мальчику дали имя Чингис. Впоследствии мальчик вырос и сделался Чингис-ханом.

2. Изобретение вина Чингис-ханом

Чингис-хан придумал сделать вино: для этого он употребил двенадцать эрдэни¹; желая испробовать силу полученного вина, он пролил его на высокий камень; камень раскололся на несколько частей; тогда Чингис-хан убавил в вине три эрдэни; вновь вылил вино на плоский камень и камень на этот раз не раскололся. Чингис-хан подумал: «Теперь хорошо! Нужно попробовать напоить людей. Что они будут делать, когда опьянеют?». Он собрал калек — безглазого слепого, безрукого и безногого — и напоил их. Безглазый слепой, опьянев, говорит:

— Как красиво, чернея, блестит вино!

Безрукий ему отвечает:

— Ты ведь слепой! Как же ты увидел, что вино, чернея, красиво блестит? Я тебя ударю и ты полетишь кубарем!

Безногий, услышав эту речь, сказал:

— Один из вас слепой, не видит ничего; другой безрукий, хочет ударить. Я обоих вас топну ногой и раздавлю!

Таким образом они разругались. Чингис-хан подумал: «Это хорошо! Безглазый сделался с глазами, безрукий и безногий калеки сделались с руками и ногами». Подумав так, он оставил вино на девяти эрдэни, не уменьшая более его крепости.

Вино состоит из следующих эрдэни: 1) из слюны бешеной собаки; 2) из верхушек растущих трав; 3) из пламени красного огня; 4) из острия ножа вора; 5) из пара текущей воды; 6) из конца копыт быстрого бегунца; 7) из узла треножника²; 8) из объема большого котла; 9) из «дадын жирэлгэн»; 10) из мозга глупого барана; 11) из острия ножниц хорошей бабы; 12) из красного румянца со щеки красивой женщины.

Кто выпьет вина, тот большею частью пьянеет от какого-нибудь одного из этих эрдэни. Опьяневший от эрдэни слюны бешеной собаки делается как бешеная собака, будет на всех бросаться и драться; опьяневший от эрдэни, взятых из верхушек трав, делается как растущая трава и как цветущий цветок; опьяневший от эрдэни, взятого из красного пламени огня, будет как огонь гореть и может сгореть от вина и умереть; опьяневший от эрдэни, взятого от острия ножа вора, делается острым как нож и пойдет воровать и грабить; кто опьянеет от эрдэни, взятого от паров текущей воды, будет как пар воды; опьяневший от эрдэни, взятых от конца копыт быстрого бегунца, делается в

---

¹ Эрдэни — драгоценность.

² Вероятно, от узла ременного тренога, которым треножат лошадей.

хотьбе быстрым и неутомимым; опьяневший от эрдэни, взятых от узла треножника, не может ходить и падает, как будто ноги его стреножены; опьяневший от эрдэни, взятых из объема большого котла, выпивает много вина и все-таки не может насытиться; опьяневший от эрдэни, взятых от «дадын жирэлгэн», делается как ветер, легкомыслен и непостоянен; опьяневший от эрдэни, взятого от глупого барана, делается глуп как баран; опьяневший от эрдэни, взятых от острия ножниц хорошей бабы, будет резать как острые ножницы; наконец, кто опьянеет от эрдэни, взятой от румянца со щеки красивой женщины, делается румяным и в нем возбуждается любовь к женщинам.

Однажды Чингис-хан поехал на охоту и встретился с царем зверей Аргалан-зон¹, который воевал с царем змей Абарга-мого и никак не мог его победить. Царь зверей Аргалан-зон обратился с просьбой к Чингис-хану, чтобы он помог ему в борьбе с змеиным царем Абарга-мого, и Чингис-хан согласился; в то время, когда царь зверей Аргалан-зон сражался с царем змей Абарга-мого, Чингис-хан подкараулил момент, выстрелил и стрелой убил Абарга-мого. Царь зверей Аргалан-зон сильно обрадовался, поблагодарил Чингис-хана, посадил его на себя и повез его к его дому; немного не доходя до дома Чингис-хана, он остановился и говорит ему:

— Теперь слезай и далее иди сам; никому не говори, что ты ездил на мне; если скажешь, то я узнаю, приду и убью тебя.

Царь зверей Аргалан-зон ушел обратно, а Чингис-хан пришел домой. Во время одной пирушки Чингис-хан сильно опьянел и проговорился, что он убил змеиного царя Абарга-мого и ездил на зверином царе Аргалан-зоне. Царь зверей Аргалан-зон узнал, что Чингис-хан рассказал людям, как он ездил на нем верхом, обратился в человека, пришел к нему и сказал:

— Я тебе приказал никому не говорить, что ты на мне ездил.

Чингис-хан оправдывался, что он был пьян, ничего не помнит, — вино его победило.

— Что это такое — вино? — спрашивает царь зверей Аргалан-зон. — Я хочу попробовать.

Чингис-хан выкатил одну бочку вина; звериный царь Аргалан-зон выпил всю бочку, немного опьянел и говорит:

— Вино пить хорошо! Можно еще выпить! Еще давай!

Чингис-хан выкатил другую бочку; и эту всю выпил звериный царь, опьянел и свалился; пьяный он из человека обратился вновь в зверя. Тогда Чингис-хан связал ноги звериного царя, отколотил его хорошенько и оставил вытрезвляться; на другое утро Аргалан-зон вытрезвился и спрашивает: отчего он связан и отчего болит все его тело?

---

¹ А р г а л а н — «лев».

Чингис-хан говорит ему:

— Вы вчера опьянели, начали кататься по земле и сильно биться; мы боялись, чтоб вы не ушиблись, и связали вас.

Аргалан-зон сказал:

— Вино сильно и всех побеждает; теперь ты можешь говорить, что ты на мне ездил; я не буду сердиться!

И Аргалан-зон, звериный царь, ушел.

Записано со слов бурята Зунгаро-Быкотского ведомства Мадаса Макарова

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 181-185.

ПРЕДАНИЯ О ГЭНЭН-ХУДАКТЕ И СУХЭР-НОЕНЕ

По народным преданиям, в старинные времена буряты и монголы часто переходили то на ту, то на другую сторону Байкала. Монголы приходили из Монголии, переправлялись через Байкал и жили тут; но иногда опять уходили на юг, а на их место приходили другие. Таким образом, жившие по ту и другую сторону Байкала были в частых сношениях. Буряты, жившие по северную сторону Байкала, делали набеги в Монголию и угоняли у монголов скот, которого у бурят было мало, а также добывали здесь разные украшения, выменивали их на звериные шкуры. Монгольские ханы, узнав о существовании байкальских бурят, живущих независимо и не платящих никому дани, захотели их подчинить себе. С этой целью они послали на северную сторону Байкала двух лам: один назывался Гэнэн-худакта, а другой Сухэр-ноен. Двое этих посланных должны были подчинить бурят и прекратить их набеги на Монголию и угон скота.

Гэнэн-худакта приезжал в землю бурят задолго до прихода русских. Он был из племени олод (калмык). Он был лама и отличался необыкновенной силой. Он приезжал на северную сторону Байкала, чтобы обратить бурят в буддийскую веру, но это ему не удалось, так как буряты не показывались ему и уходили вглубь лесов и прятались, не желая подчиниться монгольскому хану и рассчитывая жить по-прежнему, не завися ни от кого и никому не платя дани.

Гэнэн-худакта приехал из Монголии по реке Селенге, спустился вниз по течению к Байкалу и по льду попал на остров Ольхон, откуда через Малое море (Н а р н д а л а й) перебрался на северную сторону Байкала; через нынешнее Ольхонское ведомство он приехал в Верхоленское ведомство, а оттуда в Кудинское. Здесь он остановился на некоторое время и, взяв хужир (солонец), направился в Идинское ведомство, переправился через Ангару, вошел в Балаганское ведомство и поднялся по р. Унге; здесь тоже остановился на некоторое время и взял хужир. Из двух ведомств, Кудинского и Балаганского, он увез хужиру на семидесяти верблюдах. С реки Унги Гэнэн-худакта вышел на р. Оку и, поднимаясь вверх по ее долине, ушел обратно в Монголию.

По дороге Гэнэн-худахта на скалах оставлял письма или надписи, которые буряты называют теперь Гэнэн-худахтынтамга. Впрочем, предание указывает только на одно место с подобной надписью. Говорят, что где-то в верховьях Оки, около окинского караула на горе Монголжини-ула он оставил надпись, которая существует и до сих пор. Кроме того, буряты Балаганского и Верхоленского округов указывают дорогу Гэнэн-худахта. Кудинские буряты указывают дорогу, по которой будто бы Гэнэн-худахта ехал в Идинское ведомство; эта дорога проходит по лесу; все деревья на ней вырублены. Другие эту дорогу называют китайской и говорят, будто по ней китайцы ехали обратно в Китай. Балаганские буряты указывают дорогу Гэнэн-худахты по р. Унге; она теперь заметна в виде углубления, заросшего травой, будто бы вытопанного многочисленными караванами верблюдов. У бурят Балаганского ведомства до сего времени сохранилась в памяти песня о Гэнэн-худакте:

Ара дэгур харбаха
Алтан халюр хүматаб.
Аламһиса булгэхэ
Боро шара моретоб.
Мор дэгур табиха
Гэнэн-худахта бээрэб.

Мордобхилжи хуряха
Боро шарга моретоб.
Хурэн шинэн зентэб.
Тэрэ хэми гэхэдэ
Монгон халюр хүматаб.

Сухэр-нойон, по народному преданию, приезжал в эти места далеко позже Гэнэн-худахты, но сколько именно лет прошло между приездами этих двух лам, буряты сказать не умеют.

Сухэр-нойон¹ также был из племени олод. Он был лама (по преданию он во многих местах «ламатучил»), а также был батур, то есть предводитель, отличавшийся необыкновенной силой. С того времени, как он приехал, по преданию балаганских бурят, прошло шестнадцать или семнадцать поколений². При нем было триста вооруженных человек или телохранителей. Цель его прихода была покорить бурят, обратить в буддийскую веру и заставить их платить дань дорогой пушниной. Он приехал из Монголии по другому направлению, чем Гэнэн-худахта, а именно – через нынешнее Тункинское ведомство. Из Тунки Сухэр-нойон приехал в местность, называемую по-бурятски Уля (где ныне Александровский завод). В то время при устье речки на острове Ангары жил большой шаман Гуртэ-зарин Монготуев³. Сухэр-нойон приказал этому шаману помочь переправиться через Ангару, но шаман отказался. Тогда Сухэр-нойон начал «ламатучить»⁴, и Ангара покрылась льдом, по которому Сухэр-нойон перешел на остров и приказал шаману Гуртэ-зарину покориться и заплатить

¹ См. «Изв.», т. XIV, № 1, 2, стр. 11.

² Если каждое поколение считать по 30 лет, то со времени Сухэр-нойона прошло около 480 или 510 лет; следовательно, это было около 1370-1400 годов.

³ З а р и н – «шаман».

⁴ То есть совершать богослужение по обряду лам.

дань. Гуртэ-зарин отказался; он сказал: «Я никогда никому не был подчинен и не хочу платить дань!» Тогда Сухэр-нойон велел своим людям стрелять в шамана и убить его, но они никак не могли этого сделать. Тогда шаман Гуртэ-зарин сказал: «Обверните мою голову нечистым платком и подкладкой унты¹, тогда только я могу умереть». Когда это сделали, шаман умер. Тело шамана Гуртэ-зарина бросили в реку Ангару. Брошенное тело пошло вверх по течению.

Отсюда Сухэр-нойон поехал в Идинское ведомство, по речке Оса спустил-ся вниз и доехал до местности, где ныне стоит Идинская степная дума. Здесь Сухэр-нойон остановился на некоторое время и предсказал, что впоследствии будут жить кузнецы, что здесь будет присутственное место (з у р г а н). Отсюда Сухэр-нойон выехал на реку Ангару и поехал вниз по ней до нынешнего Братского острога, от которого возвратился обратно, переправился на левую сторону и поднялся вверх по Ангаре выше Балаганска. Поднявшись немного выше Балаганска, выехал на речку Унгу, по которой поднялся вверх и остановился недалеко от местности, где ныне стоит Балаганская степная дума. Тут он опять предсказал, что здесь будет «з у р г а н» и будут разбираться разные тяжбы. После этого он поднялся вверх по р. Унге и выехал на р. Оку, по которой обратно уехал в Монголию.

Во время своего пути Сухэр-нойон совершал над бурятами разные жестокости, будто бы наказывая и предсказывая будущее, что будто бы теперь сбывается. Буряты разбегались от него по лесам, уходили в глубь тайги, и Сухэр-нойон не нашел в крае жителей.

В это время был некто Олзой², который будто бы считался царем здешних мест. Сухэр-нойон, поднимаясь по пади Тотхото, встретил одного бурята, который ехал на красном порозе. Этого бурята звали Ханха. Встретившись с ним, Сухэр-нойон спросил его: «Откуда ты приехал?» Бурят Ханха ответил, что он приехал от своего царя Олзоя. Тогда Сухэр-нойон приказал своим людям убить этого бурята. Когда убили бурята Ханха, то тело его бросили в озеро, которое и теперь по его имени называется Ханха-нур.

Записано М. Н. Хангаловым в Балаганском округе

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», Записки ВСОРО по этнографии, т. I, вып. 2, Ирк., 1890, стр. 108-112.

¹ Унты — сапоги из козких шкур шерстью вверх.

² Хан Олзой жил в Балаганском ведомстве по речке Унге; потомки его ныне живут по р. Унге, составляя два рода: 1-й и 2-й Олзоевы роды.

VI

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ

ПЛЕМЕНА БУРЯТ

В Иркутской губернии живут следующие племена (кости) бурят:

1. Сэгэнут, или Олод.
2. Хордут; по преданию, вышли из Монголии. Хордуты часто упоминаются в шаманских молитвах.
3. Хулдат; вышли из Монголии.
4. Золют; вышли из Монголии.
5. Булут; произошли от женщины из племени Баргат. По преданию, одна женщина из племени Баргат заблудилась в лесу; ее нашел во время охоты Онго, старший сын Обогона, и женился на ней. Так как она была беременна, то скоро родила сына, которому дали имя Булут. От этого мальчика произошло племя Булут, хотя по настоящему мальчик Булут был из племени Баргат.
6. Хангин, потомки Хоридоя.
7. Шарат, тоже потомки Хоридоя.
8. Хармяган; вышли из Монголии.
9. Улабат; вышли из Монголии.
10. Хэрмэшин; вышли из Монголии.
11. Хэрбит; вышли из Монголии, но часто упоминаются в шаманских молитвах.
12. Шошолок; вышли из Монголии и упоминаются в шаманских молитвах.
13. Манхамот; вышли из Монголии.
14. Хасамак; вышли из Монголии.
15. Хартул; вышли из Монголии.
16. Бузагат; вышли из Монголии.
17. Хара-монгол; вышли из Монголии.
18. Арганут; вышли из Монголии.
19. Уранхай; произошли от смешения бурят с другими племенами.

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», стр. 88-89.

БУЛАГАТ И ЭКИРИТ И ИХ ПОТОМКИ

За морем (подразумевается Байкал), то есть на его южной стороне, жил царь Тайжи-хан, у которого был пестрый пороз (т а р а л э р э н б у х а). Этот пестрый пороз славился необыкновенной силой и ростом. Однажды утром пестрый пороз мычит: «Кто со мною может бодаться на этом свете, тот пусть придет и попробует мою силу!»

Тогда Буха-нойон-бабай обратился в двухгодовалого пороза и с северной стороны Байкала промычал в ответ пестрому порозу: «Ныне мне исполнится второй год от роду, на будущий год будет третий; тогда я пойду бодаться с тобою и попробую твою силу».

На следующий год Буха-нойон-бабай обратился в трехгодовалого пороза, переплыл на южную сторону Байкала и отправился в царство Тайжи-хана бодаться с пестрым порозом. Буха-нойон-бабай днем бодался с пестрым порозом в виде пороза темновато-серого цвета, а ночью обращался в необыкновенно красивого молодого человека и ухаживал за дочерью царя Тайжи-хана.

Однажды царь Тайжи-хан увидел, что с его пестрым порозом бодается неизвестный пороз. Они испортили весь утуг¹. Царь Тайжи-хан взял палку и прогнал обоих в степь, где они продолжали бодаться между собою. Через несколько времени дочь царя Тайжи-хана сделалась беременной от Буха-нойон-бабая. Она сказала ему, что должна скоро родить. Тогда Буха-нойон-бабай таинственным образом вынул из утробы девицы ребенка и рогами бросил его на северную сторону Байкала. Когда Буха-нойон-бабай победил своего соперника, обратно переплыл на северную сторону, нашел брошенного ребенка и стал кормить его; лежа, он давал ребенку сосать «шибэ» (шерсть на брюхе).

В это время на северной стороне Байкала жил народ из племени Атагут десять домов и из племени Хотогут двадцать домов, «арбан орхо атагут, хорин орхо хотогут». Племя Атагуты имело шаманку Асухан, а племя Хотогуты имело шаманку Хусыхэн. Эти две шаманки не имели детей, но они друг другу предсказывали, что у них будут дети.

Однажды шаманка Асухан узнала, что у нее родился сын, которого воспитывает темно-серый пороз. Шаманка Асухан пришла и взяла от Буха-нойон-бабая мальчика и начала его воспитывать, а впоследствии дала ему имя Булагат (иначе говоря, Бумал). Булагат ходил играть на берег Байкала и там пропадал целые дни; однажды обе шаманки спросили Булагата, что он там делает целый день. Тогда мальчик ответил им: «Когда я прихожу на берег Байкала, тогда из воды выходит маленький мальчик, который играет со мною целый день». Обе шаманки удивились рассказу мальчика Булагата и проверили его. После этого шаманка Хусыхэн выдоила собственное молоко, сделала из него кушанье бон, дала мальчику Булагату и сказала: «Когда пойдешь на берег и когда выйдет из воды твой товарищ, дай ему поесть этот бон. Пусть он съест бон!» Мальчик

¹ У т у г – сенокосное поле.

Булагат, получив бон, отправился на берег играть со своим водяным товарищем. По обыкновению навстречу ему вышел из воды его товарищ. Поигравши немного, Булагат дает ему бон; водяной мальчик взял бон и съел. После этого водяному мальчику захотелось спать и он задремал; шаманка Хусыхэн тайно следила в это время и когда увидала, что водяной мальчик спит, она потихоньку подошла к спящему мальчику, поймала его и привела домой. Этого мальчика шаманка Хусыхэн усыновила и дала ему имя Экирит.

Когда Экирит был еще маленьким, его воспитывала рыба — пестрый налим; поэтому пестрый налим называется его отцом; щель берега служила колыбелью, потому считается матерью Экирита: «э р э н г у т а р э с э г э т э э р г и н г а б а э х э э к и р и т». От этих двух мальчиков, Булагата и Экирита, произошли многочисленные потомки, племена булагаты и экириты.

Записано М. Н. Хангаловым со слов шамана Манжу и других кудинских бурят

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. вып. 2, Ирк., 1890, стр. 94-96.

БУЛАГАТ И ЭКИРИТ И ИХ ПОТОМКИ

(Второй вариант)

Люди, жившие на северной стороне Байкала, неизвестно по какой причине все переехали на южную сторону, в Монголию. На северной остались только две шаманки, Асухан и Хусыхэн, которые жили вместе. Когда обе шаманки поочередно шаманили, то друг другу предсказывали, что у них будет сын. Как-то одна из них начала шаманить и говорит, что у них уже родился сын; недалеко отсюда на горе лежит Буха-нойон бабай, обратившись в темно-серого пороза. Под грудью его лежит ребенок в железной люльке. Тогда обе шаманки пошли взять ребенка, но Буха-нойон бабай не дал его им. Обе шаманки возвратились домой, начали снова шаманить и ворожить и узнали, что темно-серый пороз есть Буха-нойон бабай, что ему нужно принести в жертву трех животных: белую большую кобылу, большого белого барана с рогами (м а н х и р м а л а н х у с а) и большого козла с темно-желтой шерстью (ш а р а һ а р а л ш э х э), и что тогда Буха-нойон бабай уступит своего ребенка в железной люльке. Обе шаманки сделали жертвоприношение (г а л г а н), закололи вышеупомянутых животных. Буха-нойон бабай принял жертву и отдал шаманкам ребенка, а сам удалился в Тункинские высокие и снежные горы. Уходя в горы, он по дороге выделял жидкость из мочевого пузыря на ходу, как обыкновенно делает рогатый скот. На этих местах по следам его выросли пихта и вереск¹, которые у бурят считаются чистыми.

---

¹ Вереском в Сибири зовут можжевельник.

Две шаманки взяли ребенка в железной люльке, положили на войлок, принесли домой, но никак не могут развязать ремни железной люльки; железная люлька не раскрывается. Две шаманки начали снова шаманить и ворожить, почему железная люлька не раскрывается, почему ремни не развязываются. Пошаманили и узнали, что нужно исполнить прежде следующий обряд: нужно было снять сидение (н у д а л) на стороне, противоположной двери (х о й м о р т а л а), «х о й м о р н у д а л х у т а т а х у»; потом одна из них должна была представлять, будто бы она родит ребенка. Нужно было также заколоть трехгодовалого бычка и взять лытку с мясом (ш а т а с о м о г о н) и большой нож (или стрелу, как иные говорят). Когда шаманки исполнили этот обряд, железная люлька сама раскрылась.

Шаманка Асухан усыновила этого ребенка и начала воспитывать его. Впоследствии ему дали имя Такша-мэргэн (т а н д у н д а н а о л д о н о н Т а к ш и м э р г э н) или, как другие говорят, Булагат.

В это время они жили на берегу Байкала. Когда Такша-мэргэн, или Булагат, подрос немного, он начал ходить играть на берег моря. Там он играл с двумя мальчиками и одной девочкой, которые выходили из воды и, поиграв с Булагатом, опять уходили в воду. Происхождение этих мальчиков и девочки было такое. Один из сорока четырех восточных тэнгэринов под названием Хурмустан имел одну дочь, которая неизвестно от кого сделалась беременной. Тогда дочь Хурмустан спустилась на землю в виде ямана (козла) и на земле родила трех детей — двух сыновей и одну дочь — и положила их на берег Байкала, где они и выросли. Потом она создала животное, дала ему имя яман (козел) и сказала: «Я наравне с прочими буду принимать жертвоприношения, в состав которых будут входить и яманы!» Вот почему ныне при некоторых жертвоприношениях и кырыках¹ колот козлов.

Шаманки Асухан и Хусыхэн от своего приемного сына Булагата узнали о существовании этих водяных детей, старались поймать их, но никак не могли; когда дети увидят приближающихся шаманок, убегают в воду. Шаманки давали Булагату тарак и ормо², чтобы он угостил ими детей и привел их, но дети ни за что не соглашались идти в дом Булагата. Тогда шаманки придумали средство, как поймать водяных детей. Они поставили на очаг котел и выгнали очень крепкий тарасун³, дали его Булагату, а также и тарак и ормо, и сказали ему: «Когда придешь на берег Байкала играть с водяными товарищами, когда они выйдут из воды к тебе навстречу, постели на землю этот войлок; сядьте на этот войлок и поешьте тарак и ормо, а когда захочется пить, то вместо воды пейте этот тарасун!»

---

¹ К ы р ы к — частное жертвоприношение.

² Т а р а к — «творог», «о р м о» — «сливки».

³ Т а р а с у н — вино.

Булагат, взявши от шаманок все эти вещи, пошел на берег Байкала; водяные товарищи вышли из воды. Они все четверо сели на войлок, съели тарак и ормо, выпили тарасун, опьянели и легли спать на войлок.

В это время шаманки, караулившие неподалеку, увидев, что дети легли спать, потихоньку подошли, взяли войлок с детьми и понесли домой. На пути один мальчик проснулся и крикнул: «Возьми меня, молочное море-мать и недоступные, скалистые горы-отец!» («Нундала эхэмени абышхоморула эсэгэмени абыш!»). В это время на море поднялись сильные волны и бросились на берег, чуть-чуть обе шаманки не потонули в волнах; в это время девочка обратилась в нерпу¹ и ушла в море; значит, взяла ее «молочное море-мать»; другой мальчик, пробудившись, обратился в черную белку и убежал в горы; это значит, что «недоступные, скалистые горы-отец» взял его; третий ребенок остался у шаманок, которые и принесли его домой. Шаманка Хусыхэн усыновила его и дала ему имя Экирит (Эргихэолдоһон Экирит, «на яру найденный Экирит»).

Когда эти мальчики выросли, они женились. Приемный сын шаманки Асухан Булагат женился на дочери царя Аю-хана. Булагат имел двух сыновей: первый назывался Буган, второй Булаган-хара (Булга-хара). Когда два сына Булагата выросли, то старший женился и имел шесть сыновей и одну дочь.

Булаган-хара женился следующим образом. У него была большая черная собака, которая ловила зверей. Однажды Булагат-хара уехал на эгэтэ-аба в царство царя Халык-хана; во время облавы отличался ловкостью и меткостью в стрельбе, но особенно его черная собака отличалась тем, что ловила зверей и приносила своему хозяину. После эгэтэ-аба царю Халык-хану захотелось иметь эту собаку, а потому он обратился к Булаган-хара с просьбой продать ему эту собаку. Булаган-хара не соглашался. Тогда Халык-хан всё предложил ему, что только он пожелает взять за свою собаку. Булаган-хара сказал: «Если ты за меня выдашь замуж свою дочь, тогда уступлю свою собаку». Халык-хан согласился и отдал свою дочь замуж за Булаган-хара.

Булаган-хара имел только одного сына Тоглока, который родился во время эгэтэ-аба. Тоглок имел семь сыновей; из них шесть были от первой жены; от второй жены, похищенной во время облавы, он имел только одного сына Ашехавата.

Имена семи сыновей Тоглока:

1. Бумал-Саган; от него произошли тункинские буряты;
2. Боржин-Далха; от него — аларские буряты;
3. Алагуй; от него — буряты, живущие около Байкала, принадлежащие к Кудинскому и Капсальскому ведомствам;
4. Саган; от него — кудинские буряты;

---

¹ Нерпа — тюлень, по-бурятски: зап-загахан.

5. Булак-Саган-Бумал; от него — балаганские буряты;
- 6 Хурхут; от него — китойские буряты;
7. Ашехават; от него произошли Ашехаваты, входящие в состав Кудинского ведомства.

Экирит женился на дочери царя Халык-хана, имел одного сына Запхи, который тоже женился и имел четырех сыновей; от этих последних произошли верхоленские, ольхонские и ленские буряты¹.

Записано М. Н. Хангаловым со слов шамана Манжу и других кудинских бурят

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», Записки ВСОРО по этнографии, т. I, вып. 2, Ирк., 1890, стр. 96-100.

БАРГА-БАТУР

По преданию кудинских бурят, буряты жили прежде около Тобольска, откуда двинулись на восток, перешли Байкал и ушли в Монголию, частью ушли в Якутскую область. Другие же предания рассказывают о движении бурят из Монголии на северную сторону Байкала.

По кудинскому преданию, родоначальником бурят был Барга-батур, который жил около Тобольска и имел трех сыновей; старшего звали Илюдэр-Тургэн, среднего — Гур-бурят, младшего — Хоредой-мэргэн. Впоследствии Барга-батур со своими двумя сыновьями Гур-бурятом и Хоредой-мэргэном из Тобольска двинулся на восток, а старшего сына, Илюдэр-Тургэна, оставил в Тобольске, сказав ему: «Ты будешь царем здешних мест! Твое счастье — на старом месте!» Так Илюдэр-Тургэн и остался на старом месте. От него произошли нынешние калмыки, живущие в Астраханской, Ставропольской и Саратовской губерниях. О том, как потомки Илюдэр-Тургэна переселились из Тобольска на запад, бурятское предание не знает. Некоторые потомки Илюдэр-Тургэна, по-видимому, пришли потом и на восток; по крайней мере, бурятские роды Балаганского ведомства, Зунгарский и Икинатский, считаются из племени калмыков, по-бурятски: олод или сэгэнут.

Барга-батур с двумя младшими сыновьями, Гур-бурятом и Хоредой-мэргэном, двинулся на восток в нынешнюю Иркутскую губернию и остановился в Тункинском ведомстве около озера Ху-нур (Х у-н у у р) на возвышенности Хохо-болдок. В этих местах он оставил жить своего среднего сына — Гур-бурята, которому сказал: «Ты будешь царем этой местности! Твое счастье здесь!» Гур-бурят остался в Тунке. От него произошли северо-байкальские буряты, принадлежащие к племенам экирит и булагат, т.е. тункинские, китойские, аларские, балаганские, идинские, кудинские, капсальские, верхоленские, ольхонские и ленские буряты.

¹ Начало напечатано в Изв. отдела, т. XIV, № 1-2 (1883), стр. 2.

Барга-батур из Тунки с младшим сыном Хоредой-мэргэном двинулся к северу по реке Лене в нынешнюю Якутскую область и оставил Хоредоя на Лене; в каком месте, предание не указывает. Барга-батур сказал Хоредой-мэргэну: «Ты будешь царем здешних мест! Твое счастье здесь, в этих местах!» Оставив его в Якутской области, сам Барга-батур двинулся обратно в Иркутскую губернию. Проникая в Якутскую область, Барга-батур имел битвы с местными жителями около Байкала, но что за народ были эти жители, предание умалчивает. Барга-батур умер на острове Ольхоне в местности Шингил-шибэй. Другие говорят, что Барга-батур, возвратясь из Якутской области, умер немного ниже города Иркутска в местности Хото-урур (ниже города на 6-й версте).

Хоредой-мэргэн был отличным стрелком из лука, почти никогда не делал промаха. В течение нескольких лет он жил на Лене, занимаясь звероловством и питаясь мясом убитых диких зверей. Впоследствии он женился на дочери неба и, прожив с нею несколько времени, двинулся обратно и переправился за Байкал, где и поселился.

Потомками Хоредой-мэргэна считаются хоринские буряты на южной стороне Байкала и племена хангинцы и шараты — на северной.

Записано М. Н. Хангаловым у кудинских бурят

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 2, Ирк., 1890, стр. 112-113.

ХОРЕДОЙ-МЭРГЭН

1

На северной стороне Байкала жили три охотника, которые питались мясом зверей и птиц, убитых на охоте. Однажды все трое отправились на охоту, но ничего не убили. Двое из них пришли к балагану вперед третьего, который охотился вместе с ними, но отстал от товарищей. Пришедшие вперед сварили оставшееся от прежней охоты мясо, шесть шейных позвонков; из них пять съели, а шестой позвонок оставили товарищу, которого звали Хоредой. Хоредой пришел с охоты, тоже ничего не убив. Товарищи сказали ему, что они оставили ему его пай, а свои съели. Хоредой сказал им: «Шейных позвонков оставалось шесть, а потому мне следует два позвонка, а не один. Мы живем вместе и должны все делить поровну. Так как вы меня обидели теперь, то я не желаю более жить с вами!».

Сказав это, Хоредой отправился на южную сторону Байкала, который он перешел по льду. На южной стороне Байкала Хоредой занимался звероловством как прежде. Однажды он увидел в одном озере купающихся женщин, которые, выйдя из воды, обратились в лебедей и улетели. Хоредой стал караулить. Лебеди опять прилетели на озеро; сняв с себя лебяжью одежду, они обратились

в красивых женщин и начали купаться. Хоредой вышел из засады и взял одну лебяжью одежду. Купавшиеся женщины бросились из воды, надели лебяжью одежду и улетели. Одна из них осталась, потому что ее лебяжью одежду Хоредой спрятал. Хоредой взял ее в жены, жил с ней и имел от нее детей, но впоследствии она напоила Хоредоя (вином) и, взяв свою одежду, улетела на небо.

Записано М. Н. Хангаловым от тайши Кудинского ведомства Михаила Бунаева

2

Однажды Хоредой-мэргэн во время охоты увидел трех лебедей, которые прилетели к озеру Садамтын-саган и сели на берегу. Потом лебеди сняли с себя лебяжью одежду и обратились в трех необыкновенно красивых женщин, которые стали купаться в озере Садамтын-саган. Выкупавшись, вышли из воды, надели свою лебяжью одежду и улетели на небо. Это были небесные дочери, которые в виде лебедей обыкновенно прилетали купаться в озере Садамтын-саган и, выкупавшись, улетали на небо. Одни говорят, что озеро Садамтын-саган находится в низовьях реки Лены в Якутской области, другие — на южной стороне Байкала, в Монголии.

Хоредой-мэргэн очень удивился и начал караулить лебедей, чтобы поймать одну из них, но это ему сначала не удавалось. Однажды небесные дочери в виде лебедей прилетели на озеро и, раздевшись, начали купаться. В это время Хоредой-мэргэн вышел из засады и похитил одну лебяжью одежду. Тогда небесные дочери бросились из воды, две из них надели на себя лебяжью одежду, улетели на небо; одна дочь неба не нашла своей одежды и осталась на земле. С этого времени Хоредой-мэргэн жил с этой небесной дочерью. Она не обнаруживала желанья убежать от своего земного мужа. Так они прожили на берегу Садамтын-саган в течение трех лет, но детей у них не было. Однажды Хоредой-мэргэн спросил у своей жены, дочери неба: «Вот мы живем в супружестве в продолжение трех лет, а детей не имеем; отчего это?» Тогда жена его, небесная дочь, ответила: «Если мы будем жить в этой местности, то не будет у нас детей». Тогда Хоредой-мэргэн спрашивает: «Куда мы должны переехать, чтобы иметь детей?» Жена ответила: «Мы должны переехать к югу за море; если туда переедем, у нас будут дети и множество потомков». Жену Хоредой-мэргэна звали Хобоши-хатун.

Тогда Хоредой-мэргэн оставил Лену и переехал на южную сторону Байкала и там поселился на постоянное жительство. Они имели здесь небольшое хозяйство, но Хоредой-мэргэн по-прежнему охотился на зверей. На новой родине он имел от своей жены одиннадцать сыновей и шесть дочерей.

Однажды Хобоши-хатун спросила у своего мужа Хоредой-мэргэна, куда он девал ее прежнюю лебяжью одежду. Хоредой-мэргэн сказал, что ее лебяжья одежда до сих пор цела и неиспорчена и хранится недалеко от места, где они

живут. Хобоши-хатун стала просить его, чтобы он показал ей ее прежнюю лебяжью одежду, в которой она прилетела купаться в озеро Садамтын-саган. Хоредой-мэргэн подумал, что после такой продолжительной жизни с ним, родивши на земле одиннадцать сыновей и шестерых детей, Хобоши-хатун, надев свою старую лебяжью одежду, не улетит на небо и не захочет оставить своего мужа и своих детей; он сходил за спрятанной лебяжьей одеждой, принес ее и передал жене. Хобоши-хатун долго любовалась своей прежней одеждой. Потом она спросила у мужа позволения надеть эту одежду на себя, чтобы он посмотрел: красива ли она в своей прежней одежде. Хоредой-мэргэн согласился. Ему тоже хотелось посмотреть на свою жену, красива ли она в своей прежней одежде. Она надела лебяжью одежду, села на полку и спросила мужа, красива ли она. Хоредой-мэргэн сказал, что она красива, как и прежде, и любовался ее красотой. Хобоши-хатун полетела в верхнее отверстие юрты, в которое выходит дым. В это время одна из шести дочерей ее гнала тарасун. С криком «Куда, мама?» она схватила грязными руками за обе ноги лебедь-мать. Но Хобоши-хатун, выдернув ноги из рук дочери, вылетела из юрты и начала кружиться над ней. Она говорила в это время своему мужу и детям: «Вы, земные жители, оставайтесь на земле, а я, небесная, полечу на небо, на свою родину!» Потом она еще сказала им: «Весною и осенью, когда лебеди летят к северу и обратно, делайте обряд в честь мою!» Потом она благословила своих детей, чтоб они жили на земле счастливо, и улетела на небо.

Когда она вылетела из юрты, дочь схватила ее грязной рукой за ноги — оттого теперь у лебедей ноги черны.

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», Записки ВСОРОГО по этнографии, т. I, вып. 2, Ирк., 1890, стр. 114-117.

СЭГЭНДЭ И БАРТО

Племя элэт (о л о д) или сэгэнут жило прежде на южной стороне Байкала. Оно убило своего военачальника и, боясь наказания, пошло вниз по Селенге, перешло через Байкал и поселилось между кудинскими и верхоленскими бурятами, где размножилось до трехсот колчанов, то есть умеющих носить оружие. Племя элэт сильно обижало окружающих бурят из племени булагат, экирит и других, отбирая у них жен, дочерей и даже скот. Тогда булагаты и экириты сошлись между собою и уговорились уничтожить все племя элэт. С этой целью булагаты и экириты пригласили все племя элэт, угостили их, напоили допьяна. Когда все элэты стали пьяны, буряты перебили всех мужчин, а жен, дочерей и имущество разделили между собой. От этого побоища остались только два человека, которые были на охоте. Их имена были Сэгэндэ и Барто. Они были дядя и племянник. Когда Сэгэндэ и Барто пришли с охоты, они увидели, что их племя все перебито и все их имущество разграблено; осталась одна только черная овца, которую грабители не заметили. Тогда дядя с племянником, взяв

черную овцу, убежали от кудинских бурят и остановились ниже местности, где ныне Александровский завод. Тут они жили некоторое время. Однажды племянник Барто пошел на охоту, а дядя остался. После ухода племянника дядя заколол единственную черную овцу и начал есть. Когда вернувшийся племянник узнал, что дядя заколол овцу, он рассердился и сказал: «Овца могла расплодиться и со временем был бы у нас скот, а теперь у нас ничего нет. Чем же будем жить?»

После этого племянник Барто сделал себе плотик (h a л) и поплыл на нем по Ангаре. Понесло его вниз по Ангаре и выбросило на берег ниже нынешнего города Балаганска в Идинском ведомстве. Здесь он поселился и женился на дочери местного бурята. Потомки Барто впоследствии переселились в Балаганское ведомство и ныне составляют Зунгарский род.

Оставшийся дядя Сэгэндэ, кончив мясо черной овцы, тоже сделал небольшой плотик и поплыл вниз по Ангаре искать своего племянника, но не нашел его. Сэгэндэ выбросило течением в устье Оки. Он поднялся вверх по Оке около двенадцати верст и поселился в местности Зуга, так называется падь около нынешнего Николаевского завода. Тут Сэгэндэ женился на дочери тунгуса Икинаты. Потомки Сэгэндэ жили в этой местности до прихода русских.

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып., Ирк., 1890, стр. 117-118.

ТАКШИ И ЕГО ПОТОМКИ

Было два племени **С о н г о н** и **Х о т о г о н**. От них явился Такши, о котором говорится: «Тан дундага оллоһон Такши», то есть «Такши, найденный в самой середине». Он женился на Ногон Уранда и от нее имел двух сыновей и одну дочь. Имена сыновей были Бото и Бумал. У Бото был сын Булгат, о котором говорится: «**Б у х а д о р о х о о л д о һ о н Б у л г а т**» — «Под порозом найденный Булгат». У Бумала было два сына — Болот и Саган, у Болота три сына — Кульмэнгэ, Муры и Олзой, у Сагана два — Обогон и Булут. У Обогона три сына — Хогой, Онгой и Онхотой. У Булута один — Улатай, у которого было восемь сыновей.

Дочь Такшиева, имени которой не сохранилось, родила без мужа сына Токлока. Токлок имел семь сыновей, имена их: Готол, Хонгдор, Хурхуд, Хоёт, Боход, Ашехеват и Ноён Бура. У ноёна Буры два сына — Енгут и Ноет.

РО БКНИИ, инв. № 358. Архив М. Н. Хангалова, л. 136.

КОСТИ ОЛЬЗОН И БАЯНДА

Жили три брата: Сахир, Сыхир и Токто. Третий брат, Токто, уехал свататься к дочери Готолы, которую звали Голохон. Дома остались два брата — Сыхир и Сахир, которые славились как меткие и хорошие стрелки из лука. С южной

стороны Байкала приехало четыреста зэгэгэ-облавщиков, охотившихся на зверей. Перед отъездом облавщики были у шаманки. Они им поворожила и сказала: «Можно похитить жен Сыхира и Сахира, но только по такой примете: когда вы приедете туда, ожеребится одна кобыла; если ее жеребенок удавится на дереве, тогда вы можете подъехать и убить двух братьев; если этот жеребенок не удавится, то не подъезжайте близко — они вас всех убьют».

Когда зэгэгэ-облавщики приехали, то увидели, что кобыла ожеребилась и жеребенок удавился на дереве. Тогда они подъехали к дому двух братьев. Вошедши в дом, отрезали тетивы луков и сломали стрелы. В это время два брата были пьяны и спали. Проснувшись, они схватили лук и стрелы, но те были испорчены и не могли стрелять. Четыреста зэгэгэ-облавщиков убили двух братьев, взяли их жен и поехали обратно. Но дорогой две женщины убежали от облавщиков и приехали домой. В это время приехал третий брат, Токто. Он поехал вслед за зэгэгэ-облавщиками и по дороге стрелял в большие деревья, а потом возвратился домой. Зэгэгэ-облавщики поехали за убежавшими от них женщинами, но увидели стреляные деревья и вернулись домой. От этих двух женщин родилось по сыну, которые были названы: о ш о х о н х о н о е р-нэн Олъзон барягдаһан хоно ерһэн Баянда.

От этих двух мальчиков — Олъзона и Баянда — произошли ользоновские и баяндайские буряты Верхоленского ведомства.

Записано М. Н. Хангаловым от кудинского бурята Бугдана Буинова

Напечатано в сб. «Сказания бурят...», стр. 92-93.

ОБОГОН

Обогон имел трех сыновей: Онгой, Онхотой и Хогой. Обогон родился от дочери Тоглока. Тоглок имел семь сыновей и одну дочь, которая пасла скот. Однажды она увидела на могиле растущий цветок; она вырвала его и играла им, а потом съела его, сделалась беременною и родила сына, которого звали Обогон. Цветок этот был у р г у й (подснежник); поэтому у бурят говорят об Обогоне: Ургун узурха олдoһон Обогон, «под корнем подснежника найденный Обогон».

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 185-186.

VII

УЛИГЕРЫ

ВОЙНА АБАЙ-ГЭСЭР-БОГДО-ХАНА С ЛОБСОГОЛДОЙ-ХАРА-МАНГАТХАЕМ

Прямо на восточной стороне, в местности далекой, в стране, называемой Хонин Хотон¹ (страна эта высохшая и выдутая ветром), в стране мангатхаев, в той стране туманной, в которой люди блуждают, — в этой самой стране родился, превратившись², Лобсоголдой-хара-мангатхай. Он имеет железный дворец, в длину и ширину шестьдесят верст; кроме того, имеет множество разного скота и подданных. Везде приятный конь его Лоб-хара.

Однажды Лобсоголдой-хара-мангатхай десять волшебств своих заставил бегать по ладони и двадцать превращений своих заставил бегать по пальцам. После этого он поймал своего коня Лоб-хара, положил на него холщевый потник, оседлал его деревянным седлом и, взяв в руки в сорок пудов железный молот, сел на коня и поехал прямо на северную сторону. Ехал, ехал и едет. Все далее и далее едет. И поехал по направлению к местности Шажагатын³, ко второй своей старшей сестре Енхэбэ. Во время этой поездки, когда он проехал половину пути, он начал, смотря вверх, смеяться и, смотря вниз, плакать, мало-мало рыдая.

Когда так ехал Лобсоголдой-хара-мангатхай, в это время младшая старшая сестра⁴ его Енхэбэ, услышав плач, своим большим знанием узнала и большим разумом уразумела, что это плачет ее брат, выехала к нему навстречу и говорит себе:

— Единственного брата моего на земле чей сын побил и чей сын истязал? Или он испугался вида дальнего войска, или испугался, увидав неприятеля близко?

¹ Хонин — «овца»; хото — «желудок». Хонин-Хотон по-русски будет: страна, называемая «овечий желудок».

² Т.е. приняв не свой, может быть, человеческий вид.

³ Шажагай — «сорока»; шажагатын — «сорочий».

⁴ Чтобы это странное выражение: «младшая старшая сестра» («старшая сестра» по-монгольски — эгич) стало понятно, нужно предупредить читателя, что у Лобсоголдой-хара-мангатхая, по-видимому, было три эгич, т.е. три сестры, которые все были старше его годами; все три назывались Енхэбэ. Он поехал к средней эгич, а его плач услышала младшая эгич. *Г. Потанин.*

Встретила его на дороге и спрашивает:

— Чей сын побил тебя и чей сын истязал тебя? Или ты испугался вида дальнего войска, или ты испугался, увидав неприятеля близко?

Тогда Лобсогдой-хара-мангатхай говорит своей младшей сестре Енхэбэ:

— Прямо на западной стороне, в пади Хатан, едва вмещающей живущее, у Абай-Гэсэр-богдо-хана средняя жена Урма-Гохон-хатан, по слухам, очень красива и хороша. Услыхав это, я поехал отобрать у него среднюю жену Урма-Гохон-хатан и из-за нее воевал с Абай-Гэсэр-богдо-ханом, но он пересилил меня. Я едва-едва живой вырвался от него и приехал к тебе. Каким средством мне взять ее и каким образом овладеть ею, укажи мне.

Младшая старшая сестра (младшая эгич) Енхэбэ говорит ему:

— Ай, собака! Не найдя с кем воевать, нашел воевать с великим, как гора, Абай-Гэсэр-богдо-ханом! Найдется на чужбине девица, которую ты высватаешь. И не найдя кого встретить, нашел встретиться с великим, как гора Абай-Гэсэр-богдо-ханом! Найдется в народе девица, которую ты высватаешь.

Тогда Лобсогдой-хара-мангатхай говорит:

— Без тебя поживу! Без твоей помощи съезжу! И ты без меня живи!

Потом Лобсогдой-хара-мангатхай поехал далее. Он ехал, ехал и поехал прямо по направлению к пади Хэрэтын¹. Поехал скоро. Конь его Лоб-хара бежит изо всей силы. В пади Хэрэтын живет самая старшая его сестра Енхэбэ; он поехал просить у ней совета. Проехав половину дороги, он, смотря вверх, смеется и, смотря вниз, плачет, рыдая. Чем далее едет, тем сильнее и громче плачет, рыдая. Так плача и рыдая, ехал Лобсогдой-хара-мангатхай. В это время самая старшая сестра (старшая эгич) Енхэбэ, услышав его плач и рыдания, и своим большим знанием узнав, выехала к нему навстречу и говорит себе:

— Единственного брата моего на земле чей сын побил и чей сын истязал? Или испугался вида дальнего войска, или испугался, увидав неприятеля близко?

Встретив его, самая старшая сестра Енхэбэ спрашивает его:

— Чей сын побил тебя и чей сын истязал тебя? Или ты испугался вида дальнего войска, или испугался, увидав неприятеля близко?

Тогда Лобсогдой-хара-мангатхай говорит:

— Прямо на западной стороне, в пади Хатан, едва вмещающей живущее, у Абай-Гэсэр-богдо-хана средняя жена Урма-Гохон-хатан, по слухам, очень красива и хороша. Услыхав это, я поехал отобрать у него среднюю жену Урма-Гохон-хатан и воевал с ним, но он пересилил меня. Я едва-едва живой вырвался от него и приехал сюда просить совета и помощи, каким средством взять ее и каким образом победить Абай-Гэсэр-богдо-хана, чтобы овладеть ею, укажи мне!

¹ Хэрэ — «ворона», Хэрэтын — «воронья».

Самая старшая сестра Енхэбэ говорит ему:

— Укажу тебе средства и способ, как преодолеть Абай-Гэсэр-богдо-хана и взять его среднюю жену Урма-Гохон-хатан.

Потом она своего единственного брата на земле Лобсоголдой-хара-мангат-хая привела домой и говорит ему:

— Единственное средство такое. Поднимись на самое верхнее небо к западным пятидесяти пяти тэнгэринам. Самый старший из них Хан-Тюрмас-тэнгэри имеет училище. Превратившись в мальчика, учись в этом училище в продолжение девяти лет, чтобы горностаи не пронюхал об этом и хорек не услышал, и чтобы имеющие глаза не узнали и имеющие уши не услышали. Если ты выучишь священное писание трех бурханов Шибэгэни, тогда только победишь Абай-Гэсэр-богдо-хана и возьмешь себе среднюю жену его Урма-Гохон-хатан.

Тогда Лобсоголдой-хара-мангатхай, обратившись в пестрого ястреба, полетел вверх к западным пятидесяти пяти тэнгэринам, чтобы подняться на небо. Прилетев на небо, по Млечному пути (т э н г э р и н о ё д о л) он поднялся на самое верхнее небо, превратившись в маленького мальчика, пришел в училище Хан-Тюрмас-тэнгэрина, поступил в него и учится в продолжение девяти лет. В это время имеющие глаза не узнали и имеющие уши не услышали, что Лобсоголдой-хара-мангатхай, превратившись в маленького мальчика, в продолжение девяти лет учится в училище и выучился священному писанию трех бурханов Шибэгэни.

После этого Лобсоголдой-хара-мангатхай спустился вниз с материнской желтой священной книгой. Обратившись в одного из бурханов Шибэгэни, спустился в падь Хатан и заходит во дворец, в котором жила Урма-гохон-хатан, средняя жена Абай-Гэсэр-богдо-хана, садится на правой стороне дворца на серебряном престоле и, взяв материнское желтое священное писание, читает его, сидя. В это время смотрящими глазами не мигает и сложенными под себя ногами не шевелит. Так сидя, читает священное писание. Средняя жена Абай-Гэсэр-богдо-хана Урма-гохон-хатан большим удивлением удивляется и большим дивом дивится, стоя во дворце и думая:

— Зачем спустился с неба на землю наше моление Шибэгэни-бурхан и пришел ко мне во дворец?

В это время Абай-Гэсэр-богдо-хана дома не было, он уехал охотиться на северную сторону Алтая и уехал охотиться на возвышенных местах Хохоя. Во время охоты он убил много зверей, самых хороших и жирных; худых же и сухих он отпускал на племя. Набив много зверей, он привязал их в торока на обеих сторонах великого, как гора, тела темно-гнедого коня. После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан приехал домой к дворцу средней жены Урма-гохон-хатан и остановился у серебряной коновязи. Ему навстречу выбегает средняя жена его Урма-гохон-хатан и говорит ему:

— Наше моление бурхан Шибэгэни, спустившись с неба, пришел к нам, сидит во дворце на серебряном престоле и читает материнское желтое священное писание, читает, не мигая глазами и не шевеля сложенными под себя ногами.

Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан большим удивлением удивлялся и большим дивом дивился и говорит:

— Наше моление Шибэгэни-бурхан! Зачем ты спустился с неба на землю и пришел к нам?

После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан убитых зверей, привязанных в правых тороках, наскоро свалил на правую сторону, зверей, привязанных в левых тороках, свалил на левую сторону. Потом говорит средней жене своей Урма-гохон-хатан:

— Ты иди во дворец и смотри на него. Я выеду на северную сторону Алтая и на возвышенные места Хохоя и крикну оттуда так громко, как будто крикнули в один голос десять тысяч лусудуев и крикну так сильно, как будто крикнули в один голос тысяча лусудуев. Если действительно это наше моление Шибэгэни-бурхан, то он по-прежнему, не замечая и не шевелясь, будет сидеть на серебряном престоле, а если это превращение Лобсогдолдой-хара-мангатхая, тогда он упадет с серебряного престола вниз головой.

После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан выезжает на северную сторону Алтая и на возвышенное место Хохоя. Оттуда он крикнул так громко, как будто крикнули в один голос десять тысяч лусудуев и крикнул так сильно, как будто крикнули в один голос тысяча лусудуев. Когда Абай-Гэсэр-богдо-хан крикнул так сильно и громко, превращенный Лобсогдолдой-хара-мангатхай упал с серебряного престола вниз головою, но снова сел на престол и читает материнское желтое священное писание по-прежнему.

Абай-Гэсэр-богдо-хан приехал обратно домой, остановился у серебряной коновязи, слез с темно-гнедого коня, величиною с гору, привязал его к серебряной коновязи шелковым поводом, сам идет во дворец и поднимается на крыльцо. В это время средняя его жена Урма-гохон-хатан выбегает из дворца и встречается с Абай-Гэсэр-богдо-ханом у самых дверей. Урма-гохон-хатан хотела было сказать, что превращенный Лобсогдолдой-хара-мангатхай упал с серебряного престола вниз головой, но таинственные силы и волшебства Лобсогдолдой-хара-мангатхая пересилили среднюю жену Абай-Гэсэр-богдо-хана Урма-гохон-хатан: у ней язык повернулся не так и она сказала:

— Это действительно наше моление Шибэгэни-бурхан; он не упал с престола и сидит по-прежнему.

Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан большим удивлением удивляется и большим дивованием дивуется. Войдя во дворец, он остановился у дверей; как пуговкой, головой кивая, молится, стоя на ногах и сгибающие колени согнувши, молится на коленях. Тогда Лобсогдолдой-хара-мангатхай, превратившийся в одного из трех Шибэгэни-бурханов, говорит Абай-Гэсэр-богдо-хану:

— Иди, молись передо мною! Я благословлю тебя!

Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан подходит к нему и молится перед ним, стоя на коленях. В это время Лобсогдой-хара-мангатхай материнским желтым священным писанием бьет по голове Абай-Гэсэр-богдо-хана, и тот обратился в неумоимого осла. Тогда Лобсогдой-хара-мангатхай взял обращенного в неумоимого осла Абай-Гэсэр-богдо-хана и, не медля и торопясь, заранее приготовленными и привезенными с собою железным недоуздом его и железным треногом стреножил ноги.

Тогда Лобсогдой-хара-мангатхай говорит:

— Безрогий молодец! Непобедимого неприятеля я победил и неперехитримого неприятеля я перехитрил. Теперь из моих рук не вырвешься!

После этого Лобсогдой-хара-мангатхай с помощью своих десяти волшебств и с помощью своих двадцати превращений сделал черную железную повозку, запряг в нее трех черных иноходцев и посадил в нее среднюю жену Абай-Гэсэр-богдо-хана Урма-гохон-хатан, а самого Абай-Гэсэр-богдо-хана, обращенного в неумоимого осла, привязал сзади черной железной повозки. Потом поехал рысью вниз по пади Хатан, а сам он на своем коне Лоб-хара поехал около черной железной повозки. Лобсогдой-хара-мангатхай поехал мимо дворца старшей жены Абай-Гэсэр-богдо-хана Томон-Жаргалан, чтобы попробовать силы и волшебства двух старших баторов Абай-Гэсэр-богдо-хана. Самый старший батор Абай-Гэсэр-богдо-хана, сын Бомбожия, Буда-Улан-батор, прибежав, поймался за правую ногу Лобсогдой-хара-мангатхая, но тот ногой этого старшего батора Буда-Улана отбросил на вершину западной горы. Второй батор Абай-Гэсэр-богдо-хана, Эржин-Шумар-батор, прибежав, поймался за левую ногу Лобсогдой-хара-мангатхая, но тот своею ногою отбросил второго батора Эржин-Шумара на вершину восточной горы. Тогда Лобсогдой-хара-мангатхай думает:

— Ладно, баторы Абай-Гэсэр-богдо-хана со мной не управятся!

Потом поехал прямо на восточную сторону домой по направлению к месту своего жительства к пади Хонин-Хотон. Он ехал, ехал и приехал домой.

Лобсогдой-хара-мангатхай по приезде домой живет с среднею женою Урма-гохон-хатан, а на Абай-Гэсэр-богдо-хане, обращенном в неумоимого осла, Лобсогдой-хара-мангатхай пашет землю. Днем пашет семьдесят десятин земли, а ночью пашет сорок десятин земли, чашкою воды поит его и горстью травы кормит. Так на нем пашет землю.

В это время на западном самом верхнем небе живущая, на северо-западном дне неба обитающая бабушка Манзан-Гормо большим узнанием узнала и большим разумом уразумела, что живущего на земле единственного ее племянника Абай-Гэсэр-богдо-хана, крик и шум которого во время охоты слышно было, а ныне не слышать: отчего перестал? Тогда бабушка Манзан-Гормо берет материнское желтое священное писание и читает в нем, что Абай-Гэсэр-богдо-хана дома нет, а находится он прямо на восточной стороне в местности Хонин-Хотон, в стране высохшей и выдутой ветром, в стране мангатхаев, в той стране

туманной, в которой люди блуждают; на обращенном в неутомимого осла Абай-Гэсэр-богдо-хане пашут днем семьдесят десятин земли и ночью пашут сорок десятин земли; обходятся с ним как с деревом. Тогда бабушка Манзан-Гормо немедленно дала знать Хан-Тюрмас-тэнгэрину, отцу Абай-Гэсэр-богдо-хана, что сын его обращен Лобсоголдой-хара-мангатхаем в неутомимого осла, на котором пашут днем семьдесят десятин земли и ночью сорок десятин земли.

На самом верхнем западном небе не оказывается никого, кто бы мог спуститься на землю и ехать за Абай-Гэсэр-богдо-ханом и выручить его от Лобсоголдой-хара-мангатхая. Если кто спустится с неба и поедет туда, то сделается нечистым и уже никак не сможет выручить Абай-Гэсэр-богдо-хана. Освободить его оттуда может только одна младшая его жена Алма-моргон-хатан, а другой никто не может.

Западный самый старший тэнгэри Хан-Тюрмас посылает на землю трех старших сестер Абай-Гэсэр-богдо-хана Хохо к младшей его жене Алма-моргон-хатан сказать ей:

– Кроме тебя, нет никого, кто бы мог ехать туда выручить Абай-Гэсэр-богдо-хана от Лобсоголдой-хара-мангатхая и привести домой. У нас на западном небе никого нет, кто бы мог спуститься на землю и ехать туда; если поедут, то сделаются нечистыми и тогда ничего не смогут сделать. Если выручить, то ты должна одна выручить; кроме тебя нет никого! Если убить, то ты одна убьешь. Во что бы то ни стало ты должна ехать!

Три старшие сестры Хохо спустились на землю в вершине пади Хатан и приходят к младшей жене Абай-Гэсэр-богдо-хана, к Алма-моргон-хатан, и говорят ей:

– Поезжай за своим мужем Абай-Гэсэр-богдо-ханом и приведи его. Ты только одна можешь сделать это, кроме тебя – никто. На самом верхнем западном небе никого нет, кто бы мог спуститься на землю и ехать туда; если поедут, то сделаются нечистыми. Тесть-отец твой, Хан-Тюрмас-тэнгэри, послал нас к тебе, чтобы ты ехала туда.

Тогда младшая жена Алма-моргон-хатан говорит:

– Тесть-отец Хан-Тюрмас-тэнгэри приказывает ехать за моим мужем, Абай-Гэсэр-богдо-ханом, и поеду туда!

Три старшие сестры Хохо поднялись на небо. После этого младшая жена Абай-Гэсэр-богдо-хана Алма-моргон-хатан начала большое приготовление к дальнему пути. Она поймала, как кровь, рыжего коня своего, привязала его на гальке, чтобы копыта его были тверды, и привязала на льду, чтобы копыта были круглы. В это время она рыжего, как кровь, коня своего кормила горстью травы и поила чашкой воды. Потом Алма-моргон-хатан положила на своего коня шелковый потник, оседлала его красною краскою выкрашенным седлом, десятью подпругами подтянула крепко и двадцатью подпругами подтянула

крепко-накрепко. После этого шелковым поводом привязала, как кровь, рыжего коня к серебряной коновязи и говорит:

— Приготовление коня готово!

Алма-моргон-хатан входит во дворец, подвигает золотой стол, на котором ставит вкусные кушанья, и подвигает серебряный стол, на котором ставит действительно вкусные кушанья; она поела их, как птица клевала и как волк глотала. Наевшись, она стала одеваться; одевшись, она взяла все нужное оружие. Выходит на улицу, подходит к серебряной коновязи, отвязывает от нее шелковый повод, садится на рыжего, как кровь, коня и уезжает прямо на восточную сторону; у основания серебряной коновязи с горсть земли запылилась и за дальним хребтом мелькнула красная кисть шапки.

Так младшая жена Абай-Гэсэр-богдо хана Алма-моргон-хатан уехала прямо в восточную сторону по направлению к пади Хэрэтуй. Десять падей пересекая, ехала рысью, и двадцать падей, зигзагами пересекая, ехала рысью. Она ехала, ехала и поехала прямо по направлению к пади Хэрэтуй. Доехав до половины пути к пади Хэрэтуй, она рыжего, как кровь, коня обратила в рублевую монету, которую положила в карман, а сама обратилась в желтую осу и полетела далее по направлению к пади Хэрэтуй.

Под видом желтой осы Алма-моргон-хатан прилетела к самой старшей сестре Энхэбэ и села на дворце. Сидя на нем, она следила за старшей сестрой Энхэбэ и изучала ее волшебство, таинственные силы, характер и привычки. В это время старшая сестра Энхэбэ превращалась: утром она делалась маленькой девочкой и лежала, плача, на постели. В полдень она обращалась в молодую, в полном возрасте девицу, которая правила домом и ходила по хозяйству, а к вечеру она становилась старой старухой, которая, опираясь на трость, едва-едва ходила по хозяйству.

Младшая жена Алма-моргон-хатан под видом желтой осы сидела на дворце и изучала старшую сестру Энхэбэ в продолжение трех лет. Когда она изучила и выглядела все волшебства, таинственные силы, характер и привычки старшей сестры Энхэбэ, она от дворца старшей сестры Энхэбэ полетела по направлению к местности Хонин-Хотон, где жил Лобсогоддой-хара-мангатхай. Пролетев до половины пути, она обратилась из желтой осы в человека. Она приняла вид старшей сестры Энхэбэ, сделалась неузнаваемо на нее похожей; потом с помощью тринадцати волшебств и с помощью двадцати трех превращений она сделала черную повозку, в которую запрягла трех черных иноходцев, и с десятью караульными спереди и с двадцатью караульными сзади поехала далее, как будто это едет сама старшая сестра Энхэбэ. Она так ехала, ехала и приехала к единственному брату на земле Лобсогоддой-хара-мангатхаю и остановилась у его дворца. Лобсогоддой-хара-мангатхай выходит из дворца, бегом бежит навстречу к ней и говорит:

— Приехала в гости ко мне старшая сестра Энхэбэ.

Он встретил ее при выходе на улицу и повел ее во дворец. Когда старшая сестра Энхэбэ вошла во дворец, ее начали угощать; перед ней поставили вкусные кушанья и вино. Когда младшая жена Алма-моргон-хатан, обратившаяся в старшую сестру Энхэбэ, выпила одну чашку вина, то стало заметно в глазах; когда она выпила две чашки вина, то заметно стало в устах; она, разговаривая, сидит, неузнаваемо похоже подражая старшей сестре Энхэбэ в характере и привычках. В это время она говорит:

— Единственный на земле младший брат мой! С помощью моих волшебств и с помощью моего наставления ты взял теперь жену Урма-гохон-хатан, с которою живешь счастливо и имеешь неутомимого осла, на котором пашешь землю, сеешь хлеб и богатеешь постепенно. Дай мне этого неутомимого осла. Я хочу вспахать немного земли и посеять хлеб. Потом отдам тебе обратно.

Тогда Лобсогдой-хара-мангатхай говорит:

— Ладно, дам.

Урма-гохон-хатан шепотом говорит Лобсогдой-хара-мангатхай:

— Это, кажется, не твоя старшая сестра Энхэбэ, а мне кажется — это как будто Алма-моргон-хатан, на которую она похожа. Не Алма-моргон-хатан ли в превращенном виде приехала к нам?

Тогда Лобсогдой-хара-мангатхай раздумал дать сестре неутомимого осла и говорит:

— Не сумеешь, взяв, удержать — отпустишь его. Он очень сильный и уросливый; ты не справишься. Я сам едва-едва удерживаю его; ты где справишься? Мои два старших брата едва-едва запрягают его и удерживают. Не могу дать тебе, не сумеешь удержать и отпустишь.

Самая старшая сестра Энхэбэ сильно рассердилась и говорит:

— С помощью моих волшебств и с помощью моего наставления ты достал себе и имеешь неутомимого осла, теперь пожалел его для меня! Я сумею его удержать.

Она сильно рассердилась, машет руками и лягает ногами. Потом она выбегает на улицу. Порог двери лягнула, расколола. Лягнула угол дворца — расколола. Сильно рассердившаяся самая старшая сестра Энхэбэ говорит:

— Живи ты без меня! А я без тебя поживу!

Лобсогдой-хара-мангатхай выходит за ней на улицу и говорит ей:

— Дам тебе неутомимого осла! Не сердись на меня!

Он едва-едва упросил ее войти во дворец. Она вошла. Тогда ее снова угощают и просят не сердиться. Потом Лобсогдой-хара-мангатхай приводит неутомимого осла и отдает своей самой старшей сестре Энхэбэ. Она крепко-накрепко привязала неутомимого осла поводом за черную железную повозкою. Привязав его, сама самая старшая сестра Энхэбэ садится в свою черную железную повозку и уезжает домой, а Лобсогдой-хара-мангатхай провожает ее.

Когда она уехала, Лобсогoldal-хара-мангатхай двух своих старших баторов, Ирга и Ширга, обращает в двух черных воронов Хон и посылает посмотреть, куда уедет самая старшая сестра Енхэбэ. Если это действительно она, то она поедет прямо по направлению к пади Хэрэтуй к своему железному дворцу; если это превращение младшей жены Абай-Гэсэр-богдо-хана Алма-моргон-хатан, то она поедет по направлению к вершинам пади Хатан.

Эти два черные ворона Хон полетели выше облаков плавающих и немного ниже синеющего неба; они летят за нею и смотрят, куда она поедет.

Самая старшая сестра Енхэбэ ехала, ехала и приехала. Проехав трехдневное расстояние, она приняла свой прежний, настоящий вид, сделалась прежнею младшей женой Абай-Гэсэр-богдо-хана Алма-моргон-хатан. С помощью своих тринадцати волшебств и с помощью своих двадцати трех превращений она сделала бело-серебряную повозку, запрягла в нее трех белых иноходцев, спереди повозки сделала десять караульных, сзади повозки — двадцать караульных. С головы неумомимого осла сняла железный недоуздок, а с его ног сняла железный треног и бросила их. Неумомимого осла обратила рублевой серебряной монетой и положила в карман, села в бело-серебряную повозку и поехала рысью прямо по направлению к вершине пади Хатан. Тогда два черные ворона Хон с этого места возвратились домой. Прилетев домой, снова обратились в двух старших баторов Ирга и Ширга. Они хотели сказать:

— Это была превращенная младшая жена Абай-Гэсэр-богдо-хана, Алма-моргон-хатан, которая и поехала прямо по направлению к вершине пади Хатан.

Но волшебство и таинственные силы Алма-моргон-хатан преодолели их, и языки их повернулись не так и сказали:

— Действительно, это была самая старшая сестра наша Енхэбэ. Она поехала прямо по направлению к пади Хэрэтуй.

Так они неправильно сказали.

Младшая жена Абай-Гэсэр-богдо-хана Алма-моргон-хатан ехала, ехала и приехала к вершине пади Хатан к своему бело-серебряному дворцу. Приехав домой, рублевую серебряную монету вынула из кармана, снова обратила ее в неумомимого осла, взнуздавала его серебряным вывенченным недоузтком и повела его к доброжелательному, с великими белыми мыслями, дяде Сарагал-нойону. Отдавая неумомимого осла, она говорит дяде Сарагал-нойону:

— Привести привела и выручить выручила Абай-Гэсэр-богдо-хана от Лобсогoldal-хара-мангатхая. Более у меня нет ни сил, ни волшебства. Возьмите его!

Тогда доброжелательный, с великими белыми мыслями, дядя Сарагал-нойон берет неумомимого осла и, смотря вверх, смеется, смотря вниз, рыдая, плачет. Ведя неумомимого осла за повод, он отправился к винтообразной серебряной горе, по винтам ее поднялся на ее вершину, пришел к своему молению, к трем

бурханам Шибэгэни, и молится им в продолжение трех дней и трех ночей. Тогда его моление три бурхана Шибэгэни материнским желтым священным писанием бьют, благословляя, по голове неутомимого осла, и неутомимый осел обратился опять в Абай-Гэсэр-богдо-хана, который едва-едва на ногах стоит. Жизнь его, чуть не оторвавшись, едва-едва держится. Глаза его едва-едва целы; он стоит весь в язвах, тело его покрыто семью-десятью коростами. Тогда его моление три бурхана Шибэгэни снова материнским желтым священным писанием бьют, благословляя, по его голове. Абай-Гэсэр-богдо-хан вошел в прежнее тело и силу и сделался еще лучше и сильнее прежнего. Он со своим доброжелательным, с большими белыми мыслями, дядей Сарагал-нойоном еще три дня и три ночи молились своему молению, трем бурханам Шибэгэни. По прошествии трех дней и трех ночей они вышли и спустились вниз по винтам серебряной горы. Абай-Гэсэр-богдо-хан пришел к дворцу младшей жены Алма-моргон-хатан и стал жить у нее. Он живет у нее, отдыхает и набирает силу.

Несколько времени спустя Абай-Гэсэр-богдо-хан собирается в дальний путь на большую войну. Он хочет, победив, привезти свою среднюю жену Урма-гохон-хатан. Он собирается в дальний путь вместе с младшей своей женой Алма-моргон-хатан. Абай-Гэсэр-богдо-хан выходит на улицу и призывает своего, с гору величиною телом, темно-гнедого коня, который пасся на северной стороне Алтая. Младшая жена Алма-моргон-хатан также выходит на улицу, призывает своего коня, рыжего как кровь, который тоже пасся на северной стороне Алтая. Оба коня услышали голоса своих хозяев и говорят:

— Зачем нас зовут голоса наших хозяев? Приезжающего неприятеля будут ли встречать или отъезжающих неприятелей провожать?

Так говоря, с гору величиною темно-гнедой конь и, как кровь, рыжий конь покопали копытами землю, пыль сделали; фыркнули, туман сделали; потом прибежали домой, остановились около серебряной коновязи и ржут звонко.

Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан и младшая жена его Алма-моргон-хатан выходят из дворца, выносят вывинченные недоуздки и, как ребро, серебряные узды. Они вывинченными недоуздками взнуздали коней, как ребро серебряными уздами обнуздали их, потом привязали своих коней на гальке, чтобы копыта были тверды, и привязали на льду, чтобы копыта были круглы. В это время травой с горсть кормили и чашкой воды поили. Потом положили на своих коней шелковые потники. Абай-Гэсэр-богдо-хан оседлал своего коня серебряным седлом, а младшая его жена Алма-моргон-хатан своего коня оседлала красною краскою выкрашенным седлом; они десятью подпругами крепко-накрепко подтянули, шелковыми поводками привязали своих коней к серебряной коновязи и говорят друг другу:

— Окончили приготовление коней: осталось приготовление тела.

Потом входят во дворец. Младшая жена Алма-моргон-хатан подвигает золотой стол, на который кладет вкусные кушанья, и подвигает серебряный

стол, на который кладет действительно вкусные кушанья; эти кушанья они оба едят: как птицы клюют и как волки глотают. Когда наелись досыта, начали одеваться; одевшись, взяли нужное оружие и вышли на улицу и, сев на коней, поехали прямо в восточную сторону. Они ехали, ехали и все ехали далее. Десять падей пересекая, ехали; двадцать падей, зигзагами пересекая, ехали. Они все ехали, ехали далее и поехали по направлению к пади Хэрэтуй. Когда они проехали половину пути, то Абай-Гэсэр-богдо-хан оставил тут свою младшую жену Алма-моргон-хатан, а сам поехал далее один. Он ехал рысью. Тогда живущая в пади самая старшая сестра Енхэбэ большим знанием узнала и большим разумом уразумела, что Абай-Гэсэр-богдо-хан едет воевать с ней. Она выехала к нему навстречу, говоря:

– Приезжающего неприятеля должна встретить и отъезжающего неприятеля должна проводить.

Когда она пришла к вершине одной пади, по которой должен был проехать Абай-Гэсэр-богдо-хан, она легла на землю, нижней челюстью упираясь в землю, верхней частью подпирая высокое небо. Так она, разинув рот, начала втягивать в себя и глотать с трехсютчного расстояния. Абай-Гэсэр-богдо-хан ехал, ехал, и стал приближаться. В это время он попал во втягивание, не мог устоять и, сделавшись, как перо легким, полетел прямо в рот самой старшей сестры Енхэбэ. Когда он попал в ее рот, он воткнул поперек глотки черное колючее копье, употребляемое в военное время, чтобы она осталась с разинутым ртом. Потом Абай-Гэсэр-богдо-хан рысью поехал внутрь самой старшей сестры Енхэбэ. Когда доехал до сердца, он взял висящую на правом боку серебряную саблю, имеющую на лезвие волшебство, на тупой стороне имеющую печать, и этой саблей одним ударом вырубил сердце и уронил вниз. Потом обратно пустил своего коня во весь мах и, на пути не останавливаясь, на бегу коня выдернул черное колючее копье и скорее, не медля, выехал из рта самой старшей сестры Енхэбэ. Только он выскочил изо рта ее, как верхняя ее челюсть упала на нижнюю челюсть и стукнулась, обрезав кончик хвоста величиною с гору телом темно-гнедого коня. После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит своей младшей жене Алма-моргон-хатан:

– Непобедимую неприятельницу победили и неколимого годового жеребенка закололи!

Потом лесные деревья собрали с вершинами и таежные деревья собрали с корнями, тело самой старшей сестры Енхэбэ сожгли, сделав березовую лопату, оставшийся пепел и кости разбросали к северу и, сделав осиновую лопату, оставшиеся пепел и кости разбросали к югу. Когда все вывезли к северу и к югу, Абай-Гэсэр-богдо-хан со своей младшей женой Алма-моргон-хатан вдвоем поехали по направлению к стране Хонин-Хотон к Лобсоголдой-хара-мангатаю. Они ехали, ехали и приехали к одной высокой горе Сахидак-саган-ула, на подошве которой с помощью своих тридцати волшебств и своих двадцати трех превращений сделали из камня верхового человека; коня сделали похо-

жим на темно-гнедого коня, а человека сделали до неузнаваемости похожим на Абай-Гэсэр-богдо-хана, стоящего с натянутым луком и положенною на тетиву стрелю и готовящегося выстрелить. Сам же Абай-Гэсэр-богдо-хан с младшей своей женой Алма-моргон-хатан поднялись на вершину этой горы Сахидак-саган-ула, где слезли с коней и сидят, курят трубки. В это время Лобсогдой-хара-мангатхай на своем коне Лоб-хара выехал навстречу, увидел при подошве каменного человека, готовящегося выстрелить, стоящего с натянутым луком и стрелой, и громко говорит:

— Черный безрогий молодец! Что здесь стоишь?

После этого Лобсогдой-хара-мангатхай как пороз, косясь, приближается и, как самец-верблюд, скрежеща зубами, с пеною у рта, приближается; подойдя, он говорит:

— Черный безрогий молодец! Человека за человека не считая и людей за людей не считая, еще собираешься стрелять!

С этими словами Лобсогдой-хара-мангатхай начал с этим каменным человеком бороться и барахтаться. Он никак не может сдвинуть каменного человека с натянутым луком и стрелю и все-таки продолжает воевать и бороться. Лобсогдой-хара-мангатхай долго воевал с каменным человеком и, наконец, устал. Когда, воюя с каменным изображением Абай-Гэсэр-богдо-хана, Лобсогдой-хара-мангатхай выбился из сил, Абай-Гэсэр-богдо-хан спустился с горы, подошел к нему, отдернул его от каменного человека и сам стал воевать с ним. Они еще долго воевали друг с другом. Наконец, Абай-Гэсэр-богдо-хан с помощью младшей жены Алма-моргон-хатан едва-едва свалили Лобсогдой-хара-мангатхай на землю и потом задавили тремя горами, чтобы Лобсогдой-хара-мангатхай не встал. Около головы и ног Лобсогдой-хара-мангатхай поставили по одному богатырю, каждому из них дали в сорок пудов железный молот; когда он хочет встать и выйти из-под трех гор, богатыри бьют его по голове и ногам. Абай-Гэсэр-богдо-хан заповедал этим двум баторам, чтобы они до скончания века били по голове и ногам Лобсогдой-хара-мангатхай, не давая ему встать. Эти два батора утром обращаются в маленьких детей и бьют Лобсогдой-хара-мангатхай, один по голове, другой по ногам; в полдень эти два батора обращаются в молодых людей в полной силе и красоте и бьют его, один по голове, другой по ногам; к вечеру они обращаются в совершенно седых и старых стариков и тоже бьют его, один по голове, а другой по ногам.

Потом Абай-Гэсэр-богдо-хан с младшей своей женой Алма-моргон-хатан поехали к дворцу Лобсогдой-хара-мангатхай. Всех баторов и войско его Абай-Гэсэр-богдо-хан убил. После этого он взял среднюю свою жену Урма-гохон-хатан, весь скот и подданных Лобсогдой-хара-мангатхай и приехал домой, едва помещаясь в падах, едва хватало ему воды в ручьях. По приезде домой Абай-Гэсэр-богдо-хан на девять дней большое гулянье сделал, на

восемь дней сделал веселье, гулянье и на десятый день едва-едва разошлись. Так Абай-Гэсэр-богдо-хан с тремя своими прекрасными женами живет счастливо и спокойно. Анхуга ашта бурханда туше.

Напечатано в «Балаганском сборнике», Труды ВСОРГО, том V, Томск, 1903, стр. 1-20.

ВОЙНА АБАЙ-ГЭСЭР-БОГДО-ХАНА С ГАЛ-ДОЛМО-ХАНОМ

Прямо на восточной стороне в самой середине земли живущий царь Ганга-Бэрэд-хан был богат скотом, имел множество подданных и жил счастливо.

Прямо на восточной стороне местности Хонин-хото живущий, на спине имеющий сто тысяч глаз, на передней стороне тела имеющий множество тысяч глаз, на самой верхушке головы имеющий белый, как звезда, глаз и во рту имеющий желтый, как маховое перо из крыла птицы, клык, царь Гал-Долмо начал у живущего в самой середине земли царя Ганга Бэрэд-хана крайние города целиком проглатывать и вершинные города втягивать себе в рот. Тогда царь Ганга-Бэрэд большим удивлением удивился и не знает, как избавиться от царя Гал-Долмо. У царя Ганга-Бэрэда в груди появилась накипевшая и надавленная дума и в уме появилась болезненная дума. Он приказал бить в золотой барабан, собрать северных подданных и бить в серебряный барабан, собрать южных подданных. Когда начали бить в золотой барабан, собрались северные подданные, и когда начали бить в серебряный барабан, собрались подданные, живущие на южной стороне.

Когда все подданные собрались, царь Ганга-Бэрэд, стоя, спрашивает у своих подданных:

— Прямо из восточной стороны, из местности Хонин-хото, на спине имеющий сто тысяч глаз, на передней стороне тела имеющий множество тысяч глаз, на самой верхушке головы имеющий белый, как звезда, глаз и во рту имеющий желтый, как маховое перо из крыла птицы, клык, царь Гал-Долмо крайние наши города целиком проглатывает и вершинные наши города втягивает себе в рот. Кто и чей сын может победить его и чей потомок заставит его прекратить нападения?

В это время на краю (толпы) стоявший один старичок входит внутрь (толпы), пролезает между ногами высоких людей и подмышками низких людей. Так он предстал перед царем Ганга-Бэрэдом и говорит:

— Царь-батюшка! Я слышал, что прямо на западной стороне в большой пади, называемой Хатан, живет, распространившись, и в местности, называемой Найжин, живет необозримо-счастливо, трех царей Тогошиевых (своим рождением осчастлививший, свадебный обряд и закон установивший, на землю спустившийся Абай-Гэсэр-богдо-хан. Он один только может победить и прекратить насилие царя Гал-Долмо.

Тогда царь Ганга-Бэрэд спрашивает:

— Кто и чей сын может ехать в эту дальнюю местность, чей конь доедет туда?

Тот же старик говорит:

— Царь-батюшка! В эту местность может ехать мой сын; туда доедет конь моего сына. Сына моего зовут имеющий чубарого коня Шодоро-моргон-батар.

Тогда царь Ганга-Бэрэд посылает одного посла за сыном старика Шодоро-моргон-батаром, которому приказывает немедленно приехать к нему. Этот быстрый посол поехал к Шодоро-моргон-батару; остановившись на улице, кричит ему:

— Царь-батюшка приказал тебе немедленно приехать к нему!

Так говоря, стоял посланный. Шодоро-моргон-батар говорит:

— Если царь-батюшка приказал приехать, то мне, простаку, сидеть нечего.

Сказав эти слова, скоро-наскоро приготовившись и метко-скоро собравшись, оседлавши коня и сев на него, Шодоро-моргон-батар приехал к царю-батюшке и, кивая, кланяется ему. Царь Ганга-Бэрэд говорит Шодоро-моргон-батару:

— Поезжай к живущему прямо в западной стороне в большой пади Хатан и в местности Найжин Абай-Гэсэр-богдо-хану и проси у него защиты от царя Гал-Долмо!

С этими словами царь Ганга-Бэрэд отпустил Шодоро-моргон-батара домой. Приехав домой, Шодоро-моргон-батар большое приготовление приготовляет и собирается в дальнюю дорогу. Из двадцати возов сена он сделал два свертка и положил на дно переметной сумы, разделив пополам¹; из мяса двадцати баранов сделал кусочек и лытку, также положил на дно переметной сумы, разделив пополам. После этого чубарого коня своего оседлал чисто серебряным седлом и обуздал, как ребро, серебряною уздой. Когда кончилось приготовление коня, тогда сам начал одеваться, взял все нужное оружие и надел на себя, поел досыта действительно вкусной пищи, вышел на улицу, сел на чубарого коня и поехал прямо в западную сторону. Шодоро-моргон ехал и ехал рысью по царем-батюшкой проведенной дороге и ехал скорою рысью по народом проведенной дороге. Во время этой поездки он поднялся на вершину одной высокой горы, откуда начал осматривать окружающую местность и увидел большую падь Хатан, которая, ширясь, виднелась, и местность Найжин, которая необозримо виднелась; в этих местностях жил Абай-Гэсэр-богдо-хан. Винтообразная серебряная гора Абай-Гэсэр-богдо-хана, едва-едва синеясь, была вдали видна. В большой пади Хатан три прекрасные дворца трех жен Абай-Гэсэр-богдо-хана едва видно блестят: дворцы эти вышиною были выше облаков высоких и едва ниже синеющего неба.

---

¹ Т.е. одну половину положил в левое отделение сумы, другую — в правое.

Когда Шодоро-моргон-батыр увидел все это, у него серенькое сердце начало биться, коротенькие ребра начали гнуться, он сильно испугался. Шодоро-моргон-батыр волчьи думы думает и сердце его делается как камень, и он говорит:

– В гору выстреленная стрела не должна скользнуть, а царем посланный посланник не должен возвращаться обратно!

Сказавши эти слова, он с этой высокой горы спустился вниз и поехал далее по направлению к царству Абай-Гэсэр-богдо-хана. Он ехал, ехал и доехал до царства Абай-Гэсэр-богдо-хана; по этому царству он поехал рысью. За время этой поездки его чубарый конь от продолжительной езды обратился в годовалого жеребенка, а сам Шодоро-моргон-батыр от усталости и дальней езды сделался как маленький ребенок; в этом виде он ехал все вперед.

В это самое время младший брат Абай-Гэсэр-богдо-хана Эрхэ-Анзан-батыр с горы на гору перескакивал и смотрел, не видно ли чего-нибудь вдали. Эрхэ-Анзан-батыр увидел едущего на чубаром коне Шодоро-моргон-батара; увидев, выхватывает из колчана большую черную стрелу, берет желтый лук Манзан с девяносто девятью подставками и собирается застрелить Шодоро-моргон-батара. Тогда имеющий чубарого коня Шодоро-моргон-батыр большим знанием узнал и большим разумом уразумел, что третий батыр Абай-Гэсэр-богдо-хана Эрхэ-Анзан-батыр собирается застрелить его; он быстро соскакивает с коня и кланяется ему как травка, головой кивая, кланяется; кривенькие колена сгибая, кланяется. Так, кланяясь, он стоит на коленях. Тогда Эрхэ-Анзан-батыр остановился стрелять, спускается с горы, подъезжает к Шодоро-моргон-батару и спрашивает его:

– Из какой ты земли, из каких стран и куда едешь?

Он отвечает:

– Прямо с восточной стороны, в середине земли живущего царя Ганга-Бэрэда подданный; зовут меня – имеющий чубарого коня Шодоро-моргон-батыр; далее нас, прямо на восточной стороне, в местности Хонин-Хото живет на спине имеющий сто тысяч глаз, на темени головы имеющий, как звезда, белый глаз и во рту имеющий желтый клык, как маховое перо из крыла птицы, царь Гал-Долмо. Он крайние наши города целиком проглатывает и вершинные наши города втягивает себе в рот. Я приехал просить милости Абай-Гэсэр-богдо-хана этого непобедимого врага победить и насилия его прекратить.

Тогда Эрхэ-Анзан-батыр говорит:

– Хорошую весть ты привез – выводить силу большого пальца от множества дней и от долготы года!

Так он радовался, стоя. После этого Эрхэ-Анзан-батыр привел Шодоро-моргона и его чубарого коня в прежнее состояние и в прежнее тело. Эрхэ-Анзан-батыр и Шодоро-моргон-батыр поехали домой¹.

---

¹ Те. к дому Гэсэр-хана.

Когда они приехали на вершину большой пади Хатан, Эрхэ-Анзан-батар выпустил Шодоро-моргон-батара во дворец Алма-моргон-хатан, у которой жил Абай-Гэсэр-богдо-хан, а сам поскакал вниз по большой пади Хатан к дворцу Урма-гохон-хатан, у которой жили все остальные тридцать три батара. По приезде он сообщил им эту радостную весть. Все тридцать три батара Абай-Гэсэр-богдо-хана приехали к дворцу Алма-моргон-хатан и ждут на улице Шодоро-моргон-батара, что ему скажет Абай-Гэсэр-богдо-хан.

Шодоро-моргон-батар, привязав своего коня красно-шелковым поводом к золото-серебряной коновязи, входит в бело-серебряный дворец, перламутрово-серебряную дверь складно хорошо отворяет, боржи-серебряный порог, не насоривши, перешагнув, входит во дворец и, как пуговица, головой кивая, кланяется, кривенькие колена сгибая, кланяется. Абай-Гэсэр-богдо-хан спрашивает:

— Откуда, из каких земель и из каких стран приехал? Как тебя зовут?

— Прямо из восточной стороны. В середине земли живущего царя Ганга-Бэрэда подданный. Зовут меня имеющий чубарого коня Шодоро-моргон-батар. Далее нас прямо на восточной стороне в местности Хонин-хото живет царь Гал-Долмо, имеющий на спине сто тысяч глаз, имеющий на передней стороне тела множество тысяч глаз, имеющий на самой верхушке головы большой глаз как звезда, и имеющий во рту желтый клык, как маховое перо из крыла птицы; он крайние наши города проглатывает и вершинные наши города втягивает себе в рот. Я приехал просить милость вашу этого непобедимого врага победить и насилия его прекратить.

Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан сказал Шодоро-моргон-батару:

— Я не поеду. Поезжай домой обратно.

Шодоро-моргон-батар выходит из дворца на улицу, где его встретили тридцать три батара и спрашивают, что сказал Абай-Гэсэр-богдо-хан. Тогда он говорит, что Абай-Гэсэр-богдо-хан сказал, что не поедет, и приказал ехать обратно домой.

Тридцать три батара говорят ему:

— Опять иди и проси ехать.

Тогда он опять входит во дворец и просит Абай-Гэсэр-богдо-хана оказать им милостивую защиту и победить их непобедимого врага — царя Гал-Долмо.

Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит ему:

— Поехать поеду, но не пришло время. Когда наступит время ехать, тогда поеду воевать с царем Гал-Долмо. Еще осталось восемь месяцев; прежде этого срока я не поеду. Поезжай обратно домой.

Так говоря, отпустил его.

Шодоро-моргон-батар выходит на улицу, где его опять спрашивают тридцать три батара, что сказал Абай-Гэсэр-богдо-хан. Он говорит им, что Абай-Гэсэр-богдо-хан сказал, что теперь он не поедет, что поедет после, а теперь еще время не пришло, осталось еще восемь месяцев и до срока он не поедет. Тогда тридцать три батара говорят ему:

– Ты подожди нас здесь. Мы сами попросим его.

Так говоря, все тридцать три батара входят во дворец и говорят Абай-Гэсэр-богдо-хану:

– Ты зачем отказался ехать на такой хороший пир и на такое славное гулянье? Если не поедешь, то зачем взял нас с собой на землю? Для чего мы спустились на землю? Мы спустились, чтобы как ножик ядовитых врагов уничтожить. Мы спустились, чтобы черно-серому народу белую свадьбу обставить. Мы спустились убивать непобедимых и сильных врагов, спустились всему народу и людям белую свадьбу обставить. Непременно поедем воевать туда! Дней много и год долог. Нужно позабавиться!

Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит тридцати трем батарам:

– Приготовляйтесь в путь! Приготовьте триста передовых войск и все три знамени войска.

Так говоря, он отпустил батаров. Выйдя из дворца, они говорят Шодоро-моргон-батару:

– Мы скоро поедем и будем собираться в дорогу.

После этих слов Шодоро-моргон-батар поехал обратно домой, а тридцать три батара начали собираться: оторванное вставляли, разорванное зашивали; потом приготовили триста передовых войск и три знамени войска. Когда все приготовились к дороге, имеющий бело-солового коня с головою с проседью дядя Заса-Шихур тоже стал собираться, говоря:

– Я тоже поеду с вами.

Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит дяде Заса-Шихуру:

– Не ездь с нами! Оставайся дома! Путь далекий, река длинная. Ты с нами не можешь ехать, потому что путь очень длинный и далекий!

Но он никак не может уговорить дядю Заса-Шихура остаться дома. Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан отворяет десять подвалов, выпускает из них вино и говорит:

– На дорогу надо выпить по одному духаряну!

Сначала Абай-Гэсэр-богдо-хан подает свой духарян дяде Заса-Шихуру, тот выпивает, потом ему подают вина все тридцать три батара. Выпив все духаряны, поднесенные ими, с головою с проседью дядя Заса-Шихур сделался пьян и свалился.

После этого все, приготовившись, поехали к царю Гал-Долмо с войною. Все они ехали, ехали и приехали к одной местности, где остановились ночевать. На другое утро встали. Наевшись и напившись, собрались уже ехать далее, в это время слышится топот бегущего коня, тонко-красная пыль по низменности расстилается и широко-красная пыль высокое небо заслоняет; так пыль, кто-то едет за ними. Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит своим тридцати трем батарам и войскам:

– Кто-то к нам едет. Подождите! Пусть приедет.

В это время на бело-соловом коне скачет с головою с проседью дядя Заса-Шихур верхом без седла, без пояса, нараспашку, без шапки и без унтов, в одних чулках. Приехал к ним и говорит:

— Зачем меня оставили, не дождались? Я непременно поеду с вами!

Абай-Гэсэр-богдо-хан уговаривает его возвратиться домой. Он говорит:

— Бело-солового коня твоего тучные мра поднимут, с проседью голову твою поднимет подушка! Поезжай обратно домой! Кто у нас будет распоряжаться дома и смотреть за хозяйством и подданными без нас? Ты нужен дома! Смотри за всем!

После этих слов Абай-Гэсэр-богдо-хан снимает с себя шелковый жилет, вытканый без шва бабушкою Манзан-Гормо, живущею на северо-западной стороне, на самом верхнем западном небе. Этот без шва вытканый жилет отдает дяде Заса-Шихуру и говорит:

— Если я буду побеждать врагов и благополучно ездить, то этот жилет с каждым днем будет светлее и красивее; если же буду побежден врагами, неблагоприятно буду ездить, то этот жилет будет темнеть и делаться старше. На, возьми его. И также уведи с собою триста передовых войск и три знамя войска. Они будут только мешать нам в дороге. В дальнем пути что будем с ними делать? Далее поедem поскорее и проворнее. Мешающих возвратим домой!

Так говоря, Абай-Гэсэр-богдо-хан отправил обратно домой триста передовых войск и три знамени войска с дядею Заса-Шихуром.

После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан с тридцатью тремя батарами поехали далее полною рысью. Ехали, ехали и доехали до царства царя Гал-Долмо; поехали далее, на пути поднялись на вершину одной высокой горы, остановились тут и сделали себе стоянку, развели огонь. Потом Абай-Гэсэр-богдо-хан посылает двух старших и быстрых батаров сына Бомбохия Буда-Улан-батара и не делающего промаха, что бы ни мелькнуло, Эржин-Шумар-батара, чтобы они поехали по северной стороне и изучили бы характер и нрав, и объехали бы по южной стороне и изучили волшебства и знание царя Гал-Долмо, — горностаи чтобы не узнал по запаху и хорек не выследил бы объезды их; имеющие глаза не выдали бы и имеющие уши не услышали бы их. Так наказывая, послал их. Два старших и быстрых батара Абай-Гэсэр-богдо-хана спустились с этой высокой горы и поехали по северной стороне, узнавали характер и нрав; и объехали по южной стороне, узнавали волшебства и знание царя Гал-Долмо; после этого золото-серебряную коновязь Гал-Долмо-хана вырвали из земли и бросили, приехали обратно на высокую гору к Абай-Гэсэру-богдо-хану и рассказали, что видели и узнали.

Гал-Долмо-хан на другое утро увидел вырванную и брошенную свою золото-серебряную коновязь и большим удивлением удивился:

— На этой земле со мною никто не может воевать! Если есть кто, так это Абай-Гэсэр-богдо-хан, который еще не скоро придет; осталось еще восемь месяцев.

Потом Гал-Долмо-хан приказал поставить золото-серебряную коновязь на прежнее место.

На другое утро Абай-Гэсэр-богдо-хан посылает двух старших и быстрых батаров объездить и узнать характер и нрав Гал-Долмо-хана. Два старших и быстрых батара поехали, объехали и узнали характер и нрав Гал-Долмо-хана, и на обратном пути свалили у Гал-Долмо-хана ворота, приехали обратно на гору к Абай-Гэсэр-богдо-хану и рассказали ему, что видели и узнали. На другое утро Гал-Долмо-хан увидел, что ворота свалены; тогда он большим удивлением удивился, приказал поднять ворота и поставить на прежнее место.

На третье утро Абай-Гэсэр-богдо-хан опять посылает двух старших и быстрых батаров объездить и узнать характер и нрав Гал-Долмо-хана. Два старших быстрых батара поехали и узнали характер и нрав Гал-Долмо-хана и на обратном пути свалили на землю украшение дворца Гал-Долмо-хана и уехали. Гал-Долмо-хан посылает за ними в погоню двух своих старших батаров, чтобы узнать, чьи они посланные и чье превращение. Два старших батара Гал-Долмо-хана погнались за двумя батарами Абай-Гэсэр-богдо-хана и догнали их. Тогда два старших и быстрых батара Абай-Гэсэр-богдо-хана поймали двух батаров Гал-Долмо-хана, свернули им шеи, привязали их к седлам на правой стороне лошади вниз головою и сказали им:

— Приехав к Гал-Долмо-хану, скажите, что без знамени враги приехали, без пробы войска прибыли, и помрите!

После этого лошадей двух старших батаров Гал-Долмо-хана угнали обратно. Лошади прибежали к воротам Гал-Долмо-хана; тогда эти два батара сказали Гал-Долмо-хану, что без знамени враги прибыли и без пробы войска прибыли. После этих слов они померли. Тогда Гал-Долмо-хан большим узнаванием узнал и разумом уразумел, что прямо с западной стороны Абай-Гэсэр-богдо-хан, живущий в местности Хатан, обитающий в местности Найжин, приехал с войском воевать с ним. Гал-Долмо-хан большой сбор собирает, собирает в путь всех своих батаров и приготавливает войска. Когда все приготовились, Гал-Долмо-хан со своими батарами и войском приехал к Абай-Гэсэр-богдо-хану, к подошве высокой горы, на которой остановился Абай-Гэсэр-богдо-хан. С помощью своих волшебств Гал-долмо-хан сделал золотой трон и сидит на нем в ожидании.

Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан с этой высокой горы спустился вниз, к подошве горы, где с помощью своих волшебств тоже сделал золотой трон и сидит на нем. Гал-Долмо-хан говорит Абай-Гэсэр-богдо-хану:

— Ты от меня не получил никакого оскорбления или мести. Зачем будем воевать друг с другом? С перышко вражды друг к другу мы не имели, величиною с клеща черного пятнышка между нами не было.

В это время два большие царя запада и востока начали говорить о прекращении войны, чтобы не воевать друг с другом.

Тогда у Абай-Гэсэр-богдо-хана второй прекрасный батар Эржин-Шумар все это время ходил спереди и сзади их и подслушал их разговор. Потом он говорит им:

— Два больших царя запада и востока съехались, собираясь сделать такое хорошее веселье. И хотите разойтись без всего! Попробовали бы силы своих детей! Заставьте побороться по одному сыну. Который из них поборет?

Тогда эти два больших царя говорят между собою:

— Сказанное правда и думанное верно! У двух батаров нужно попробовать силы.

Абай-Гэсэр-богдо-хан выбрал для борьбы второго батара Эржин-Шумара; Гал-Долмо-хан также выбрал второго батара Боржин-Шумара. Эти два красивые батары разбежались на расстоянии одной меты и вырешили стрелять друг в друга из лука стрелою. Тогда Боржин-Шумар-батар говорит Эржин-Шумар-батару:

— Ты стреляй вперед!

Эржин-Шумар-батар говорит Боржин-Шумар батару:

— Ты стреляй вперед! Домашний человек — сытое брюхо! Если, не стреляя, будешь убит, то душа твоя будет недовольна.

Боржин-Шумар-батар согласился стрелять вперед; взяв большую черную стрелу, натянул желтый лук бухарь и говорит:

— Если мне суждено создателем умереть, то пусть стрела моя уйдет безвозвратно; если же я имею старшего создателя и мне суждено победить врага, то пусть стрела моя, попавши, насквозь пробьет широкую черную грудь Эржин-Шумар-батара. Пока натягиваю желтый лук бухарь, чтобы с острия наконечника стрелы вылетали искры, а из выемки стрелы выходил дым.

Так говоря, он выпустил стрелу из желтого лука бухаря. Эта стрела попала в обширную черную грудь Эржин-Шумар-батара и пробила ее насквозь. Эржин-Шумар-батар поймал стрелу, пробитую рану большим пальцем исцелил и указательным пальцем вылечил. Потом говорит:

— Имеющие острое не знают своих хозяев!

После этого тою же стрелою выстрелил обратно, говоря:

— Если мне умереть суждено создателем, то пусть стрела эта уйдет безвозвратно, а если я имею старшего создателя и мне суждено победить Боржин-Шумар-батара, то попади ему прямо в шею и голову его отдели от тела прочь.

Так говоря, он выпустил стрелу. Сам Эржин-Шумар-батар поскакал за стрелою, говоря:

— Кто быстрее, конь или стрела?

Эта стрела летела, летела и прилетела к Боржин-Шумар-батару, попала ему прямо в шею и отделила голову от тела. Тогда Боржин-Шумар, распростершись, упал и, растянувшись, лег, в это время по верхушке травы одевшись, по верхушке тростника соединившись, хотел он встать. Тогда Эржин-Шумар-батар прискакал, колющее острое копье воткнул в голову Боржин-Шумар-батара и обратно

ускакал. Приехавши обратно, привезенную голову Боржин-Шумар-батара бросил на колени Гал-Долмо-хана:

— Имея такого батара, как ты подумал назначить бороться с человеком!

Тогда Гал-Долмо-хан сильно рассердился. После этого вырешили воевать обоим царям. Так тридцать три батара Абай-Гэсэр-богдо-хана начали воевать с войсками Гал-Долмо-хана. Тридцать три батара Абай-Гэсэр-богдо-хана рубят саблями в одну сторону и убивают тысячу людей, рубят на обе стороны — убивают две тысячи людей. Так они воевали. К вечеру возвратились на стоянку; оказалось только тридцать два батара, одного батара не хватает. Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан спрашивает у своих батаров:

— Где один из вас?

Тридцать два батара не знают. Абай-Гэсэр-богдо-хан сильно рассердился и говорит им:

— Друг за другом посматривайте! Чужое место сильно, и в норе тарбагана спотыкаются!

На другое утро тридцать два батара опять уехали воевать с войсками Гал-Долмо-хана; когда они приехали, то начали воевать; в одну сторону рубили и убивали тысячу людей, на обе стороны рубили и убивали две тысячи людей; мясные бугры сделали, кровавые ручьи потекли. К вечеру приехали обратно тридцать два батара, одного все не хватает как вчера. Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан спрашивает:

— Где у вас один?

Тридцать два батара не знают, куда потерялся один из них. Абай-Гэсэр-богдо-хан опять сильно рассердился и говорит своим тридцати двум батарам:

— Друг за другом надо присматривать.

После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан начал проверять своих батаров. Оказалось, что нет Эржин-Шумар-батара. На третье утро Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит тридцати двум батарам:

— Когда вечером приедете обратно на стоянку, то найдите Эржин-Шумар-батара. Жив он или убит?

Тридцать два батара совсем уже собрались ехать; в это время из среды войска Гал-Долмо-хана выехал верхом один человек и приехал к ним. Когда Абай-Гэсэр-богдо-хан увидал этого человека, то говорит своим тридцати двум батарам:

— Подождите этого человека!

Тридцать два батара подождали его. Когда этот человек подъехал к ним, то оказался Эржин-Шумар-батыром. Приехав к ним, он сильно рассердился на прочих батаров и говорит:

— Разве мы приехали спокойно погулять на вечерку или приехали, отдыхая, гулять на свадьбу? Так воюя, когда кончите войска Гал-Долмо-хана?

Эржин-Шумар-батыр так говоря, сидя на коне, напился и наелся и после этого опять поскакал воевать. Остальные тридцать два батара поехали за ним.

Теперь все тридцать три батара Абай-Гэсэр-богдо-хана начали воевать так, что позабыли еду и сон. Тридцать три батара воевали в продолжение трех дней и ночей, наконец, шесть суток воевали, не могли кончить и едва-едва на девятые сутки прикончили все войска Гал-Долмо-хана и приехали обратно все в крови и сами и лошади их.

После этого оба царя, Абай-Гэсэр-богдо-хан и Гал-Долмо-хан, начали воевать между собою. Гал-Долмо-хан вынимает свою саблю. Он ударил ею Абай-Гэсэр-богдо-хана, разрубил и рассек ею насквозь от правого плеча до пятки левой ноги, потом разрубил его и рассек его с левого плеча до пятки правой ноги. В то время, как на четыре части разрубленный Абай-Гэсэр-богдо-хан падал на землю, Гал-Долмо-хан разрубил его поперек тела и сделал восемь частей.

Так разрубленный, Абай-Гэсэр-богдо-хан падал на землю, как будто вода потекла, как будто лед растаял. Не дойдя до земли, по вершинам трав все разрубленные части сошлись вместе, по вершинам тростника разрубленные части соединились вместе и Абай-Гэсэр-богдо-хан встал. Встав, он речисто говорил и закатисто смеялся, говоря:

— Думаешь ли, что у мужчины нет столько волшебства и таинственной силы?

Потом Абай-Гэсэр-богдо-хан берет свою саблю и рубит Гал-Долмо-хана. Он ударил его саблею с правого плеча и разрубил до пятки левой ноги, потом ударил саблею с левого плеча и разрубил до пятки правой ноги. Когда Гал-Долмо-хан, разрубленный на четыре части, падал на землю, Абай-Гэсэр-богдо-хан разрубил его поперек тела и сделал восемь частей. Так разрубленный, Гал-Долмо-хан падал на землю, но, не дойдя до земли, как вода потекла и как лед растаял, по вершинам трав все разрубленные куски слились вместе и по вершинам тростника соединились. Гал-Долмо-хан встал и речисто говорит и закатисто смеется, говоря:

— Что? Думаешь ли, что у мужчины нет столько волшебства и таинственной силы?

После этого оба царя, Абай-Гэсэр-богдо-хан и Гал-Долмо-хан, говорили друг другу, что оружием, имеющим острие, они не могут победить друг друга и решили воевать силою плеча. Они оба прекрасные подола заткнули за пояс, оба рукава засучили до локтей; так начали воевать силою плеча. Они воевали друг с другом в продолжение трех суток, не могли победить друг друга. Воевали в продолжение девяти суток; тоже не могли победить друг друга, вследствие чего продолжали воевать девять месяцев; в это время они воевали, к коню бросить действительно равномерно воевали, и к верблюду бросить, равным равно воевали. Вперед упираясь, красную гору делали, назад пинаясь, высокую гору делали; ровные места сделали гористыми; на земле сделали туман и пыль. Птицы, имеющие птенцов, заблудились и не могли найти птенцов, козули заблудились и не могли найти козлят, люди, имеющие балаганы, заблудились и не могли найти своих балаганов; сделалось на земле свето-

преставление. В продолжение девяти месяцев не могли победить друг друга, а потому продолжали воевать в течение трех лет. Тогда Гал-Долмо-хан начал побеждать Абай-Гэсэр-богдо-хана, который выбился из сил. Гал-Долмо-хан тянул Абай-Гэсэр-богдо-хана вперед и тот спотыкался вперед; толкал назад и тот падал назад.

В это время у Абай-Гэсэр-богдо-хана из тринадцати волшебств или превращений осталось только три волшебства, а у Гал-Долмо-хана из тысячи трех волшебств осталось только триста волшебств.

Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан призывает, крича:

– Западные высокие тэнгэрины, пятьдесят пять тэнгеринов, выручите! Самый старший тэнгэри Хан-Тюрмас-тэнгэри, отец мой, выручи! У западных тэнгеринов на северо-западной стороне живущая бабушка Манзан-Гормо, выручи! Старший брат Ами-Сахидак, выручи! Три старшие сестры бурханы Хохо, выручите!

Так призывая, кричал.

С помощью трех оставшихся волшебств он свое призывание превратил так, что Гал-Долмо-хану слышалось, будто Абай-Гэсэр-богдо-хан поет песню, будто он побежден им.

У западных тэнгеринов на северо-западной стороне живущая бабушка Манзан-Гормо большим знанием узнала и большим разумом уразумела, что Абай-Гэсэр-богдо-хан воюет с Гал-Долмо-ханом. Бабушка Манзан-Гормо быстро, торопясь, открывает материнское желтое большое священное писание и читает в нем, что Абай-Гэсэр-богдо-хан воюет на земле с Гал-Долмо-ханом, что последний побеждает первого и что Абай-Гэсэр-богдо-хану остается до смерти только три часа. Тогда бабушка Манзан-Гормо немедленно, быстро дала знать отцу Абай-Гэсэр-богдо-хана Хан-Тюрмас-тэнгэрину, который, узнав об этом, быстро и наскоро приготовил старшего сына Ами-Сахидака и послал вниз на землю на помощь Абай-Гэсэр-богдо-хану.

Ами-Сахидак спускается вниз на землю, прямо на восточную сторону. Едя в середине между небом и землею, на половинном расстоянии между ними, он читает свое священное писание. Из него он узнает, что Абай-Гэсэр-богдо-хану жить осталось только полтора часа; если продолжать спускаться и ехать далее, то он должен опоздать, и Абай-Гэсэр-богдо-хан умрет до приезда старшего брата. Тогда Ами-Сахидак с половины расстояния между небом и землей выстрелил стрелой, говоря:

– Если старшим отцом присуждено умереть, то, стрела моя, иди без вести; если же не суждено умереть, то попади Гал-Долмо-хану на спинной стороне из ста тысяч глаз в самый средний белый глаз и вылети сквозь!

Стрела Ами-Сахидака полетела прямо на восточную сторону. Гал-Долмо-хан в это время большим знанием узнал и разумом уразумел, что летит к нему стрела Ами-Сахидака. Бросив Абай-Гэсэр-богдо-хана и сев на коня, он поскакал

от стрелы, а она погналась за ним. Гал-Долмо-хан поскакал по направлению к горе Зэрэн, где хотел спрятаться от преследующей стрелы, но по ошибке, заблудившись, поскакал к горе Морон. Приехав к горе Морон, поскакал к горе Зэрэн. Стрела Ами-Сахидака догнала Гал-Долмо-хана и из находящихся на спинной стороне ста тысяч глаз попала в самый средний белый глаз и пробила его насквозь. Тогда Гал-Долмо-хан упал вперед навзничь и обе руки протянул вперед; мизинцем одной руки едва достал до горы Зэрэн; поэтому он не умер еще, а лежал едва живой. После этого Ами-Сахидак спустился на землю и приехал к Абай-Гэсэр-богдо-хану и большим пальцем исцелил его, указательным пальцем вылечил. Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан встал, войдя в прежнюю силу и тело.

Потом Абай-Гэсэр-богдо-хан со старшим братом Ами-Сахидаком и с тридцатью тремя баторами поехали за Гал-Долмо-ханом, который лежал едва живой. Когда они приехали, Абай-Гэсэр-богдо-хан взял свою стрелу и выстрелил Гал-Долмо-хану в пятки. Стрела попала в пятки и вылетела через голову. Тогда только Гал-Долмо-хан умер. Потом тело Гал-Долмо-хана сожгли на костре, оставив лесные деревья с верхушками и таежные деревья тоже с верхушками, оставшиеся пепел и золу березовой лопатой разбросали на северную сторону и осиновой лопатой разбросали на южную сторону. После этого все они поехали к дворцу Гал-Долмо-хана. В этом дворце стояла необыкновенно красивая жена его. Когда они увидели жену Гал-Долмо-хана, то всем захотелось иметь ее. Старший брат Абай-Гэсэр-богдо-хана Ами-Сахидак говорит:

— Отдайте ее мне! Я увезу!

Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит:

— Отдайте ее мне! Я увезу домой!

Тогда сын Бомбохия Буда-Улан-батыр говорит:

— Отдайте ее мне! Я женюсь на ней. Один из вас небесный человек и на небе имеет жену; зачем ему земную женщину везти на небо? А другой из вас имеет трех жен, на что ему еще четвертая жена? Я же не имею жены, поэтому должен жениться на ней.

Тогда у Абай-Гэсэр-богдо-хана из висевших у правого бока ножен выскочила сабля и упала на землю. Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит:

— В прежнее время так падала моя сабля перед трудным и продолжительным воеванием и предсказывала сильного неприятеля, а теперь это что предзнаменует?

Так говоря, Абай-Гэсэр-богдо-хан этою саблею рассек с головы до ног жену Гал-Долмо-хана. Она упала на землю, рассеченная на две части; изнутри ее вышел трехмесячный мальчик, который строгал костяной наконечник стрелы и пел песню. Начали рубить этого мальчика, никак не могли зарубить, даже царпины не было. Кололи, никак не могли заколоть, даже ямочки не было. После этого с неба спустились семьдесят три кузнеца и девяносто три меховых; они сделали железный амбар и посадили в него этого мальчика. Снаружи же-

лезного амбара выстроили деревянный амбар и деревянный амбар засыпали углем. Потом зажгли и начали дуть мехами со всех сторон. Деревянный амбар сгорел, а железный амбар раскалился докрасна. После этого открыли дверь железного амбара и посмотрели на мальчика; он сидел, продолжая делать костяной наконечник стрелы, и пел по-прежнему песню:

– Отец скончался. Я, опоздав, тоже скончаюсь!

После этого опять заперли дверь железного амбара и продолжали калить амбар: от сильного жара амбар начал плавиться, тогда и этот мальчик начал раскаливаться и плавиться: наконец, сделался величиною с клеща и ушел в землю, говоря:

– Пока не потрется ушко железного стремени, пока родившийся у тебя не будет носить колчан, буду преследовать.

После этого всех подданных Гал-Долмо-хана, скот, золото и серебро собрали и приехали обратно домой. По дороге всех подданных и скот Гал-Долмо-хана оставили на прежнем месте, как прежде жили, а сами приехали домой. Старший брат Абай-Гэсэр-богдо-хана поднялся на небо. Абай-Гэсэр-богдо-хан с тридцатью тремя батарами сделали большой пир, по окончании которого они зажили счастливо.

* * *

Помещаю здесь песню, которую буряты поют в честь красоты трех жен Абай-Гэсэр-богдо-хана:

Тэнгэрин наран хайхан	Небесное солнце красиво,
Томон-жаргалан хайханью!	Томон-Жаргалан красивее!
Окторгон наран хайхан	Солнце ночного неба красиво,
Урма-гохон хайханью!	Урма-гохон красивее!
Алтан наран хайхан	Золотое солнце красиво,
Алма-моргон хайханью!	Алма-моргон красивее!

Напечатано в «Балаганском сборнике», Труды ВСОРГО, т. V, Томск, 1903, стр. 20-40.

ОТРЫВКИ ИЗ ПОВЕСТИ ОБ АБАЙ-ГЭСЭР-БОГДО-ХАНЕ

1. По словам бильширских бурят, когда западный Хан-Тюрмас-тэнгэри воевал с восточным Ата-Улан-тэнгэрином и победил последнего, Ата-Улан-тэнгэри убежал и укрылся у Бурьтак-Бала-тэнгэри. Западный Хан-Тюрмас-тэнгэри не мог далее преследовать своего противника потому, что Бурьтак-Бала-тэнгэри нечистый и около него западный Хан-Тюрмас-тэнгэри и сам мог сделаться нечистым. Таким образом восточный Ата-Улан-тэнгэри избег преследования и остался на небе.

2. Из восточных тэнгэринов девять Жилбэн-тэнгэри спустились на землю и сделались Гал-Долмо-ханом.

3. У западного тэнгэрина Арак-Саган-тэнгэри была дочь, которую звали Алма-гохон-абаха. Она заболела от того, что у нее украли душу три сына восточного тэнгэрина Шаран-Гурбан-тэнгэри. Этих трех сыновей называли Гурбан-Хонгор-хобуд¹. Душу девицы Алма-гохон-абаха не могли найти. Тогда Арак-Саган-тэнгэри обратился к бабушке Манзан-Гормо, а та сказала, что душу девицы украли Гурбан-Хонгор-хобуд, три сына восточного тэнгэрина Шаран-Гурбан-тэнгэри, и что все это может узнать сын западного Хан-Тюрмас-тэнгэрина Моргон-Тоголтор, если он поймает птичку алтаргана, на спине которой написано, как и кем украдена душа Алма-гохон-абаха. Арак-Саган-тэнгэри стал просить Моргон-Тоголтора, чтобы он поймал птичку алтаргана и прочитал, что там написано. Моргон-Тоголтор согласился и спустился на землю, подкараулил птичку алтаргана и выстрелил в нее нечистой стрелой. Тогда эта птичка сделалась нечистой и упала на землю. Моргон-Тоголтор прочитал на спине птички. Там было написано, что душу девицы Алма-гохон-абаха украли сыновья Шаран-Гурбан-тэнгэрина, три Гурбан-Хонгор-хобуд, и держат ее в золотом ящике под подушкой. Если эту украденную душу возратить девице Алма-гохон-абаха, то девица выздоровеет. Моргон-Тоголтор передал прочитанное Арак-Саган-тэнгэри. Тогда западные тэнгерины поручили Моргон-Тоголтору освободить душу девицы Алма-гохон-абаха. Моргон-Тоголтор поехал к восточным тэнгэринам и начал воевать с тремя сыновьями Шаран-Гурбан-тэнгэрина, с братьями Гурбан-Хонгор-хобунами, победил их и сбросил на землю. Гурбан-Хонгор-хобуд, очутившись на земле, сделались тремя царями Шарабали (Ш а р а б а л и г у р б а н х о б у д). Моргон-Тоголтор, победив трех братьев, освободил душу девицы Алма-гохон-абаха и она выздоровела.

4. Жену Хан-Тюрмас-тэнгэрина называли Хан-Гурмэ-хатан: она была дочерью западного тэнгэрина, живущего в северо-восточной стороне, по имени Хан-Боргод-тэнгэри.

5. На землю хотел спуститься сам Хан-Тюрмас-тэнгэри, чтобы избавить земных людей от нападений восточных тэнгэринов, но тесть Хан-Боргод-тэнгэри отсоветовал ему:

– Ты сам не можешь спуститься на землю, – сказал он, – потому что на земле сделаешься нечистым, а на землю должен спуститься сын твой Моргон-Тоголтор.

6. На земле присудили изгнать девицу Хадара-гохон-абаха, дочь Наран-Гэрэлтэ-хана², и изгнали. От нее родился на земле Абай-Гэсэр-богдо-хан.

Напечатано в «Балаганском сборнике», Труды ВСОРГО, т. V, Томск, 1903, стр. 40-42.

¹ Х о б у д, мн. число от х о б у н – «сын».

² Н а р а н – «солнце», г э р э л – «сияние», «лучи», все вместе: «хан с солнечным сиянием».

УТА-САГАН-БАТАР

В прежнее счастливое время жил Ута-Саган-батыр со своею женою Урма-гохон-хатан. Ута-Саган-батыр имел прекрасный дворец, который снаружи был белее снега, а внутри был вызолочен и высеребрен; двери были перламутровые. Дворец был вышиною до облаков, с серебряным крыльцом. Снаружи он был обведен двором из рыжего камня (х у р э ш у л у н х у р э); запирали двор черным камнем (х а р а ш у л у н х а л г а). Среди двора были три серебряные коновязи. Ута-Саган-батыр имел быстрого белоротого белого коня, который пасся на южной стороне Хохо¹ и на северной стороне Алтая.

Ута-Саган-батыр жил на берегу черного моря, через которое был выстроен черный железный мост. Черное море служило водопоем для скота. Ута-Саган-батыр имел множество подданных, живущих на северной стороне моря, и множество разного скота, который пасся на южной стороне моря. Кроме того, Ута-Саган-батыр имел бело-серебряный храм, который был вышиною выше бегущих облаков и едва ниже синеющего неба; в этом храме в северо-восточном углу находится глубокая яма хур-тама², глубиною 80 сажен. На дне этой хур-тама стоит озеро живой воды, которая гладко чернеется. В том озере живой воды играют три больших тайменя. В юго-западном углу храма стоит бело-костяной стол; на нем лежит бело-костяная собака, которая днем три раза лает и ночью три раза лает. В юго-западном углу бело-серебряный зайчик день и ночь играет, все узнавая. Ута-Саган-батыр в этом храме имел моление.

Прямо на восточной стороне, далеко на дальнем месте, до которого имеющие копыта кони не могут доехать, имеющие плохие крылья галки не могут долететь; в такой дальней стороне Ута-Саган-батыр имел двух дядей. Один дядя — доброжелательный Сарагал-нойон, а другой — завистливый Хара-Сотон. Эти два дяди имели бело-серебряные дворцы, множество подданных, живущих на северной стороне, множество скота, пасущегося на южной стороне. В одно утро завистливый дядя Хара-Сотон входит во дворец доброжелательного дяди Сарагал-нойона и говорит ему:

— Я сегодня во сне видел, будто я прямо с западной стороны, с далеко-дальнего места, до которого имеющие копыта кони не могут доехать, с плохими крыльями галки не могут долететь, с такой дальней стороны пригнал множество разного скота и подданных племянника Ута-Саган-батара, которого я будто бы победил.

Тогда доброжелательный дядя Сарагал-нойон сильно рассердился и говорит:

— Не найдя с кем воевать, будем воевать с единственным племянником на земле Ута-Саган-батаром; не найдя чего пожелать, пожелаем похитить скот и подданных единственного племянника на земле Ута-Саган-батара!

¹ Х о х о — вероятно, большой хребет Хан-Хухэй в Монголии, к северу от Монгольского Алтая.

² Т а м а — «ад».

Говоря такие слова, доброжелательный Сарагал-нойон прогнал завистливого Хара-Сотона, и тот ушел домой.

На другое утро завистливый дядя Хара-Сотон опять приходит к доброжелательному Сарагал-нойону и говорит ему те же слова, что и в первое утро. Доброжелательный дядя Сарагал-нойон опять сильно рассердился и прогнал завистливого дядю Хара-Сотона, который опять ушел домой.

На третье утро завистливый дядя Хара-Сотон опять приходит к доброжелательному дяде Сарагал-нойону и опять говорит те же самые слова, что и в первые два утра. Тогда доброжелательный дядя Сарагал-нойон говорит завистливому дяде Хара-Сотону:

– У нас нет коня, который мог бы доехать до Ута-Саган-батара, и также нет человека, который мог бы доехать до такой дальней стороны.

С этими словами он опять прогнал завистливого дядю Хара-Сотона.

Завистливый дядя Хара-Сотон пришел домой и думает большую думу, как найти коня, который мог бы доехать до Ута-Саган-батара, и пригласить его в гости. На четвертое утро завистливый дядя Хара-Сотон опять приходит к доброжелательному дяде Сарагал-нойону и говорит:

– В моем табуне с желто-гнедым жеребцом ходит желто-гнедой жеребчик, который может дойти до Ута-Саган-батара, а из людей я могу доехать до него. К приезду племянника приготовь отраву; выкури три бочки тарасуна и положи в него отраву; потом эти три бочки кури, чтоб сделалась две бочки, а эти две бочки кури, чтобы сделалась одна бочка, и одну бочку кури, чтобы получилась одна чашка. Когда придет племянник Ута-Саган-батар, то подай ему отраву вместо питья; когда он выпьет, то его разорвет на четыре части.

Так сказав, ушел завистливый дядя Хара-Сотон от доброжелательного дяди Сарагал-нойона, который, наконец, согласился поехать за племянником Ута-Саган-батаром.

После этого завистливый дядя Хара-Сотон поймал желто-гнедого жеребчика из табуна доброжелательного дяди Сарагал-нойона и начал учить и выдерживать его; когда выучил, взнуздal его серебряною уздою, оседлал серебряным седлом и красивым красно-шелковым поводом привязал к серебряной коновязи. Потом завистливый дядя Хара-Сотон вошел во дворец, надел на себя шелковую одежду и все нужные доспехи; покушав вкусной пищи, вышел из дворца, сел на коня и поехал прямо в западную сторону к Ута-Саган-батару. Завистливый дядя Хара-Сотон ехал рысью прямо в западную сторону; он ехал и ехал и едва доехал до половинного расстояния. Когда проехал половину пути, сделался от усталости маленьким как ребенок, а желто-гнедой жеребчик сделался маленьким как жеребенок, от дальней езды утомился и исхудал. На половине пути завистливый дядя Хара-Сотон остановился отдохнуть и поправиться. Когда он поправился, а также когда поправился желто-гнедой жеребчик, завистливый дядя Хара-Сотон поехал далее; ехал и ехал, едва

доехал до царства Ута-Саган-батара. Приехав к Ута-Саган-батару, завистливый дядя Хара-Сотон красивым красно-шелковым поводом того желто-гнедого жеребчика привязал к серебряной коновязи, а сам вошел в бело-серебряный дворец Ута-Саган-батара, который сидел на золотом троне. Войдя во дворец, завистливый дядя Хара-Сотон царским здоровьем здороваётся и, как царица, кланяется своему племяннику Ута-Саган-батару. Ута-Саган-батар приглашает его сесть на правой стороне и спрашивает:

– С которой стороны, с какой земли, куда едешь и как тебя зовут?

Тогда завистливый дядя Хара-Сотон говорит:

– Я приехал к тебе прямо с восточной стороны. Я твой дядя Хара-Сотон. Меня послал другой твой дядя, доброжелательный Сарагал-нойон, который приглашает тебя в гости к себе.

Ута-Саган-батар сильно обрадовался и говорит:

– Невиденного дядю увидел и незнакомого дядю узнал. Если дяди приглашают приехать, то мне, племяннику, нечего сидеть дома. Поеду!

Так он говорил. И начал угощать завистливого дядю Хара-Сотона. Урма-гохон-хатан поставила золотой стол, положила на него вкусную пищу и поит гостя крепким вином. Так племянник с дядей гуляли. После гулянья Ута-Саган-батар крикнул своего белоротого быстрого белого коня. Услышав голос своего хозяина, конь прибежал с южной стороны Хохоя и с северной стороны Алтая. Белоротый быстрый белый конь прибежал, остановился у серебряной коновязи и заржал звонким голосом, говоря:

– Хозяин-абай, выходи!

Тогда Ута-Саган-батар выходит на улицу, серебряною уздою взнуздывает коня, серебряным седлом седлаёт его и красивым красно-шелковым поводом привязывает к серебряной коновязи. Сам входит во дворец, одевается в шелковую одежду, сверху надевает черный железный доспех. После этого они едят вкусную пищу и пьют крепкое вино. Потом племянник Ута-Саган-батар с завистливым дядей Хара-Сотоном выходят на улицу, садятся на своих коней и едут прямо на восточную сторону.

Ута-Саган-батар на своем белоротом быстром белом коне поехал рысью, а завистливый дядя Хара-Сотон на своем желто-гнедом жеребчике поехал во весь мах и не может догнать. Белоротый быстрый белый конь бежит рысью, а из его носа выходит дым; между ушами его козел и баран, бодаясь, играют; на шее хорек и горностаи, беги бегая, играют; на шее перед седлом разведен костер. Над костром подвешен котелок, в котелке кипит вода; на крестце растет большой кедр, на кедре гнездятся семьдесят разных птиц; птицы поют и играют; на хвосте лев и медведь борются, играют; с колен задних ног огненная лава течет и с колен передних ног ключи текут, в которых рыбы харюзы играют. Ута-Саган-батар, сидя на коне, удит жирных харюзей, варит в котле и ест. Сзади едущий завистливый дядя Хара-Сотон, видя все это, думает:

— Если у человека родится сын, то такому молодцу родиться хорошо; если у кобылы родится жеребенок, то такому коню родиться хорошо.

Он никак не мог догнать племянника и отстал далеко. Ута-Саган-батар, так рыся, поехал далее. Пока завистливый дядя Хара-Сотон не проехал половину пути, Ута-Саган-батар уже приехал к бело-серебряному дворцу доброжелательного дяди Сарагал-нойона. Приехав, остановился у серебряной коновязи, привязал к ней своего коня красивым красно-шелковым поводом, а сам входит во дворец, здоровается царским приветствием¹ и кланяется, как царица, потом садится на правую сторону. Тогда доброжелательный дядя Сарагал-нойон, сидя, не помнит, что сидел; вставая, не помнит, что он встал. В это время у доброжелательного дяди Сарагал-нойона серенькое сердце бьется и коротенькое ребро гнется от боязни. Доброжелательный дядя Сарагал-нойон подает своему племяннику побелиться², а потом говорит:

— Путнику, проехавшему дальний путь, хочется пить!

С этими словами он подает своему племяннику в чашке приготовленную отраву вместо питья. Ута-Саган-батар, взяв эту отраву, узнает, что его хотят отравить. Он эту отраву льет на черный камень, камень раскололся на две части; льет на рыжий камень, камень раздробился на мелкие куски. Тогда Ута-Саган-батар сильно рассердился и эту отраву выбросил на улицу, схватил доброжелательного Сарагал-нойона за седые волосы и начал бить. Доброжелательный Сарагал-нойон, рыдая, плачет, как козел и как козленок. В это время говорит:

— Ай, собака! Что делаешь! Думаешь ли, единственного на земле племянника отравлю отравой? Я хотел испробовать тебя! Прямо с северной стороны, из далеко-дальней местности пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара с недавнего времени начал угонять мой скот. Я хотел тебя послать туда. Если узнаешь, что в чашке отрава, то можешь ехать; если не узнаешь, то не можешь. Я не дал бы пить отраву, а сказал бы: я пригласил тебя, чтобы послать к пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара.

Так говорил доброжелательный дядя Сарагал-нойон своему племяннику Ута-Саган-батару, и тот перестал тогда бить своего дядю.

После этого Ута-Саган-батар соглашается ехать и говорит:

— Если доброжелательный дядя Сарагал-нойон посылает меня к пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара, то мне, племяннику, нечего сидеть, потому что я не приехал со свадьбою спокойно гулять и не приехал на вечерку весело гулять!

С этими словами он выходит из дворца, садится на своего белоротого быстрого белого бегунца и едет прямо на северную сторону, где живет пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара. Ута-Саган-батар ехал и ехал, и

---

¹ В подлиннике — «здоровьем».

² Т.е. угощает чаем с молоком.

приехал к одному непроходимому болоту, на котором росла такая густая чаща, что тоненькая змея не могла вползти в нее. Ута-Саган-батар никак не может проехать. Он и взад и вперед ехал и ехал, не может найти дорогу и, наконец, спрашивает своего коня:

– Как проехать это болото?

Тогда белоротый быстрый белый конь говорит:

– Проехать это болото никак нельзя. Ты ищи в моих гривах один волос золотисто-желтого цвета и этим волосом три раза махни на это болото – тогда сделается дорога.

Ута-Саган-батар едва-едва нашел в гриве своего коня один волос золотисто-желтого цвета; этим волосом три раза махнул над этим болотом, тогда вдруг это болото сделалось торной дорогой, по которой он проехал рысью. Ута-Саган-батар едет далее и приехал к одной очень крутой и высокой горе, на которую никак не может въехать. Он искал тропинки, но не нашел; рысит туда и сюда – нигде нет проезда. Он спрашивает своего коня:

– Как проедем эту гору?

Тогда белоротый быстрый белый конь говорит:

– Возвратись назад на однодневное расстояние. Я с бега вскочу на эту высокую гору, а ты только сумей удержаться на мне!

Ута-Саган-батар возвратился на однодневное расстояние, белоротый быстрый белый конь побежал и со всего размаха вскочил на самую вершину горы и говорит своему хозяину:

– Поездка наша будет благополучной. Победим пятнадцатиголового мангатхая Ашура-Шара!

После этого Ута-Саган-батар спустился с этой горы на ту сторону, поехал далее и приехал к желтому морю, на берегу которого стоит высокое дерево. На этом дереве сидят девять сыновей птицы Хан-Хэрэгдэ-шубун. Некоторые из них играют, один поет песню, другой говорит сказку, третий плачет. Ута-Саган-батар подъезжает к девяти сыновьям птицы Хан-Хэрэгдэ-шубун и спрашивает их, отчего они так сидят: один плачет, другой говорит сказку, третий поет песню, а другие играют. Тогда девять сыновей Хан-Хэрэгдэ-шубуна говорят ему:

– Скоро из желтого моря выйдет большой змей. На передней стороне он имеет золотую звезду. Этот большой змей сегодня съест того, который плачет, а того, который говорит сказку, съест завтра; а того, который поет песню, послезавтра, а тех из нас, которые играют, съест после, по одному каждый день. Когда этот змей выходит из желтого моря, то высунет из воды одну голову и, разинув пасть, скажет:

– Входи в пасть!

Тогда тот, который плачет, входит в пасть его из боязни; большой змей, проглотив его, уходит в море обратно.

Тогда Ута-Саган-батар говорит им:

– Нельзя ли змея убить?

Девять сыновей птицы Хан-Хэрэгдэ-шубуна говорят ему:

– Победить его очень трудно! Он непобедим, потому что очень ядовит. Если ты убьешь его, то сам умрешь от яда, потому что тогда делается желтый ядовитый туман.

Тогда Ута-Саган-батар говорит:

– Можно попробовать. Кость плохого молодца на задней стороне, а кость хорошего молодца на передней стороне!

После того Ута-Саган-батар выкопал под деревом глубокую яму и спрятался в нее с конем; потом говорит девяти сыновьям птицы Хан-Хэрэгдэ-шубуна:

– Когда большой змей высунет из воды голову и скажет: «Входи в пасть», – тогда отвечайте: «Если хочешь съесть, то приходи и съешь!»

Ута-Саган-батар, спрятавшись в яме, лежит, ожидая, когда выйдет из воды большой змей.

Через некоторое время желтое море начинает колыхаться, а потом кипеть; из воды высунулась голова большого змея, который, разинув пасть, говорит:

– Входи в мою пасть!

Тогда девять сыновей Хан-Хэрэгдэ-шубуна говорят:

– Если хочешь съесть, то приди, ешь!

Большой змей говорит:

– Если не хочешь входить в мою пасть, то я вас всех проглочу сразу.

Так говоря, этот большой змей выползает из воды; на передней стороне его видна золотая звезда. Лежащий в яме Ута-Саган-батар берет лук и стрелу, прикладывает стрелу к тетиве лука и натягивает; в это время говорит:

– Если мне суждено умереть, то иди без вести, а если суждено победить, то попади в золотую звезду на передней стороне змея и сквозь вылети!

Так сказав, выстрелил. Стрела попала в золотую звезду на передней стороне змея; большой змей упал мертвым. В это время сделался желтый ядовитый туман.

Тогда девять сыновей птицы Хан-Хэрэгдэ-шубуна соскочили с дерева вниз в яму и накрыли Ута-Саган-батара вместе с конем, чтоб они от этого желтого ядовитого тумана не умерли. Когда желтый ядовитый туман рассеялся, девять сыновей Хан-Хэрэгдэ-шубуна выпустили Ута-Саган-батара из ямы с конем и сказали ему:

– Ты избавил нас от непобедимого врага и спас нам жизнь! Теперь подожди наших родителей, которые скоро прилетят.

Ута-Саган-батар говорит:

– Я еду в дальний путь; мне некогда ждать. Вы, сидящие люди, будьте счастливы сидя, а я, едущий человек, да буду счастлив едя.

Тогда девять сыновей птицы Хан-Хэрэгдэ-шубун желают ему добра и говорят:

– Побеждай своих врагов в езде и годового жеребенка коли в езде! Счастливо возвращайся обратно!

Ута-Саган-батар поехал далее. Едет вперед; видит – высоко вверху пролетели две птицы Хан-Хэрэгдэ-шубун по направлению к желтому морю. Ута-Саган-батар поехал далее. Высоко летевшие две птицы Хан-Хэрэгдэ-шубун прилетели к желтому морю к своим сыновьям, нашли их всех живыми и играющими; тогда птицы Хан-Хэрэгдэ-шубун спрашивают своих сыновей:

– Как одного из вас не съел большой змей, живущий в желтом море?

Девять сыновей говорят:

– Большого желтого змея убил некто Ута-Саган-батар, который прятался в этой яме.

Тогда две птицы Хан-Хэрэгдэ-шубун сильно обрадовались, что их непобедимый враг побежден. Они спрашивают своих девять сыновей, куда уехал Ута-Саган-батар; девять сыновей показали, куда он уехал. Тогда две птицы Хан-Хэрэгдэ-шубун полетели догонять Ута-Саган-батара и догнали его; догнавши, говорят ему:

– Ты победил непобедимого врага нашего и спас жизнь девяти сыновей наших. Мы каждый год приносим девять яиц, из которых выходит девять сыновей, но их каждый год съедает этот большой змей; где бы мы ни прятали своих сыновей, он везде их находит и съедает. Мы никак не могли победить его, а ты победил нашего врага.

Потом две птицы Хан-Хэрэгдэ-шубун дают Ута-Саган-батару золотой и серебряный кнуты и говорят:

– Возьми этот золотой кнут; когда тебе захочется есть и пить, то махни этим золотым кнутом, тогда у тебя будет всякая пища и всякие напитки: ты ешь и пей. Возьми также этот серебряный кнут; когда захочешь кого-нибудь поймать, махни им и скажи: поймай и вяжи! Тогда тот будет пойман и привязан.

Ута-Саган-батар взял от птиц Хан-Хэрэгдэ-шубун золотой и серебряный кнуты и поехал дальше. Две птицы Хан-Хэрэгдэ-шубун пожелали Ута-Саган-батару, чтобы он во время езды побеждал своих врагов и колот годовалого жеребенка. Потом они прилетели обратно к желтому морю, к своим девяти сыновьям.

Ута-Саган-батар ехал и ехал далее и приехал к шестнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара, который живет в черном железном доме. Он остановился около железного дома и кричит:

– Выходи, пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара!

Тогда пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара выходит из дома и говорит:

– Из какой пади, из какой земли приехал, молодец, и куда едешь?

Ута-Саган-батар говорит:

— Прямо из западной стороны, из далеко-дальней местности. Меня зовут Ута-Саган-батыром и я приехал воевать с пятнадцатиголовым мангатхаем Ашура-Шара.

Тогда пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара говорит, стоя:

— Молодец, молодец! Мясо твое мягко и кости твои еще хрящи! Поезжай обратно домой!

Ута-Саган-батыр говорит:

— Мужчина-человек от своего желания не отказывается; волк и собака, укусивши, не отпускают и пробуют силы.

Тогда пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара соглашается пробовать силы. Ута-Саган-батыр слезает со своего коня, красивые красно-шелковые поводья бросает на седло. Две красивые полы концами затыкает за пояс и два красивые рукава засучил по локоть. Потом с пятнадцатиголовым мангатхаем Ашура-Шара борется. Они боролись в продолжении трех суток, не могут друг друга побороть. Тогда они остановились; пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара говорит:

— Мы будем бегать в бег; кто первый выйдет на масляный бугор, тот и победит, а кто останется, тот выйдет на кровавой бугор и будет побежден.

Так они условились.

Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара ловит своего бело-красного пороза, садится на него и едет с Ута-Саган-батыром. Они стали беги бегать. Ута-Саган-батыр бежит впереди и показывает свои волшебные силы — из ноздрей белоротого быстрого белого коня дым валит, между ушами козел и баран, бодаясь, играют... (и так далее, как ранее было описано). Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара, увидя это, также делает волшебства; железные бочки катятся впереди и позади бело-красного пороза. Ута-Саган-батыр первый прискакал на масляный бугор, а пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара отстал и вышел на кровавый бугор. Стоя каждый на своем бугре, они условились стрелять друг в друга; первому стрелять приходилось Ута-Саган-батыру. Он берет свой лук, кладет стрелу на тетиву лука, натягивает лук и говорит стреле:

— Если мне суждено умереть, то иди без вести, а если мне суждено победить, то попади пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара в широкую грудь и вылети насквозь!

Так наказывая стреле, он выстрелил. Стрела, выходя из рук, визжит, выходя из лука, гудит. Так летя, прилетела стрела, попала в грудь пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара и вылетела насквозь. Тогда пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара, растянувшись, упал на спину; голова его лежала на подошве одной горы, а ноги на подошве другой. Потом он встает с помощью своих волшебных сил, смеется и говорит:

— Думаешь, у человека-мужчины нет столько волшебной силы? Теперь очередь моя!

После этого пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара берет свой топор, весом в восемьдесят пудов, и говорит этому топору:

— Если мне суждено умереть, то иди без вести, а если суждено победить, то отсеки Ута-Саган-батыру голову!

Так сказав, он бросил свой топор. Выйдя из рук, топор сильно крутился и, гудя, летит к Ута-Саган-батыру. Ута-Саган-батыр держал в это время перед собою черный камень, величиною с быка; топор прилетел и рассек черный камень величиною с быка на две части. Ута-Саган-батыр поймал топор за топорыше, ударил им в седло и стоит. За топором на бело-красном порозе скачет пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара. Когда он подъехал, Ута-Саган-батыр говорит ему:

— Бросая топор, не мог попасть в человека, а попал в седло!

Тогда пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара говорит:

— Имеющими острия мы не можем победить друг друга. Теперь будем воевать силою плеча!

Тогда Ута-Саган-батыр слез со своего коня; красивый красно-шелковый повод бросил на седло; концы обеих красивых пол заткнул за пояс и оба рукава засучил по локоть. Потом оба они начали воевать силою плеча, т. е. бороться. Они упираются вперед и делают красную гору; упираются назад и делают серую гору. Тонко-красная пыль по низменности расстилается; на земле сделалось пыльно и туманно. Они воевали так в продолжение трех суток и не могли победить друг друга; потом воевали еще в продолжение девяти суток, не могли победить друг друга; потому продолжали воевать в течение трех месяцев, тоже не могли победить друг друга, потому продолжали воевать девять месяцев; и наконец, они воюют в течение трех лет, никак не могут победить друг друга. В это время они воевали, если коню бросить — действительно ровно воевали, если бросить верблюду, то равным равно воевали. К концу третьего года они перестали воевать и говорят друг другу:

— Силой плеча мы не можем победить друг друга, а потому нужно искать друг у друга душу. Кто вперед чью душу убьет, тот победит.

После этого пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара подает Ута-Саган-батыру свою книгу творца «Шара удар»; тот берет и дает свою книгу творца «Шара удар» пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара; и этот берет поданную ему книгу. Ута-Саган-батыр прочитал в творческой книге «Шара удар» пятнадцатиголового мангатхая Ашура-Шара, что у мангатхая Ашура-Шара три души. Одна его душа находится прямо на восточной стороне на желтой степи; это золотогрудая сорока, которая на расстоянии сорокадневного пространства проглатывает всех; вторая его душа находится прямо на юго-западной стороне; там на сереньком бугре б о л д о к т ы н стоит небольшой храм, в нем сидят тринадцать птиц бодоно¹, а третья душа его

---

¹ Б о д о н о — «перепел».

находится на северной стороне, на дне желтого озера лежит, как жир, белый камень; в этом камне сидит серебряный заяц.

Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара, взявши творца книгу (ш а р а х у д а р) Ута-Саган-батара, читает в ней, что Ута-Саган-батар имеет три души; они находятся прямо на западной стороне; далеко в дальнем месте стоит бело-серебряный храм, в северо-восточном углу его находится глубокая яма х у р - т а м а глубиною 80 сажень; на дне этой хур-тама стоит озеро живой воды, которая гладко чернеется; в этом озере живой воды играют три небольших тайменя. В юго-западном углу храма стоит бело-костяной стол; на нем лежит бело-костяная собака, которая днем три раза лает и ночью три раза лает. В юго-западном углу бело-серебряный зайчик день и ночь играет, все узнавая. Когда они прочитали и узнали, где находятся их души, они передали друг другу свои творческие книги. После этого пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара с Ута-Саган-батаром приехали домой; когда они вошли в дом, увидели, что стоит необыкновенно красивая девица; от правой щеки светилась правая стена, от левой щеки светилась левая стена. Эта красивая девица была дочь пятнадцатиголового мангатхая Ашура-Шара. Она тихо, плавно ходила – вырастала тонкая трава; тихо, нагибаясь, ходила – овцы и ягнята кричали. Так ходя, она поставила перед Ута-Саган-батаром золотой стол, на стол поставила вкусные кушанья; поставила серебряный стол, на нем поставила действительно вкусные кушанья. Ута-Саган-батар ел их; он глотал их как волк, и, как птица, клевал; наелся досыта и сидит. Стало поздно и он остался ночевать у пятнадцатиголового мангатхая Ашура-Шара.

Ута-Саган-батар влюбился в необыкновенно красивую дочь пятнадцатиголового мангатхая Ашура-Шара, а потому провел здесь несколько дней. Однажды она говорит:

– Ты с моим отцом воевал. Вы не могли победить друг друга, а потому решили искать друг у друга души, чтобы, убив душу, умертвить противника. Но тебе очень трудно будет подъезжать к золотогрудой сороке, которая с сорокадневного расстояния все проглатывает. Как ты подойдешь? Я дам тебе золотое кольцо, которое ты покажешь золотогрудой сороке, тогда она тебя не проглотит.

Ута-Саган-батар выходит на улицу и спрашивает своего коня:

– Необыкновенно красивая дочь пятнадцатиголового мангатхая Ашура-Шара дает мне золотое кольцо; если его показать золотогрудой сороке, то она не будет нас проглатывать. Брать ли это золотое кольцо или нет?

Тогда белоротый белый быстрый конь говорит своему хозяину:

– Не бери этого золотого кольца. Она обманывает тебя. Надейся на меня.

После этого Ута-Саган-батар поехал в восточную сторону к золотогрудой сороке. Он ехал и ехал и, наконец, приехал к золотогрудой сороке, которая действительно с сорокадневного расстояния всех проглатывает. Белоротый быстрый конь задним проходом начинает играть и петь, восхваляя золотогрудую

сороку, а та, слушая игру и песни, перестала проглатывать с сорокадневного расстояния. Тогда белоротый быстрый белый конь начинает ходить вокруг золотогрудой сороки; каждый раз подходит все ближе и ближе и все продолжает играть и петь, восхваляя золотогрудую сороку такими словами:

— Какая большая и красивая птица! Такая красивая птица где ходила? Я прежде не видал ее!

Золотогрудая сорока, слушая, начала дремать. Белоротый быстрый белый бегунец начал играть и петь пуще прежнего; тогда золотогрудая сорока заснула. В это время Ута-Саган-батар подъехал на коне к золотогрудой сороке, отрубил ей голову, а тело разрубил на две части. Тогда изнутри золотогрудой сороки вышло множество людей, разного скота, зверей и птиц; все они вышли с криком, шумом, благословляя Ута-Саган-батара и говоря:

— На будущее время всегда побеждай своих врагов и коли годовалых жеребят и нас, простых людей, спасай!

Все люди, вышедшие из золотогрудой сороки, разъехались в разные стороны, говоря:

— Я такого-то царя подданный! Я этого царя подданный!

Разные звери разбежались по лесам, а скот разбрелся по степям, птицы полетели в разные стороны. Ута-Саган-батар разрубленную золотогрудую сороку сжег на костре, оставшийся пепел березовой лопатой разбросал на северную сторону, осиновой лопатой разбросал на южную сторону.

После этого Ута-Саган-батар поехал на южную сторону за тринадцатью птицами бодоно. Он ехал и ехал и приехал на серенький бугор болдокто к храму, в котором живут тринадцать птиц бодоно. Но они из храма вылетели. Тогда Ута-Саган-батар с помощью своих волшебных сил сделал так, что пошел сильный дождь, потом град и, наконец, снег; после этого сделал такой сильный мороз, что рога быка лопались от холода, а на ладони своей сделал солнышко, которое светит и распространяет лучи. Немного погодя все тринадцать птичек бодоно прилетели сверху, спустились вниз и сели на ладонь Ута-Саган-батара, чтобы согреться около солнышка; сели и дрожат от холода. В это время Ута-Саган-батар поймал всех тринадцать птичек бодоно; десять из них раздавил, а три оставил и положил в карман. После этого Ута-Саган-батар поехал на северную сторону к желтому озеру. Он ехал и ехал и приехал к желтому озеру, но никак не может достать из него, как жир, белый камень. С помощью своих волшебных сил он сделал такой сильный жар, что конский кал начал кипеть и вода в желтом озере тоже начала кипеть. В продолжение трех месяцев вода желтого озера выкипела и дно озера высохло. Тогда он разыскал, как жир, белый камень. Никак не может разбить этот камень, все свои орудия сломал об него. Тогда Ута-Саган-батар спрашивает у своего коня, как разбить этот, как жир, белый камень. Белоротый быстрый белый конь говорит:

– Этот камень никак не разобьешь. А нужно его положить на семь дней в вонючее черное озеро. Я буду день и ночь караулить этот камень.

Тогда Ута-Саган-батар увез этот камень к вонючему черному озеру и положил его в озеро на семь дней, а конь его день и ночь караулил. По прошествии семи дней Ута-Саган-батар достал этот камень из вонючего черного озера, едва-едва раздавил его и вынул серебряного зайца. Приезжает Ута-Саган-батар к пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара и кричит:

– Выходи поскорее на улицу!

Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара выходит на улицу с повязанной головой и говорит, что у него заболела голова, никак не мог ехать. Ута-Саган-батар показывает пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара его души: трех птичек бодоно и серебряного зайчика. Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара просит Ута-Саган-батара не убивать его. Тогда выходит необыкновенно красивая дочь пятнадцатиголового мангатхая Ашура-Шара и говорит:

– Не убивай моего отца, если любишь меня.

Тогда Ута-Саган-батар три птички бодоно отдает пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара, а серебряного зайца раздавил. Тогда пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара сделался без волшебных сил, стал бессильным как простой человек. Ута-Саган-батар слез с коня и отпустил его, а сам пошел в дом. Он прожил тут несколько дней, по прошествии которых пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара говорит ему:

– Ты поезжай к птице Хан-Хэрэгдэ-шубун, вырви одно перо из ее правого крыла и привези мне. Мои глаза стали очень слабы. Хочу писать пером птицы Хан-Хэрэгдэ-шубун.

Ута-Саган-батар поймал коня, оседлал его и поехал к Хан-Хэрэгдэ-шубуну, приехал и говорит:

– Я приехал за пером из твоего правого крыла; я хочу его увезти для пятнадцатиголового мангатхая Ашура-Шара; он им хочет писать, так как его глаза стали слабы.

Птица Хан-Хэрэгдэ-шубун говорит:

– Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара нарочно послал тебя ко мне, чтобы я тебя съел. Другого я и съел бы, а тебя нельзя, потому что ты победил моего непобедимого врага желтого змея Абарга.

С этими словами птица Хан-Хэрэгдэ шубун вырывает одно перо из своего правого крыла, отдает Ута-Саган-батару и говорит:

– Ты это перо держи на чистом месте.

Ута-Саган-батар, получив перо, приехал к пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара и подает перо Хан-Хэрэгдэ-шубуна. Мангатхай сильно испугался и говорит:

– Унеси ты его и брось; теперь мне не нужно.

Ута-Саган-батар отвез это перо обратно к птице Хан-Хэрэгдэ-шубуну; та взяла перо, вставила в старое место и говорит Ута-Саган-батару:

– Ты скорее уезжай домой! Они тебя убьют обманом.

Ута-Саган-батар опять приехал к пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара и живет у него.

Несколько времени спустя пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара говорит ему:

– Поезжай отсюда к востоку. Там в тайге ходит большой лев; поймай его и приведи ко мне. Я буду держать его вместо собаки!

Ута-Саган-батар поехал на восточную сторону в тайгу, где издали увидел большого страшно сильного льва. Белоротый быстрый белый конь говорит своему хозяину:

– Ты не поймаешь этого большого льва; он очень сильный, съест тебя. Если нужно поймать, то это мы можем сделать только обманом. Иначе он нас обоих съест!

Сказав это, белоротый быстрый конь начинает задним проходом играть и петь, расхваливая этого льва, а лев слушает эту игру и песню. Белоротый быстрый белый конь играет и поет пуще прежнего, ходит вокруг льва, каждый раз все ближе и ближе подъезжает. Этот большой лев, слушая игру и песню, начинает дремать; тогда белоротый быстрый белый конь еще пуще прежнего начинает играть и петь; большой лев, слушая эту игру и песню, заснул. В это время Ута-Саган-батар осторожно подходит к спящему льву, надевает на его ноги железную цепь, на шею тоже надевает железную цепь и пасть этого льва замыкает большим железным замком. Потом он разбудил этого льва и повел за конем.

Когда он приехал к пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара, то льва привязал к коновязи, а сам вошел в дом и говорит:

– Возьми большого льва, которого я привел!

Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара выходит на улицу. Увидев привязанного большого льва, он сильно испугался и чуть-чуть не упал, а входя обратно в дом, говорит Ута-Саган-батару:

– Уведи этого льва и отпусти в тайге. Я тебе не этого льва велел привести, а другого.

Ута-Саган-батар побоялся увести льва обратно и отпустить; отпущенный, он может съесть его самого, а потому оставил его привязанным.

Через некоторое время белоротый быстрый белый конь ржет и говорит:

– Хозяин мой, выходи скорее!

Ута-Саган-батар выходит на улицу и видит, что белоротый быстрый белый конь от постоянной езды едва стоит на ногах, шатается во все стороны; четыре копыта его едва держатся на ногах, оба глаза его едва держатся в ямах. Конь говорит:

— Скорее снимай с меня седло и узду! Я как-нибудь пойду домой, чтобы там, на родине, сложить свои кости.

Тогда у Ута-Саган-батара из гладко-черных глаз потекли слезы, из золотисто-черных глаз закапали слезы.

Обняв голову своей лошади, рыдая, он заплакал, отчего высокое небо гудело, широкая земля тряслась. Он говорит:

— С твоей помощью я побеждал своих врагов; я советовался с тобою; теперь кто мне даст совет?

Белоротый белый быстрый конь говорит:

— Хозяин мой, не плачь! От кобылы родится жеребенок. Скорее отпусти меня! Я пойду на родину.

Тогда Ута-Саган-батар снял седло и узду со своего коня и отпустил его; конь пошел прямо на западную сторону, пошел, спотыкаясь и шатаясь на все стороны, на пути на тот куст ткнется, это дерево заденет. Так поплелся белоротый быстрый белый конь. Ута-Саган-батар долго смотрел вслед коню. В это время в грудь его входят отвердевшие думы, в ум его входят болезненные думы.

Войдя в дом, он сел и повесил голову, пригорюнившись, сидит. Необыкновенно красивая дочь пятнадцатиголового мангатхая Ашура-Шара говорит ему:

— Отчего у тебя в ресницах будто слезы, в груди твоей как будто есть думы? Ты скажи моему отцу: «Чужой человек на чужбине не уживается, сохатинная лытка в котле не помещается. Поеду домой!» — и проси у моего отца коня золотисто-солового цвета и меня возьми с собой.

На другой день Ута-Саган-батар говорит пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара:

— Я поеду домой! Чужой человек на чужбине не уживается, сохатинная лытка в котле не помещается. Дай мне коня золотисто-солового цвета. Иначе тебя убью и все увезу с собой.

Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара отдал Ута-Саган-батару коня золотисто-солового цвета. Необыкновенно красивая дочь пятнадцатиголового мангатхая Ашура-Шара тоже начала готовиться ехать к Ута-Саган-батару. Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара спрашивает у дочери:

— Что с собою возьмешь? Половину золота, серебра и разного скота?

Дочь отвечает ему:

— Мне не нужно ни золота, ни серебра, ни разного скота; они будут только мешать в дороге. А дай мне из золота и серебра одну денежку, из табуна одного жеребенка, из коров теленка, из овец ягненка и из коз козленка.

Пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара согласился и отдал, что она просила. Через несколько дней после этого Ута-Саган-батар приготовил все к отъезду, он поехал домой вместе с необыкновенно красивой дочерью пятнадцатиголового мангатхая Ашура-Шара. Она взяла с собою полученные от отца

из денег денежку, из табунов жеребенка, из коров теленка, из овец ягненка, из коз козленка; золото и серебро пошли за денежкой, все табуны лошадей пошли за жеребенком, все коровы и быки пошли за теленком, все овцы пошли за ягненком и все козлы и козы пошли за козленком. У пятнадцатиголового мангатхая Ашура-Шара остался один только бело-красный пороз. Тогда он сел на пороза и поехал догонять Ута-Саган-батара и свою дочь; догнав, он молит их дать ему из золота, серебра и разного скота столько, чтоб ему хватило есть до смерти; дочь дала ему часть золота, серебра и разного скота, сколько нужно, чтоб ему хватило до смерти. Получив от дочери часть золота, серебра и разного скота, пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара отправился обратно домой, а Ута-Саган-батар с дочерью пятнадцатиголового мангатхая продолжают ехать вперед; разный скот гонят, едва помещая его в пади¹, едва напаивая в ручьях. Когда приехали к высокой горе, Ута-Саган-батар нашел тут своего белоротого быстрого белого коня. Ослепнув, он ходил тут взад и вперед около горы, не находил прохода: об этот каменный утес стучался головой, о тот камень, спотыкаясь, падал. Тогда Ута-Саган-батар говорит:

– Мой белоротый быстрый белый конь ходит здесь, ослепший.

Необыкновенно красивая дочь пятнадцатиголового мангатхая Ашура-Шара дает Ута-Саган-батару ножницы-рыбу² и говорит:

– Распори брюхо этой ножницы-рыбы; вынь из нее икру и вымажь ею глаза и ноги белоротого быстрого белого коня; тогда он выздоровеет и станет лучше прежнего.

Ута-Саган-батар взял ножницы-рыбу, распорол ей брюхо, вынул из нее икру и этой икрой помазал глаза и ноги белоротого быстрого белого коня; конь выздоровел и стал красивее и лучше прежнего. Ута-Саган-батар сильно обрадовался, что у него белоротый быстрый белый конь выздоровел; золотисто-солового коня он отпустил в табуны. После этого Ута-Саган-батар со всем скотом проехал через гору и говорит необыкновенно красивой дочери пятнадцатиголового мангатхая Ашура-Шара:

– Поезжайте по сделанной черте, а где будет сделан кружок, там ночуйте.

Дав такое распоряжение, Ута-Саган-батар поехал вперед.

Когда Ута-Саган-батар поехал воевать с пятнадцатиголовым мангатхаем Ашура-Шара и в то время, как он жил у него, завистливый дядя Хара-Сотон приехал в его отсутствие к Ута-Саган-батаровой жене Урма-гохон-хатан и побоями и угрозами заставил ее выйти за него замуж. Он говорил ей, что Ута-Саган-батар убит на войне пятнадцатиголовым мангатхаем Ашура-Шара. Завистливый дядя Хара-Сотон, женившись на женщине Урма-гохон-хатан, жил во дворце своего племянника Ута-Саган-батара и управлял его царством как царь. Каждый день он катался в черной железной коляске, в которую запрягались четыре карих иноходца. Он катался по черному железному мосту.

---

¹ Падь – сибирский провинциализм, значит «горная долина».

² По-бурятски: х а ш и з а г а н а н.

Ута-Саган-батар, приехав домой, превратился в нищего в разорванной одежде; шляпа на его голове была дырявая, на ногах были волосяные чирки¹ без подошв; он встал на конце железного моста и просит подаяния. В это время приехал завистливый дядя Хара-Сотон, катавшийся по черному железному мосту в черной железной коляске, запряженной четырьмя иноходцами. Когда завистливый дядя Хара-Сотон поравнялся со стоящим нищим, он бросил ему в подаяние одну копейку; на обратном пути он бросил этому нищему две копейки; проезжая в третий раз, он бросил ему три копейки. Тогда этот нищий превратился снова в Ута-Саган-батара; подойдя к черной железной коляске, Ута-Саган-батар поймал завистливого дядю Хара-Сотон за седые волосы, выдернул из повозки и начал бить. Завистливый дядя Хара-Сотон плачет и рыдает как козел и как козуленок. Ута-Саган-батар говорит:

— Зачем ты меня мучил столько времени? Сколько я страдал от трудной войны!

После этого он приколотил завистливого дядю Хара-Сотона железными гвоздями к деревянному столбу на росстани трех дорог; под ним поставил деревянную бочку, а на деревянном столбе написал, что каждый едущий мимо должен от тела завистливого дяди Хара-Сотона отрезать кусок мяса и положить в бочку. Если кто не исполнит этого, тот недолго будет жить или будет несчастлив в долгой жизни. Каждый проезжающий отрезал от тела завистливого дяди Хара-Сотона кусок мяса и клал в бочку. Потом Ута-Саган-батар подходит к своему дворцу и входит в него. Урма-гохон-абаха, увидев своего мужа Ута-Саган-батара, сильно обрадовалась. Они целуются, обнявшись. Потом Урма-гохон-абаха спрашивает своего мужа:

— Где ты был так долго? Я думала, что ты побежден врагами.

Тогда Ута-Саган-батар рассказал о всех своих похождениях. Урма-гохон-абаха тихо-плавно ходила, вырастала тонкая трава, тихо, нагибаясь, ходила, овцы и ягнята кричали. Так расхаживая, она поставила перед своим мужем золотой стол; на стол поставила вкусные яства; поставила перед мужем серебряный стол, на него поставила действительно вкусные яства. Ута-Саган-батар ел их, как волк, глотал, как птица, клевал и запивал крепким вином.

Когда Ута-Саган-батар наелся досыта, то он вышел на улицу и отпустил белоротого быстрого белого коня, и конь уходит пастись на северную сторону Алтая и на южную сторону Хохоя. Через несколько дней после этого приехала необыкновенно красивая дочь пятнадцатиголового мангатхая Ашура-Шара и Ута-Саган-батар женился на ней. Она сделалась младшей женой. Ута-Саган-батар с помощью своих волшебных сил построил для нее бело-серебряный дворец, в котором она и стала жить. Таким образом Ута-Саган-батар жил по-прежнему счастливо с двумя прекрасными женами.

---

¹ Чирки — обувь сибирских крестьян.

Однажды старшая жена Урма-гохон-абаха заболела и легла на высокие подушки и на широкую постель. Она говорит своему мужу Ута-Саган-батару:

– Во время твоей поездки к пятнадцатиголовому мангатхаю Ашура-Шара у меня родился сын, которого я, боясь, что завистливый дядя Хара-Сотон убьет его, спрятала в очаге, вырыв яму глубиной в 80 сажен; завистливый дядя Хара-Сотон не знает этого. Ты не вырывай этого нашего сына до сорока трех лет; если ему суждено быть человеком, он сам выйдет. Ты о нем никому не говори.

Сказав эти слова, Урма-Гохон-хатан умерла. Ута-Саган-батар, обняв голову своей жены, плачет и рыдает. От этого плача и рыдания высокое небо гудит и широкая земля трясется. Ута-Саган-батар говорит:

– Подружившаяся со мной с темного детства подруга моя умерла! Как теперь буду жить!

Так плача и рыдая, сидел он в продолжение девяти дней и ночей; по прошествии их остановился и говорит:

– Если умершего долго жалеть, то говорят: вблизи несчастье и в далеком грех.

Так сказав, Ута-Саган-батар встал, свою умершую жену положил на спину, переднюю сторону тела высеребрил; сделал золотой гроб и положил в него тело жены Урма-Гохон-хатан; сверх золотого гроба сделал серебряный гроб, а сверх серебряного сделал деревянный гроб. Потом в табуне поймал большую белую кобылу. Взяв гроб Урма-гохон-хатан и ведя за собою большую белую кобылу, он пошел к горе Ангай-Улан¹. Когда пришел к подошве горы Ангай-Улан, белою кобылою сделал тайлган² и молится на горе Ангай-Улан.

– Гора моя, Ангай-Улан! Откройся! Хочу положить кости жены своей, чтобы в летние жары не потела, в зимние холода не мерзла!

Тогда гора Ангай-Улан открылась. Ута-Саган-батар положил внутрь горы Ангай-Улан тело своей жены.

Потом Ута-Саган-батар приходит домой и живет счастливо с младшей женой. Через несколько времени у младшей жены родился сын с десятью головами. Ута-Саган-батар большим удивлением удивился, что у него от младшей жены родился десятиголовый мангатхай Ангир-Шара. Этот родившийся десятиголовый сын постепенно растет все больше и больше. Сын жены Урма-гохон-абаха по прошествии сорока трех лет выходит из-под очага и, превратившись в трехлетнего мальчика, сидит на вершине серебряной коновязи и играет. Ута-Саган-батар, выйдя на улицу, видит этого мальчика, узнает, что этот мальчик сын его, родившийся от Урма-гохон-абаха, снимает его с вершины серебряной коновязи и уносит во дворец.

---

¹ А н г а й-У л а н – по мнению бурят, гора, в которой хоронят покойников.

² Т а й л г а н – поминки с закалыванием жертвенного животного.

Два сына Ута-Саган-батара постоянно ссорятся между собою. Старший сын от Урма-гохон-абаха живет с отцом, а младший десятиголовый сын — с матерью. Когда эти два сына Ута-Саган-батара выросли большими, то воевали между собою; старший сын Ута-Саган-батара едва-едва победил своего младшего брата десятиголового мангатхая Ангир-Шара. Тогда Ута-Саган-батар свою младшую жену, необыкновенно красивую дочь пятнадцатиголового мангатхая Ашура-Шара, прогнал домой. Необыкновенно красивая дочь пятнадцатиголового мангатхая Ашура-Шара уехала домой беременною от Ута-Саган-батара. По приезде домой через некоторое время она родила сына.

Ута-Саган-батар жил с сыном¹. Однажды сын его говорит:

— Печень мою подергивает², увижу родное!

Он выходит на улицу и видит на крыше бело-серебряного своего дворца сидящего мальчика, который играет сам с собою. Тогда он входит во дворец и говорит своему отцу Ута-Саган-батару, что на крыше их дворца сидит и играет маленький мальчик. Тогда Ута-Саган-батар большим узнанием узнал и большим умом уразумел, что это его сын от младшей жены. Вышел на улицу, залез на крышу, хочет поймать этого мальчика, но никак не может поймать. Он гонялся за этим мальчиком по крыше в продолжение трех суток, в конце третьих суток едва-едва согнал его с крыши на вершину серебряной коновязи, где и поймал его. Поймав, входит с ним во дворец. Тогда этот мальчик говорит:

— Чужой человек на чужбине не уживается, сохатинная лытка в котле не помещается. Думая, что в стране мангатхаев не уживусь, я пришел к отцу. Кто был мой отец, я едва-едва допытался у матери, которая после долгого заpiresательства мне рассказала.

После этого Ута-Саган-батар жил с двумя своими сыновьями.

Однажды Ута-Саган-батар, сделав три стрелы, дал их своему старшему сыну и сказал:

— Пусти эти три стрелы на все три стороны, потом иди за этими стрелами; одна из них попадет в твою суженую, на которой ты женишься.

Старший сын, взяв эти стрелы, выстрелил на все три стороны; потом пошел на западную сторону, нашел выстреленную стрелу — она лежит на пустом месте. Взяв эту стрелу, он отправился на южную сторону и там ищет свою стрелу. Он находит ее недалеко от одной нишей женщины; стрела его немного не долетела до этой нишей женщины. Старший сын Ута-Саган-батара берет свою стрелу и идет на восточную сторону; там ищет свою стрелу, но никак не может найти и, наконец, в одном болоте около озера находит свою стрелу — она лежит на большой лягушке. Старший сын Ута-Саган-батар сильно удивился и говорит:

— Я, человек и сын Ута-Саган-батара, буду жениться на лягушке? Лягушка будет моей женой? Все люди будут смеяться надо мной. Лучше не жениться, чем жениться на лягушке.

¹ Рассказчица забыла имя этого сына Ута-Саган-батара.

² По-бурятски: элгин минии гашана.

Так сказав, он взял свою стрелу и идет обратно домой. Тогда лягушка говорит:

— Ты мой суженый жених и должен на мне жениться.

Говоря это, она за ним скачет.

Сын Ута-Саган-батара, рассердившись, возвратился к лягушке и отбросил ее ногою в сторону, но лягушка не отстает от него, все твердит:

— Ты мой суженый жених и должен на мне жениться.

Наконец, он идет домой, а за ним скачет его невеста лягушка. Когда он пришел домой с лягушкою, которая скакала сзади, Ута-Саган-батар сильно удивился, что у его сына суженая невеста — лягушка. Стыдясь этого, он устроил им отдельный дворец, в котором и поселил их. Стал жить в этом дворце старший сын Ута-Саган-батара со своей женой-лягушкой, у которой была черная собака и белая, с черным пятном на лопатке, корова. Жена его, лягушка, переехав во дворец, устроила себе гнездо в лукошке и лежит в нем день и ночь.

Когда вырос младший сын, Ута-Саган-батар тоже делает три стрелы, дает их младшему сыну, чтобы он пустил их на все три стороны, а потом пошел бы искать их: на какую девицу упадет какая-нибудь из трех стрел, на той должен жениться его младший сын. Взяв все три стрелы, младший сын Ута-Саган-батара выстрелил на все три стороны и поехал разыскивать свои стрелы. Стрелы, пущенные к востоку и западу, оказались пустыми; тогда младший сын Ута-Саган-батара едет на южную сторону, ищет там свою стрелу и, наконец, находит ее: она прицепилась к подолу средней дочери царя Шажин-Номон-хана. Тогда он берет свою стрелу и едет во дворец царя Шажин-Номон-хана; приехав ко дворцу, останавливается у серебряной коновязи, привязывает к ней красивый красно-шелковый повод, а сам входит во дворец, царским здоровьем здоровается и, как царица, кланяется царю Шажин-Номон-хану, который сидит на золотом троне. Царь Шажин-Номон-хан приглашает его садиться на правой стороне и спрашивает:

— С какой стороны, с какой земли, чей сын и как тебя зовут?

Младший сын Ута-Саган-батара садится на правой стороне и говорит:

— Я с северной стороны, младший сын Ута-Саган-батара. Тело мое приехало по следу зятя, а кушак мой — по следу свата.

Царь Шажин-Номон-хан говорит:

— Прежде-прежде, когда я был молодым, то слыхивал, что Ута-Саган-батара называли быстрым и метким молодцом, а младшего сына Ута-Саган-батара каким называть? Сказанное верно и дума правдоподобна.

После этого поставили золотой стол, вкусной пищей угощали, серебряный стол поставили, действительно вкусной пищей угощали и подавали крепкое вино. После этого царь Шажин-Номон-хан призвал своих трех прекрасных дочерей и, указывая на них, говорит:

— Которую из них желаешь?

Младший сын Ута-Саган-батара указывает на среднюю дочь – Шара-Сэсэк («Желтый цветок»). Через три дня царь Шажин-Номон-хан велел бить в золотой барабан, собрать своих северных подданных, бить в серебряный барабан – собрать южных подданных; как бугор величиною, мясо отпустил и, как озеро, вина отпустил. В продолжение девяти суток пировали, на десятые сутки едва разъехались.

Младший сын Ута-Саган-батара живет у своего тестя царя Шажин-Номон-хана. Однажды он говорит тестю:

– Чужой человек на чужбине не уживается, сохатинная лытка в котле не помещается. Нужно ехать домой.

Тогда царь Шажин-Номон-хан дает своей дочери Шара-Сэсэк в приданое половину своего скота, половину подданных и половину золота и серебра. Младший сын Ута-Саган-батара все это взял, едет домой со своей женой Шара-Сэсэк; разного рода скот гонят по пади, едва в ней помещая, а подданные едут спереди и сзади и едва напаивают скот в ручьях. С шумом и гамом приехали.

Когда младший сын, женившись на дочери царя Шажин-Номон-хана, приехал, Ута-Саган-батар сильно обрадовался и сделал большое гулянье в продолжение девяти суток, на девятые сутки едва разъехались. Ута-Саган-батар младшему сыну выстроил отдельный дворец. Младший сын со своей женой Шара-Сэсэк поселился в нем. Так они жили счастливо и хорошо.

Однажды Ута-Саган-батар призывает своих сыновей. Они пришли к отцу и спрашивают:

– Зачем нас звал, отец?

Тогда Ута-Саган-батар дает двум сыновьям по куску шелка и велит сшить рубашки для него. Оба сына, взяв по куску шелка, идут по домам. Старший сын очень печалится, думая, что его жена-лягушка не сумеет сшить из этого шелка рубашки его отцу. Он пришел домой печальный. Жена его, лягушка, спрашивает, отчего он такой печальный. Он говорит своей жене:

– Отец мне и брату дал по куску шелка и велел из них сшить рубашки.

Тогда лягушка, жена его, говорит:

– Отдай мне шелк и будет готово!

Он отдает шелк своей жене-лягушке.

Младший брат тоже пришел домой, отдал кусок шелка своей жене Шара-Сэсэк и говорит:

– Отец велел из этого шелка сшить ему рубашки. Сшей поскорее!

Жена младшего брата Шара-Сэсэк приходит к дворцу старшего брата и украдкой смотрит, как будет шить рубашки старшая невестка-лягушка, а та, узнав, что невестка подсматривает, берет кусок шелка и режет его ножницами на куски; изрезала весь шелк на куски и выбросила их в дверь на улицу. Младшая невестка Шара-Сэсэк пришла домой, изрезала шелк на куски, собрала куски и выбросила на улицу, как это сделала старшая невестка-лягушка. У старшей

невестки-лягушки все нарезанные и выброшенные на улицу куски собрала черная собака и отнесла к белой, с черным пятном на лопатке, корове; эта корова все куски собрала и съела. На другой день у старшей невестки-лягушки белая корова с черным пятном на лопатке испражняется рубашками, сшитыми без шва; эти рубашки подобрала черная собака и отнесла к своей хозяйке, лягушка та взяла рубашки, посмотрела, сказала: «Хорошо сшиты!» и положила. У младшей невестки изрезанные куски шелка валяются по двору и уносятся ветром; младшая невестка не знает, что делать; поехала в город, едва-едва купила подходящего шелка, привезла домой, кое-как сшила рубашки и отдала мужу отнести Ута-Саган-батару. Два сына Ута-Саган-батара приходят к отцу и отдают рубашки, сшитые невестками. Ута-Саган-батар берет рубашки от старшего сына, сшитые старшей невесткой-лягушкой, смотрит на них и говорит:

— Хорошо сшито. Если шить, так шить хорошо, — и положил в ящик.

Потом Ута-Саган-батар берет рубашки от младшего сына, сшитые младшей невесткой Шара-Сэсэк, смотрит и говорит:

— Мне, царю-человеку, не пригодно носить такие рубашки! — и отдал их дворовым людям.

Младшему сыну стало очень стыдно, а старший сын пришел домой обрадованный.

Через несколько времени Ута-Саган-батар призывает своих двух сыновей и говорит им:

— Дней много и год длинен. Хочу сделать большой пир; приезжайте на этот пир сами и привезите моих снох.

С этими словами он отпустил двух сыновей. Старший сын дорогой думает и печалится:

— Как я поеду на пир со своей женой-лягушкой? Все надо мною будут смеяться!

Так думая, приходит домой. Его жена-лягушка спрашивает, отчего он пришел такой печальный. Тогда он говорит своей жене-лягушке:

— Отец наш делает большой пир, на который пригласил меня и младшего брата приехать с женами. Брат приедет со своей женой Шара-Сэсэк, а я как поеду с тобой? Все над нами будут смеяться.

Лягушка-жена говорит своему мужу:

— Не печалься! Как-нибудь поедем. Никто над нами не будет смеяться.

Ута-Саган-батар начал готовиться к большому пиру; как бугор величиною, мяса prepares и, как озеро, вина prepares; после этого велит ударить в золотой барабан, собрать северных подданных, и велит ударить в серебряный барабан, собрать южных подданных. Северные и южные подданные собрались к своему царю Ута-Саган-батару. Приехал к нему на пир младший сын со своей женой Шара-Сэсэк в черной железной коляске, запряженной четырьмя карими иноходцами. Их встретили все подданные и сам Ута-Саган-батар. На

этот большой пир собирается и старший сын Ута-Саган-батар. Лягушка-жена говорит своему мужу:

– Ты поезжай теперь один, а я приеду за тобою. Когда ты приедешь и все будет в полном сборе, тогда земля будет трястись и коляска моя будет гудеть как гром. Тогда твой отец соскочит с трона и будет говорить: «Откуда и какая война приближается?» Ты скажи ему, что это едет твоя жена.

После этого старший сын Ута-Саган-батара уезжает к отцу на пир один. Через несколько времени после того, как он приехал, земля трясется и гудит как гром. Ута-Саган-батар соскакивает с трона и говорит:

– Откуда и какая война приближается?

Старший сын говорит отцу:

– Это едет моя жена.

Ута-Саган-батар сел на старое место. Немного погодя едет бело-серебряная коляска, запряженная четырьмя белыми иноходцами; спереди и сзади едут телохранители; так едет старшая сноха Ута-Саган-батара, который со всеми своими подданными выходит встретить свою старшую сноху. Она подъехала к дворцу. Из бело-серебряной коляски выходит необыкновенно красивая девица. Ута-Саган-батар ведет ее во дворец. Старший сын Ута-Саган-батара большим удивлением удивляется, что у него такая красивая из красивых жена. Старшая сноха входит во дворец и садится рядом с младшей снохой Шара-Сэсэк. Все собравшиеся подданные смотрят и не посмотрят на старшую сноху своего царя. Она была такая красивая, что от красоты правой щеки освещалась правая стена, от красоты левой щеки освещалась левая стена. Ута-Саган-батар угощает своих снох и всех собравшихся на пир гостей. Младшая сноха Шара-Сэсэк украдкой смотрит на старшую сноху, которая все кости от съеденного мяса потихоньку кладет в правый рукав, а молочную пищу украдкой в левый рукав. Младшая сноха, подражая старшей, тоже все кости от съеденного мяса украдкой кладет в правый рукав, а молочную пищу украдкой кладет в левый рукав. Ута-Саган-батар говорит двум своим снохам:

– Пляшите! Я посмотрю вашу пляску.

Первою встает старшая сноха; она пляшет так, что на плоском камне вырастает трава, и на черной воде делается пенка. Во время пляски она машет правой рукой – тогда перед присутствующими ставится золотой стол с вкусными блюдами; все их едят и крепким вином запивают; так угощая, она пляшет. Она машет левою рукою – тогда перед присутствующими золотые столы заменяются серебряными столами с действительно вкусными яствами; гости едят их и крепким вином запивают. Потом старшая сноха перестает плясать, кланяется и говорит:

– Царь-батюшка, мое уменье такое.

Тогда Ута-Саган-батар благодарит свою старшую сноху и говорит:

– Если иметь сноху, то хорошо иметь вот такую.

Потом настала очередь младшей снохи; она встала и пляшет; когда она пляшет, то на плоском камне трава вырастает, и на черной воде делается пена; во время пляски она машет правой рукою — из правого рукава вылетели положенные в него кости, которые попали кому в глаз, кому в рот, те от боли схватились кто за глаза, кто за рот; младшая сноха, так поплясывая, машет левой рукою; из рукава левой руки вылетает положенная молочная пища и падает кому в лицо, кому на платье; все сидящие кто утирает лицо, кто чистит платье. Младшая сноха Ута-Саган-батара, сильно сконфуженная, садится на старое место. Пир Ута-Саган-батара продолжается девять суток, на десятый день едва-едва разъехались.

Младший сын с женою приехали домой сильно сконфуженные.

Старший сын Ута-Саган-батара украдкой до окончания пира уехал домой, вошел во дворец, нашел лукошко, в котором постоянно лежала его жена-лягушка, спрятал его, сам спрятался и ждет свою жену. Приезжает его жена в бело-серебряной коляске, запряженной четырьмя белыми иноходцами; и спереди и сзади едут телохранители. Приехав домой, выходя из бело-серебряной коляски, она достала из кармана черно-шелковый платок, махнула им три раза против солнца — тогда вдруг бело-серебряная коляска с четырьмя белыми иноходцами и телохранителями исчезла. После этого она входит во дворец, раздевшись и снова превратясь в лягушку, она ищет свое лукошко и, не найдя его, говорит:

— Ай, собака! Только три дня осталось, чтобы стать человеком; ранее этого спрятал (лукошко).

Сказав эти слова, она вознеслась вверх. Старший сын Ута-Саган-батара погнался за своей женой, но никак не мог догнать ее и потерял из виду. Тогда он начал искать свою жену-лягушку. После трудных и мучительных поисков однажды подходит он к одному шалашу, в котором живет нищая женщина; он спрашивает ее, не видала ли она его жену. Нищая женщина говорит ему:

— Зачем ты спрятал лукошко, в котором она лежала? Ей оставалось только три дня, чтобы сделаться человеком. Ты не мог подождать три дня. Она сильно разгневалась на тебя. Ты едва ли найдешь и поймаешь ее, потому что она знает множество превращений и имеет множество волшебных сил. Сегодня вечером она будет кататься по черному морю. Ты обратись в нищего и проси подаяния; когда она будет давать тебе подаяние, тогда ты ее лови и старайся удержать ее. Только обманом можешь поймать ее, иначе не поймаешь.

Тогда старший сын Ута-Саган-батара приходит к черному морю; превратившись в нищего с дырявой шляпой, в волосяных чирках без подошв, ходит он по берегу моря взад и вперед в ожидании своей жены.

Вечером, перед закатом солнца, его жена начала кататься по черному морю в бело-серебряной коляске, запряженной четырьмя белыми иноходцами; сзади и спереди у ней ехали телохранители. Они не подпускали его близко; он никак не мог приблизиться к ней; она узнала своего мужа и скрылась. Бесплезно

походив по берегу черного моря, на другое утро он опять приходит к нищей старухе и говорит ей, что он никак не мог поймать свою жену, что она, узнав его, скрылась. Эта нищая женщина говорит ему:

— Ее обмануть очень трудно, потому что она все узнает.

Потом эта женщина говорит:

— Сегодня твоя жена будет у меня в гостях, ты незаметно спрячься здесь; когда она войдет и сядет и будет со мною разговаривать, тогда поймай ее и старайся удержать.

Он спрятался под сиденье и лежит там. Спустя некоторое время в этот шалаш входит его жена, садится, начинает разговаривать с нищей женщиной и говорит ей, что она поднимается на небо и будет там жить. В это время ее муж выскочил из-под сиденья, ухватился за ее руку и держит. Она начала отбиваться от него; он уговаривает ее, чтобы она простила его, что он так поступил по незнанию, что ее лукошко только спрятано. Она долго отбивалась; наконец едва-едва он уговорил ее; она простила ему. После этого старший сын Ута-Саган-батара приезжает домой со своею красавицей-женой и живет счастливо. Жена его говорит, что она незаконная дочь царя, который знал очень много превращений и имел много волшебных сил, что этот царь жил с ее матерью и потом уехал, а мать ее от него сделалась беременною, что одна нога ее запухла; когда разрезали эту опухоль, оттуда вышла лягушка. Эта лягушка и есть она, жена старшего сына Ута-Саган-батара. Эту лягушку не могли убить и бросили в болото около озер.

— Я,— говорит лягушка,— жила в этом болоте и выросла; тут ты меня и нашел.

Так она говорила своему мужу. После этого Ута-Саган-батар стал жить очень счастливо с своими двумя сыновьями и прекрасными снохами. И они жили спокойно и мирно и имеют множество потомков. Ан хуба ашта бурханда тушебэ.

Записано от бурятки Сэсэж

Напечатано в «Балаганском сборнике...», Труды ВСОРГО, том V, Томск, 1903, стр. 42-79.

ЭРЭ-ТОХОЛО-МЭРГЭН¹

Прежде-прежде, в прежнее счастливое время и богатое время жил, имеющий высокое небо отцом и широкую землю матерью, родившийся благодаря своей доброте, Эрэ-Тохоло-мэргэн. Он жил на северном берегу синего моря у подошвы горы Монгото-ула. Он имел бело-серебряный дворец с многочисленными окнами и дверями. Пороги дверей были из серебра «боржи», а двери были перламутрово-серебряными; крыльцо было с серебряными

---

¹ В первом издании везде: Эрэ-Тохоло-моргон.

ступеньками; кобыла с жеребенком могли в бег бегать и кобыла с лончаком¹ могли пройти, переступая со ступеньки на ступеньку. Снаружи дворец был белее снега и высеребрен, внутри он был вызолочен и высеребрен, пол был сплошной серебряный. В углах были изображения богов, на стенках изображения царей. В юго-западном углу дворца стоял загнутый серебряный трон с двадцатью тремя ногами; в юго-восточном углу дворца стоял чисто серебряный трон с тринадцатью ногами. Вокруг этого дворца были три стены: самая наружная стена была из черного камня и черным камнем запиралась: при ней были караульные собаки Хахар и Бахар; средняя стена была из красно-рыжего камня со сплошными серебряными воротами, которые караулил человеческий сын; самая внутренняя стена была сделана из костей разного скота и распещрена вставленными рыбьими костями; золото-серебряные ворота караулили медведь и лев. Под этими стенами черная крыса рыть не могла, из-под земли черная вода просачиваться не могла и поверх этих стен птицы с плохими крыльями не могли залетать, махая крыльями. У Эрэ-Тохоло-мэргэна был сивый конь, на котором он ездил. Эрэ-Тохоло-мэргэн имел множество подданных, живущих на южной и северной сторонах, а также имел множество разного скота, который пастись на южной и северной сторонах.

Однажды Эрэ-Тохоло-мэргэн говорит:

— Один человек человеком не делается; одна головня огнем не делается!

С утреннего красного солнца начиная, материнское большое священное писание он расстилает до дверей, старое желтое священное писание он расстилает до дверей до противоположной стены (х о й м о р). Так разостлав, он читает. Тогда ему вычитывается, что прямо на юго-западной стороне на расстоянии столетней езды, на берегу черного моря, на подошве отвесной каменной горы Хашилак-ула живет царь Нарин-Шара, у которого есть дочь Шара-Сэсэк, — это его суженая. После этого он складывает священное писание и кладет на прежнее место.

В одно утро, при восхождении красного солнца, он пробуждается, встает, приводит волосы в порядок, умывает лицо и руки; взяв золотую трубу, бегом выходит на серебряное крыльцо. В золотую трубу крича, зовет сивого коня, пасущегося на северной стороне Алтая и на южной стороне Хохоя вместе с тринадцатью самками-изюбрами, в дружестве и приятельстве с ними. Загудя, пошел голос из золотой трубы через тринадцать падей и сивому коню попал этот голос в правое красивое ухо, а в левое красивое ухо вышел. Сивый конь говорит:

— Это голос моего хозяина!

Большую, как корзина, гриву по обеим сторонам спины бросая, большой и толстый, в обхват, хвост на бедра бросая, побежал конь, скача немного ниже синеющего неба, немного выше синеющих облаков, в это время, думая, говорит:

---

¹ Л о н ч а к — в прошлом году родившийся жеребенок.

— Дальние неприятели или ближние неприятели приехали воевать?

Так бежа, бежит. Из четырех копыт огонь летит, из сорока белых зубов пламя выходит. Прибежав домой, перескочил через три стены внутрь двора, остановился у серебряной коновязи и, как спящий заяц, дремля, спокойно стоит. Эрэ-Тохоло-мэргэн бегом выходит, витый серебряный недоуздок надевает на голову сивого коня, вылитой серебряной уздой обуздывая, ловит его. Десятилетнюю шерсть выгнуто-серебряной скребницей дочиста выскреб, двадцатилетнюю шерсть зубчато-серебряной скребницей дочиста выскреб; горстью травы кормил, чашкой воды поил; так выдержав сивого коня, говорит:

— Выдержка коня окончилась! — и кладет на него шелковый потник, седлает его серебряным седлом, десятью прекрасными подпругами туго подтягивает, двадцатью прекрасными подпругами крепко-накрепко подтягивает, так что конь нагибается; говорит после этого, что приготовление коня окончилось, и прекрасный шелковый повод привязывает к серебряной коновязи. После этого Эрэ-Тохоло-мэргэн беглым шагом входит в свой дворец, ставит золотой стол, на стол ставит вкусную пищу, ставит серебряный стол, на нем ставит прекрасную пищу и ест, как волк глотает, как птица клюет; наевшись досыта, встает и начинает одеваться, повертываясь во все стороны перед зеркалом величиною с двери; перед зеркалом величиною с потник стоя и поворачиваясь, одевается; ни пылинки на нем не оказывается. Потом надевает шелковую шубу, которую он носит в летнюю пору, сто восемь пуговиц безошибочно застегивает, сверху надевает шелковую шубу, которую он носит в зимнее время; потом он берет правый бок давящую серебряную саблю Бордо, на лезвие имеющую волшебство, на тупой стороне имеющую печать; черень ее сделан из хитрого дерева, а рукоятка сделана из дерева жимэги. После этого берет желтый лук бухарь, кладет его в футляр и вместе с серебряным колчаном Буда надевает на себя (т.е. ремнем подпоясывается); берет острое, колючее черное копье, которое (обыкновенно) он держит (в руке) в военное время, и на голову надевает лисью шапку. Потом он говорит:

— Приготовление тела окончилось!— и беглым шагом выходит на улицу, подходит к серебряной коновязи, отвязывает прекрасный шелковый повод, ногу безошибочно кладет в золото-серебряное стремя и садится на коня. Так он поехал прямо в юго-западную сторону. У серебряной коновязи только и было видно, что запылилась горсть земли и за тремя долами красная кисть на шапке мелькнула; более ничего не было видно. Он поехал далее, пыля и туманя; через десять падей ровно рысил, через двадцать падей, не кривя, рысил. Когда на небе стоял день, то он рысил до тех пор, пока на небе не настанет ночь; когда на небе стояла ночь, то он рысил до тех пор, пока на небе не настанет день. В жаркие дни без питья ехал, в темную ночь без сна ехал. По крику пестрой сороки замечал, что настала половина зимы, лисью шапку нахлобучивая глубже, рысил; по пению соловья соображал, что наступает половина лета и,

лисью шапку подняв вверх, рысил. От его скорой езды делался сильный вихрь, который сносил рыжие камни, и дул черный ветер, который сносил черные камни. Тринадцати царям весть подавая, рысил, до двадцати трех баторов шум распространяя, рысил.

Во время этой поездки выезжает он на вершину одной высокой горы; он остановился на ней, слез с коня, сняв седло и потник, отпустил коня, потом развел серо-красный костер огня, одной стрелой свалил самца изюбра и самку изюбра и приставил их на рожне к огню жариться, а сам, разостлав потник и седло положив под голову, лег спать, грея спину на огне. На другое утро встал, привел волосы в порядок, умыл руки и лицо и ест жареных самца изюбра и самку изюбра, кости через нос и рот выфыркивая. Как лытка большую ганзу¹ достает и накладывает в нее красного табаку из кошелька как рукав. Как чашки большими глазами смотрит по золотой земле и золотисто-черными глазами смотрит вокруг широкой земли. В это самое время прямо на юго-восточной стороне высоко-красная пыль по обширной земле расстилается; когда посмотрел в эту пыль, то увидел в ней: четыре ноги коня мелькают, красная кисть шапки, касаясь до неба, мелькает. Серенькое сердце Эрэ-Тохоло-мэргэна бьется, коротенькие его ребра гнутся:

— Это мой головы война миновать не может, вершины высокой горы Улы туман миновать не может!

Так говоря, он стоял. Из больших золотисто-черных глаз льются слезы как из чашки; из плоских черных глаз постепенно льются слезы. Так, стоя, думает:

— Человеческий сын не лучше человека; позвонков в шее не более шести.

Волчью думу думает и сердце его делается как камень. После этого мигом седлает коня, скоро-наскоро седлает его серебряным седлом и, приготовившись к езде, в золото-серебряное стремя кладет ногу и садится на сивого коня. Поскакал навстречу высокой красной пыли, говоря:

— Приехавшую войну принужден встречать и отъехавшую войну (принужден) провожать.

Сам он едет так быстро, как стрела скользит от горы и как ястреб и сокол мелькает. Он выехал на царскую дорогу и, побрякивая, рысит по ней; ехав так, встретился в упор с этим врагом; тот, встретившись, спрашивает:

— Выпитая вода где и земля, на которую падал, где?

Тогда отвечает:

— Прямо на северной стороне живущий, на берегу синего моря и у подошвы горы Монгото-ула родившийся благодаря своей доброте, Эрэ-Тохоло-мэргэн называюсь.

Тот спрашивает:

— Куда имеешь намерение ехать?

---

¹ Г а н з а — курительная трубка.

Тогда отвечает:

— Еду прямо на юго-западную сторону к живущему на берегу черного моря и на подошве отвесной каменной горы Хашалык-ула царю Нарин-Шарат, у которого хочу высватать дочь его Шара-Сэсэк-абаха.

Тот говорит:

— Какой ты пролившийся маленький! Чужого желаешь, доставшимся недоволен! Я с пеленок запасал ее в невесты и с люльки имел намерение жениться на ней. Ты разве не слыхивал, что поговаривали о Мор-мэргэне как о метком стрелке и о горбатом чалом коне как о быстром бегунце? Укажи поскорее, где назначить место для борьбы! Как будем воевать, силою ли большого пальца или силою плеча?

Так говоря, покрикивал Мор-мэргэн на Эрэ-Тохоло-мэргэна. Они условились сначала воевать силою большого пальца, т.е. стрелять друг в друга стрелою. Один из них выехал на южную гору, а другой — на северную гору. Мор-мэргэн с северной горы кричит Эрэ-Тохоло-мэргэну:

— Стреляй вперед ты! После смерти твоя душа, если ты будешь убит, не стреляв, будет недовольна.

Эрэ-Тохоло-мэргэн кричит ему с южной горы:

— Нет! Стреляй ты вперед, на своем брюхе сите¹ после смерти твоя душа, если будешь убит, не стреляв, будет недовольна.

После этого Мор-мэргэн берет свой желтый лук бухарь из футляра, из серебряного колчана выдергивает черную стрелу, прикладывает к тетиве желтого лука бухарь и натягивает желтый лук бухарь; из выемки стрелы выходит дым и с острия наконечника стрелы искры сыплются. Так натягивая, говорит:

— Если мне суждено умереть, то без вести иди, а если большим творцом суждено победить, то попади Эрэ-Тохоло-мэргэну в самую грудь, пробей ее насквозь, как дверь большую рану сделай, чтоб через эту рану видно было как днем! Сердце с легкими намотав на выемке («оно»), унеси, к носу пестрой сороки брось!

Так пустил стрелу. Эта стрела, выйдя из рук, горько летит (идет); из-под большого пальца выйдя, с силою летит. От визга стрелы широкая земля трясется, от свиста (стрелы) высокое небо гудит. Эта стрела на земле делает пыль и туман, в которых козули от козулят блуждают и птицы от своих птенцов блуждают. От этого визга и свиста стрелы Эрэ-Тохоло-мэргэн на ногах не может стоять, раскрыв грудь и выставив вперед грудные пестрые кости. Эта стрела, прилетев, попала в большую пустую грудь его и насквозь ее пробила, как дверь большую рану сделала и в эту рану видно было как днем светло; сердце с легкими, намотав на выемке, вылетело. В это время он схватил стрелу, сердце с легкими обратно положил в грудь на старое место, достав из кармана красный шелковый платок, потер им по ране и вылечил ее совсем (стала грудь) как прежде. Говорит речисто и, стоя, смеется закатиисто:

---

¹ Сытом? Г. Потанин.

— Мор-мэргэн! В меня, с гору величиною Эрэ-Тохоло-мэргэна, не попав стрелюу, после этого в кого же попадешь?

Мор-мэргэн, сильно стыдятся, стоит и удивляется, что промахнулся. Потом Эрэ-Тохоло-мэргэн говорит:

— Теперь настала моя очередь стрелять!

Эрэ-Тохоло-мэргэн вынимает из футляра желтый лук бухарь и из серебряного колчана черную стрелу (хангай), выемкою прикладывает к тетиве желтого лука бухарь и натягивает так, что из выемки стрелы выходит дым и с наконецника стрелы сыплются искры. Так натягивая лук, говорит:

— Если мне суждено умереть, то без вести иди, а если большим творцом мне суждено победить, то попади Мор-мэргэну прямо в пустую черную грудь, пробей ее насквозь, как дверь большую рану сделай, чтоб в эту рану видно было, как днем светило бы. Сердце с легкими, на выемку намотав, вылети и, унося, брось к зубам кабана и к клюву пестрой сороки!

После этого пустил стрелу. Эта пущенная стрела, из рук выйдя, горько летит, из-под большого пальца выйдя, с силою летит. От визга стрелы широкая земля трясется и от свиста стрелы высокое небо гудит. Эта стрела делает на земле пыль и туман, в котором козули от козулят блуждают и птицы от своих птенцов блуждают. От этого визга и свиста стрелы Мор-мэргэн, шатаясь, едва стоит на ногах, оба глаза темнеют, в обоих ушах шумит. Он стоит, раскрыв черную пустую грудь. Эта стрела прилетела и попала в черную пустую грудь его и сквозь пролетела, как дверь большую рану сделал; в эту рану светло как днем. Сердце с легкими, намотав на выемке, стрела унесла и бросила к зубам кабана и к клюву пестрой сороки. Тогда Мор-мэргэн упал на спину и, раскинув руки и вытянув ноги, умер. Эрэ-Тохоло-мэргэн с южной стороны спускается и поднимается на северную гору и, подъехав, говорит:

— В его коне не нуждаюсь и обойдусь без него!

Горбатого чалого коня убил над Мор-мэргэном.

После этого Эрэ-Тохоло-мэргэн поехал далее. Он ехал по царской дороге. Побрякивая, рысит, через десять падей ровнехонько рысит и через двадцать падей прямехонько рысит, в дальнюю сторону прямой путь держа, рысит, в жаркие дни без питья рысит, в темную ночь без сна рысит. Тринадцати царям весть подавая, рысит; до двадцати трех богатырей шум распространяя, рысит; те шепотом между собою говорят:

— Если Эрэ-Тохоло-мэргэн, решившись, выехал из дому, то будет конец миру; свадьба и предание (будут); и будет жестокая война и побоища.

Во время этой езды наступает серенькая ночевка; тогда он выезжает на вершину одной высокой горы, где с сивого коня снимает седло и узду и отпускает его, сам разводит с бугор величиною серо-красный костер огня. Одной стрелой он свалил двух изюбров, самца и самку, и изжарил на рожне. Разостлав потник, под голову положив серебряное седло, ложится спать, грея спину на огне. На другое утро встает, приводит в порядок волосы, моет лицо и руки; потом съел

изжаренных изюбров, самца и самку, кости выфыркнул через нос и выплюнул через рот; вынув из-за пазухи ганзу и кисет, курит табак. В это время смотрит вдаль и видит: прямо на юго-восточной стороне серебряный дворец высотой до высокого неба, едва белея, виднеется. На дворе этого бело-серебряного дворца у серебряной коновязи привязанный стоит будто сиво-серый конь, сделавшийся кровяно-красного цвета; на серебряном седле этого серого коня повешены серебряный колчан Буда и желтый лук бухарь в футляре. Видя это, Эрэ-Тохоло-мэргэн сильно обрадовался и говорит:

— В молодости этого тела, пока горячо мясо козленка, какая славная война предвидится?

После этого поймал коня и, наскоро оседлав его, поехал по направлению к виденному серебряному дворцу. Приехав к нему, остановился у серебряной коновязи и слез с сивого коня. Эрэ-Тохоло-мэргэн сравнивает своего коня с привязанным конем; его конь оказывается немного ниже и короче. Берет желтый лук бухарь из футляра с этого сиво-серого коня и сравнивает со своим луком; оказывается, его лук немного короче. После этого он думает: «Неужели он лучше и сильнее меня?»

Потом он привязал своего коня к серебряной коновязи рядом с сиво-серым конем, а сам пошел ко дворцу. Эти два коня, понюхав друг друга, заржали, а потом начали друг друга щипать. Эрэ-Тохоло-мэргэн, обернувшись, увидел это и говорит:

— Эти два коня где друг друга видывали?

Он входит после этого во дворец. Там лежит и спит, как лопата, с большими зубами и с рыже-красным лицом молодой молодец; голова его лежит у одной стены, а ноги упирают в другую стену. Он никак не может разбудить этого молодого молодца, тогда начинает рубить и не может вырубить; даже царапины незаметно там, где он рубил; начинает колотить, и незаметно, что колото. После этого Эрэ-Тохоло-мэргэн ложится рядом на его постель и засыпает крепким сном. Через некоторое время домохозяин пробудился и видит, что рядом с ним незнакомый человек; тогда он говорит:

— Это какая такая земная лягушка? Что за жук, вошедший в чужой дом спать? Вставай!

Сказав так, пнул его ногой. Эрэ-Тохоло-мэргэн спросонок вскочил на ноги. Оба они спросонок начали воевать во дворце, пробили юго-западный угол дворца и вышли на улицу, продолжали и там воевать, но никак не могут победить друг друга. Тогда они остановились и говорят:

— Нужно искать друг у друга души, чтобы победить друг друга.

Оба они берут друг у друга железную книгу «Заяни шара худар» и читают; в этих желтых книгах они вычитывают, что их обоих на земле создал один творец, что они созданы одним создателем бурханом; оба они сделались родными братьями. Тогда хозяин дворца спрашивает:

— Ты откуда и как тебя зовут?

Тот отвечает:

— Я прямо на северной стороне живу, на берегу синего моря и на подошве горы Монгото-ула родившийся Эрэ-Тохоло-мэргэн, имеющий высокое небо отцом и широкую землю матерью.

Эрэ-Тохоло-мэргэн спрашивает:

— Как тебя зовут?

Тот отвечает:

— Я сын неба Хохо-Монгона, меня зовут Хохосо-мэргэн; прямо на южной стороне у царя Шажин-Номона есть дочь Шаралду-гохон-абаха; я сватаюсь за нее и воюю, оспаривая ее, с тремя братьями мангатхаями, которые тоже сватаются за нее; здесь, выстроив дворец, отдыхаю. Три брата мангатхая очень сильные враги, подданных и войск у них множество; этих подданных и войско его я избиваю до единого, но они по вершине травы сходятся и по вершине тростника соединяются и снова встают и воюют со мною.

Эрэ-Тохоло-мэргэн говорит:

— В молодости этого тела, пока тепло мясо козленка, провожать долгий год и много дней, какие славные слова услышал.

Так стоя, он сильно обрадовался. Они меняются золотыми кольцами, говоря друг другу:

— Если один из нас будет побежден врагами, то у того кольцо будет тускнеть и чернеть; тогда другой должен приехать на помощь.

Так после этого оба эти добрые молодца сели на коней и поехали прямо на южную сторону и приехали к царю Шажин-Номону; остановились у серебряной коновязи, привязали к ней коней красными шелковыми поводьями, входят в бело-серебряный дворец, перламутрово-серебряную дверь складно-хорошо отворяют, через серебряный порог, не насоривши, входят. Войдя, царским здоровьем здороваются и, как царица, кланяются; сплошно-серебряный пол от тяжести шагов гнется и скрипит. Царь Шажин-Номон с покойного серебряного трона сходит и на серебряный трон садит гостей; в это время сев, не помнит, что сидит, и встал, не помнит, что встал. Перед двумя этими прекрасными молодцами поставили золотой стол, на него поставили вкусную пищу, поставили серебряный стол, на него поставили действительно вкусную пищу и крепкое вино подавали. В это время царь Шажин-Номон спрашивает у Эрэ-Тохоло-мэргэна.

— Где питая вода и упавшая¹ земля?

Тогда Эрэ-Тохоло-мэргэн отвечает:

— Прямо на северной стороне на расстоянии столетней езды живущий на берегу синего моря, на подошве горы Монгото-ула и имеющий высокое небо отцом и широкую землю матерью, Эрэ-Тохоло-мэргэном называюсь.

---

¹ Земля падения? *Г. Потанин.*

В это самое время три брата мангатхай, старший, имеющий семьдесят пять голов — Дабагар-шара-мангатхай, средний, двадцать пять голов — Хорто-шара-мангатхай и младший, имеющий только две головы — Лохор-тайжи-мангатхай приплыли на трех кораблях через желтое море и пристали к берегу, где живет царь Шажин-Номон; в трех кораблях было посажено множество войска; войско высадили и оно на берегу желтого моря кишит как муравьи в муравейнике. Три брата мангатхай, узнав, что Эрэ-Тохоло-мэргэн и Хохосо-мэргэн приехали к царю Шажин-Номону свататься к его дочери Шаралду-гохон-абахай, приплыли, чтоб повоевать с этими двумя молодцами. Три брата мангатхай послали трех быстрых пловцов к царю Шажин-Номону узнать, выдаст ли он свою дочь замуж за их младшего брата, и если не выдаст, то чтоб указал место для войны. Эти два прекрасные молодца указали трем посланным послам место войны на северной стороне, на ровной степи Тамшин кое-где с березками. После этого два прекрасные молодца, наскоро собравшись, беглым шагом выходят на улицу, говоря:

— Приехавшую войну мы должны встретить и отъехавшую войну проводить.

Выйдя на улицу, садятся на коней и едут прямо на северную сторону на ровную степь Тамшин кое-где с березками. Приехав на ровную степь Тамшин, они ждут своих врагов с их многочисленными войсками. Три брата мангатхай — семидесятипятиголовый Дабагар-шара-мангатхай, двадцатипятиголовый Хорто-шара-мангатхай и с двумя головами Лохор-тайжи-мангатхай — тоже поехали за ними со всеми своими войсками прямо на северную сторону на ровную степь Тамшин кое-где с березками. Когда они приехали на эту степь, Эрэ-Тохоло-мэргэн начал воевать с многочисленными войсками мангатхаев. Эрэ-Тохоло-мэргэн берет правый бок давящую саблю «Бордокто»; сабля вытягивается на двадцать сажений и укорачивается на десять сажений. Держа эту саблю в руках, он поскакал к войскам мангатхаев. Прискакав, начал рубить; рубил в одну сторону и убивал сразу сто человек, а рубил на обе стороны, убивал сразу двести человек. Так он рубил и рубил на обе стороны, убивал и убивал множество людей, и едва-едва в продолжение одного месяца прикончил до одного человека; кровавые ручьи потекли и мясные бугры поделались. Прикончив все неприятельские войска, приехал к Хохосо-мэргэну и к трем братьям мангатхаям. Мангатхай говорят:

— Сильно не радуйтесь, что победили наши войска. Попробуйте с нами воевать.

Тогда они вырешили, что Эрэ-Тохоло-мэргэн должен сперва воевать с младшим братом — Лохор-тайжи-мангатхаем. Эрэ-Тохоло-мэргэн и Лохор-тайжи-мангатхай начали. Обе прекрасные полы за пояс заткнули, оба прекрасные рукава по локоть засучили. Как порозы закружились, как самцы верблюды заскрежетали зубами, как ястреб и сокол сцепились; ухватили друг друга руками; куски мяса рвали друг у друга и бросали; брошенные куски

подбирали пестрая сорока и черный ворон. Так они воевали в продолжение девяти суток; вперед упирались, красную гору делали; назад пинали, серую гору делали. Продолжали воевать в течение трех месяцев; к верблюду бросить, ровным ровно воевали, к коню прикинуть, действительно равно воевали и продолжали воевать в течение трех лет; в это время сделались туман и пыль, козули блудили от козулят и птицы блудили от птенцов. На исходе третьего года у Лохор-тайжи-мангатхая серенькое сердце бьется, коротенькие ребра гнутся, в обоих прекрасных ушах шумит, в обоих прекрасных глазах темнеет. После этого Эрэ-Тохоло-мэргэн свалил его на землю; Лохор-тайжи-мангатхай, растянувшись, упал на спину и лежит, не шевелясь. Эрэ-Тохоло-мэргэн взял свой тоненький белый ножик, острый как бурав, ткнул в самую белую кровяную жилу и убил его.

Тогда два старшие мангатхая говорят им:

— Убив нашего младшего брата, много не радуйтесь! Не пройдет ночь, прекратим ваше существование; не пройдет день, прекратим вашу жизнь!

После этого четыре добрых молодца концы обеих прекрасных пол затянули за пояс и оба прекрасные рукава засучили по локоть, как порозы закружились, как верблюды самцы заскрежетали зубами и, уцепившись друг за друга, начали воевать; где только друг у друга захватят (тело), до костей рвут куски мяса и бросают; пестрая сорока и черный ворон подбирают эти куски. Эрэ-Тохоло-мэргэн воюет с семидесятипятиголовым Дабагар-шара-мангатхаем, а Хохосо-мэргэн с двадцатипятиголовым Хорто-шара-мангатхаем. Они воевали в продолжение девяти суток, друг друга не могут одолеть. Вперед упираются, красную гору делают, назад пинаются, серую гору делают; так продолжали воевать в течение трех месяцев. В это время воевали, к верблюду бросить — ровным ровно, и к коню бросить — действительно ровно, и продолжали воевать в течение трех лет. В это время сделались такие густые туман и пыль, что козули заблудились от козулят и птицы заблудились от птенцов.

На исходе третьего года у двадцатипятиголового Хорто-шара-мангатхая и у семидесятипятиголового Дабагар-шара-мангатхая серенькие сердца бьются, коротенькие ребра гнутся; в обоих прекрасных ушах шумит и в обоих прекрасных глазах темнеет. Эрэ-Тохоло-мэргэн и Хохосо-мэргэн двух мангатхаев брали на правые бедра и, кружа по воздуху, бросали на землю так, что в западной тайге сырые деревья гнулись, а сухие деревья ломались; потом они этих двух мангатхаев брали на левые бедра и, кружа по воздуху, бросали на землю так, что в восточной тайге сырые деревья гнулись, а сухие деревья ломались. Эти два мангатхая, растянувшись, упали на землю и лежат как мертвые.

После этого у этих двух мангатхаев они отрубили (у каждого) самую среднюю белую голову, и те умерли. Тогда они тела всех прочих стащили в одну кучу, собрали лесные деревья с верхушками и таежные деревья с ветвями и сожгли тела трех мангатхаев; оставшиеся кости и пепел березовой лопатой

разбросали к северу и осиновой лопатой разбросали к югу. Двух старших мангатаев желто-серых коней убили над ними, у младшего двуголового мангата темно-гнедого коня тоже убили над ним. Эти два добрых молодца говорили друг другу:

— Непобедимых врагов победили и годовалого жеребенка закололи!

Потом они сели на коней, поехали по направлению к царю Шажин-Номону и приехали к нему. Царь Шажин-Номон, встав, не помнит, что он встал, сев, не помнит, что он сидит. Он сильно обрадовался и говорит:

— Вы ядовитых врагов моих уничтожили и непобедимых врагов моих победили.

Поставили золотой стол, на нем поставили вкусные яства; поставили серебряный стол, на нем поставили действительно вкусные яства и крепкое вино подносили. Эти два молодца, как волки, глотали и, как птицы, клевали и наелись досыта. Потом Эрэ-Тохоло-мэргэн с царем Шажин-Номоном поменялся поясами и сделался сватом как старший брат, а Хохосо-мэргэн сделался зятем. После этого Шажин-Номон приказал бить в золотой барабан, чтобы собрать северных подданных, и бить в серебряный барабан, чтобы собрать южных подданных. Он сделал большой свадебный пир; как большое озеро, вина отпустил; как большой бугор, мяса отпустил. Весь собравшийся народ ест и пьет в продолжение девяти суток. Девятидневный большой пир устроили, десятидневный старший пир устроили; едва-едва остановились.

— Шедший дождь перестает, приехавшие гости разъезжаются! — так говоря, Хохосо-мэргэн готовится к отъезду домой. Дочь царя Шажин-Номона тоже готовится ехать с мужем; для нее запрягли в бело-серебряную коляску восемь карих иноходцев; тогда царь Шажин-Номон дает своей дочери в приданое (о н ж и) половину своего разного скота, золота, серебра и подданных. Хохосо-мэргэн уезжает домой со своей женой; перед бело-серебряной коляской идут десять телохранителей (х я н у р) и сзади двадцать телохранителей. Так они уехали.

Эрэ-Тохоло-мэргэн остался у царя Шажин-Номона и продолжает у него пировать по-прежнему. В это время завистливый дядя Шажин-Номона Хара-Сотон начал в темную ночь думать черные думы; в серые ночи он думал серые думы и выдумал непременно отравить Эрэ-Тохоло-мэргэна. После этого завистливый дядя Хара-Сотон выкапывает семьдесят разных ядовитых корней и выгоняет из них три бочки крепкого ядовитого тарасуна; потом приходит к царю Шажин-Номону и приглашает к себе домой Эрэ-Тохоло-мэргэна, чтобы он побелился (с а г а л х а). Эрэ-Тохоло-мэргэн приехал к нему. Завистливый дядя Хара-Сотон поит его одной бочкой тарасуна; он выпил, сидит и разговаривает речисто наравне с десятью человеками; завистливый дядя Хара-Сотон поит его второй бочкой тарасуна; он и эту выпил, сидит, разговаривает и шутит наравне с двадцатью человеками. Завистливый дядя Хара-Сотон поит его третьей бочкой

тарасуна; выпив ее, Эрэ-Тохоло-мэргэн сидит и в это время у рта его появилась белая пена; он сидит и головой мотает. В это время сивый конь большим ведением узнает, что его хозяина травят ядом; большим разумом он уразумел, что его хозяина отравили. Сивый конь прибежал, ржет и говорит:

— Хозяин-отец! Поскорее выходи сюда на улицу!

Тогда Эрэ-Тохоло-мэргэн бегом выходит на улицу, сев на коня, скачет прямо на северную сторону. Во время этой езды у него не хватает сил ехать далее. Тогда он свои тринадцать превращений заставляет бегать на ладони и двадцать три свои волшебства заставляет бегать на пальцах; своего сивого коня превращает в золотую бабку, которую кладет в карман, а сам падает и, растянувшись, лежит как мертвый. Завистливый дядя Хара-Сотон, сев на белого коня, с широким топором в руке гонится за ним, говоря:

— Ядовитый враг мой! Наконец я убил тебя!

Подъехав к Эрэ-Тохоло-мэргэну, он начинает собирать и складывать на него лесные деревья с вершинами и таежные деревья с ветвями; потом, подожлив огонь, начинает дуть, так как огонь не горел. В это самое время Эрэ-Тохоло-мэргэн опомнился. Вырезвившись, он уходит под тремя слоями земли и выходит на землю на расстоянии однодневной езды. Он вошел в прежнее свое тело и принял действительную свою наружность. Потом, сев на своего коня, приезжает сзади к этому старику, который все еще дует огонь, и спрашивает у него:

— Старик, старик! Что ты делаешь?

Тогда завистливый дядя Хара-Сотон от сильного испуга вскакивает на ноги; как пуговицей, головой кивая, кланяется и на кривое колено вставая, кланяется и говорит:

— Отпусти (мою) красную жизнь, как тоненький шелк¹.

Тогда Эрэ-Тохоло-мэргэн сильно рассердился; во рту его зубы заблестали и на голове волосы дыбом встали. Он говорит:

— Разве, презирая тебя, отпускаю живым?

После этого берет с него обещание вперед не травить людей и не завидовать им.

После этого Эрэ-Тохоло-мэргэн приехал к своему младшему брату Хохосо-мэргэну. Приехав, остановился у серебряной коновязи, привязал к ней свой прекрасный шелковый повод, а сам входит в бело-серебряный дворец, перламутрово-серебряную дверь складно-хорошо отворяет, через серебряный порог, не насорив, перешагнул. Войдя во дворец, царским здоровьем здороваётся и, как царица, кланяется младшему брату и невестке. Те сильно обрадовались приезду старшего брата. Садят его на серебряный трон и угощают его; ставят перед ним золотой стол с вкусными кушаньями, ставят серебряный стол с действительно вкусными кушаньями. Эрэ-Тохоло-мэргэн как волк, глотает, и, как

---

¹ То есть «хоть едва живого, но отпусти».

птица, клюет. В это время они разговаривают, припоминая, что с ними случилось, и красноречиво говорят о том, что должно случиться. Эрэ-Тохоло-мэргэн отпустил своего сивого коня, а сам живет у младшего брата и отдыхает. Живя у младшего брата Хохосо-мэргэна, он, ночуя, не помнит, что он ночевал, и, проводя день, не помнит, что он день провел. Так он продолжал жить.

После этого к царю Шажин-Номону приходит завистливый дядя Хара-Сотон и говорит ему:

— Не найдя хорошего зятя, нашел кого и выдал свою дочь за очень плохого Хохосо-мэргэна, который ничего не имеет. Не найдя, нашел свата пропади-худого и ничего не имеющего Эрэ-Тохоло-мэргэна.

Царь Шажин-Номон говорит завистливому дяде Хара-Сотону:

— Положим, так-то так, но как мы с ними справимся? Они очень сильные неприятели.

Тогда завистливый дядя Хара-Сотон говорит:

— О чем тут печалиться? Приготовим три бочки отравленного тарасуна (а р з а-х о р з о); из южного ветра ты сделай красно-чалого коня и красно-шелковую шубу; из северного ветра сделай темно-чалого коня и темно-шелковую шубу; тогда поедешь к ним и скажешь: свату и зятю привез надеть шелковые шубы и привел ездить коней. Когда они выпьют три бочки отравленного тарасуна (а р з а-х о р з о), то опьянеют. Когда они будут пьяны, то один из них, надевший красную шелковую шубу и севший на красно-чалого коня, исчезнет с южным ветром, а другой, надевший темную шелковую шубу и севший на темно-чалого коня, исчезнет с северным ветром. После этого Эрэ-Тохоло-мэргэн с твоим зятем, Хохосо-мэргэном, умрут.

Царь Шажин-Номон согласился и после этого с завистливым дядей Хара-Сотоном вдвоем начали готовить три бочки отравленного тарасуна; когда приготовили три бочки, царь Шажин-Номон из южного ветра сделал красно-шелковую шубу и красно-чалого коня, из северного ветра сделал темно-шелковую шубу и темно-чалого коня. Приготовив все, царь Шажин-Номон приказал запрячь в бело-серебряную коляску восемь карих иноходцев. Когда в бело-серебряную коляску запрягли восемь карих иноходцев, то в коляску вкатили три бочки отравленного тарасуна, а также положили красно-шелковую и темно-шелковую шубы; сзади коляски привязали красно-чалого и темно-чалого коней. После этого царь Шажин-Номон сел в коляску и поехал прямо на северную сторону к своему зятю Хохосо-мэргэну. Приехав к нему, остановился у серебряной коновязи. В это время Эрэ-Тохоло-мэргэн большим uznанием узнает и большим разумом уразумевает, что царь Шажин-Номон приехал отравить их. Он выбежал к нему навстречу на улицу и говорит ему:

— Ты черный безрогий злодей! Не найдя кого обмануть, хочешь обмануть меня; не найдя кого перехитрить, хочешь перехитрить своего зятя.

Потом с южным ветром отвязал повод у красно-чалого коня и красно-шелковую шубу; они исчезли с южным ветром; с северным ветром отвязал темно-чалого коня и бросил темно-шелковую шубу; они исчезли с северным ветром. Три бочки отравленного тарасуна за три раза, сильно рассердившись, все выпил. Потом царя Шажин-Номона прогнал обратно домой. После этого Эрэ-Тохоло-мэргэн, не входя во дворец младшего брата Хохосо-мэргэна, остался на улице и от выпитого отравленного тарасуна разорвался на две совершенно отдельные части и, превратившись в два красно-рыжих камня, упал на землю. Младший брат Хохосо-мэргэн не мог воскресить старшего брата Эрэ-Тохоло-мэргэна и, задернув его в бело-шелковую материю, положил его во дворец за вещами.

После этого жена Хохосо-мэргэна Шаралду-гохон-абахай родила двух мальчиков-близнецов, у которых грудь была золотая, а нижняя часть тела — серебряная. Такие прекрасные мальчики, родившись, лежали. В это самое время пришла одна баба, Хакша-һамаган, у которой щеки были из кожи, а губы медные. Остановившись у ворот, она крикнула:

— А, бурхан! А, бурхан! Какой страшный!

Сказав это, она хотела повернуться и идти, но Хохосо-мэргэн остановил ее словами:

— А, бурхан! Бабушка, заходи во дворец. Жена моя родила.

Баба Хакша-һамаган говорит:

— Зайти-то смогу, только страшно мне; сильно боюсь того, что у вас во дворце за вещами лежит.

Тогда Хохосо-мэргэн спрашивает:

— Что знаете и что видели, говорите! Чем можно воскресить за вещами лежащего?

Баба Хакша-һамаган говорит:

— Сказать-то скажу теперь. Невыразимое выше приходится выразить, несказываемое выше приходится высказать. Не решаюсь выговорить.

Тогда Хохосо-мэргэн настаивает:

— Бабушка, во что бы то ни стало, скажи: что нужно делать, чтобы воскресить за вещами лежащего?

Баба Хакша-һамаган говорит:

— Этих двух младенцев-близнецов своих разреши пополам с головы до ног, потом возьми желчь и капай ею на него; тогда он встанет.

После этого она ушла. Хохосо-мэргэн входит во дворец, берет серебряный корт (?)¹, рассекает им с головы до ног двух своих младенцев-близнецов и берет их желчь. Этих двух рассеченных младенцев-близнецов, завернув в белую материю, спрятали в ящик. Потом он капает желчь на Эрэ-Тохоло-мэргэна; тот встает и говорит:

¹ По-видимому, кортик (?) Г.Р.

— Как я долго спал!

Вставая, он привел свои волосы в порядок. Потом Эрэ-Тохоло-мэргэн узнает, что у младшего брата Хохосо-мэргэна родились два сына-близнеца. Он спрашивает младшего брата и невестку, где родившиеся у них два мальчика-близнеца, и никак не может допроситься. Младший брат и невестка, боясь его, не говорят, что у них родились два мальчика-близнецы, а говорят, что у них такие мальчики вовсе не рождались.

Тогда Эрэ-Тохоло-мэргэн бегом выбегает на улицу, берет с седла верховой кнут, кладет его в рукав, опять входит во дворец; войдя, берет за волосы младшего брата и невестку, бьет их кнутом и говорит:

— Двух родившихся мальчиков-близнецов куда дели? Укажите во что бы то ни стало!

Они говорят:

— Ай, собака, старший брат! Отпусти нас! Мы покажем тебе тела двух родившихся наших мальчиков, которых мы рассекли пополам, чтобы взять желчь их и ею воскресить тебя, старшего брата.

Тогда Эрэ-Тохоло-мэргэн отпустил их. Хохосо-мэргэн с женою своею Шаралду-гохон-абахай достают из ящика тела двух мальчиков, завернутые в белую матерью, и отдают старшему брату Эрэ-Тохоло-мэргэну. Эрэ-Тохоло-мэргэн, взяв тела двух мальчиков-близнецов, начинает заставлять двадцать больших своих превращений бегать по пальцам и десять больших своих волшебств бегать по ладони; с помощью своих больших волшебств и превращений он приводит этих двух мальчиков-близнецов в прежнее их состояние и оживляет. Когда два мальчика-близнеца ожили, он посадил их на свои колени и ласкает их. Так Эрэ-Тохоло-мэргэн сидит, нянчась с этими двумя мальчиками, не замечая, как проходят дни и ночи. Когда он сидел таким образом, у него начали тупиться во рту белые зубы и черные волосы на голове начали сесть. Тогда он в уме своем думает печальные думы, в груди своей думает затверделые думы и говорит:

— Куда намерен ехать, туда и поеду.

Так сказав, начал собираться в путь. Выйдя на улицу, кличет своего сиво-серого коня, который немедленно прибегает на зов своего хозяина.

Эрэ-Тохоло-мэргэн взнуздal своего сивого коня серебряной уздой, оседлал серебряным седлом и привязал к серебряной коновязи красно-шелковым поводом, а сам вошел во дворец. Невестка его, Шаралду-гохон-абахай, поставила золотой стол, на который положила вкусную пищу, и поставила серебряный стол, на который положила подлинно вкусную пищу. Эрэ-Тохоло-мэргэн как волк глотал и как птица клевал; наевшись, встает и берет все нужные для войны доспехи. Простившись с младшим братом Хохосо-мэргэном и невесткою, вышел на улицу, сел на коня и поехал прямо к юго-западу. У серебряной коновязи только видно было, что запыхилась горсть земли и за тремя холмами красная кисть на шапке мелькнула. Тогда вслед за ним смотревшие Хохосо-мэргэн и Шаралду-гохон-абахай говорят между собою:

— Если у человека родится сын, то хорошо родиться такому молодцу; если у кобылы родится жеребенок, то хорошо родиться такому коню. Они друг друга стоят.

Эрэ-Тохоло-мэргэн ехал и ехал и приехал к одному большому препятствию (нэгээхэбогол); на дороге его стоит непроходимый лес и болото; тоненькая змея не может проползти в этом лесу. Он рысил поверх леса и не мог найти прохода, повернув, рысил вниз, тоже не мог найти прохода. После этого он повернул назад, проехал расстояние в три версты и слез с коня. Берет желтый лук бухарь, из серебряного колчана черную стрелу ханга, прикладывает ее выемкой к тетиве лука и натягивает желтый лук бухарь; из большой выемки стрелы выходит дым, из острия наконечника стрелы искры сыпятся. Так натягивая, он говорит:

— Если мне суждено большим творцом умереть, то иди без вести, а если суждено старшим творцом жить, то через это болото и лес сделай торную дорогу, по которой можно было бы ездить на телегах и на верблюдах.

Так наказывая стреле, пустил ее. Эта стрела, из рук выходя, горько летит, из-под большого пальца выходя, с силою летит; от визга ее широкая земля трясется, от свиста ее высокое небо гудит. Делая на земле пыль и туман, полетела стрела. Эрэ-Тохоло-мэргэн поехал за стрелою рысью, побрякивая. Стрела его через это болото и лес сделала торную дорогу, по которой можно было проехать на телегах и верблюдах. Стрела пролетела через болото и лес на другую сторону, где упала на землю; падая, она вырвала землю величиною с утуг¹ богатого человека. Эрэ-Тохоло-мэргэн проехал по этой дороге на другую сторону болота и леса, где и взял свою стрелу, положил в серебряный колчан и поехал далее. Ехал и ехал, приехал к одному большому желтому морю и остановился. По берегу желтого моря вперед и назад рысил и не мог найти брода. Он возвратился назад на трехдневное расстояние, правый повод, держа покороче, дернул: в правое заднее бедро коня ударил верховым кнутом; тогда сиво-серый конь побежал во весь мах: повыше плавающих облаков и пониже синющего неба скачет. Прибежав к желтому морю, перескочил через него на другую сторону; только правую заднюю ногу немного замочил в воде желтого моря. Эрэ-Тохоло-мэргэн говорит своему коню:

— Черный злодей безрогий! Если б немного было шире желтое море, то ты, не выскочив на другой берег, попал бы в желтое море и утонул бы.

Сильно рассердившись, правый повод покороче держа, дернул, в правое заднее бедро коня ударил кнутом. Тогда сиво-серый конь говорит:

— Ай, собака, хозяин-батюшка! Если через такое большое препятствие (приходится) выскочить на другую сторону, то нельзя выскочить без одной приметы.

---

¹ Утуг — отгороженный хозяином сенокосный луг.

Эрэ-Тохоло-мэргэн находит эти слова правдивыми и говорит:

— Сказанное правда и вздуманное верно.

Потом он, повернувшись, посмотрел на желтое море, а оно говорит:

— Какое же я препятствие, если через меня перескочил конь, имеющий четыре черных копыта!

Желтое море сделалось желтым ручьем и потекло. После этого Эрэ-Тохоло-мэргэн поехал прямо в юго-западную сторону; приехал к одной высокой и крутой горе, на подошве которой лежат сломанные кости добрых молодцов и кости хороших коней, разбросанные, лежат. Он остановился у подошвы этой высокой и крутой горы и слез с коня. Берет сломанные кости добрых молодцев и сравнивает со своими костями; кости этих умерших молодцев оказываются подлиннее и потолще его костей, он берет разбросанные кости коней и сравнивает с костями своего сиво-серого коня; кости пропавших коней, оказывается, подлиннее и потолще костей его сиво-серого коня. У Эрэ-Тохоло-мэргэна серенькое сердце бьется и коротенькие ребра гнутся. Он говорит:

— Были лучше и сильнее меня добрые молодцы, но здесь они померли, не могли подняться на эту высокую и крутую гору!

Он говорит своему сиво-серому коню:

— Однако поеду обратно домой, чтоб не оставить здесь своих детей.

Тогда сиво-серый конь говорит:

— Ты, мужчина-человек, какой коротенький ум имеешь! Если мужчина-человек задуманное оставляет, то он не будет попадать стрелюю в стреляное, а волки и собаки, если укушенное выпускают из зубов, то делаются тощими.

Эрэ-Тохоло-мэргэн спрашивает своего коня:

— На эту высокую и крутую гору можешь ли вскочить на самую вершину?

Сиво-серый конь отвечает:

— На самую вершину этой высокой и крутой горы могу вскочить, но ты, хозяин-батюшка, удержишься ли на мне?

Он говорит:

— Если можешь, то скачи, а про меня не думай.

После этого Эрэ-Тохоло-мэргэн возвратился назад на трехдневное расстояние, откуда сиво-серый конь побежал со всего маха: повыше облаков плавающих, а пониже синеющего неба поскакал; вскочил на самую вершину высокой и крутой горы и ушел в землю до седла. Эрэ-Тохоло-мэргэн вытащил коня из земли и поехал далее; по песку, как по воде бороздил, так как на вершине этой горы был песок. Он едва-едва спустился на другую сторону к подошве этой горы и поехал далее. Эта высокая и крутая гора говорит:

— Какое же я препятствие, если через меня перескочил конь, имеющий четыре черных копыта!

Сказав это, гора развалилась и обратилась в небольшие песчаные бугры.

Эрэ-Тохоло-мэргэн едет далее и видит издали белеющийся дворец царя Нарин-Шарата. Он подъехал к белоснежному дворцу царя Нарин-Шарата и

остановился у серебряной коновязи, коня красно-шелковым поводом привязал к коновязи, серебряный колчан со стрелами и желтый лук бухарь с футляром положил на седло, а сам входит во дворец, перламутрово-серебряную дверь складно-хорошо отворяет и серебряный порог, не насоривши, перешагивает; входит во дворец, сплошь серебряный пол скрипит под его ногами. Царь Нарин-Шарата приводит свою дочь Шара-Сэсэк-абахай и показывает ее Эрэ-Тохоло-мэргэну, который осматривает ее с ног до головы и с головы до ног. Сквозь одежду на тело смотрит, сквозь тело на кости смотрит, сквозь кости на мозг смотрит. В уме находит ее очень красивой и приятной. Эрэ-Тохоло-мэргэн женился на дочери царя Нарин-Шарата Шара-Сэсэк-абахай и живет у своего тестя. Через некоторое время Эрэ-Тохоло-мэргэн говорит:

— Выпитая вода вспоминается и своя земля, на которую падал, вспоминается, чужой человек на чужбине не уживается, сохатинная лытка в котле не помещается. Нужно ехать домой! Выехав из дома, много времени провел на чужбине!

Большое приготовление приготовляет и большие сборы ехать домой собирает. Царь Нарин-Шарата своей дочери Шара-Сэсэк-абахай дает приданое: половину своего золота и серебра, половину подданных и разного скота. После этого велел запрячь в бело-серебряную коляску восемь карих иноходцев. Когда все приготовления окончились, Эрэ-Тохоло-мэргэн со своей женой Шара-Сэсэк-абахай поехал прямо к северо-востоку, домой.

Шара-Сэсэк-абахай едет в бело-серебряной коляске, запряженной восьмью карими иноходцами. Впереди едут десять телохранителей, а сзади едут двадцать телохранителей, подданные едут сзади, а разный скот гонят впереди. Так ехал домой Эрэ-Тохоло-мэргэн, едва помещаясь со скотом в больших падах и едва утоляя его жажду водой ручьев. Так ехал Эрэ-Тохоло-мэргэн и приехал к своему младшему брату Хохосо-мэргэну. Подданных своих он оставил в одном месте, а разный скот свой — в другом месте; сам с женой заехал к младшему брату Хохосо-мэргэну. Невестка Шаралду-гохон-абахай поставила перед Эрэ-Тохоло-мэргэном золотой стол с вкусными кушаньями, поставила серебряный стол с подлинно вкусными кушаньями и крепкое вино подала. Эрэ-Тохоло-мэргэн как волк глотает и как птица клюет; досыта наелся и напился. После этого Хохосо-мэргэн со своею женою тоже собирается ехать к Эрэ-Тохоло-мэргэну, чтобы жить с ним вместе. Они говорят:

— Нынешний век переменялся; войны стали частые. Около головы коней поворачиваются, по хвостам коней катаются. Лучше жить со своим старшим братом.

Так говорил Хохосо-мэргэн и собрался в путь. Когда все собрались, то поехали прямо к северо-востоку. Проехав половину пути, Эрэ-Тохоло-мэргэн и Хохосо-мэргэн говорят:

— По черточке поезжайте, а где будет сделан кружок, там ночуйте; а мы поедем вперед, там приведем дома в порядок.

Эрэ-Тохоло-мэргэн и Хохосо-мэргэн поехали вперед и приехали домой. По приезде нашли всех подданных своих благополучно живущими; стада разного скота по-прежнему, размножаясь, паслись. Только три табуна лошадей оказались похищенными неприятелями. Эрэ-Тохоло-мэргэн привел свой бело-серебряный дворец в порядок и с помощью своих десяти волшебств и двадцати трех превращений недалеко от своего дворца выстроил прекраснейший бело-серебряный дворец для Хохосо-мэргэна. На другой день за ними приехали их жены и подданные, а также пригнали множество разного скота. Эрэ-Тохоло-мэргэн стал жить в своем дворце со своею женою Шара-Сэсэк-абахай, а Хохосо-мэргэн со своей женой Шаралду-Гохон-абахай стал жить во вновь выстроенном, бело-серебряном дворце. Приехавших разных подданных поселили на местах с прежними подданными, а разный скот угнали на пастбище на северную сторону Алтая и на южную сторону Хохоя. Лошадей своих они отпустили пастись с табунами. Так они жили счастливо и отдыхали от долгого пути.

Через несколько времени Эрэ-Тохоло-мэргэн говорит:

— Кто угнал мои три табуна лошадей? Нужно узнать и ехать в погоню.

После этого он с утреннего красного солнца начинает расстилать материнское большое священное писание до дверей; старое желтое священное писание разостлал от двери до противоположной стены и, так разостлав, читает. В это время вычитывается ему, что его три табуна лошадей угнали живущие прямо на восточной стороне Элтэсэ и Хултаса, очень сильные враги и очень ядовитые враги; воевать с ними очень трудно. Так вычитывается Эрэ-Тохоло-мэргэну, который после этого сложил священное писание и положил на старое место. Эрэ-Тохоло-мэргэн, сильно рассердившись, сидит и говорит:

— Черные злодеи безрогие! Чей сын родившись, должен бабою сидеть дома, а чей сын, родившись мужчиною, угоняет чужие табуны? Человеческий сын не лучше человека, и шейные позвонки не более, как в числе шести!

После этого Эрэ-Тохоло-мэргэн со своим младшим братом Хохосо-мэргэном начали собираться ехать прямо в восточную сторону к Элтэсэ и Хултаса (тут описывается в стереотипном порядке, как в предыдущих эпизодах, сбор, приготовление коня, одевание богатырей, еда и выезд).

Эрэ-Тохоло-мэргэн вместе с младшим братом, Хохосо-мэргэном, поехали прямо на восточную сторону в сторону мангатхаев. Они ехали, ехали и проехали свою прекрасную сторону и въехали в чужую, холодную сторону мангатхаев. Эти два добрых молодца ехали рысью, звеня, как стрелы, пущенные в гору.

Два мангатхая Элтэсэ и Хултаса большим узнанием узнали и большим разумом уразумели, что к ним едут воевать Эрэ-Тохоло-мэргэн и Хохосо-мэргэн, и выехали им навстречу. Два мангатхая Элтэсэ и Хултаса выехали не как мужчины, а как волшебники, и не как люди, а как «худэрэ-ход». На ровной местности

Тамшин-Шара, на обширной желтой степи, кое-где с деревцами, они встретились в упор. Встретившись, они как цари здоровались и, как простые люди, поклонились друг другу, стоя на коленях. Эрэ-Тохоло-мэргэн говорит им:

— Черные злодеи безрогие, чужое захватывающие и наделенным не довольствующися! Имущество отца вашего или приданое вашей матери я не угонял. Силою плеча будем воевать или силою большого пальца будем воевать?

Так говоря, спрашивает. Тогда два мангатхая Элтэсэ и Хултаса говорят:

— Вы убили трех наших двоюродных братьев. Хорошо это? За вражду — вражда и за месть — мщение.

Четыре эти добрые молодца соскочили с коней, шелковые поводья бросили на седла, концы двух прекрасных пол заткнули за пояс на бедрах, прекрасные рукава засучили по локоть. После этого они начали воевать друг с другом силою плеча. Они друг у друга рвут куски мяса и бросают; брошенное мясо едят черные вороны и пестрые сороки; наевшись, они им желают, чтобы они вечно воевали и их кормили досыта. Так говоря, они улетают. Эти четыре добрых молодца, воюя, упираются вперед и делают красную гору, пинаются назад и делают серые горы. Они воевали в продолжение девяти суток, не могли друг друга победить; воюют в продолжение трех месяцев, тоже не могут победить друг друга. В это время на земле сделалась такая густая пыль, что козули блудили от своих козулят, а птицы потеряли своих птенцов. Воюют в продолжение девяти месяцев, по прошествии которых у Эрэ-Тохоло-мэргэна и Хохосо-мэргэна оба черные глаза начинают темнеть, в обоих прекрасных ушах начинает шуметь; у них серенькое сердце бьется и коротенькие ребра гнутся; вперед их дергают, они, спотыкаясь, падают; назад их толкают, они, птясь, падают. Наконец они, растянувшись, упали на землю и померли. Тогда два мангатхая Элтэсэ и Хултаса их коней убили над ними, а потом говорят друг другу:

— Непобедимых врагов победили и годовалого жеребенка закололи.

После этого два мангатхая Элтэсэ и Хултаса поехали домой.

Два прекрасные мальчика у Хохосо-мэргэна, имеющие золотые груди и серебряные зады, в отсутствие отца и дяди выросли большими и спрашивают у своей матери и у своей тетки:

— Где наш отец и дядя? Куда они уехали, что до сих пор не приезжают?

Эти мальчики никак не могут допроситься у своей матери и у своей тетки, которые им говорят:

— Отца и дяди у вас не было. Какого отца и какого дядю вы спрашиваете?

Однажды Шара-Сэсэк-абахай и Шаралду-гохон-абахай варили в доме молоко. В это время эти два прекрасных мальчика выходят на улицу, отпускают к коровам телят и кричат матери и тетке:

— Выходите поскорее! Телята сосут!

Тогда Шара-Сэсэк-абахай и Шаралду-гохон-абахай выбегают на улицу разнимать телят от коров. Тем временем эти два прекрасных мальчика входят во дворец, прячут все поварешки и кричат:

— Молоко кипит и бежит через край котла!

Тогда женщины прибежали во дворец и не могут найти поварешек помешать кипящее молоко. Эти два прекрасных мальчика ловят женщин по одной и их правыми руками мешают кипящее молоко и в это время спрашивают:

— Отец и дядя наши куда уехали, скажите? И отчего они до сих пор не едут?

После этого Шара-Сэсэк-абахай и Шаралду-гохон-абахай, не вынося сильной боли, говорят им:

— Отец и дядя ваши уехали прямо на восточную сторону, воевать с двумя мангатхаями Элтэсэ и Хултаса, но мангатхай победили их.

Эти два прекрасные мальчика сильно запечалились и не знают, что делать; у них нет коней, на которых можно было бы ехать на войну в такую дальнюю сторону. Они посылают своего табунщика Ансагалда-Хара-Китаһа посмотреть в табунах, не родились ли кони для них. Табунщик Ансагалда-Хара-Китаһа поехал посмотреть табуны лошадей. В одном табуне, имеющем карего жеребца, у двух карих кобыл родились карие жеребчики, которые, высосав мать, бегают вокруг нее иноходью и обегают ее тринадцать раз; он этот табун пригнал домой и запер во двор. Эти два прекрасные мальчика выходят из дворца, смотрят этих двух прекрасных карих жеребят и говорят друг другу:

— Человеку действительно можно ездить на этих конях. Они для нас родились.

Они ловят коней, надевают на них вывинченные серебряные недоуздки (далее описывается в прежнем порядке выдерживание коней, обуздывание и седлание). После этого эти два мальчика входят, одеваются и берут все нужные доспехи (описывается, как они едят перед отправлением в путь). Потом выходят на улицу, садятся на своих коней и едут прямо на восточную сторону мангатхаев. Эти два прекрасные мальчика поехали полною рысью; как пущенные из лука стрелы, неслись со свистом; они выехали из своей прекрасной стороны и въехали в холодную сторону мангатхаев. Они ехали и ехали в жаркие дни без питья и в темные ночи без сна.

В это самое время два мангатхая Элтэсэ и Хултаса большим знанием узнали и большим разумом уразумели, что два сына Хохосо-мэргэна едут к ним воевать. Они наскоро поймали своих чубарых коней и поехали на них навстречу двум прекрасным мальчикам. Встретившись, два мангатхая Элтэсэ и Хултаса кричат им:

— Пока вы маленькие, мы раздавим вас! Пока вы еще отроки, мы вас раздавим совсем, пока ваше мясо мягко и пока ваши кости хрящи!

Тогда эти прекрасные мальчики говорят им:

— Не радуйтесь много, что победили наших отца и дядю! Не видав ручья, не снимай унтов¹!

После этого четыре добрых молодца соскакивают с коней, прекрасные шелковые поводья бросают на седла; концы двух прекрасных пол затыкают за пояс на бедра, два прекрасных рукава засучивают до локтей. Потом, как порозы, косясь, кружатся и, как самцы-верблюды, скрежешут зубами. Схватившись друг за друга, начали воевать. Где схватят, там вырвут мясо с чашку величиной и бросят; где поймут, там рвут мясо с большую чашку величиною и бросают; черные вороны и пестрые сороки едят брошенное мясо. Эти четыре добрых молодца воевали в продолжение девяти дней; не могли друг друга победить и воевали в продолжение девяти месяцев. Воевали — к коню бросить действительно ровно; к верблюду бросить — равным равно воевали. В это время на земле сделалась очень густая пыль до высокого неба, так что козули заблудились и не могли найти своих козулят, и птицы, летающие по воздуху, заблудились и не нашли своих птенцов. На земле сделалось светопреставление.

Эти четыре добрых молодца в продолжение девяти месяцев не могли победить друг друга. Они продолжали воевать в продолжение трех лет и на исходе третьего года у двух мангатхаев Элтэсэ и Хултаса два черных глаза потемнели, в двух прекрасных ушах зашумело, их серенькие сердца бьются и коротенькие ребра гнутся; как сырое дерево гнутся и как сухое дерево ломаются; вперед дергают их, они, спотыкаясь, падают, их назад толкают, они, птясь, падают. В это время два мангатхая, как козуленок и козел крича, рыдают и плачут, а два прекрасных мальчика только что разгорячились и начали потеть. Два эти мангатхая Элтэсэ и Хултаса, растянувшись, упали на землю. Тогда эти два прекрасных мальчика распорили у них брюхо и взяли их желчь; убив их, собрали таежные деревья с верхушками и лесные деревья с вершинами и сожгли этих двух мангатхаев; оставшийся пепел и кости березовой лопатой разбросали к северу и осиновой лопатой разбросали к югу. Двух чубарых их коней убили над ними. После этого эти два прекрасных мальчика разыскали кости своих отца и дяди и кости их коней; собранные кости положили в порядке, потом покапали на них желчь двух убитых мангатхаев Элтэсэ и Хултаса; тогда Эрэ-Тохоло-мэргэн и Хохосо-мэргэн и их кони ожили и встали. Эрэ-Тохоло-мэргэн и Хохосо-мэргэн, встав, приводят свои волосы в порядок и говорят:

— Как долго мы спали!

Потом Хохосо-мэргэн узнал своих детей, а Эрэ-Тохоло-мэргэн узнал своих племянников. Они очень обрадовались и поцеловали друг друга. После этого четыре добрых молодца поехали далее воевать с прочими мангатхаями; они поехали рысью, побрякивая.

---

¹ Унты — сибирская обувь из звериных шкур, сшитая шерстью наружу.

В это время мать убитых Элтэсэ и Хултаса мангатхайка Эмэ-Хара большим узнанием узнала и большим разумом уразумела, что ее сыновья мангатхай Элтэсэ и Хултаса побеждены и победители едут к ней. Она свою верхнюю челюсть приставила к высокому небу, нижнюю челюсть приставила к широкой земле, и с трехдневного расстояния стала втягивать их в себя. Эти четыре молодца ехали, не зная этого. Когда она стала втягивать их в себя, они понеслись со своими конями как в вихре, и попали в нутро мангатхайки Эмэ-Хара; проглотив четырех молодцов, она стала по-прежнему жить.

После этого у жены Эрэ-Тохоло-мэргэна у Шара-Сэсэк-абахай родился сын. Его звали «после родившийся Оро-Хэнзэ». Когда мальчик Оро-Хэнзэ вырос, он спрашивает у своей матери и у своей тетки:

— Где мой отец, мой дядя и мои братья? Куда они поехали? Почему до сих пор не возвращаются?

Тогда его мать и тетка говорят:

— Каких ты отца, дядю и братьев спрашиваешь? Вовсе их у тебя не было.

Мальчик Оро-Хэнзэ никак не мог допроситься, куда уехали его отец, дядя и двоюродные братья. Однажды он просит у матери и тетки горячего молока. Мать и тетка стали варить молоко. В это время мальчик Оро-Хэнзэ выходит на улицу, всех телят отпускает к матерям и кричит матери и тетке:

— Телята сосут матерей!

Тогда мать и тетка его выбегают на улицу, разнимают телят и коров. Мальчик Оро-Хэнзэ входит во дворец, прячет все поварешки и кричит:

— Молоко бежит!

Мать и тетка вбегают во дворец, суетятся, но не находят поварешек, чтобы помешать кипящее молоко, а мальчик Оро-Хэнзэ ловит свою мать и свою тетку, их руками мешая кипящее молоко и допрашивает:

— Куда уехали отец, дядя и двоюродные братья? Скажите во что бы то ни стало.

Тогда мать его Шара-Сэсэк-абахай и тетка Шаралду-гохон-абахай, не вынося боли, признаются:

— Отец и дядя твои поехали прямо на восточную сторону, воевать с двумя мангатхаями Элтэсэ и Хултаса, но были ими побеждены; после двоюродные твои братья тоже поехали к ним воевать, победили мангатхаев Элтэсэ и Хултаса, воскресили твоего отца и твоего дядю и все вместе поехали далее, но мать мангатхаев Элтэсэ и Хултаса мангатхайка Эмэ-Хара проглотила их всех со всеми их конями.

Тогда мальчик Оро-Хэнзэ отпустил руки своей матери и своей тетки; обожженные их руки он вылечил с помощью своих тринадцати волшебств и двадцати трех превращений. После этого мальчик Оро-Хэнзэ говорит:

— Надо ехать за отцом, за дядей и за двоюродными братьями!

У него не оказывается ни коня, на котором ехать, ни одежды, ни доспехов. Тогда мальчик Оро-Хэнзэ говорит:

— Если боги сотворили человека на земле, то дадут коня, одежду и доспехи.

Потом он едет к табунам и ловит в них одну большую белую кобылу; пойманную кобылу берет подмышку и поднимает на гору Монгото-ула; он делает большою белою кобылою тайлган небесным бурханам¹ и просит у них коня, одежду и доспехи. Мальчик Оро-Хэнзэ такими словами призывает небесных бурханов:

Барулама тэнгэри
Табин табан тэнгэри,
Эсэгэ тэнгэри
Эсэгэ малан тэнгэри,
Эхэ тэнгэри
Эхэ Юран тэнгэри,
Окторюн олон саган бурхашул,
Тэнгэрин томон саган бурхашул
Табиһан табулгахуд мини,
Заяһан заябарихуд мини,
Унаха тата мори мини,
Омотхо тата хубсаха мини,
Барьха тата тонат мини огыэ!

Перевод:

Западные тэнгэрины —
Пятьдесят пять тэнгэринов,
Отец тэнгэри —
Эсэгэ-Малан-тэнгэри,
Мать тэнгэри —
Эхэ-Юран тэнгэри,
Ночного неба множество белых бурханов.
Дневного неба десять тысяч белых бурханов
Творившие творцы мои,
Создавшие создатели мои,
Ехать приятного коня моего,
Одеться в приятные платья мои,
Держать приятные доспехи мои дайте!

Так взывая, делал тайлган Оро-Хэнзэ. Западные тэнгэрины и отец тэнгэри Эсэгэ-Малан услышали призывание мальчика Оро-Хэнзэ. Западные тэнгэрины, отец-тэнгэри Эсэгэ-Малан, ночного неба многочисленные белые бурханы и дневного неба десять тысяч белых бурханов на луне сделали хороший суглан² и на Плеядах (Мешит) сделали меткий суглан, и в это время говорят:

---

¹ Т.е. заколол кобылу в жертву бурханам.

² С у г л а н — собрание, сейм.

— Созданный нами на нижней земле сын Оро-Хэнзэ, выросши, просит коня, одежду и доспехи.

Они сотворили коня; одежду отдали шить небесным «улэнши», доспехи приказали сделать небесным кузнецам. Когда конь был сотворен, одежда была сшита, доспехи были сделаны, они взнуздали и оседлали коня, одежду и доспехи привязали в тороки и поручили бурхану хлебному (Т а р я ш и б у р х а н) передать коня мальчику Оро-Хэнзэ. Бурхан хлебный, взяв коня, спустился с неба на гору Монгото-ула. В это время мальчик Оро-Хэнзэ, превратившись в сухой конский аргал¹, лежал в траве. Хлебный бурхан, спустившись на гору Монгото-ула, крикнул:

— Возьми! — и отпустил коня, который, волоча по земле прекрасный повод, побежал. Лежавший на земле Оро-Хэнзэ, вскочив, схватился за прекрасный шелковый повод и остановил своего коня. После этого Оро-Хэнзэ отвязывает из торок одежду и надевает на себя; одежда оказывается немного велика. Тогда он говорит:

— Мужчина-человек растет, а войлок выпячивается. Со временем будет в пору.

Потом берет желтый лук бухарь и натягивает его; желтый лук бухарь оказывается немного слабоватым. После этого, навесив на себя все доспехи, садится на коня. Конь начинает сбрасывать его с себя, с земли скачет, но Оро-Хэнзэ, благодаря своему проворству, держится; конь до неба скачет и бьется, Оро-Хэнзэ, ровно сидя, держится на коне. Когда конь перестал скакать и биться, Оро-Хэнзэ спрашивает коня:

— Отчего ты так сильно скачешь и бьешься?

Конь говорит:

— Пока не поспеет мясо трехгодичного барана, я могу обежать три раза вокруг земли; не поспеет мясо четырехгодичного барана, я могу обежать четыре раза вокруг земли.

Конь спрашивает у него:

— Ты как удержался на мне?

Тогда Оро-Хэнзэ говорит:

— На этой земле имеющие плечи не побоят меня; и имеющим большие пальцы не уступлю в стрельбе стрелой из лука.

Они друг другу сказали:

— Мы сошлись равные.

После этого Оро-Хэнзэ приехал домой (следует стереотипное описание езды и приготовление к поездке).

Оро-Хэнзэ, собравшись, уехал прямо на восточную сторону в страну ман-гатаево; он проехал свою прекрасную сторону и въехал в холодную страну

---

¹ А р г а л — кизяк, скотский помет.

мангатхаев. Ехал, как пушенная из лука стрела, со свистом. От скорой езды сделался сильный вихрь, который сносил рыжие камни, и дул черный ветер, который сносил черные камни. Жаркие дни ехал без питья и темные ночи ехал без сна. Он ехал и ехал и, наконец, стал доезжать до мангатхайки Эмэ-Хара, которая с трехдневного расстояния большим узнанием узнала и большим разумом уразумела, что к ней едет с войною Оро-Хэнзэ, сын Эрэ-Тохоло-мэргэна. Она разинула рот; верхнюю челюсть приставила к высокому небу, нижнюю челюсть приставила к обширной земле и стала втягивать его в себя. Тогда Оро-Хэнзэ, несмотря на все свои старания, вместе с конем полетел и попал в рот мангатхайке Эмэ-Хара. Попав в рот, он берет серебряное копьё; это острое серебряное копьё он воткнул в нижнюю челюсть и верхним концом подпер верхнюю челюсть, чтобы мангатхайка Эмэ-Хара осталась с разинутым ртом. К копьё привязал коня, сам входит в нее и ищет там своего отца Эрэ-Тохоло-мэргэна и дядю Хохосо-мэргэна с его двумя сыновьями; едва нашел их внутри нее и вывел их с конями, едва живых. В обратный путь выходя из нутра мангатхайки Эмэ-Хара, Оро-Хэнзэ перерубил у нее аорту (го л т о з у р х э н), и она умерла. После этого Оро-Хэнзэ выходит из рта мангатхайки Эмэ-Хара и выводит всех; потом, собрав таежные деревья с верхушками и лесные деревья с верхушками, сжигает тело мангатхайки Эмэ-Хара; оставшиеся пепел и кости березовую лопатую разбросал к северу и осиновою лопатую разбросал к югу. После этого своих отца, дядю и двоюродных братьев приводит в прежнее состояние. Они говорят друг другу:

— Непобедимого врага победили и годовалого жеребенка закололи.

После этого Эрэ-Тохоло-мэргэн с сыном Оро-Хэнзэ и Хохосо-мэргэн с двумя сыновьями, все пятеро, поехали к отцу мангатхаев Элтэсэ и Хултаса, к мангатхаю Оборто-Шара, который имеет рога. Этот, имеющий рога, Оборто-Шара-мангатхай имеет на спинной стороне множество тысяч глаз и на передней стороне сто тысяч глаз. Он большим узнанием узнает и большим разумом уразумевает, что к нему едут воевать Эрэ-Тохоло-мэргэн со своим сыном Оро-Хэнзэ и Хохосо-мэргэн с двумя своими сыновьями. Он поехал им навстречу и, встретившись с ними, говорит им:

— Не радуйтесь, что убили двух моих сыновей Элтэсэ и Хултаса и жену мою Эмэ-Хара.

После этого с имеющими рога Оборто-Шара-мангатхаем начал воевать Эрэ-Тохоло-мэргэн; мангатхай, имеющий рога, Оборто-Шара начал его мять. Тогда начал воевать Хохосо-мэргэн, но мангатхай и его начал мять. Тогда начали воевать два сына Хохосо-мэргэна: мангатхай начал их мять сильно; тогда начал воевать с ним Оро-Хэнзэ.

Оро-Хэнзэ и имеющий рога Оборто-Шара-мангатхай прекрасные полы затыкают за пояс, прекрасные рукава засучивают по локоть; потом, как порозы, кружатся, как самцы-верблюды, скрежещут зубами. Схватившись друг за друга, рвут куски мяса с чашку величиною и бросают; черные вороны и пестрые соро-

ки едят брошенное мясо. Воевали они в продолжение девяти дней и не могли победить друг друга; продолжали воевать в продолжение девяти месяцев. В это время на земле сделалась такая густая пыль, что козули заблудились от своих козулят, птицы блудили от своих птенцов. В течение девяти месяцев не могли победить друг друга и продолжали воевать в течение трех лет. На исходе третьего года у имеющего рога Оборто-Шара-мангатхай черные глаза потемнели, в ушах зашумело; его серенькое сердце бьется, его коротенькие ребра гнутся; вперед его дергают, спотыкаясь, падает, назад толкают, пятась, падает. Наконец рогатый Оборто-Шара-мангатхай, растянувшись, падает на землю и лежит. Когда Оро-Хэнзэ свалил на землю имеющего рога мангатхая Оборто-Шара, он взял свою серебряную саблю и проколол насквозь самый средний белый глаз; тогда этот мангатхай умер. Тогда они собрали таежные деревья с верхушками и лесные деревья с верхушками и сожгли тело имеющего рога Оборто-Шара-мангатхая; оставшийся пепел березовую лопатою разбросали к северу и осиновую лопатою разбросали к югу. Они говорят друг другу:

— Непобедимого врага победили, годовалого жеребенка закололи.

После этого они поехали далее к двоюродному брату убитого имеющего рога Оборто-шара, в местность Ташаланги, где живет мангатхай Такшил-Лохор. Этот мангатхай, Такшил-Лохор, большим узнанием узнает и большим разумом уразумевает, что к нему едут войною Эрэ-Тохоло-мэргэн с сыном своим Оро-Хэнзэ и Хохосо-мэргэн с двумя своими сыновьями. Мангатхай Такшил-Лохор имеет на спинной стороне множество тысяч железных кольев и на передней стороне сто тысяч железных кольев, которыми он во время войны людей рвет и колет. Этот мангатхай Такшил-Лохор имеет своего чубарого коня. Он садится на него, едет навстречу и, встретившись с Эрэ-Тохоло-мэргэном, с сыном его Оро-Хэнзэ, с Хохосо-мэргэном и с его двумя сыновьями, говорит им:

— Вы не радуйтесь, что убили Элтэсэ и Хултаса и двоюродного брата моего Оборто-Шара с женою. Я с вами один справлюсь.

После этого с Такшил-Лохор-мангатхаем сперва воюет Эрэ-тохоло-мэргэн; мангатхай Такшил-Лохор железными кольями начинает рвать и колоть его, тот никак не может воевать с ним и падает. Тогда с мангатхаем Такшил-Лохором воюет Хохосо-мэргэн; мангатхай и этого рвет и колет своими железными кольями. Хохосо-мэргэн тоже падает на землю. После этого с мангатхаем воюют два сына Хохосо-мэргэна; они тоже не могут воевать, тоже падают на землю. Тогда Оро-Хэнзэ с помощью своих тридцати волшебств делает железный молот весом в двадцать пять пудов и этим молотом бьет железные кольца на спине мангатхая, ломает их и гнет; с помощью двадцати трех превращений делает железный молот весом в сорок пять пудов и этим молотом бьет железные кольца на передней стороне мангатхая, ломает и гнет их. Так Оро-Хэнзэ воевал с мангатхаем в продолжение трех лет, на исходе третьего года у мангатхая Такшил-Лохора

два черные глаза стали темнеть, в обоих ушах стало шуметь. Тогда мангатхай Такшил-Лохор кричит, призывая на помощь:

Зулэмэ тэнгэри,
Дошин дорбон тэнгэри,
Табиһан табилга мини
Заяһан заябари мини абыги!

Так крича и зовя, мангатхай Такшил-Лохор падает на землю, а Оро-Хэнзэ его убивает. Потом все они собирают таежные деревья с верхушками и лесные деревья с верхушками и сжигают тело мангатхая Такшил-Лохора; оставшийся пепел и кости березовую лопатою разбрасывают к югу. В это время «восточные тэнгэрины сорок четыре тэнгэри, создавшие создатели, творившие творцы»¹ мангатхая Такшил-Лохора услышали его просьбу и начали спускаться с неба на землю к нему на помощь. Восточное небо отворилось; через его дверь спустилась на землю железная лестница, нижний конец которой упирался в землю, а верхний конец упирался в небо. По этой лестнице с восточного неба стали спускаться мангатхай на землю. Эти мангатхай были такие, что потники срослись со спинами их коней, седла срослись с потниками, а сами мангатхай приросли к седлам, а луки приросли к их рукам. Такие мангатхай спускались с восточного неба. Эти мангатхай были непобедимы и неубиваемы; они без жизни. Оро-Хэнзэ, смотря на них, говорит:

— Их никак нельзя победить и убить, потому что они без жизни. Они нас победят; мы будем побеждены ими.

После этого он заставляет свои тринадцать волшебств бегать по ладони и двадцать три превращения заставляет бегать по пальцам; с помощью своих тринадцати волшебств и двадцати трех превращений всех этих спускавшихся с восточного неба мангатхаев крепкими железными цепями он приковал к железной лестнице, к каждой ее поперечине, так что не дал им спуститься на землю. Так все эти мангатхай и остались прикованными железными цепями к железной лестнице. После этого Эрэ-Тохоло-мэргэн с сыном своим Оро-Хэнзэ и Хохосо-мэргэн с двумя сыновьями поехали к домам мангатхаев; дома их сожгли, а все добро, золото, серебро и разный скот едва привезли и пригнали домой. По приезде домой сделали большой пир; пировали в продолжение девяти суток, на десятый день едва разошлись. Так они живут счастливо. Ан хуга ашта бурханда туше.

Сказка рассказана бурятом Мунко Мулановым; она еще не окончена, рассказчик не знает ее продолжения

Напечатано в «Балаганском сборнике». Труды ВСОРГО, т. V, Томск, 1903, стр. 79-122.

---

¹ Поставленное в кавычках есть перевод бурятского текста, помещенного несколькими строками выше... (зулэмэ тэнгэри и пр.)

ГАРЬЮЛАЙ-МЭРГЭН

В прежнее счастливое время жили брат да сестра. Брата звали Гарьюлай-мэргэн, а сестру Агу-Ногон-абаха. Они жили очень богато и счастливо, имели красивый четырехугольный дворец вышиною до неба. Их многочисленные стада домашних животных паслись на северной стороне, на вечно зеленеющих неистощимых пастбищах, а подданные жили на южной стороне, наслаждаясь богатством, которое с каждым днем увеличивалось.

Вот однажды Гарьюлай-мэргэн и говорит своей сестре:

— Надоело мне есть мясо домашних животных и захотелось поесть мяса зверей. Поеду на охоту!

Сестра Агу-Ногон-абаха согласилась отпустить брата на охоту и сказала, что и ей надоело мясо домашних животных и захотелось дичины. Тогда Гарьюлай-мэргэн затрубил в рог, призывая своего тоненького рыжего коня, пасшегося на северной стороне в местности Алтая. Заслышав призыв хозяина, тоненький рыжий конь прибежал, остановился около серебряного столба, к которому привязывают поводья, и заржал серебристо-звонким голосом, вызывая хозяина. Гарьюлай-мэргэн вышел из дворца, вынес чисто серебряную узду, поймал ею тоненького рыжего коня и привязал его за шелковые поводья к серебряному столбу. Потом вынес из дворца шелковый потник и чисто серебряное седло и положил подле серебряного столба. Отвязав поводья от столба, положил на коня шелковый потник и оседлал его чисто серебряным седлом. После этого Гарьюлай сказал: «Теперь окончено приготовление коня!»

Красно-шелковые поводья привязал к серебряному столбу, а сам вошел во дворец, чтобы одеться. Он подпоясал на себя чисто серебряный колчан со стрелами и луком и сказал:

— Я совершенно готов!

Тогда сестра его, Агу-Ногон-абаха, поставила стол, а на него вкусные кушанья. Гарьюлай ест кушанья досыта. Выйдя из-за стола и простившись с сестрой, Гарьюлай выходит на улицу, быстрыми шагами подходит к серебряному столбу, отвязывает красно-шелковые поводья, садится на коня и уезжает охотиться на возвышенное место Алтая. В первый и второй день он ничего не убил, даже не видел ни одного зверя. На третий день встретился с мангатхаем. Когда встретились, мангатхай и спрашивает:

— Кто это сзает тебя? Твоя душа или же душа твоего коня?

Гарьюлай-мэргэн оглянулся, а мангатхай тем временем проглотил его целиком. Остались только его одежда, колчан со стрелами да лук. Тогда тоненький рыжий конь Гарьюлай-мэргэна поспешно схватил одежду, колчан со стрелами и лук и побежал. Мангатхай погнался за ним, но не мог догнать.

Прибрав домой, конь заржал серебристо-тонким голосом, вызывая девицу Агу-Ногон-абаха. Последняя, слышав его ржание, вышла на улицу и начала его расспрашивать, где он оставил брата, что с ним случилось и как он убит. Тогда тоненький рыжий конь отвечал ей:

— Мы охотились на возвышенности Алтай. В первый и во второй день ничего не убили, на третий встретились с мангатхаем. Последний попросил твоего брата посмотреть назад и обманом проглотил его.

Затем конь рассказал, как он убежал от мангатхая, который хотел проглотить его. После этого девица Агу-Ногон-абаха взяла одежду своего брата, колчан со стрелами и лук, ушла во дворец и долго там плакала. Затем сняла с себя свою одежду, нарядилась в одежду брата, подпоясалась его ремнем с колчаном, стрелами и луком и поехала на возвышенное место Алтай, чтобы отомстить мангатхаю за смерть брата. Мангатхай был там же и охотился на зверей. Встретившись с ним, она спросила его:

— Кто сзади тебя? Твоя душа или душа твоего коня?

Мангатхай оглянулся, а она в это время взяла стрелу из серебряного колчана и выстрелила в мангатхая. Мангатхай упал на левую сторону своего коня и умер. Конь мангатхая хотел было убежать, но девица схватила его за поводья и удержала. Затем, отдав поводья мангатхаева коня своему коню, чтобы он держал их в зубах, девица Агу-Ногон-абаха распорол мангатхаю живот и начала там искать кости брата. Долго искала она, но не нашла их. Распорол мангатхаю грудь, но и там нет их. Наконец, тоненький рыжий конь сказал ей: «Ты разрежь большой палец правой руки, там найдешь кости брата. В других же местах не найдешь, так как кости хороших людей всегда бывают в правой руке».

Тогда девица разрежала большой палец правой руки и нашла совершенно уже голые кости брата. Она завернула их в черный шелковый платок, убила мангатхаева коня, сожгла их обоих, мангатхая и его коня, на костре и кости разбросала в разные стороны, чтобы они не воскресли. После этого она привезла кости брата домой, положила их на стол, а сама поехала за водой, которую начерпала из трех ключей. Затем в десяти тайгах набрала вереску, а в шестидесяти тайгах набрала пихтовой коры. Вереск, привезенный из десяти таег, и пихтовую кору из шестидесяти таег девица Агу-Ногон-абаха положила в воду, взятую из трех ключей. Эту воду вымыла кости брата, завернула их в четырехцветный шелк и положила на стол. Потом поехала в северную сторону, где паслись ее многочисленные табуны. Там она поймала одну большую кобылу с золотисто-желтой шерстью. Она привела кобылу домой, взяла кости своего брата и поехала к горе Ангай, ведя за собой золотисто-желтую кобылу. Приехав к горе Ангай, она принесла золотисто-желтую кобылу ей в жертву, прося гору раскрыться, чтобы в недрах ее положить кости своего брата. Гора, приняв жертвоприношение, раскрылась. Агу-Ногон-абаха положила в нее кости своего брата. Приняв в себя кости, гора Ангай вновь закрылась.

Возвратившись домой и отпустив тоненького рыжего коня, Агу-Ногон-абаха вошла в свой дом и начала оплакивать своего единственного брата, который умер от хитрости мангатхая. Она плачет и рыдает, опуская голову, и смеется, смотря вверх. Оплакивая брата, она говорила:

— Осталась я одна! Нет у меня единственного моего брата, некому теперь защитить меня от врагов! Теперь может меня обидеть всякий прохожий и похитить мои стада! Или их поклуют сорока и ворона!

Долго плакала она так. Наконец надумала ехать в опасный путь, чтобы найти средство воскресить своего брата. Она собралась ехать к Эсэгэ-Малану сватать за себя трех его дочерей, которые могли воскрешать мертвых и обогащать бедных по желанию, думая при помощи их оживить брата. Она придумала обмануть Эсэгэ-Малана и его прекрасных дочерей.

Агу-Ногон-абаха вышла на улицу и затрубила в рог. Заслышав эти звуки, конь ее брата прибежал домой и остановился у серебряного столба. Тогда Агу-Ногон-абаха взнуздала его чисто серебряною уздою, оседлала его чисто серебряным седлом и привязала к серебряному столбу за красно-шелковые поводья. Потом вошла во дворец, надела на себя наилучшие одежды своего брата, а сверху надела черный железный доспех, который надевал ее брат во время войны; поверх этого опоясалась ремнем с серебряным колчаном, стрелами и луком. Потом поставила стол, на него поставила вкусные кушанья; она поела их как ворон поклевал, как волк поглотал. Потом она вынимает серебряную трубку, кисет и курит табак. Потом выходит на улицу, отвязывает от серебряного столба красно-шелковые поводья; сев на коня, она думает волчью думу и сердце ее становится как камень перед опасностью. Потом она поехала к югу по направлению к Эсэгэ-Малан-тэнгэри. Теперь Агу-Ногон-абаха совершенно похожа на ее брата в его одеждах; никто бы не узнал, что она девица, а не мужчина.

После долгой и утомительной езды она увидела женщину с красными губами, которая варила чай и переливала его из одного котла в другой. Не доезжая до нее, тоненький рыжий конь говорит Агу-Ногон-абаха:

— Когда женщина будет угощать тебя чаем, ты не пей! Она отравит тебя!

Действительно, когда они подъехали к женщине, которая варила чай и переливала из одного котла в другой, эта женщина говорит девице Агу-Ногон-абаха:

— Ты едешь в далекую и неизвестную страну, где будешь терпеть голод; выпей хоть одну чашку чаю!

Агу-Ногон-абаха взяла чашку, но не пьет, а начинает курить и разговаривать, а когда краснотубая женщина отвернулась, она взяла чашку и вылила на нее, отчего та умерла. Тогда Агу-Ногон-абаха тело ее сожгла на костре, а кости разбросала на все четыре стороны.

Сделав это, она села на коня и поехала дальше. Едут и видят черного медведя, которой раскапывал муравейник. Вот рыжий конь и говорит:

— Ужели мы будем объезжать его? Лучше возьми его за уши и отбрось в сторону!

Агу-Ногон-абаха взяла медведя за уши и бросила его в сторону; от сильного удара о землю все ребра у медведя переломались и он умер. Она собрала деревья, сожгла на них медведя и остатки его разбросала на все четыре стороны.

После этого она поехала дальше. Едет и слышит, что за ними кто-то гонится. Она обернулась и увидела, что ее догоняет царь муравейника Билтагар-Хара-шургальжан и просит ее остановиться. Она остановилась и подождала его. Догнав ее, царь муравейника Билтагар-Хара-шургальжан начинает ее благодарить и говорит:

– Ты победил моего непобедимого врага, который постоянно съедал моих подданных и разорял их города. Теперь мои подданные освободились от своего злейшего врага, которого я несколько лет не мог победить. Если с тобою случится опасность или какое-нибудь затруднение, то призови меня, я буду тебе помогать!

Сказав это, он воротился домой, а Агу-Ногон-абаха поехала дальше и подъехала к высокой горе, вершина которой была выше облаков. Когда она начала подниматься на нее, то увидела кучу человеческих и конских костей, которые повсюду валялись в беспорядке. Некоторые были старые, другие – свежие. Тогда она слезла с коня, взяла сначала человеческие кости и начала их сравнивать со своими. Все они оказались длиннее и шире ее костей. Потом она взяла конские кости, но и они оказались длиннее и шире костей ее коня. Тогда она горько заплакала и сказала:

– Здесь умирали люди, которые были больше и сильнее меня. Приведется, может быть, и мне умереть и оставить здесь мои кости! Может быть, и мои кости будут валяться здесь, между этими костями! И зачем только я приехала в такую дальнюю сторону? Лучше было остаться дома, чем здесь умирать!

Конь говорит ей:

– Я попробую заскочить на вершину этой горы. Ты только умей удержаться на мне и, смотри, не упади!

После этого они отъехали на расстояние трехдневного пути и побежали. Добежав до горы, конь скакнул и заскочил на вершину горы, только копытом правой задней ноги задел за камень.

Агу-Ногон-абаха говорит своему коню:

– Ты заскочил на вершину горы, но зачем ты задел копытом задней ноги о камень? Неужели ты не мог без этого заскочить на вершину этой горы?

Тогда тоненький рыжий конь отвечает ей: «Такую высокую гору, на которую не могло подняться столько людей, и столько коней умерло, кости которых ты видела при подошве горы, нельзя перескочить без знака. Это грешно! Я нарочно задел копытом о камень».

После этого она поехала далее. На вершине этой горы она нашла живую воду (монхон хара уһа). Она слезает с коня, подходит к живой воде и пьет ее, после чего делается в три раза красивее и сильнее прежнего. Потом она напоила коня, отчего тот тоже сделался в три раза сильнее и быстрее на бегу. Затем она взяла этой живой воды и бросила ее вниз под гору, где лежали кости, отчего люди и кони ожили и начали благодарить Агу-Ногон-абаха, обещая ей в случае нужды свою помощь.

– Когда случится с тобой опасность или непреодолимое затруднение, позови нас, и мы придем к тебе, так как ты первый поднялся на эту гору и воскресил нас.

Сказав эти слова, воскресшие люди с криком и шумом уехали в разные стороны по домам. Набрав живой воды, она поехала дальше и на дороге увидела трех умиравших от голоду и усталости юношей. Тогда она побрызгала на них живой водой, отчего они ожили и начали благодарить ее и обещать свою помощь:

– Когда будет нужно, то ты только призови нас, трех сильных юношей, и мы поедем и поможем тебе хоть видимо, хоть невидимо.

Затем Агу-Ногон-абаха поехала дальше и по дороге заехала в один дом. В доме были три девицы, из которых одна плакала, другая песни пела, а третья смеялась. Когда Агу-Ногон-абаха спросила их, что это значит, они отвечали, что отец проиграл их царю-рыбе Абарга-загахан, который намерен их съесть.

– Сегодня он съест меня, – говорит плачущая девица.

– Завтра – меня, – говорит поющая девица.

– А послезавтра – меня, – говорит смеющаяся. И все три начали упрашивать спасти их. Агу-Ногон-абаха согласилась и спросила:

– С какой стороны придет Абарга-загахан?

– С юго-восточной, – отвечали девицы.

Тогда она пошла в юго-восточную сторону и села на бугор. Царь-рыба является с юго-восточной стороны и медленно приближается к бугру. Агу-Ногон-абаха выстрелила в царь-рыбу; стрела прошла сквозь него и царь-рыба умер от метко пущенной стрелы. Агу-Ногон-абаха сожгла царь-рыбу на костре, сторовшие кости разбросала на все четыре стороны, пришла к тем трем девицам и говорит:

– Я убил вашего врага.

Девицы благодарят и говорят:

– Если с тобой случится опасность или будешь в затруднении, позови нас, мы придем и поможем тебе!

И девицы эти ушли.

Агу-Ногон-абаха едет далее. На дороге лежит умирающая желтая собака. Когда Агу-Ногон-абаха спросила, отчего она умирает, собака отвечала:

– Когда я шла сюда, на дороге стояла одна женщина, которая варила чай и переливала его из одного котла в другой. Я по незнанию немного выпила этого чая и отравилась.

Агу-Ногон-абаха капнула на нее немного живой воды. Собака выздоровела и начала благодарить, обещая ей свою помощь:

– Когда тебе нужно будет меня, ты крикни: «Гунир-шара-нохой!», и я прибегу и помогу тебе.

Расставшись с собакой, Агу-Ногон-абаха поехала дальше и, наконец, после долгой и утомительной езды приехала к высокому дворцу Эсэгэ-Малана. Она привязала коня за красно-шелковые поводья к серебряному столбу, у которого уже были привязаны две лошади, и вошла во дворец; поздоровалась с Эсэгэ-Маланом и объявила, что она приехала сватать его дочерей. В это время там уже сидели два молодых человека, тоже приехавшие сватать дочерей хозяйина. Тогда Эсэгэ-Малан спросил Агу-Ногон-абаха, как ее зовут и с какой она стороны. Она отвечала, что приехала с северо-восточной стороны, а зовут ее Гарьюлай-мэргэном. После этого Эсэгэ-Малан угостил всех трех женихов, и они остались у него ночевать в ожидании, кого он выберет зятем.

Вот наутро Эсэгэ-Малан и говорит женихам:

– Надо попробовать, кто из вас сильнее, и позабавиться!

Тогда женихи вышли на улицу и начали бороться. Приходит очередь и до Агу-Ногон-абаха, но она никак не может выдумать отговорки, чтобы не бороться, а бороться боится, потому что ее могут узнать. Тогда она обратилась за советом к своему коню и тот научил ее призвать одного из трех сильных юношей, которые, видимо или невидимо, обещались помочь ей.

Агу-Ногон-абаха так и сделала; призвала одного из трех сильных юношей, чтобы он невидимо помог ей. Юноша невидимо явился и, когда началась борьба, она осталась победительницей. Агу-Ногон-абаха говорит Эсэгэ-Малану:

– Первая победа за мной!

И Эсэгэ-Малан решил за нее отдать своих дочерей.

Но предварительно он захотел посоветоваться с шаманкой. Пошаманив, шаманка и говорит Эсэгэ-Малану:

– Ты по ошибке хочешь отдать своих дочерей не мужчине, а женщине!

Эсэгэ-Малан удивился и решил сделать новое испытание, чтобы убедиться в справедливости слов шаманки. С этой целью он заставил женихов стрелять в мету. Тогда Агу-Ногон-абаха призвала другого из сильных юношей; юноша невидимо пришел и помог ей. Агу-Ногон-абаха выстрелила и попала, двое других женихов не попали.

Агу-Ногон-абаха говорит:

– Вторая победа за мною.

Затем Эсэгэ-Малан начал поить женихов вином, думая, что если Агу-Ногон-абаха женщина, то она опьянеет скорее всех. Но последняя, по совету коня, обвязалась поводом, а конец его незаметно спустила в чашку с вином, которое за нее и выпил конь. Когда все опьянели, Агу-Ногон-абаха была совершенно трезва. Эсэгэ-Малан удивился и решил, что Агу-Ногон-абаха мужчина и что шаманка ошиблась. Но на другое утро все-таки назначил новое испытание, которое должно было состоять в беге, думая, что если Агу-Ногон-абаха женщина, то конь ее прибежит к месту последний. Узнав об этом, Агу-Ногон-абаха идет советоваться к своему коню; рыжий конь лежит пьяный. Вскоре он оправился и встал. Агу-Ногон-абаха спрашивает:

– Что мы будем делать?

Рыжий конь говорит:

– Призови собаку Гунир-Шара, которую ты вылечила на дороге. Она мне поможет в бег бежать.

Гунир-Шара невидимо помогла рыжему коню выбежать наперед, и тогда все сказали, что Гарьюлай-мэргэн мужчина, а не женщина.

Шаманка пошаманила и говорит, что это не мужчина, а женщина.

Эсэгэ-Малан решил сделать новое испытание. Эсэгэ-Малан говорит:

– У меня есть три амбара; в каждом амбаре заперт медведь; нужно этих трех молодых людей запереть в амбаре с медведями. Если Гарьюлай-мэргэн женщина, то медведь его задавит, если мужчина, то нет.

Агу-Ногон-абаха идет к своему коню и просит его совета. Тоненький рыжий конь говорит:

– Призови одного из трех юношей, которых ты оживила живой водой! Он невидимо придет и поможет тебе.

Посадили всех трех женихов в амбары с медведями. Один из трех юношей пришел невидимо, взял медведя за ухо, поднял один угол амбара и сунул под него медведя, который тут и умер. Агу-Ногон-абаха вышла из амбара невредимой, а из двух других амбаров вынули тела двух задавленных женихов. Все тут стоящие говорят:

– Этот – мужчина, а не женщина!

Шаманка пошаманила и говорит:

– Эсэгэ-Малан по ошибке хочет выдать дочерей за женщину!

Эсэгэ-Малан велел раздеть задавленных женихов и посмотреть, кто они: мужчины или женщины. Их осмотрели и узнали, что они мужчины. Старшая дочь Эсэгэ-Малана плюнула на них и перешагнула; средняя дочь плюнула и перешагнула и младшая дочь плюнула и перешагнула. Молодые люди ожили.

Эсэгэ-Малан не знает, что делать, как узнать: Гарьюлай-мэргэн – женщина или мужчина? Все испытания исполнены и Гарьюлай-мэргэн оказывается мужчиной, а шаманка говорит, что женщина. На другое утро Эсэгэ-Малан говорит трем женихам:

– Нужно испытать, кто из вас хорошо плавает и далее ныряет?

Агу-Ногон-абаха выходит из дворца, идет к своему коню и говорит:

– Что теперь будем делать? Теперь узнают меня, что я женщина, а не мужчина. Нас заставляют купаться, чтоб узнать, кто лучше плавает и далее ныряет.

Тоненький рыжий конь говорит ей:

– Когда пойдешь купаться, поведи меня, будто поить хочешь. Когда мы придем к реке, я сделаю сильный туман; в это время разденься и войди в воду и тогда можешь плавать и нырять. Потом, когда выйдешь из воды, поскорее оденься, пока не рассеялся туман.

Агу-Ногон-абаха возвращается во дворец и садится рядом с женихами. Пополудни пошли купаться; Агу-Ногон-абаха берет коня и ведет его, будто

на водопой; когда пошли к реке, рыжий конь нарочно упал в воду, которая от этого сделалась мутной. Потом он сделал туман. Агу-Ногон-абаха поскорее разделась и бросилась в воду и начала плавать и нырять; никто не мог лучше нее плавать и далее нее нырять. Потом вышла из воды и поскорее оделась, пока не рассеялся туман. Тогда все бывшие с ней говорят:

– Гарьюлай-мэргэн – мужчина, а не женщина, потому что лучше всех плавает и далее всех ныряет.

Пришли во дворец и говорят Эсэгэ-Малану, что шаманка ошиблась. Шаманка пошаманила и говорит, что Эсэгэ-Малан выдает дочерей за женщину, которая его обманывает. Эсэгэ-Малан придумывает новое испытание.

На другое утро Эсэгэ-Малан говорит трем женихам:

– Разделите мне смешанное в одной посудине красное и белое просо, чтобы красное просо было в одной посудине, а белое – в другой.

Агу-Ногон-абаха выходит из дворца к своему коню и спрашивает его. Тоненький рыжий конь говорит:

– Призови на помощь муравьиного царя Билтагар-Хара-шургальжина, он тебе поможет разделить просо на две посудыны.

Вслушав совет, Агу-Ногон-абаха пошла во дворец и сидит там с другими женихами. Эсэгэ-Малан велел принести три посудыны, всыпать во все три и красного и белого проса вместе и поставить посудыны перед женихами, чтоб разделить красное и белое просо: красное чтобы было отдельно и белое чтобы было отдельно. Тогда Агу-Ногон-абаха позвала на помощь муравьиного царя Билтагар-Хара-шургальжина, который немедленно явился со своими подданными, и они невидимо разделили красное просо от белого, красное стало в одной посудине, а белое – в другой. А двое других женихов не могли разделить просо и уехали домой.

После этого Эсэгэ-Малан не мог уже придумать никакого нового испытания и решил выдать своих дочерей за Гарьюлай-мэргэна. Он призвал их и сказал, что выдает их замуж. Дочери согласились выйти замуж за Гарьюлай-мэргэна. Тогда он предложил своим дочерям взять с собою половину его имущества, подданных, скота, золота и серебра, но дочери отказались. Они сказали, что дорога очень дальняя, что люди и скот в дороге утомятся, что золото и серебро нужно будет возить с собой, что с ними много хлопот, что ничего этого не возьмут, а пусть отец дает им один серебряный ковшик, так как с помощью его можно достать какое угодно кушанье и напиток. Эсэгэ-Малан согласился и позволил им взять с собой серебряный ковшик, который постоянно хранился у трех дочерей Эсэгэ-Малана; с помощью его они готовили себе пищу.

Сделали свадьбу, на которой долго пировали; едва-едва на девятый день гости разъехались. После свадьбы Агу-Ногон-абаха говорит Эсэгэ-Малану:

– Теперь мне пора ехать домой; я давно выехал из дому, не знаю, как без меня живут мои подданные, не обидел ли кто-нибудь, не угнал ли кто мой скот? Кто имеет родину, тот должен торопиться к родине; кто имеет дом, тот заботится о домашних!

Когда все было готово к отъезду, Агу-Ногон-абаха выехала с тремя женами из дома Эсэгэ-Малана. Эсэгэ-Малан провожал их в продолжение трех суток, потом простился с ними и уехал домой.

Агу-Ногон-абаха продолжает свой путь далее с тремя своими женами. Когда они остановились на ночлег, три дочери Эсэгэ-Малана с помощью серебряного ковшика сделали превкусное кушанье. Все наелись досыта и легли спать около костра.

Когда Агу-Ногон-абаха заснула, три дочери Эсэгэ-Малана советуются, как бы его испытать, и говорят:

– Положим на грудь Гарьюлай-мэргэна огонь. Если Гарьюлай-мэргэн – женщина, то он вскрикнет и вскочит от боли; если он – мужчина, то отбросит огонь в сторону, повернется на другой бок и заснет.

Они положили на грудь Агу-Ногон-абаха огонь; она отбросила его в сторону, повернулась на другой бок и захрапела пуще прежнего. Три дочери Эсэгэ-Малана говорят:

– Он мужчина, а не женщина.

Легли спать и заснули. На другой день поехали дальше и приехали в место, где водилось множество лягушек. Тут приходится им ночевать. Остановились, поели с помощью серебряного ковша и легли спать. Как прежде Агу-Ногон-абаха захрапела. Три дочери Эсэгэ-Малана говорят:

– Нужно испытать Гарьюлай-мэргэна. Положим ему на спину лягушку. Если он женщина, то испугается и крикнет; если он мужчина, то выбросит лягушку и снова заснет.

Три дочери Эсэгэ-Малана поймали несколько лягушек и положили их на спину Гарьюлай-мэргэна. Агу-Ногон-абаха одних лягушек выбросила, а других под собой раздавила, повернулась на другой бок и спит по-прежнему. Три дочери Эсэгэ-Малана говорят:

– Он мужчина, а не женщина! Но отчего он с нами не играет, не ласкает нас, и отчего голос его временами похож на женский?

Так рассуждая, они заснули.

На другое утро встали рано, поели с помощью серебряного ковшика и поехали дальше. К вечеру приехали на место, где множество змей ползало. Тут приходится им ночевать. Они остановились, поели и легли спать. Агу-Ногон-абаха, как всегда, прежде всех заснула и захрапела. Три дочери Эсэгэ-Малана говорят:

– Не обманывает ли он нас? Нужно его испытать. Положим ему на шею змею; если он – мужчина, то он выбросит ее, снова заснет, а если – женщина, то вскрикнет и соскочит с постели.

Три дочери Эсэгэ-Малана поймали змею и положили на шею Агу-Ногон-абаха. Она выбросила змею и снова заснула.

Вот три дочери Эсэгэ-Малана говорят: «Он – мужчина, а не женщина. Но отчего он с нами не играет и нас не ласкает? Для чего он на нас женился? Скоро ли мы приедем к нему домой, где будем жить с ним?»

Так разговаривая, они заснули.

На другое утро встали рано и поехали дальше. Днем они ехали вперед, а вечером останавливались ночевать. Таким образом они приехали к живой воде; сами выпили живой воды и коней напоили, кони сделались сильнее и быстрее прежних, и сами они сделались сильнее и красивее. У живой воды они ночевали. На другой день с большим трудом спустились под гору и поехали далее.

Агу-Ногон-абаха говорит трем дочерям Эсэгэ-Малана: «Я поеду вперед, чтобы дом привести в порядок и встретить вас, а вы поезжайте по моим следам. Где я сделаю круг, там ночуйте, где сделаю черточку на дороге, там проезжайте по этой черточке!»

Агу-Ногон-абаха уехала вперед и приехала домой. Все подданные и дворец ее стоят благополучно. Она немедленно поехала на северную сторону, где паслись ее многочисленные табуны; поймала большую белую кобылу и привела домой. Ведя за собой белую кобылу, поехала она к горе Ангай; приехав, принесла белую кобылу в жертву горе Ангай и просила ее, чтобы она открылась, позволила ей взять кости брата Гарьюлай-мэргэна. Гора приняла жертву и раскрылась. Агу-Ногон-абаха взяла кости своего брата. После этого гора Ангай снова закрылась.

Агу-Ногон-абаха возвращается домой, снимает с коня седло и потник, а коня привязывает к серебряному столбу. Потом входит во дворец и кладет в нем кости своего брата. Вносит седло и потник и кладет их на правой стороне очага; шелковый потник стелет, а чисто серебряное седло кладет в изголовье. На эту постель она укладывает побелевшие от времени кости Гарьюлай-мэргэна.

Потом она пишет на бумаге, что она сделала, и бумагу привязывает к гриве тоненького рыжего коня, а сама убегает в лес, скрываясь от гнева трех дочерей Эсэгэ-Малана, которых она обманом привезла для того, чтобы воскресить своего единственного брата. Она обратилась в зайца, чтоб прятаться в дуплах.

Приехали три дочери Эсэгэ-Малана ко дворцу Гарьюлай-мэргэна и ждут, скоро ли выйдет встречать их муж. Они видят, у серебряного столба стоит привязанный тоненький рыжий конь без седла, но не могут дожидаться встречи и входят во дворец, где никого не находят; только на правой стороне очага лежат давно побелевшие человеческие кости. Три дочери Эсэгэ-Малана говорят;

— Нас обманула хитрая женщина и привезла к умершему человеку, кости которого лежат вот здесь, около очага.

Потом две старшие дочери Эсэгэ-Малана говорят:

— Поедемте обратно домой! Что будем делать у умершего человека, за которого мы вышли замуж!

Младшая сестра говорит:

— Как мы поедем домой, приехавши в такую дальнюю сторону? Что скажем родителям? Что нас обманом привезли к покойнику? Или скажем, что мы не

хотели жить здесь? Или же скажем, что нас прогнали отсюда? Так как мы можем воскрешать мертвых людей, не лучше ли нам воскресить мертвого? Воскресим и увидим, что нам делать.

Тогда старшая сестра три раза плюнула на лежащие кости, три раза перешагнула через них и три раза ударила их черным шелковым платком. Кости Гарьюлай-мэргэна соединились между собой и покрылись жилами. Потом средняя сестра три раза плюнула на кости, три раза перешагнула через них и три раза ударила черным шелковым платком: кости Гарьюлай-мэргэна покрылись мясом, и он лежал как спящий человек. Три дочери Эсэгэ-Малана залюбовались на красоту Гарьюлай-мэргэна и говорят:

– Отчего такой красивый молодой человек умер? Кто же была та женщина, которая нас обманула?

Наконец младшая сестра три раза плюнула, три раза перешагнула через Гарьюлай-мэргэна и три раза ударила его черным шелковым платком. Тогда Гарьюлай-мэргэн ожил и поднялся; поглаживая волосы, он говорит:

– Как я долго и крепко спал!

Потом он встал, поздоровался с тремя дочерьми Эсэгэ-Малана и спросил их: откуда они и как их зовут? Те говорят:

– Мы три дочери Эсэгэ-Малана и приехали недавно. Ты был мертвый и кости твои уже побелели от времени. Мы оживили тебя.

Гарьюлай-мэргэн не поверил им; он вышел из дворца и видит, что его конь стоит привязанный к серебряному столбу. Тоненький рыжий конь увидел своего хозяина, заржал тонко-серебристым голосом. Гарьюлай-мэргэн подходит к своему коню, гладит его и находит в гриве привязанную бумагу, читает ее и узнает все, что сделала его сестра: как она убила мангатхая, как похоронила его в горе Ангай, как высватала за него трех дочерей Эсэгэ-Малана. Он спрашивает у коня:

– Где моя сестра Агу-Ногон-абаха?

Рыжий конь говорит:

– Твоя сестра, обратившись в зайца, убежала в лес, чтобы спрятаться там от трех дочерей Эсэгэ-Малана, которые, узнав ее обман, могут сильно рассердиться.

Гарьюлай-мэргэн говорит коню:

– Поскорее поедem отыскивать Агу-Ногон-абаха!

Тоненький рыжий конь говорит ему:

– Твоя сестра спряталась очень далеко и теперь ее не найти. Проживи сначала с тремя женами трое суток, иначе они могут вернуться домой. Через три дня поедem отыскивать твою сестру, а теперь я сильно устал.

Гарьюлай-мэргэн отпустил своего коня на три дня на свободу, а сам вошел во дворец. Три дочери Эсэгэ-Малана с помощью серебряного ковша приготовили превкусное кушанье. Вечером легли спать за семидесятью занавесками на мягкой постели.

На четвертый день Гарьюлай-мэргэн собирается на охоту, отыскивать свою сестру. Он выходит из дворца и зовет своего тоненького рыжего коня. Услышав призыв хозяина, конь прибежал и остановился у серебряного столба. Гарьюлай-мэргэн одевается, прощается с женами и уезжает на охоту. Целый день он ищет свою сестру и не может найти. К вечеру, не убив ничего, приезжает домой, отпускает коня и входит во дворец; три молодые жены встречают его и спрашивают, что он убил на охоте. Гарьюлай-мэргэн говорит своим трем молодым женам, что он целый день охотился и ничего не мог убить. Поев с помощью серебряного ковша, легли спать. На другой день Гарьюлай-мэргэн опять собирается на охоту. Он выходит из дворца и видит: тоненький рыжий конь давно стоит около серебряного столба и ждет своего хозяина. Гарьюлай-мэргэн ловит коня чисто серебряной уздой, седлает его чисто серебряным седлом, одевается, прощается с молодыми женами и уезжает на охоту, чтобы отыскать свою единственную сестру, которую накануне не мог найти.

Гарьюлай-мэргэн целый день ищет свою сестру по лесу и не может ее найти. К вечеру возвращается домой печальный и ничего не убив. Приехав домой, отпускает коня, а сам входит во дворец, где его встречают три молодые жены и спрашивают, отчего он возвратился печальный. Гарьюлай-мэргэн говорит, что от того, что он ничего не убил во время охоты. Три молодые жены не поверили ему.

На третье утро Гарьюлай-мэргэн встал рано и поехал на охоту. Едет он по лесу и видит, под деревом лежит заяц и, лежа, дремлет. Рыжий конь говорит Гарьюлай-мэргэну:

– Вот твоя сестра сидит под деревом и дремлет!

Гарьюлай-мэргэн слезает с коня, подкрадывается к зайцу и ловит его. Заяц никак не может вырваться из рук Гарьюлай-мэргэна и, наконец, обращается в девицу Агу-Ногон-абаха. Долго брат с сестрой разговаривали о том, что было во время разлуки. Потом Гарьюлай-мэргэн говорит сестре:

– Теперь поедем домой и будем жить вместе!

Агу-Ногон-абаха не соглашается ехать домой, опасаясь трех дочерей Эсэгэ-Малана, которых она обманула. Но Гарьюлай-мэргэн уговорил ее.

Когда они приехали домой, три молодые жены Гарьюлай-мэргэна узнали своего прежнего мужа и говорят:

– Правду сказала шаманка, что Эсэгэ-Малан выдает своих дочерей за женщину.

Три дочери Эсэгэ-Малана помирились с Агу-Ногон-абаха и жили с ней мирно. Гарьюлай-мэргэн выстроил своей сестре особый красивый дворец, а три молодые жены брата подарили ей серебряный ковшик, с помощью которого можно достать какое угодно кушанье и напиток. Гарьюлай-мэргэн собрал всех своих подданных и сделал большой пир, который продолжался девять дней, едва гости разъехались на десятый день; все были очень довольны угощением и хвалили ум и красоту молодых жен своего царя. Гарьюлай-мэргэн счастливо

жил со своими тремя прекрасными и молодыми женами, от которых имел много детей. Так ан хужи ашта, бурханда туше.

Записано М.Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки ...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. 1, вып. 1. Ирк., 1889, стр. 32-48 (сказка №9).

АЛТАН-СЭСЭК И ЕГО СЕСТРА ЭРМЭЛЬЖИН-ГОХОН-АБАХА

Давно-давно жили старик со старухой. Старику было 70 лет, а старухе — 60. У них было двое детей: старшая дочь, которую звали Эрмэльжин-гохон-абаха, и младший сын, которого звали Алтан-Сэсэк. Они жили счастливо в обширном и красивом дворце и ни в чем не нуждались. Только у старика старуха была злая и завистливая, постоянно ворчала на детей, хотя дети были скромны и послушны.

Однажды Алтан-Сэсэк спрашивает у своей сестры, Эрмэльжин-гохон-абаха: что это бегают в лесу взад и вперед, и в северной стороне и в южной? Какие-то такие это животные?

Тогда Эрмэльжин-гохон-абаха говорит брату:

— Взад и вперед бегают в лесу и к северу от нас и к югу от нас звери, которых убивают только хорошие люди, а худые только смотрят им вслед и убивать их не могут.

Алтан-Сэсэк спрашивает:

— Как их убивают хорошие люди?

— Их убивают стрелами из лука, — говорит сестра.

Алтан-Сэсэк уговаривает сестру сделать ему лук и стрелу, которыми убивают зверей. По просьбе брата Эрмэльжин-гохон-абаха сделала ему лук из тоненького прутика, а стрелу из лучины. Отдавая их брату, она ему сказала:

— Если ты хороший мужчина, то убьешь зверей, а если нет, то только будешь смотреть на них сзади, как они будут убежать!

Алтан-Сэсэк, взяв у сестры лук и стрелы, отправился на охоту в лес. Долго он охотился и убил такое множество зверей, что не в состоянии был сразу принести всех зверей домой, половину зверей оставил в лесу и только потом принес остальную добычу.

Отец его сильно обрадовался, что первая охота сына удалась и убито множество зверей; он приказал своей дочери Эрмэльжин-гохон-абаха приготовить мясо. Она отделила годное к пище в пищу, а шкуры отдала выделывать. Из мяса убитых зверей приготовили вкусное кушанье, которое все ели и наелись досыта. А войско и подданные 70-летнего старика говорили между собою:

— Сын нашего царя будет хорошим и непобедимым богатырем!

Алтан-Сэсэк продолжал заниматься охотой и каждый раз убивал множество зверей.

В одно утро с восточной стороны приехали четыре неизвестных всадника, которые, не доезжая до дворца, остановились. Семидесятилетний старик послал навстречу им войско, узнать, кто они такие, откуда приехали, с войной или с миром. Посланное войско спросило у всадников, откуда они и куда едут. Четыре всадника отвечали:

— Мы приехали с восточной стороны по приказанию царя Шажага-баяна, у которого единственная дочь Сансага-гохон-абаха выходит замуж. Перед свадьбой будет сделано гулянье, на которое Сансага-гохон-абаха приглашает дочь вашего царя Эрмэльжин-гохон-абаха, так как она обещалась приехать на свадьбу.

Тогда посланное войско вместе с четырьмя всадниками возвратилось во дворец своего царя.

Семидесятилетнему старику доложили, что подданные царя Шажага-баяна приехали пригласить Эрмэльжин-гохон-абаха на свадебную пирушку. Семидесятилетний старик позволил послам царя Шажага-баяна войти во дворец. Войдя во дворец, они сказали царю, что они посланы от царя Шажага-баяна звать на свадебный пир царевну Эрмэльжин-гохон-абаха, которая обещалась быть на свадьбе у Сансага-гохон-абаха. 70-летний старик приказал спросить у Эрмэльжин-гохон-абаха, желает ли она исполнить свое обещание. Та согласилась, и четыре посланные от царя Шажага-баяна уехали.

Эрмэльжин-гохон-абаха начала собираться на свадьбу. Под низ одела белую шелковую одежду, потом одела синюю шелковую одежду, сверх этой красную шелковую одежду, а поверх всего черную шелковую одежду. Когда она кончила одеваться, войско поймало тонкую белую лошадь, оседлало ее серебряным седлом, обуздало серебряной уздой и шелковым поводом привязало к бронзово-серебряному столбу.

Эрмэльжин-гохон-абаха выходит на улицу, чтобы ехать на свадьбу, за ней выходит брат ее Алтан-Сэсэк. Она говорит ему:

— Будь без меня поосторожнее! Я заметила, что наши родители таят от нас какое-то намерение.

Сказав это, она простилась с братом, села на коня и поехала на пирушку царя Шажага-баяна.

Приехав туда, она прямо заехала к царевне Сансага-гохон-абаха, которая встретила свою подругу с неописанной радостью и стала угощать ее превкусными кушаньями.

Собравшийся народ, увидев Эрмэльжин-гохон-абаха, удивлялся ее красоте и её ловкости в езде. Когда весь народ собрался, обе царевны, Сансага-гохон-абаха и Эрмэльжин-гохон-абаха, с другими приглашенными подругами пошли на гулянку. Весь собравшийся народ не мог наглядеться на красоту царевны Эрмэльжин-гохон и надивиться ее уму. Не было никого, кто мог бы с ней соперничать.

Когда девица Эрмэльжин-гохон-абаха уехала к царю Шажага-баяну, 60-летняя старуха-царица говорит своему мужу, 70-летнему старику:

– Теперь убьем своего сына Алтан-Сэсэка! Если он вырастет большим, он не будет нам подчиняться.

Семидесятилетний старик-царь отказывается убить своего единственного сына. 60-летняя старуха говорит своему мужу:

– Если ты не убьешь своего сына, то я удавлюсь!

С этими словами она схватила волосяную веревку и побежала в лес, чтобы там удавиться. 70-летний старик пошел за нею в лес и начал упрашивать ее возвратиться. Но старуха не хочет возвратиться, пока старик не согласится убить своего сына. Тогда 70-летний старик согласился убить своего сына, и 60-летняя старуха возвратилась домой.

Придя домой, во дворец, 70-летний старик-царь спрашивает у своей жены-царицы:

– Каким образом убьем нашего сына? Он сильнее нас обоих и не имеет поблизости противника с равной силой.

60-летняя старуха-царица говорит своему мужу:

– Мы убьем нашего сына обманом. Я приготовлю 20 котлов тарасуна и сварю мясо двух баранов; потом еще приготовлю два котла крепкого тарасуна с сильнейшим ядом, от которого наш сын умрет. Когда пригласим его, то скажем ему, что мы хотим гулять. После этого я принесу 20 котлов тарасуна и мы выпьем их втроем. От выпитого вина сын наш опьянеет, тогда я принесу приготовленный яд и он его выпьет. Если он первую чашку подаст тебе, чтоб ты выпил, ты ему скажи, чтоб он побрызгал и выпил бы сам. Тогда он побрызгает, выпьет и умрет.

60-летняя старуха приготовила 20 котлов тарасуна и сварила мясо двух баранов. Потом приготовила и сильнейший яд, которым хотела отравить своего единственного сына. Когда все было готово, старуха-царица говорит своему мужу:

– Призови своего сына!

70-летний старик призвал своего сына Алтан-Сэсэка во дворец. 60-летняя старуха-царица говорит своему мужу, 70-летнему старику-царю, и своему сыну Алтан-Сэсэку:

– Мы никогда не гуляем как люди! Отчего нам сегодня и не погулять бы немного и не повеселиться? Наши дети довольно выросли, без нас управляют хозяйством и подданными, а потому погуляем сегодня и повеселимся!

Сказав это, она принесла приготовленные ею 20 котлов тарасуна и мясо двух баранов. 70-летний старик и 60-летняя старуха с сыном своим Алтан-Сэсэком начали пить принесенный тарасун из 20 котлов и есть мясо двух баранов. Когда они кончили 20 котлов тарасуна и мясо двух баранов, Алтан-Сэсэк сделался пьяным и заплакал.

— Отец и мать,— сказал он,— я предчувствую худое! Что-то у меня сильно бьется сердце!

60-летняя старуха успокоила своего сына, принесла приготовленный для него яд, подала ему и сказала:

— Вот это твой пай! Ты его должен выпить!

Алтан-Сэсэк взял яд у своей матери, вылил весь в одну чашку и подал своему отцу, чтобы тот попробовал. 70-летний старик говорит своему сыну:

— Свой пай ты выпей сам, побрызгав на огонь!

Алтан-Сэсэк побрызгал яду на огонь и выпил всю чашку; выпив, упал мертвым.

Когда Алтан-Сэсэк умер, 70-летний старик и 60-летняя старуха говорят друг другу:

— Наша хитрая дочь уехала на пир царя Шажага-баяна, и нам удалось без нее убить сына, а если бы она была дома, то не позволила бы этого сделать.

Потом они сделали большую бочку и положили в нее тело Алтан-Сэсэка. Бочку оковали железными обручами, чтобы не разбилась от морских волн, и бросили ее в море, думая, что ее оттуда никто не достанет.

Девушке Эрмэльжин-гохон-абаха на пиру царя Шажага-баяна не было весело. Она заметила, что у нее передергиваются жилы сзади на спине и спереди от головы до ног. Когда она спросила у стариков и старух, что это значит, один из стариков сказал ей, что если передергивает спинные жилы, это значит, что случится несчастье над дальними родственниками, а если передергиваются жилы передней стороны, то случится несчастье с родными из семейства. Эрмэльжин-гохон-абаха, не ожидая окончания пира, уехала домой. Дома ее встретили 70-летний старик-отец и 60-летняя старуха-мать; они вышли к ней навстречу на улицу и спрашивают: как она гуляла, и было ли ей весело на пиру царя Шажага-баяна? Эрмэльжин-гохон-абаха сказала, что ей было весело, но что она уехала до окончания пира, соскучившись без брата. Она входит во дворец, не находит брата и спрашивает у родителей:

— Где брат Алтан-Сэсэк?

Родители сказали, что брат ее ушел на охоту и с тех пор не возвращался домой.

Эрмэльжин-гохон-абаха выходит на улицу и спрашивает у стражей:

— Где мой брат Алтан-Сэсэк?

Стражи говорят:

— Твой брат после твоего отъезда не выходил на улицу; мы не видали его.

Тогда Эрмэльжин-гохон-абаха возвращается во дворец и допытывает родителей, куда они девали ее брата. Долго они молчали, но, наконец, сказали, что они своего сына Алтан-Сэсэка убили, заковали в бочку и бросили в море. Эрмэльжин-гохон-абаха заплакала. Потом она собрала всех подданных своего отца и спросила их, не знает ли кто средства воскресить убитого Алтан-Сэсэка. Народ отвечал, что никто из них такого средства не знает. Только один ста-

рик сказал, что когда он был молод, то от стариков слышал, что три дочери Эсэгэ-Малана-тэнгэри одни только могут воскрешать мертвых людей.

Тогда Эрмэльжин-гохон-абаха отпустила всех подданных своего отца, а сама начала собираться в далекий путь к трем дочерям Эсэгэ-Малана-тэнгэри. Надела она на себя одежду своего брата и отправилась в путь. Долго шла Эрмэльжин-гохон-абаха; наконец, в одной пади увидела она трех сивых лошадей. Лошади эти были Эсэгэ-Малана-тэнгэри. Они бегали в пади с ее вершины до устья, играя между собой. Девица Эрмэльжин-гохон-абаха обратилась в большую муху и села под гривой самой большой лошади, которая, почувствовав муху, начала сильно бегать и встряхивать сильно гривой, чтобы избавиться от нее. Наконец, она спрашивает муху:

– Что ты хочешь сделать, добро или зло? Не мучь, поскорее делай то ли, другое ли!

Тогда девица Эрмэльжин-гохон-абаха, превратившаяся в муху, говорит лошади:

– Я тебя не убью и добра тебе не сделаю. Я иду к трем дочерям Эсэгэ-Малана-тэнгэри. Слышала я, что они мертвых воскрешают и бедных делают богатыми. А мои родители убили моего младшего брата. Вот и иду я к дочерям Эсэгэ-Малана-тэнгэри, чтобы воскресили они моего брата. Вы мне в этом деле помогите!

Три сивые лошади Эсэгэ-Малана-тэнгэри спрашивают Эрмэльжин-гохон-абаха:

– Где твой убитый брат?

Она отвечает трем сивым лошадям:

– Когда моего брата убили, его положили в бочку и бросили в море. На дне моря лежит мой убитый брат в бочке.

Три лошади Эсэгэ-Малана-тэнгэри пошли с девицей Эрмэльжин-гохон-абаха к морю, чтобы искать в нем бочку с ее убитым братом. Сначала в море пошла самая большая сивая лошадь. Она нашла бочку на дне моря, взяла ее в зубы и поплыла с ней к берегу, но на половине дороги она выпустила из зубов бочку и к берегу приплыла одна, без бочки. После этого в море пошла средняя лошадь; она нашла бочку на дне моря, взяла ее в зубы и приплыла к берегу, но у самого берега выпустила бочку, а сама пустая выплыла на берег. Тогда самая меньшая сивая лошадь пошла в море и вытащила бочку на берег; бочку разбили, из нее вышли кости Алтан-Сэсэка.

Девица Эрмэльжин-гохон-абаха собрала все кости своего брата и на этих трех сивых лошадях повезла похоронить в горе Анга-Улан. Приехав к горе Анга-Улан, девица Эрмэльжин-гохон-абаха начала молиться этой горе:

– Гора моя, Анга-Улан, откройся мне! Я хочу похоронить кости своего брата Алтан-Сэсэка в такое место, где бы в летние жары они не потели и в зимний холод не мерзли!

Гора Анга-Улан, услышав молитву Эрмэльжин-гохон-абаха, открылась ей. Девица похоронила кости своего брата, и гора снова закрылась.

Три сивые лошади Эсэгэ-Малана-тэнгэри сказали девице Эрмэльжин-гохон-абаха, что они не могут воскресить ее умершего брата, и что воскрешать мертвых и бедных делать богатыми могут только три дочери Эсэгэ-Малана-тэнгэри.

— Если хочешь воскресить брата, — сказали они ей, — то увези домой трех дочерей Эсэгэ-Малана-тэнгэри. Скоро три дочери Эсэгэ-Малана-тэнгэри поедут в гости. Когда наступит время им ехать, ты нас запряги в телегу и подъезжай к дворцам трех дочерей Эсэгэ-Малана-тэнгэри. Они выйдут из дворцов, поедут в тайгу, тогда ты поезжай к себе домой.

Эрмэльжин-гохон-абаха приняла совет лошадей. Когда дочерям Эсэгэ-Малана-тэнгэри наступило время ехать в гости, она запрягла трех сивых лошадей в телегу и подъехала к дворцам. Когда три дочери Эсэгэ-Малана-тэнгэри увидели, что телега, запряженная тремя сивыми лошадьми их отца, подъехала к дворцам, подумали, что это отец послал им лошадей, чтобы ехать в гости, оделись, вышли из дворцов и сели в телегу. Тогда девица Эрмэльжин-гохон-абаха поехала домой так скоро и быстро, что три дочери Эсэгэ-Малана-тэнгэри не могли выскочить из телеги, хотя и поняли, что они обмануты.

Когда Эрмэльжин-гохон-абаха проехала большую половину дороги, она сказала дочерям Эсэгэ-Малана-тэнгэри:

— Я везу вас не в гости, а к себе домой, чтобы на вас жениться. А сам я из дальней восточной стороны, сын 70-летнего старика и 60-летней старухи. Меня зовут Алтан-Сэсэк.

Три дочери Эсэгэ-Малана-тэнгэри согласились выйти замуж за Алтан-Сэсэка и поехали с ним домой.

Дорогой Эрмэльжин-гохон-абаха говорит трем дочерям Эсэгэ-Малана-тэнгэри:

— Вы поезжайте моим следом: где будет проведена черта, по ней направляйте свой путь; где будет сделан круг, там ночуйте.

Сказав это, она сама уехала вперед.

Приехав домой, она отправилась к горе Анга-Улан. Она опять помолилась горе, чтоб гора открылась, чтобы взять кости брата. Анга-Улан, услышав ее молитву, снова открылась. Девица Эрмэльжин-гохон-абаха взяла кости своего брата и поехала домой. Приехав домой, она выстроила прекрасный дворец высотой до неба и положила в нем кости своего брата в порядке, в каком они лежали в живом теле. Потом сняла с себя шубу и закрыла кости. Все свои поступки описала и записку положила над дверью, а сама, обратившись в зайца, убежала в великий лес.

Три дочери Эсэгэ-Малана-тэнгэри приехали, вошли во дворец, увидели голые человеческие кости, покрытые шубой, сильно удивились и говорят:

— Кто же по приезде убил его и кости покрыл шубой? На взгляд он имеет царственный вид. Воскресить ли нам его или нет? Или же ехать обратно до-

мой? Если уедем, то что дома скажем? Скажем ли, что сами приехали или же, что нас прогнали?

И решили они воскресить лежащего мертвого человека. С этой целью старшая дочь Эсэгэ-Малана-тэнгэри плюнула на лежащие кости и перешагнула через них. Тогда все кости соединились между собой жилами. Потом средняя дочь Эсэгэ-Малана-тэнгэри тоже, по примеру старшей сестры, плюнула и перешагнула через кости; тогда все кости обтянулись телом. Алтан-Сэсэк лежит как спящий человек. После этого младшая дочь Эсэгэ-Малана-тэнгэри тоже плюнула и перешагнула через Алтан-Сэсэка. Он ожил; сев, он поправил волосы и говорит:

— Как я долго спал!

Алтан-Сэсэк встал, поздоровался с тремя дочерьми Эсэгэ-Малана-тэнгэри и принял их, как дорогих гостей. Выйдя на улицу, он увидел трех сивых лошадей Эсэгэ-Малана-тэнгэри, запряженных в телегу и привязанных к столбу. Он узнал их и снова вошел во дворец.

Три дочери Эсэгэ-Малана-тэнгэри говорят ему:

— Ты привёз нас в свой дом, чтобы жениться на нас. Чем же теперь нас будешь кормить?

Алтан-Сэсэк дал трем дочерям Эсэгэ-Малана-тэнгэри все нужное для приготовления пищи, и они приготовили превкусное кушанье, которое все ели. Трех сивых лошадей Эсэгэ-Малана-тэнгэри Алтан-Сэсэк отпустил пастись.

Однажды, выходя на улицу, Алтан-Сэсэк увидел бумагу, положенную его сестрой Эрмэльжин-гохон-абаха над дверью. Он взял эту бумагу и читал ее в продолжение трех суток, не отдыхая, едва-едва прочитал. Окончив чтение, Алтан-Сэсэк собрался на охоту и поехал отыскивать свою сестру, которая обратилась в зайца и убежала в лес. Охотясь в лесу, Алтан-Сэсэк едва нашел свою сестру. Около одного пня, сидя, дремал один старенький заяц. В нем Алтан-Сэсэк узнал свою сестру. Он осторожно подкрался и поймал дремавшего зайца. Положив его на правое колено, он начал ласкать его и гладить, а потом, положив на левое колено, тоже ласкал и гладил, после чего Эрмэльжин-гохон-абаха снова обратилась в человека. Долго они между собой разговаривали.

Эрмэльжин-гохон-абаха, боясь трех дочерей Эсэгэ-Малана-тэнгэри, не поехала в дом своего брата, а выстроила себе в лесу особый дворец и стала в нем жить. Брат ее, Алтан-Сэсэк, поехал охотиться на зверей. Убив множество дичи, он на обратном пути заехал к своей сестре, отдал ей половину убитых зверей, а другую половину увез своим трем женам, с которыми жил.

Алтан-Сэсэк каждый раз уезжал на охоту на долгое время и возвращался с половиной добычи, а другую половину отдавал своей сестре. Три его жены заметили это и уговорились следить за ним, чтобы узнать, где он так долго бывает во время охоты. Однажды, когда Алтан-Сэсэк поехал на охоту, три жены его

незаметно пришили к спине его клубок шелка и по разматывавшемуся шелку пошли следить за ним.

Алтан-Сэсэк заехал сначала к своей сестре, от нее поехал далее на охоту. Три его жены пошли по шелку и пришли ко дворцу Эрмэльжин-гохон-абаха. Они зашли к ней. Эрмэльжин-гохон-абаха угостила их. После разговоров младшая жена Алтан-Сэсэка предложила играть девице Эрмэльжин-гохон-абаха.

– Будемте играть, глотая горсть иголок! – сказала она.

Эрмэльжин-гохон-абаха предложила первой начать игру младшей жене Алтан-Сэсэка. Та начала глотать иголки и выплевывать их обратно. После этого была очередь Эрмэльжин-гохон-абаха. Она проглотила горсть иголок, подавилась и умерла. Три жены Алтан-Сэсэка возвратились домой.

Алтан-Сэсэк, возвращаясь с охоты, заехал к своей сестре. Найдя сестру лежащей, он думал, что она спит, но не мог ее разбудить. Увидев, что сестра его умерла, он сделал гроб и положил в него свою сестру Эрмэльжин-гохон-абаха. Потом поймал большого черного изюбра, выдолбил ему рог и положил туда гроб своей сестры, потом пустил изюбра на свободу. Похоронив сестру, он приехал домой к своим трем женам.

Отпущенный на волю большой черный изюбр, испугавшись, побежал по лесу и бегал в продолжение трех годов. К концу этих лет он измучился и остановился около дома одного бедного старика, жившего со старухой. Старик рубил дрова вне своего дома. Когда он увидел остановившегося изюбра, он кликнул свою старуху:

– Выходи скорее, старуха, ко мне! К нам привезли много дров.

Старуха выходит из дома и видит изюбра, на роге которого стоит гроб. Старик со старухой подходят к изюбру, изюбр говорит им:

– На мои рога что-то привязали и я в продолжение трех лет никак не мог избавиться от привязанного. Избавьте меня от этой ноши, пожалуйста!

Старик, рассчитывая убить изюбра и съесть его мясо, подошел к нему с топором и ударил его в лоб. Тогда гроб, выдолбленный в рогах изюбра, упал на землю. Изюбр поблагодарил старика за то, что наконец избавил его от ноши, которую он носил на своих рогах в продолжение трех лет и, невредимый, убежал в лес. Старик был сильно раздосадован, что гроб прежде времени упал с рогов изюбра, а то бы он убил изюбра и съел его вкусное мясо. Рассердившись, он начал топтать гроб ногами, приговаривая:

– Разбейся и изломайся!

Гроб разбился и из него вышла девица Эрмэльжин-гохон-абаха. Она ожила вследствие того, что, когда изюбр в продолжение трех лет бегал по лесам и горам, то все иголки вытряслись из ее горла. Увидев ее, старик со старухой упали без чувств. Эрмэльжин-гохон-абаха говорит:

– Где вы были, что не выдывали человека? Разве вы из земли вышли?

Потом она ударила их рукавами и они ожили.

Придя в чувство, старик со старухой начали кланяться ей и просить ее:
— Не губи нас! Мы не виноваты перед тобой!

Эрмэ́льжин-гохон-абаха осталась жить со стариком и старухой.

В это время сын царя Хартаган-хана Харжи-Муя был со своим человеком на охоте около дома старика и остановился у него, чтобы сварить мясо убитых зверей и съесть. Харжи-Муя и его человек, заглядевшись на невиданную красоту девицы Эрмэ́льжин-гохон-абаха, позабыли о сваренном мясе и о том, что им нужно ехать.

Царь Хартаган-хан не мог дожидаться своего сына, поехал его разыскивать и нашел его у старика со старухой. Царь Хартаган-хан, стоя на улице, крикнул своему сыну, чтобы он выходил ехать домой. Харжи-Муя вышел на зов отца; отец спрашивает сына, отчего он так долго засиделся в доме старика со старухой. Харжи-Муя говорит ему, что тут есть одна красивая девица, на которую он загляделся и потому так долго засиделся.

Царь Хартаган вошел в дом посмотреть на необыкновенную красавицу и, когда увидел девицу Эрмэ́льжин-гохон-абаха, упал без чувств. Эрмэ́льжин-гохон-абаха ударила его рукавом и оживила. Царь Хартаган уехал домой, а сын его Харжи-Муя остался у старика со старухой и безотлучно жил у них. Потом он вернулся к своему отцу и сказал ему, что желает жениться на девице Эрмэ́льжин-гохон-абаха.

Царь Хартаган-хан согласился и поехал сватать за своего сына Харжи-Муя девицу Эрмэ́льжин-гохон-абаха. Девица Эрмэ́льжин-гохон-абаха согласилась выйти замуж за Харжи-Муя, сына царя Хартаган-хана. Устроили сватовство, а через некоторое время сделали и пышную свадьбу. Через год после свадьбы Эрмэ́льжин-гохон-абаха, жена Харжи-Муя, родила сына, прекрасного мальчика. Они жили счастливо.

Однажды жену Харжи-Муя Эрмэ́льжин-гохон-абаха пригласила к себе на вечеринку дочь царя Шажага-баяна Саксага-гохон-абаха; жена Харжи-Муя, отдав своего сына одной старухе, поехала на вечеринку дочери царя Шажага-баяна. В это время Алтан-Сэсэк был на охоте. Возвращаясь с охоты, он случайно проезжал мимо одного царского дворца (Х а р т а г а — х а ш а) и слышит песню, которую поет одна старуха, держа на руках мальчика. Она пела:

— Внук царя Хартаган-хана, сын Харжи-Муя! Мать твоя Эрмэ́льжин-гохон-абаха, а брат твоей матери — Алтан-Сэсэк!

Алтан-Сэсэк, услышав песню старухи, зашел во дворец и спрашивает у старухи, куда ушли хозяева дворца. Старуха отвечает, что они уехали на вечеринку к дочери царя Шажага-баяна. Алтан-Сэсэк, оставив дворец, прямо поехал на вечеринку, где и увидел свою сестру Эрмэ́льжин-гохон-абаха. Проходя мимо своей сестры, Алтан-Сэсэк будто случайно уронил свой золотой перстень перед ней. Она подняла перстень и вышла за братом на улицу. Там она ему сказала:

— Когда я умерла, то ты меня похоронил на рогах изюбра без коня и оставил, чтоб меня съели волки и собаки. Когда ты умер, я тебя похоронила в горе Анга-Улан и сколько мне было труда воскресить тебя; мне пришлось обманом привезти трех дочерей Эсэгэ-Малана-тэнгэри, на которых ты женился.

Алтан-Сэсэк с этой вечеринки вместе с сестрою и ее мужем Харжи-Муя поехал в их дворец, а потом взял сестру Эрмэльжин-гохон-абаха к себе домой и снова сделали свадебный пир, на котором гуляли девять суток и едва-едва разошлись по домам. Гостей было великое множество. После этого жили все счастливо.

Записано М.Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, стр. 49-61 (сказка №10).

ХАН-ГУЖИР

В прежнее счастливое время жил-был царь Богдор, которому было 70 лет, а жене его — 60. Они не имели детей, которых могли бы воспитать и ласкать на коленях. Но зато у них были многочисленные стада скота, которые паслись на северной стороне и по склону высокой горы, на неистощимых пастбищах, и множество было подданных. Эти последние, которым царь давно потерял счет, — так их было много, — жили по южной стороне горы на плодороднейших местах и не знали ни нужды, ни горя.

Однажды царь отправился посмотреть своих подданных и табуны скота, которых он давно не видел и которые за это время расплодились вдвое. Когда он увидел свои табуны, он погрузился в глубокую думу:

— Кто будет обладать после моей смерти моими богатствами, которые я приобрел с таким трудом?

При этой мысли царь заплакал, что у него нет детей. Грустный и расстроенный воротился он домой, а царица его спрашивает:

— Почему ты такой грустный и задумчивый?

Царь успокоился, сказав, что все нашел благополучным, а стада умножились вдвое против прежнего, но задумался он о том, кто будет наследовать после его смерти его богатства. Тогда царица сказала, что она беременна уже три месяца. Услышав эти слова, царь сильно обрадовался, начал смеяться и гладить свои волосы. Потом с аппетитом поел приготовленные кушанья и отдохнул после этого. Так же весело провели царь и царица и остальные 7 месяцев в ожидании сына. Наконец по прошествии 10 месяцев около полуночи у них родился сын, который сейчас же начал плакать и звать отца и мать. Верхняя часть туловища у новорожденного была из чистого золота, нижняя — из чистого серебра, в правой руке он держал знак победы над врагами, а в левой — знак зверей. Знаки эти означали, что он будет непобедимым воином и неутомимым

охотником. Но в многочисленных табунах царя Богдора не было того коня, на котором мог бы ездить новорожденный, и не было той одежды, которую он мог бы надевать. Конь гнедой масти, на котором он будет ездить, быстрый как стрела и легкий как облако, и одежды, которые он должен будет носить, находились в девяти чугунных горах.

Новорожденный рос не по дням, а по часам. Через день он не мог поместиться в шкуре одногодовалого барана и насытиться молоком от одной коровы. Через два дня он не мог уже поместиться в шкуре одногодовалого бычка и насытиться молоком двух коров. На третий день царь приготовил с озеро вина и с бугор мяса и созвал всех подданных гулять и радоваться с ним. Когда все собрались, царь взял лучшие части вина и мяса и, положив вперед остального угощения, сказал:

— Кто съест это мясо и выпьет это вино, тот и пусть даст имя новорожденному.

Долго никто не выходил из толпы, наконец, вышел один тоненький-претоненький старик с бородою до земли. Он выпил вино, съел мясо и дал новорожденному имя Хан-Гужир. После этого старик удалился, а все подданные начали пить и гулять. Гуляли девять суток, только на десятые едва разошлись по домам.

Много ли, мало ли прошло времени, но, наконец, привелось посылать за конем для Хан-Гужира. Конь этот находился в девяти чугунных горах. Ехать туда мог только один дядя царя Богдора, Зотон-Хара, потому что только у него одного был конь, который мог пробежать это пространство. Посоветовались со стариком, давшим имя Хан-Гужир, и тот сказал, что Зотон-Хара должен взять с собою 9 черных баранов и 9 котлов тарасуна, а когда приедет к горам, то побрызгать тарасуном сначала хозяевам девяти чугунных гор, а потом духам, сопровождавшим его, со словами: «Это моим добрым друзьям, спутникам во время долгого пути, вперед сидящим и сзади караулящим!», и бросить несколько кусков мяса. Выслушав это наставление, Зотон-Хара поехал к 9 чугунным горам. По приезде туда совершил жертвоприношение и увидел гнедого коня, который съел всю траву на девяти чугунных горах и спустился с горы вниз. Зотон-Хара хотел поймать его, но конь побежал. Зотон-Хара погнался за ним и они три раза обежали землю. Наконец, конь бросил дяде Зотон-Хара одну стрелу и сказал:

— Стреляй в меня! Если стрела попадет в концы моих четырех копыт, то ты свой; если не свой, то стрела воротится в колчан.

Зотон-Хара выстрелил и стрела попала коню в концы четырех копыт, после чего тот остановился, а Зотон-Хара поймал его и привел ко дворцу царя Богдора. Когда дядя Зотон-Хара подъехал ко дворцу, молодой царевич Хан-Гужир выбежал из дворца к нему навстречу, взял от него коня, на котором было уже положено седло и привешаны оружие и одежда, и привязал коня к золотому столбу.

Потом Хан-Гужир стал просить родителей отпустить его искать свою невесту. Царь Богдор говорит своему сыну:

— Твоя невеста — дочь царя Гули. Нет ее красивее на этой земле. Когда она выходит из дворца ночью, то от красоты ее делается светло как днем, и люди встают с постелей, думая, что солнце взошло и настал день. Вот твоя невеста! Зовут ее Гонок-гохон-духэ. Поезжай прямо к царю Гули!

Хан-Гужир надел на себя свои одежды, надел боевые доспехи, взял лук и колчан со стрелами, простился с родителями, сел на коня и поехал. Родители вышли проводить своего сына и увидели только около золотого столба, где был привязан конь, горсть пыли и за девятью горами красную кисть шапки; больше ничего уже не увидели и сказали:

— Едва ли кто имеет такого сынка, как мы!

Долго ехал он. Наконец увидел на краю неба два больших дворца, принадлежавших Гули-хану. В одном жил он сам, в другом — его дочь. Хан-Гужир подъехал к дворцу, в котором жила Гонок-гохон-духэ, слез с коня, привязал его к бронзовому столбу, вошел внутрь его и, поздоровавшись с хозяйкой, сел на правой стороне. Гонок-гохон-духэ начала его угощать и, с целью испытать его, положила в золотую чашку отравленного кушанья и подала ему. Но Хан-Гужир прежде чем есть, обмочил в кушанье палец и, когда тот почернел от яда, он спросил царевну: зачем она его испытывает? Или она хочет над ним посмеяться? Потом сказал ей, что он приехал свататься к ней, что она его суженая, назначена ему богами.

Гонок-гохон-духэ дала Хан-Гужиру слово сделаться его женою и послала его просить согласия ее отца. Хан-Гужир поехал к царю Гули и, войдя в его дворец, сказал:

— Здорово, батюшка-тесть!

— Я не знаю тебя, — отвечал Гули-хан, — и не могу отдать свою дочь за первого встречного!

Тогда Хан-Гужир сказал:

— Я сын царя Богдора. Зовут меня Хан-Гужир. Отец мой сказал мне, что когда вы были молоды, однажды на охоте вы дали обещание породниться (стать зятьями) и, чтобы скрепить этот договор, разменялись мясом, зажаренным на рожне, и вы оба съели это мясо.

Тогда царь Гули сказал:

— Это правда, мы условились стать зятьями и я могу отдать за тебя замуж мою дочь Гонок-гохон, но сначала ты победи чудовище Тальян-шара-мангатхая с пятьюдесятьювосемью головами, который меня разоряет, угоняя и поедая мой скот и моих подданных.

Хан-Гужир согласился поехать и убить Тальян-шара-мангатхая, вышел из дворца, сел на коня и поехал к царевне Гонок-гохон. Царевна спросила его, что сказал ее отец. Хан-Гужир сказал:

— Твой отец, царь Гули, соглашается отдать тебя за меня замуж, но сначала просит убить его врага, пятидесятивосьмиголового Тальян-шара-мангатхая, который разоряет его, и я согласился ехать.

Тогда Гонок-гохон говорит своему жениху:

— Победить Тальян-шара-мангатхая нельзя! Силою он не уступает всем плечистым силачам, в стрельбе не уступает лучшим стрелкам. Не лучше ли тебе возвратиться домой, чем рисковать жизнью ради меня? Ты везде найдешь себе невесту.

Хан-Гужир сказал ей:

— Мужчина не должен отказываться от своего намерения, подобно тому, как женщины не оставляют выкроенное несшитым.

Сказав это, он простился со своей невестой и поехал. По дороге он спросил у подданных царя Гули:

— Откуда к вам приходит чудовище Тальян-шара-мангатхай, который угоняет скот и поедает подданных царя Гули?

Подданные царя Гули сказали, что чудовище Тальян-шара-мангатхай выходит из желтого моря. Перед восходом его на желтом море поднимаются волны и пенится желтая пена.

Тогда Хан-Гужир поехал к желтому морю и там спрятался, ожидая выхода чудовища.

Желтое море волнуется и пенится желтою пеною; из моря выходит Тальян-шара-мангатхай и с ним его желтая собака Гунир, которая за три версты чует по запаху и лает. Выходит также из моря большая птица, и выходит коршун, которые тоже чувствуют, когда есть впереди опасность для мангатхая. Тальян-шара-мангатхай несет на плече топор, впереди него бежит его желтая собака, над ним летают большая птица и коршун; все пятьдесят восемь голов чудовища заняты: некоторые из них разговаривали, другие пели, третьи курили, а прочие загадывали друг другу загадки. Так шло чудовище. Желтая собака Гунир, которая чует опасность на расстоянии трех верст, залаяла, поджимая хвост, и не дает мангатхаю идти вперед. Мангатхай рассердился, сказал:

— И без этой собаки могу жить! — и разрубил желтую собаку на куски. Идет далее; обе птицы не дают ему идти вперед, останавливая его на каждом шагу. Мангатхай сильно рассердился и разрубил их на куски. Идет далее, оставшись без верных друзей.

Тогда Хан-Гужир выходит из засады, стреляет из лука и при этом говорит:

— Если я счастлив, то эта стрела отсечет все пятьдесят восемь голов Тальян-шара-мангатхая; если я несчастлив, то не заденет его и пролетит мимо.

Пущенная стрела летит со страшным свистом и отсекает все пятьдесят восемь голов чудовища. Тальян-шара-мангатхай падает мертвым. Хан-Гужир подъезжает к чудовищу и говорит:

— Я победил непобедимого врага!

Хан-Гужир склал огромный костер, сжег на нем тело мангатхая, сгоревшие кости лопатой разбросал на все четыре стороны. Вернулся к своей невесте и сказал ей, что он победил непобедимого Тальян-шара-мангатхая. Она обрадовалась, угостила его наилучшим кушаньем и велела ехать к ее отцу, царю Гули.

Хан-Гужир приехал ко дворцу царя Гули, привязал коня к бронзовому столбу и сам вошел во дворец, поздоровался со своим тестем, царем Гули, и сказал ему:

– Я победил твоего непобедимого врага Тальян-шара-мангатхая! Теперь отдай за меня замуж твою дочь Гонок-гохон!

Царь Гули сказал:

– Я рад отдать за тебя свою дочь, но зять мой не откажется сделать мне еще одну услугу!

Хан-Гужир согласился и царь Гули сказал: «Я прежде вырастил одну собаку; она давно потерялась, но, по слухам, лежит на южной стороне. Эту собаку приведи мне на цепи!»

Хан-Гужир простился со своим тестем и поехал к своей невесте Гонок-гохон. Он сказал ей, что царь Гули велел ему принести потерянную собаку, которая, по слухам, лежит на южной стороне. Царевна Гонок-гохон говорит своему жениху:

– Эта собака есть покровитель этой местности. Никто на этой земле не может победить ее; всех, кто только приближается к ней на расстоянии трех верст, она проглатывает целиком. Лучше поезжай домой! Найдется другая, лучше меня, невеста. Ради меня не стоит тебе рисковать жизнью.

Но Хан-Гужир не согласился с нею и сказал:

– Неприлично мужчине отказываться от своего слова.

Тогда царевна Гонок-гохон сказала своему жениху:

– Прежде чем ехать к собаке Гунир, обратись за советом к девяносто девяти кузнецам: они сделают тебе все нужные вещи.

Тогда Хан-Гужир простился со своей невестой и поехал к девяносто девяти небесным кузнецам. Он заказал железный обруч, цепь и железный треног для собаки. Кузнецы скоро сковали эти вещи и, передавая их Хан-Гужиру, дали ему совет:

– Ты подходи к собаке Гунир тогда, когда она спит. Когда она спит действительно, то закрывает правый глаз и из правой стороны рта бежит пена. Когда она не спит, а только притворяется спящей, то закрывает левый глаз и пена бежит из левой стороны рта.

Поблагодарив девяносто девять небесных кузнецов за совет и за труды, Хан-Гужир поехал в южную сторону, где находится собака Гунир. Приехав, он видит перед собой необыкновенно большую собаку, которая лежит будто спит, но закрыт только один левый глаз и с левой стороны рта бежит пена. Хан-Гужир обратился в соловья и, летая над собакой Гунир, начал петь. Убаюканная пес-

ней соловья, собака Гунир начала дремать и, наконец, заснула крепким сном, закрыла правый глаз и из правой стороны рта потекла пена. Тогда Хан-Гужир спустился на землю около собаки и обратился снова в человека, надел на морду собаки крепкий железный обруч, на шею крепкую цепь и на ноги железный треног, потом пнул собаку Гунир ногою три раза. Собака Гунир проснулась от крепкого сна, стала биться и рваться, но ничего не могла сделать и обратилась к Хан-Гужиру с вопросом:

– Кто ты? Как тебя зовут? Если ты хочешь убить меня, то сейчас же убей меня! Если не хочешь убить, то освободи меня и скажи, что тебе от меня нужно?

Тогда он сказал:

– Меня зовут Хан-Гужир. Я не думаю убить тебя, а только царь Гули велел мне привести тебя к нему. Пойдешь со мной к царю Гули?

Собака Гунир согласилась. Хан-Гужир снял с нее железный треног, сел на коня и повел на цепи собаку Гунир к царю Гули. Прямо приехал к царскому дворцу и крикнул, чтобы царь Гули сейчас же вышел взять от него свою собаку. Царь Гули вышел из дворца и, увидя собаку, от испугу упал без чувств. Хан-Гужир привел царя в чувство, и царь стал просить его как можно скорее отвести эту собаку туда, откуда он ее привел. Хан-Гужир снял с собаки железный обруч и дал ей половину скота. Наевшись, собака Гунир сказала:

– В первый раз в жизни я наелась досыта!

Хан-Гужир снял цепь с шеи собаки и отпустил ее, чтобы она пошла на свое старое место. Собака Гунир сказала Хан-Гужиру:

– Будем теперь добрыми друзьями! Если тебе будет угрожать опасность, то призови меня, я тебе помогу! А если мне будет предстоять опасность, то я тебя призову!

Собака Гунир побежала на старое место.

Хан-Гужир входит во дворец и говорит царю Гули:

– Теперь отдай за меня замуж твою дочь.

Царь Гули сказал:

– Я рад за тебя отдать свою дочь, но прежде ты исполни еще одну мою просьбу!

Хан-Гужир согласился и царь Гули говорит:

– Я хочу быть старшим лекарем Эсэгэ-Малана-тэнгэри. Чтобы сделаться им, говорят, нужно иметь одно перо птицы Хан-Хэрэгдэ. Достань мне одно перо!

Хан-Гужир поехал ко дворцу царевны. Царевна спросила:

– Что сказал тебе мой отец?

Хан-Гужир говорит:

– Он велел достать мне перо от птицы Хан-Хэрэгдэ.

Царевна говорит своему жениху сквозь слезы:

– Мой отец нарочно посылает тебя в опасные поездки. Лучше возвратись назад к своим отцу с матерью, которые давно ждут тебя! Найдешь себе невесту лучше меня!

Хан-Гужир не согласился со своей невестой, простился с нею и отправился в далекий путь доставать перо птицы Хан-Хэрэгдэ. Долго он ехал и доехал до желтого моря. Недалеко от моря на сосне сидят три молодые птицы и плачут. Подъехав к дереву, Хан-Гужир спрашивает их, почему они плачут и чьи они дети. Три молодые птицы говорят:

– Мы дети птицы Хан-Хэрэгдэ; наш отец три года воевал с двадцатипятиголовым змеем Хорто-Шарта. В конце трех лет двадцатипятиголовый змей победил нашего отца. Тогда он съел шесть наших старших братьев и сегодня нас троих съест.

Хан-Гужир спросил:

– Где живет этот двадцатипятиголовый змей и откуда он приходит?

Они сказали:

– Змей живет на дне желтого моря. Когда он выходит из моря, перед этим оно страшно волнуется и пенится белой пеной, потом начинает пениться желтой пеной; после желтой пены из моря выходит змей, съедает нас, потом опять уходит в море. Тогда море перестает волноваться.

Хан-Гужир поехал к морю, обратился в золотую березу и растет, кудрявыми листьями бросает на море прохладную тень. Тысяча птиц гнездится на ветвях золотой березы и поет песни. Желтое море волнуется и далеко выходит из берегов. Золотая береза крепко держится против волны; потом море пенится белой пеною, пенится желтою пеною и из моря выходит двадцатипятиголовый змей. Некоторые головы говорят:

– Скоро съедем последних трех сыновей птицы Хан-Хэрэгдэ!

Другие говорят:

– Прежде на берегу не было золотой березы! Откуда она взялась? Не делает ли нам вреда?

Остальные говорят:

– Что может нам сделать береза! От прибыли никогда худо не бывает!

Когда змей поравнялся с березой, Хан-Гужир принял человеческий вид и выстрелил в змея из лука. Стрела отсекла змею все двадцать пять голов. Умирая, змей бросил на Хан-Гужира черную кровь, величиною с клеща. Хан-Гужир сел на гнедого коня и пустился бежать, но черная кровь-змея гонится за ним. Они три раза обежали вокруг земли и черная кровь догнала Хан-Гужира и прилипла к левой щеке. Хан-Гужир упал на землю. Гнедой конь говорит ему:

– Призови на помощь собаку Гунир, она поможет тебе!

Хан-Гужир позвал собаку Гунир и умер, гнедой конь караулит своего хозяина и оберегает его тело от поругания.

Прибежала собака Гунир и спрашивает, отчего умер Хан-Гужир. Гнедой конь рассказал собаке Гунир, как приключилась смерть Хан-Гужира. Собака Гунир говорит:

— За хорошего друга я сама умру и тем возвращу ему жизнь.

Потом она еще сказала коню:

— Когда твой хозяин Хан-Гужир оживет, то пусть похоронит меня в таком месте, где в летние дни не потеют и веет прохлада от душистых деревьев с золотыми листьями и где в зимние морозы не мерзнут и золотые лучи солнца греют, на месте, которое называется Тридцать теплых бугров и Три черных озера. На этих Тридцати теплых буграх, у этих Трех черных озер должен похоронить меня твой хозяин!

Сказав это, собака Гунир целиком проглотила Хан-Гужира. Хан-Гужир лежит в желудке собаки Гунир. Когда собака Гунир почувствовала, что ее желудок высосал черную ядовитую кровь из Хан-Гужира, она отрыгнула его и сама упала мертвой от яда черной крови двадцатипятиголового змея. Хан-Гужир, отрыгнутый собакой Гунир, встает на ноги. Гнедой конь говорит ему:

— Тебя оживила собака Гунир, а сама умерла. Она просила похоронить ее на Тридцати теплых буграх у Трех черных озер, где летом не потеют и зимою не мерзнут.

В это время прилетает птица Хан-Хэрэгдэ, благодарит Хан-Гужира за спасение детей и предлагает ему свою дружбу:

— Если тебе будет угрожать опасность, то призови меня, я приду и помогу тебе; если мне будет угрожать опасность, я тебя призову!

Хан-Гужир принял дружбу птицы Хан-Хэрэгдэ и говорит:

— Мне нужно одно перо из твоих крыльев.

Птица Хан-Хэрэгдэ выдернула одно перо из крыла и подала ему. Потом она сказала Хан-Гужире:

— Я похороню собаку Гунир на Тридцати теплых буграх у Трех черных озер.

Она положила собаку Гунир на свои крылья, простилась с Хан-Гужиром и полетела в сказанное место.

Хан-Гужир поехал с пером птицы Хан-Хэрэгдэ обратно. Приехав ко дворцу царя Гули, Хан-Гужир крикнул:

— Выходи, царь Гули! Получи перо птицы Хан-Хэрэгдэ!

Царь Гули вышел из дворца, увидел перо, чуть-чуть не упал без чувств и говорит:

— Пожалуйста, положи его куда-нибудь!

Тогда Хан-Гужир прислонил перо к южной стороне дворца. Царский дворец пошатнулся к северу и едва держится. Взяв, положил на северную сторону; дворец пошатнулся к югу и едва держится. Царь Гули просит Хан-Гужира отвезти перо куда-нибудь подальше. Тогда Хан-Гужир перегнул перо несколько раз, положил в свой карман и говорит царю Гули:

— Если одного пера так боишься, то зачем меня посылал?

Потом говорит ему:

— Теперь отдай за меня твою дочь.

Царь Гули говорит:

— Я с радостью отдам за тебя мою дочь, но исполни еще одну мою просьбу. Хан-Гужир согласился и царь Гули говорит:

— Я теперь сильно кашляю. Говорят, в печени царя Наран-Гэрэла есть желтое масло величиною с бабку. Кто ест это масло, тот выздоравливает от кашля и более никогда не будет кашлять. Убей царя Наран-Гэрэла и привези мне это масло.

Хан-Гужир согласился. Он поехал к царевне Гонок-гохон. Царевна спрашивает, почему он задумчив. Хан-Гужир рассказал ей, что царь Гули посылает его к царю Наран-Гэрэлу добыть масло из его печени. Царевна советует ему отказаться от поездки к непобедимому Наран-Гэрэлу:

— Лучше возвратись к своим родителям, которые о тебе тоскуют и не могут дожидаться. Откажись от меня! Ты найдешь невесту лучше, чем я!

Хан-Гужир не послушался своей невесты и поехал за маслом из печени царя Наран-Гэрэла. Едет и видит: на дороге лежит человек, у которого верхняя часть целая, с мясом, а нижняя — без мяса, совершенно голые кости. Хан-Гужир подъехал к нему. Лежащий человек чуть-чуть приподнялся и спрашивает:

— Как тебя зовут? Чей сын? Куда едешь?

Тот отвечает:

— Зовут меня Хан-Гужир, а моего отца — царь Богдор. Еду к царю Наран-Гэрэлу, чтобы взять из его печени масло величиною с бабку.

Потом Хан-Гужир спросил лежащего человека:

— Как тебя зовут? И зачем ты тут лежишь?

Лежащий человек отвечает:

— Меня зовут Хоходой-Мэргэн. Я воевал с царем Наран-Гэрэлом в продолжение трех лет. Несколько раз я бил в царя Наран-Гэрэла громом и молнией, но ничего не мог сделать. Он непобедим. Возвратись лучше домой. Ты еще очень молод и не можешь воевать с сильным Наран-Гэрэлом. Мне тоже прежде люди советовали не воевать с царем Наран-Гэрэлом, но я не послушался и вот лежу едва живой.

Хан-Гужир сказал Хоходой-Мэргэну, что не может возвратиться, и поехал вперед. Он сам обратился в нищего, коня обратил в костлявую клячу, потники и седло — в лохмотья и поехал к Наран-Гэрэлу. Приехав к царю Наран-Гэрэлу, спрашивает его, не наймет ли он его в пастухи телят. Хан-Гужир сказал, что платы он не потребует, а только пусть позволяет ему питаться курунгой и этим будет доволен. Хан-Гужир пасет телят царя Наран-Гэрэла.

Однажды царь спрашивает у своего телячьего пастуха:

— Не видал ли ты лежащего на дороге Хоходой-Мэргэна? Во время битвы с ним я ударил его волшебным ножом. Он упал на землю, но, падая, выдернул из моей руки волшебный нож и положил под себя. Боясь подойти к нему, чтоб он не убил меня этим ножом, я уехал домой. Принеси мне от Хоходой-Мэргэна мой волшебный нож. Только нужно его взять обманом, иначе он ножа не даст, а убьет тебя этим ножом, как только узнает, что ты от меня послан.

Хан-Гужир согласился и поехал за ножом к Хоходой-Мэргэну. Дорогой он обратился в прежнего молодца и приехал к Хоходой-Мэргэну. Хоходой-Мэргэн лежит чуть живой. Хан-Гужир просит у него волшебный ножик царя Наран-Гэрэла. Хоходой-Мэргэн узнал Хан-Гужира, подал ему волшебный ножик и говорит:

– Убей царя этим ножом!

Взяв ножик, Хан-Гужир уехал обратно к царю Наран-Гэрэлу. Приехав к его дворцу, крикнул:

– Выходи, царь-отец! Возьми волшебный ножик, который послал тебе Хоходой-Мэргэн!

Царь, увидев свой волшебный ножик, сильно обрадовался и говорит Хан-Гужиру:

– Отдам тебе половину моего имущества, золота и серебра и подданных!

Как только он протянул руку за ножом, Хан-Гужир изо всей силы ударил царя Наран-Гэрэла волшебным ножом и рассек его от головы до ног. Царь еще удержался на ногах и разрез скоро начал сростаться и заживать, но Хан-Гужир подскочил сзади и ударил его снова. Тогда только царь Наран-Гэрэл упал, разрезанный пополам. Хан-Гужир рассек печень, взял из середины ее желтое масло величиною с бабку и с маслом и волшебным ножом поехал домой.

Хан-Гужир доехал до Хоходой-Мэргэна. Хоходой-Мэргэн лежит уже мертвый. Хан-Гужир достал желтое масло и капнул несколько капель на Хоходой-Мэргэна. Хоходой-Мэргэн ожил, поблагодарил Хан-Гужира и предложил ему дружбу:

– Если кому-нибудь из нас будет угрожать опасность, то мы будем призывать друг друга на помощь.

Хан-Гужир и Хоходой-Мэргэн сделались друзьями. Хоходой-Мэргэн сел на облако и поднялся на небо со страшными громовыми ударами.

Хан-Гужир приехал к царю Гули, привязал коня к бронзовому столбу, сам вошел во дворец и говорит царю:

– Я привез тебе желтое масло из печени царя Наран-Гэрэла. Теперь отдай за меня твою дочь замуж.

Царь Гули говорит:

– С радостью отдам, только еще раз послужи мне!

Хан-Гужир согласился и царь Гули говорит:

– Каждый год я приношу жертву Эсэгэ-Малану-тэнгэри. От этих жертвоприношений я совсем разорился. Поднимись на небо и вытребуй у него все мои расходы за все прежние годы.

Тогда Хан-Гужир сильно рассердился на царя и сказал ему:

– Как мы смеем требовать от создателя расходы на жертвоприношения!

В сильном гневе он ударил царя Гули волшебным ножом и убил его, тело его сжег на костре и кости разбросал на все четыре стороны.

Когда гнев его прошел, он пожалел царя, но воскресить его было уже нельзя потому, что, хотя у Хан-Гужира и было желтое масло из печени царя Наран-Гэрэла и стоило бы капнуть им на мертвое тело и царь воскрес бы, но это могло совершиться только в том случае, если б Хан-Гужир не сжег его тела и не разбросал его костей на все стороны.

Хан-Гужир поехал к своей невесте Гонок-гохон и сказал ей, что он убил ее отца. Оба долго плакали, наконец, царевна говорит:

– Слезами не воскресить! Не лучше ли подумать, что нам делать?

Оба решили поехать со всем двором, скотом и подданными к отцу Хан-Гужира. Царевна Гонок-гохон велела всем подданным через три дня быть готовыми, а пастухам велела, чтоб в три дня был собран весь скот. Через три дня царевна Гонок-гохон со своим женихом Хан-Гужиром и со всем народом отправилась в путь.

Хан-Гужир говорит своей невесте:

– Я в течение трех лет не спал и лягу спать. Вы поезжайте прямо. Если будет опасность, ты разбуди меня, свое золотое шило воткни мне в правый бок. Тогда только разбудишь меня, иначе не разбудишь.

После этих слов Хан-Гужир лег спать. Царевна Гонок-гохон и ее люди едут дальше. На девятый день увидели громадное чудовище, которое налетело и похитило у них половину скота и подданных и улетело. Царевна Гонок-гохон никак не может разбудить своего жениха и заплакала. Слеза ее нечаянно попала в ухо Хан-Гужира и он проснулся. Тогда царевна Гонок-гохон рассказала ему, что на них в то время, как он спал, налетело какое-то чудовище, которое то становилось похоже на птицу, то на человека, и, похитив половину их подданных и скота, улетело.

– Вот оно летит! – сказала она и показала на горизонте на черное пятно.

Хан-Гужир взял лук и стрелу и выстрелил вдогонку улетевшему чудовищу, и сам поехал за своей стрелой, а невесте своей велел ждать своего возвращения на одном месте.

Хан-Гужир едет вслед за своей стрелой, которая гналась за чудовищем, и приезжает к тому месту, где небо и земля сходятся и расходятся. Ласточки, пытающиеся перелететь на ту сторону, падают тут, рассеченные надвое, одна половина падает на этой стороне, другая – на той. Стрела Хан-Гужира перелетела за чудовищем на ту сторону. Хан-Гужир остановился и думает, как попасть на ту сторону. Гнедой конь говорит ему:

– Я перескочу, ты только умей держаться на мне.

Хан-Гужир отъехал на суточное расстояние и потом гнедой конь с маху перескочил на ту сторону.

Небо и земля, сходясь, отсекли только конец хвоста гнедого коня. Хан-Гужир едет далее и видит дворец. Он привязал коня к серебряному столбу, вошел во дворец и спросил первого встречного, чей это дворец. Ему сказали, что в этом дворце живут четыре брата с вдовой-матерью. Хан-Гужир спросил,

куда они уехали. Ему сказали, что они уехали хоронить свою мать, которую убила неизвестная стрела. Хан-Гужир просил показать ему неизвестную стрелу. Когда ему показали ее, он узнал свою стрелу и положил ее обратно в свой колчан. Выйдя из дворца, он нашел своих подданных и свой скот, которые были похищены матерью четырех братьев.

В это время приехали четыре брата — дети вдовы. Хан-Гужир сказал им, что их мать похитила его подданных и его скот, что стрела, убившая их мать, — его стрела, что он стрелял в их мать, поехал за стрелой и приехал к их дворцу и спросил их: уступят ли ему добровольно похищенное или хотят воевать с ним. Четыре брата не согласились добровольно уступить похищенное и начали воевать. Первым вышел на войну старший из четырех братьев. Хан-Гужир скоро победил его. Тогда вышел второй брат, потом третий, потом четвертый. Хан-Гужир скоро победил всех четырех братьев, тела их сжег на костре, остатки разбросал на все четыре стороны. Потом взял всех своих подданных и свой скот, похищенных матерью четырех братьев, а также забрал все добро этих четырех братьев и поехал к тому месту, где оставил невесту Гонок-гохон.

На половине дороги Хан-Гужир встретил двух молодых людей, которые крупной рысью проехали мимо, не останавливаясь. Хан-Гужир остановил их и спросил, как их зовут, чьи они дети и куда они едут. Молодые люди сказали:

— Мы дети царя Богдора, едем искать своего брата Хан-Гужира, который, по словам наших родителей, уехал к царю Гули сватать царевну Гонок-гохон. Но с тех пор прошло десять лет, а он еще не возвратился. Наши родители день и ночь плачут о нем, нам не дают покоя, просят, чтобы мы отыскали его, либо узнали, жив он или мертв.

Хан-Гужир сказал им, что он не видел и не слышал о Хан-Гужире.

Двое молодых людей уехали далее. Хан-Гужир достал бумагу и написал на ней: «Я сын царя Богдора, Хан-Гужир». Эту записку он привязал к стреле, выстрелил и сказал:

— Если они действительно мои братья, то они поймут мою стрелу на лету и прочтут записку; если они чужие, то стрела убьет их и возвратится ко мне.

Молодые люди поймали стрелу на лету и прочитали записку и узнали, что человек, которого они встретили, их брат Хан-Гужир. Они возвратились к своему брату.

Взяв за правые руки друг друга, они крепко прижали друг друга к богатырской груди. Потом все три брата поехали к тому месту, где Хан-Гужир оставил Гонок-гохон. Они нашли, что с ней не случилось никакого несчастья. Она встретила их с радостью, накормила лучшими кушаньями, напоила лучшими напитками. На этом месте они отдохнули трое суток и поехали далее.

Престарелые царь и царица выехали за три версты встречать своего сына Хан-Гужира и его невесту Гонок-гохон и были очень обрадованы их приездом.

Приехав домой, всех подданных поселили на хороших плодородных местах, на которых они стали наслаждаться счастьем. Скот поставили на богатые травами

пастбища, на которых он стал жиреть и расплодился до несметного количества. Разместив и устроив подданных и скот, сделали свадьбу и пир. Все подданные гуляли на царском пиру девять суток, не зная, когда день и когда ночь. На десятые сутки едва разошлись по домам и принялись за прежние дела.

Хан-Гужир выстроил себе красивейший дворец рядом с отцовским и переселился в него со своей женой Гонок-гохон, сделался ханом вместо отца, который по старости лет уступил ему престол, и жил счастливо.

Два младших брата с помощью Хан-Гужира сделались могущественными ханами в двух богатейших царствах и женились на царевнах, самых красивых на свете после Гонок-гохон. Все живут счастливо в своих царствах.

Записано у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1889, стр. 61-78 (сказка № 10).

ЦАРЬ БАЯН-ХАРА

В прежнее время жил прямо на западной стороне в местности Шана у подошвы трех гор Монгото-ула, сделавший три моря Манзан водоемом, жил при подошве четырех гор Монгото-ула, сделавший четыре моря водоемом. Его высокий белый четырехугольный дворец, как снег, белеет (пропускаю описание дворца, серебряной коновязи и двора, которые во всех сказках описываются одинаково).

На северной стороне паслось сто тысяч разного скота, на южной стороне паслось многое множество разного скота. Он имеет на северной стороне живущих подданных и народов и на южной стороне живущих такое множество подданных, как муравьев в муравейнике, как травы в ложбинах. На езде приятный конь его, имеющий бег под синеющим небом, железно-вороной конь, который пасется, горстями хватая в черном пырее, на северной стороне Алтая и пасется на верху возвышенного места Хохоя, где растет черный пырей. Всеми этими подданными и разным скотом распоряжаться родился царь Баян-Хара, который жил спокойно и счастливо.

Однажды утром царь Баян-Хара говорит:

— Когда ходит одинокий человек, человеком он не делается; из одной головни огонь не делается. Нужно искать суженую невесту.

После этого он достает желтое материнское священное писание (н о м), читает его, следя большим пальцем, и читает, перебирая рукою, имеющею пальцы. В священном писании вычитывается, что его суженая невеста находится прямо на нижней стороне на расстоянии столетней езды. Это дочь богатого царя Агу; зовут ее тринадцатилетняя царевна Урма-гохон. После этого он закрыл материнское желтое священное писание и положил на старое место, где оно лежало прежде.

Потом царь Баян-Хара выходит на улицу и, крича, зовет железно-вороного коня, который в это время пасся на северной стороне Алтая. Железно-вороной конь услышал своим правым ухом, узнал голос своего хозяина и говорит:

— Зачем зовет хозяин-абай? Сблизка ли приехал неприятель или сдалека приехали неприятельские войска?

Так говоря, конь побежал домой. Большую гриву в обхват на спину бросая, бежит, и большой и густой хвост на крестец бросая, бежит; прибежав, остановился у серебряной коновязи и звонко ржет. Тогда царь Баян-Хара выходит из дворца, сплошно-серебряным недоуздом обнулдал, как ребро серебряною уздою обнулдал и привязал железно-вороного коня на гальке, чтобы копыта были тверды, и привязал его на лед, чтобы копыта были круглы, старый волос весь соскреб, горстью травы кормил и чашкой воды поил. После этого на железно-вороного коня положил шелковый потник, оседлал его серебряным седлом, десятью подпругами крепко-накрепко подтянул и двадцатью подпругами сильно-крепко подтянул. После этого железно-вороного коня шелковым поводом привязал к серебряной коновязи и говорит:

— Кончил приготовление коня.

Потом царь Баян-Хара вошел во дворец, подвинул золотой стол, поставил на него превкусную еду, подвинул серебряный стол, поставил на него действительно вкусную еду. Он ел как птица клюет и как волк глотает. Наевшись досыта, он встал из-за стола. После этого он начинает одеваться; на красное тело он надевает шелковую рубаху, поверх нее надевает шелковую шубу, которую носят летом; еще сверху надевает шелковую шубу, которую носят зимой; наконец, надевает еще как уголь черный доспех¹, не промокающий в семидесятисуточное ненастье, не пробиваемый стрелой с семьюдесятью наконечниками. Надевает на себя все нужные доспехи. Потом царь Баян-Хара говорит:

— Кончил приготовление тела.

После этого выходит на улицу, подходит к серебряной коновязи, отвязывает от нее шелковый повод, садится на коня и отправляется в путь. Он едет рысью через десять падей и, переезжая их поперек, рысит; едет через двадцать падей и, пересекая их, рысит. Расстояние столетней езды предполагает проехать в три месяца. Когда поет птица соловей (а л т а н г у р г а л д а й), тогда он думает, что настало лето, лисью легкую шапку к затылку подвигая, рысит, и когда шечочет пестрая сорока, тогда думает, что настала зима, лисью легкую шапку ко лбу подвигая, рысит. Так он, рыся, ехал. На пути его стоит одна высокая гора; поднявшись на ее вершину, слез с коня и, сидя, курит трубку. В это время он смотрит вдаль туда и сюда; так смотря, он видит вдали блестящий дворец царя Агу, подданные которого около дворца чернеют как трава в ложбине и как

---

¹ Панцирь? (Г. Потанин).

деревья в лесу; разный скот царя Агу подходит к водопою к черному морю; передовые табуны пьют чистую воду, а последние лизут только мокрый песок и тину. Все это видя, царь Баян-Хара начинает труситься; бьется сердце его и тоненькие ребра гнутся. Он думает думу; приехав в такую дальнюю сторону и проехав такую длинную дорогу, непременно нужно доехать и узнать. В это время волчью думу думает и сердце его делается, как камень, крепкое:

– Мужчины желание свое не оставляют, волк и собака закушенное не оставляют. Куда думал, туда нужно доехать.

После этого он достал из колчана насквозь дверь простреливающую большую стрелу, выдернул из налучника (х о р м о г о) железный лук бухарь, имеющий девяносто девять подставок; потом наложил стрелу ушком на тетиву лука, натягивает лук и в это время говорит:

– Если суждено мне долею умирать, то иди без вести; а если имею старшую долю, то иди и втыкайся в юго-западный угол дворца царя Агу!

Так говоря, выстрелил. Выпущенная стрела его прямо полетела к дворцу царя Агу и воткнулась в юго-западный угол дворца, который от этого пошатнулся к юго-западу. Тогда царь Агу выходит из дворца и приказывает своим поданным выдернуть эту стрелу; подданные никак не могут выдернуть ее.

Потом царь Баян-Хара сел на своего вороного коня, спустился под гору и едет к дворцу царя Агу. Когда он приехал, то говорит поданным царя Агу:

– Столь много народа, не можете выдернуть стрелу простого человека!

После этого подошел, выдернул свою стрелу и воткнул в серебряный колчан, железно-вороного коня шелковым поводом привязал к серебряной коновязи, а сам входит во дворец и здоровается с царем Агу как царь; по-царски здоровается и, как царица, кланяясь, здоровается. Тогда царь Агу царя Баян-Хара сажает на правую сторону дворца на серебряный трон, а потом угощает его; он подвинул перед ним золотой стол, поставил на него вкусные блюда. Царь Баян-Хара ест как птица клюет и как волк глотает. В это время царь Агу спрашивает:

– Из какой страны? Родившая земля где? Питьевая вода где? Куда едете и как вас зовут?

Тогда царь Баян-Хара говорит:

– Живу прямо на северной стороне на подошве трех гор Монгото-ула, на берегу трех морей Манзан. Меня зовут царем Баян-Хара, а ехал я сюда. Тело мое едет по следу зятя, а рот мой — сватом.

Царь Агу говорит:

– Думано правдиво и говорено верно. Как о вас думать и что сказать о вас дурного? Я согласен сделать вас зятем.

После этого царь Баян-Хара сделался зятем царя Агу, высватал его тринадцатилетнюю дочь Урма-гохон. Тогда царь Агу приказал бить в золотой барабан, собрать все подданных, живущих на северной стороне, и приказал бить в серебряный барабан, собрать всех подданных, живущих на южной стороне.

Побили в золотой барабан, собрались все подданные, живущие на северной стороне; побили в серебряный барабан, собрались все подданные, живущие на южной стороне.

Тогда богатый царь Агу выпустил, как озеро большое, вино и, как бугор, большое мясо. В продолжение девяти суток сделали большой пир и на десятый день едва разошлись по домам. После, несколько времени спустя, царь Баян-Хара говорит своему тестю царю Агу:

— Чужой человек в чужбине не уживается, а лытка изюбра в котле не помещается. Человек, имеющий родину, и человек, имеющий воду, должен ехать к своей воде.

Так говоря, он начал собираться домой.

Тогда царь Агу говорит своему зятю:

— Думано правда и сказано верно.

Царь Агу дал своей дочери в приданое половину своих подданных, половину разного скота и половину золота и серебра; потом в серебряную коляску запряг трех белых иноходцев. Тринадцатилетняя царевна Урма-гохон села в серебряную коляску, а царь Баян-Хара поехал верхом на железно-вороном коне. Царь Баян-Хара впереди гонит разный скот, а подданные едут за ним сзади. Так едут они, едва помещаясь в пади и поя скот в ручьях. Когда царь Баян-Хара проехал половину дороги, он говорит жене своей, тринадцатилетней Урма-гохон:

— Я поеду вперед привести в порядок дом, а ты поезжай по сделанной черточке, а где будет сделан кружок, там ночуйте.

После этого царь Баян-Хара поехал вперед. Едет по дороге и видит, что высокая красная пыль поднимается до высокого неба и тонко-красная пыль расстилается по широкой земле, так едет ему навстречу (всадник) на желтом коне, спина которого вся в язвах, покрыта холщевым потником и деревянным седлом; едет и бьет своего желтого коня спереди и сзади сорокапудовым молотом. Так едет навстречу царю Баян-Хара семидесятипятиголовый Дарда-шара-мангатхай. Встретившись, они остановились на дороге. Семидесятипятиголовый Дарда-шара-мангатхай говорит:

— Чужого желающий, своим не довольствующийся, зачем взял чужую невесту? Я с пленок сбергал ее для себя и с люльки просватывал себе в невесты. Силою большого пальца будешь воевать со мною или силою плеча будешь воевать со мною? Скорее и поспешно говори!

Этак говоря, спрашивал он царя Баян-Хара. Тогда царь Баян-Хара говорит ему:

— Вперед будем воевать силою большого пальца.

После этого они разъехались на две стороны, поднялись на вершины двух гор и кричат друг другу:

— Ты вперед стреляй!

Семидесятипятиголовый Дарда-шара-мангатхай согласился стрелять вперед; он берет свою чугунно-серебряную стрелу, прикладывает ушком к тетиве лука и натягивает, говоря:

— Если мне суждено помереть, то иди без вести; а если мне суждено победить, то пробей насквозь большую и широкую грудь царя Баян-Хара, чтобы сквозь раны светились лучи солнца.

Так натягивая лук, выстрелил. Стрела его летит со свистом и гулом. Царь Баян-Хара, расстегнув пуговицы, выставил голую грудь и, стоя, ждет. В это время со свистом прилетела стрела семидесятипятиголового Дарда-шара-мангатхая и пробила насквозь большую широкую грудь царя Баян-Хара; сквозь рану светятся лучи солнца. Царь Баян-Хара упал было, но до земли поднялся; переднюю рану заткнул камнем величиною с жеребенка, а заднюю рану заткнул камнем величиною с барана; рану свою погладил большим пальцем и вылечил; указательным пальцем погладил и совсем оздоровел.

Потом говорит семидесятипятиголовому Дарда-шара-мангатхаю:

— Не думай, чтобы у мужчины не было столько волшебств и таинственных сил, чтобы вылечиться! Теперь моя очередь стрелять.

Царь Баян-Хара достает стрелу из серебряного колчана и желтый лук бухарь из налучника, прикладывает стрелу ушком к тетиве лука и натягивает.

— Если мне суждено долею умереть, то иди без вести; а если старшею долею суждено победить, то отсеки самую среднюю голову!

Так говоря, выстрелил. Стрела его полетела со свистом и гулом. Семидесятипятиголовый Дарда-шара-мангатхай стоит на горе и ждет стрелу; стрела прилетела и отсекала ему самую среднюю голову, а потом возвратилась к своему хозяину. Семидесятипятиголовый Дарда-шара-мангатхай упал было на землю, но до земли поднялся, схватил отсеченную стрелой среднюю свою голову, вставил на старое место, погладил большим пальцем и вылечился, погладил указательным перстом и совсем оздоровел; потом, смеясь, говорит:

— Не думай, чтоб у мужчины не было столько волшебств и таинственных сил!

Потом они говорят друг другу:

— Мы не в состоянии победить друг друга силою большого пальца; будем воевать силою плеча.

Оба они спустились (с гор), приехали к ровному месту, слезли со своих коней и отпустили их, а сами начали бороться. Они боролись в течение девяти суток, потом в течение трех месяцев; борясь, воевали, не могли победить друг друга и, борясь, воевали в течение девяти месяцев. И тогда только едва начали потеть и кровь и мясо их стали греться в теле. Так воевали они в течение трех лет; в это время вперед они упирались, красных гор наделали; назад лягались — серых гор наделали. На земле сделались туман и пыль, в которых птицы блудили от своих гнезд и птенцов, звери блудили от своих детенышей и люди блудили от своих балаганов. По истечении трех лет у семидесятипятиголово-

го Дарда-шара-мангатхая серое сердце бьется, тонкие ребра гнутся и в обоих глазах темнеет, и царь Баян-Хара начинает побеждать семидесятипятиголового Дарда-шара-мангатхая. Он складывает его как войлок, подбирает его как хубсур. Беря на правую сторону, бросает о землю; тогда в западной тайге сухое дерево ломается и сырое дерево гнется, беря на левую сторону, бросает о землю, тогда в восточной тайге сухое дерево ломается и сырое дерево гнется. Тогда семидесятипятиголовый Дарда-шара-мангатхай, как козел крича, плачет и как козуленок пища, плачет. Царь Баян-Хара свалил на землю семидесятипятиголового Дарда-шара-мангатхая, отрубил ему среднюю голову и убил. Потом таежные деревья с вершинами собрал и лесные деревья с корнями собрал и тело семидесятипятиголового Дарда-шара-мангатхая сжег; сделал березовую лопату, оставшиеся пепел и кости разбросал к северу и, сделав осиновую лопату, оставшиеся пепел и кости разбросал к югу. Потом поймал желтого, с язвами на спине, коня и тоже убил. Потом царь Баян-Хара говорит:

– Непобедимого врага победил и неколимого годовалого жеребенка заколол!

После этого Баян-Хара едет далее и думает думу, что пошевелил гнездо осы, постоянную войну затеял, пошевелил гнездо комаров, всех неприятелей задел.

– С этого времени с вершины высокой горы не сойдет туман, головы моей не минует война!

На пути своем царь Баян-Хара поднимается на одну высокую гору; поднявшись на ее вершину, он слезает с коня и, сидя, курит трубку, в это время он смотрит вдаль туда и сюда и вдали видит три медных дворца, которые блестят. Покурив, он сел на железно-вороного коня и спустился под гору. Потом поехал по направлению к трем медным дворцам.

Приехав к первому медному дворцу, слез с коня и входит во дворец; там сидит одна большая черная баба Эмэ-хара-мангатхай и мнет изюбревую кожу; у этой бабы верхние веки глаз падали на нос, а нижние веки глаз падали на щеки; верхняя губа падала на нижнюю челюсть, а нижняя губа падала на груди, груди падали на брюхо, а брюхо падало на колени. Такая страшная баба Эмэ-хара-мангатхай сидела. Она подняла верхние веки глаз и посмотрела на царя Баян-Хара. После этого верхние веки глаз подперла деревом толщиной в столб и говорит:

– Ты не радуйся, что победил моего сына. Не пройдет ночи, я порву твою жизнь, не пройдет дня, оторву твои суставы.

Говоря так, она встала и бежит к нему, держа в руке хэдэргэ¹. Тогда царь Баян-Хара побежал к двери; когда он одной ногой шагнул через порог на улицу, а другая нога была еще во дворце, догнала его баба Эмэ-хара-мангатхай, удари-

---

¹ Х э д э р г э – зубчатая линейка, которою мнут, выдeldывая, шкуру.

ла его хэдэргэем и с головы до ног рассекла на две части; из одной половины сделала птицу ястреба, из другой половины сделала птицу сокола. Птиц ястреба и сокола заставила летать, кружась над воротами, и они стали кружиться над воротами двора бабы Эмэ-хара-мангатхай. Потом баба Эмэ-хара-мангатхай вышла на улицу, подошла к железно-вороному коню, ударила его хэдэргэем и тоже пересекла на две половины, как и его хозяйина, и из каждой половины сделала по собаке; этих сделанных двух собак привязала к воротам. После этого она говорит:

– Безрогий молодец! Непобедимого неприятеля победила и неколимого годовалого жеребенка заколола.

Эмэ-хара-мангатхай вошла во дворец и по-прежнему начала выделывать изюбровую кожу.

Жена царя Баян-Хара тринадцатилетняя Урма-гохон со своими подданными и разным скотом по черточке ехала и, где сделаны кружки, там ночевала; так едя, приехала к дворцу своего мужа; там никого не было. Она большим удивлением удивилась, что мужа ее, царя Баян-Хара, нет дома. Она всех своих подданных поселила на местах, разный скот пустила пастись на пастьбу на северную сторону Алтая и на возвышенные места Хохоя. Она поправила свой дворец, в котором и живет. Через несколько времени она родила сына, у которого верхняя часть тела золотая, а нижняя часть серебряная. Когда родился сын, тогда царица Урма-гохон приказала бить в золотой барабан, собрать северных подданных и бить в серебряный барабан, собрать южных подданных. Когда побили в золотой барабан, собрались северные подданные, и побили в серебряный барабан, собрались южные подданные. Царица Урма-гохон выпустила, как озеро, много вина и, как бугор, мяса. Тогда все подданные в течение восьми дней сделали веселый пир и в течение девяти дней сделали большой пир. В это время царица Урма-гохон на отдельный стол поставила самые лучшие и вкусные блюда и говорит:

– Кто новорожденному сыну моему даст имя, тот будет есть это кушанье.

Никого не находится, кто бы дал новорожденному имя. В это время входит один старик, который имеет бороду до земли, тоненькую-претоненькую; он имеет шляпу, у которой верхушка в дырах, и чирки без подошв. Этот старик, входя во дворец, стоящим и сидящим людям говорит:

– Кто бы ни был, кто даст имя новорожденному сыну, может поесть эту пищу?

Тогда этому старику говорят: «Всякий».

Этот старик прямо подходит к столу, садится за стол и ест поставленную пищу. Когда кончил есть, встает из-за стола и говорит:

– Сына царя Баян-Хара будут звать Алтан-Жоло-мэргэн.

Потом этот старик выходит из дворца на улицу и уходит. Все собравшиеся подданные на десятый день едва-едва разошлись по домам.

Этот новорожденный сын, Алтан-Жоло-мэргэн, переночевав одну ночь, не может поместиться в коже годовалого барана¹ и не наедается молоком одной коровы, а переночевав две ночи, не может поместиться в коже двухгодовалого барана и не наедается молоком двух коров. С каждым днем растет все больше и больше и, ночь пройдет, делается все выше и выше. Через несколько времени уже выходит на улицу, шагает впопад, невпопад, шатаясь направо и налево. Так этот мальчик, Алтан-Жоло-мэргэн, растет все выше и выше и начинает играть со своими ровесниками. Однажды другие мальчики, ровесники Алтан-Жоло-мэргэна, поколотили его, говоря:

– У тебя нет отца!

Тогда Алтан-Жоло-мэргэн заплакал, со слезами пришел домой и жалуется матери, что его поколотили другие мальчики-ровесники, говоря, что у него нет отца.

– Где мой отец? Скажи!

Тогда царица Урма-гохон говорит своему сыну:

– У тебя нет отца. Какого отца спрашиваешь?

На другой день Алтан-Жоло-мэргэн опять ушел играть с другими мальчиками-ровесниками; к концу игры его опять поколотили мальчики-ровесники, говоря:

– У тебя нет отца!

Алтан-Жоло-мэргэн, плача, со слезами приходит домой и жалуется матери, что его опять другие мальчики-ровесники поколотили, говоря: у тебя нет отца.

– Где мой отец? Скажи!

Тогда царица Урма-гохон говорит своему сыну:

– У тебя нет отца. Какого отца ты спрашиваешь?

Алтан-Жоло-мэргэн не отстает от матери, все спрашивает:

– Скажи, где мой отец?

Тогда Урма-гохон говорит своему сыну:

– Отец твой побежден (бабой) Эмэ-хара-мангатхай; она обратила твоего отца в птиц – ястреба и сокола, которые, кружась, летают над воротами ее двора, а железно-вороного коня его обратила в двух собак, которые стоят, привязанные к ее воротам. Ты еще очень молодой; не можешь еще воевать с (бабой) Эмэ-хара-мангатхай, которая очень сильная неприятельница; у тебя еще мясо мягко и кости еще хрящи.

Тогда Алтан-Жоло-мэргэн говорит своей матери:

– Пойду просить у своего создавшего создателя и у творившего творца кезде приятного коня, в войне держать приятные доспехи и к надеванию приятное платье.

---

¹ Буряты и монголы для грудных детей вместо пеленок употребляли овчины.

После этого он пешком отправился к трем горам Монгото-ула и, поднявшись на самую вершину, начал кричать, призывая:

Табихан табилга мини,	Творивший творец мой,
Заяһан заябари мини,	Создавший создатель мой,
Барулама тэнгэри	Западные тэнгэрины –
Табин табан тэнгэри,	Пятьдесят пять тэнгэринов,
Ахалха ехэ тэнгэри	Старший и большой тэнгэри
Хан Тюрмас тэнгэри,	Хан-Тюрмас-тэнгэри,
Минган саган бурхан,	Тысяча белых бурханов,
Ахалха Манзан Гормо отодо –	Постарше бабушка Манзан Гормо –
Газар дэрэ ху заяһан хойно	После создания человека на земле
Унаха тата морин мини	К езде приятного коня моего,
Барьха тата тонок мини	К держанию приятное оружие мое,
Омотхо тата хубсаһан мини	К надеванию приятное платье
Огыги!	Дайте!

Так крича, призывал Алтан-Жоло-мэргэн; от крика верхнее обитаемое небо гудело и нижняя обитаемая земля тряслась. Тогда пятьдесят пять тэнгэринов услышали призывание и собрались на луне, сделали на ней хороший суглан¹ и собрались на Плеядах, сделали на них меткий суглан. Во время суглана открыли материнское желтое священное писание и читают в нем, что внизу, на земле, созданный ими Алтан-Жоло-мэргэн просит у них, создателей своих, коня, оружие и одежду. Когда прочли, то скоро и быстро приготовили к надеванию приятное платье, к держанию приятное оружие и к езде приятного коня, тело которого было восемьдесят сажен длиною, а масть золотисто-соловая, оседлали коня серебряным седлом, обнуздали сплошь-серебряным недоуздом и, как ребро, серебряной уздой; в торока привязали всю одежду и оружие и отправили его на землю, волочащим поводья по земле. Тогда западные пятьдесят пять тэнгэринов говорили:

– Если ты хороший мужчина, то поймаешь этого коня и будешь на нем ездить, а если худой мужчина, то ходи пешком!

В это время Алтан-Жоло-мэргэн, превратившись в трехгодовалый сухой конский кал, лежит в траве. Золотисто-соловый конь спустился с неба на гору Гурбан-Монгото-ула и ходит взад и вперед. Когда золотисто-соловый конь проходил мимо лежащего Алтан-Жоло-мэргэна близко, Алтан-Жоло схватил волочившийся повод и вскочил на ноги; так он поймал своего золотисто-солового коня и вывязывал из торок всю одежду и надел на себя; оказывается, эта одежда в пору ему в зимнее время, а летом немного тяжеловата. Алтан-Жоло-мэргэн говорит:

— Ладно, мужчина развивается, а войлок вытягивается.

---

¹ С у г л а н – народное собрание, сходка.

После этого он берет разное оружие и надевает на себя, и все впору, как раз. Потом берет желтый лук бухарь и натягивает его; в летнее время в самый раз, а в зимнее время немного туговат. Тогда Алтан-Жоло-мэргэн говорит:

— Мужчина развивается, а войлок вытягивается.

После этого Алтан-Жоло-мэргэн положил ногу в серебряное стремя и сел верхом на золотисто-солового коня, который, отскакивая от земли дыбом, бьется. Алтан-Жоло-мэргэн с проворной ловкостью удержался на нем; потом конь, до неба отскакивая, бьется; Алтан-Жоло-мэргэн с проворной ловкостью удержался на нем; тогда золотисто-соловый конь перестал сбрасывать с себя. Алтан-Жоло-мэргэн спрашивает своего коня:

— Отчего ты так сильно сбрасываешь меня с себя?

Золотисто-соловый конь отвечает:

— Когда три раза обегаю трехгодовую землю, тогда не успеет свариться мясо трехгодовалого кладеного барана, и когда обегаю четырехгодовую землю, тогда не успеет свариться мясо четырехгодовалого кладеного барана.

Потом золотисто-соловый конь спрашивает своего хозяина:

— Почему ты удержался на мне? Какую имеешь силу?

Тогда Алтан-Жоло-мэргэн говорит:

— Человек, имеющий большой палец, не одолеет меня, и люди, имеющие плечи, не выберят меня на этой земле.

Они между собою говорят:

— Мы сошлись равные.

После этого Алтан-Жоло-мэргэн на золотисто-соловом коне приезжает домой к своей матери. По приезде отпустил своего коня пастись на северную сторону Алтая и пастись на возвышенных местах Хохоя, а сам живет и, отдыхая, поправляется для дальней дороги, чтобы воевать с сильной и непобедимой неприятельницей — Эмэ-хара-мангатхай.

Некоторое время спустя Алтан-Жоло-мэргэн собирается в дорогу, обрванное вставляет и разорванное починяет, потом выходит на улицу, крича, призывает своего золотисто-солового коня, который в это время пасся на северной стороне Алтая. Золотисто-соловый конь правым ухом услышал призыв своего хозяина и говорит:

— Это голос моего хозяина. Зачем он зовет меня? Ближние неприятели приехали или дальние войска приехали воевать?

Как большие рукава, уши взад и вперед шевеля, слушает. Так стоя, фыркнул, туман сделался. Ногою порыл землю, сделал пыль. В обхват большую гриву на спину забросив и толстый длинный хвост на крестец забросив, прибежал домой, остановился у серебряной коновязи и звонко ржет. Тогда Алтан-Жоло-мэргэн выходит из дворца, сплошно-серебряным недоуздом недоуздывает, и, как ребро, серебряной уздой взнуздывает золотисто-солового коня и привязывает его на лед, копыто делает круглым, привязывает на гальки, копыта делает твердыми. В это время горстью травы кормил и чашкою воды поил. Потом на

золотисто-солового коня положил шелковый потник, оседлал его серебряным седлом, десятью подпругами натуго подтянул и двадцатью подпругами крепко-накрепко подтянул. После этого шелковый повод привязал к серебряной коновязи и, сказав:

— Приготовление коня кончилось! — бегом входит во дворец. Тогда мать его, Урма-гохон, подвинула золотой стол, на который поставила вкусную пищу, и подвинула серебряный стол, на который поставила действительно вкусную пищу.

Алтан-Жоло-мэргэн как птица, поклевал, как волк поглотал эту пищу. Навешись, вышел из-за стола и начал одеваться, на красное тело надел шелковую рубаху,сверх нее надел шелковую шубу, которую надевают в летнее время, а сверх этой надел шелковую шубу, которую надевают в зимнее время; еще сверху надел непромокающий в семидесятисуточное ненастье и непробиваемый семьюдесятью наконечниками стрел, как уголь черный доспех¹, после этого взял нужное на войне оружие и навесил на себя. Потом говорит: «Приготовление тела окончилось!» После этого выходит на улицу, подходит к серебряной коновязи, отвязывает шелковый повод, кладет ногу в серебряное стремя, садится на золотисто-солового коня и уезжает прямо на южную сторону. Мать его, царица Урма-гохон, вышла за ним на крыльцо и смотрит, как он поехал; у основания серебряной коновязи с горсть земли запылилось, вдали за хребтом красная кисть его шапки мелькнула, так он исчез из виду. Тогда она думает:

— Хорошо родиться от человека такому молодцу и хорошо родиться от кобылы такому жеребенку!

Так она, думая, стояла.

Алтан-Жоло-мэргэн едет прямо на южную сторону по направлению к Эмэ-хара-мангатхай. На пути, когда поет птица соловей, он думает, что настало летнее время, лисью легкую шапку к затылку подвигая, рысит, и когда стрекочет пестрая сорока, думает, что настала зима, лисью легкую шапку ко лбу придвигая, рысит. Так рыся, ехал. Когда он доехал до половины пути, он слез с золотисто-солового коня, обратил его в рублевую серебряную монету и положил в карман, а сам обратился в желтую осу и полетел к трем медным дворцам (бабы) Эмэ-хара-мангатхай. Прилетел к трем медным дворцам и сел на самом левом дворце, смотрит и изучает характер и волшебство (бабы) Эмэ-хара-мангатхай. Он сидит тут в продолжение трех лет; все это время каждый день он следил и изучал. В один день в этот дворец входит одна красивая и молодая девица с восемьюдесятью восемью косами; она, кружась, поет песни. Тогда Алтан-Жоло-мэргэн спустился во дворец, обратился в человека и спрашивает у этой девицы:

---

¹ Панцирь? (Г. Потанин).

— Откуда ты и как тебя зовут?

Эта девица говорит:

— Я дочь трех лам Соржи, живущих на вершине горы Монгото-ула. Меня зовут Нарин-Зала-абахай. Меня хотела проглотить Эмэ-Хара-мангатхай, но я вместо ее рта попала в этот двор; если б я попала ей в рот, она проглотила бы меня. Ты откуда и как тебя зовут?

Тогда Алтан-Жоло-мэргэн говорит:

— Я сын царя Баян-Хара, я Алтан-Жоло-мэргэн, приехал сюда, чтобы, победив Эмэ-хара-мангатхай, освободить своего отца.

Тогда Нарин-Зала-абахай говорит ему:

— Ты мой суженый жених; отцы мои, три ламы Соржи, говорили мне, что я должна выйти замуж за сына царя Баян-Хара, за Алтан-Жоло-мэргэна. Эмэ-хара-мангатхай — непобедимая неприятельница; как ты ее победишь?

После этого Алтан-Жоло-мэргэн выходит из этого медного дворца и бегом входит в самый правый дворец, в котором сидит сама Эмэ-хара-мангатхай и выделяет скуру изюбра; у Эмэ-хара-мангатхай верхние веки глаз падали на нос, нижние веки глаз падали на щеки, верхняя губа падала на нижнюю челюсть, нижняя губа падала на груди, груди падали на брюхо и брюхо падало на колени. Такая страшная баба была Эмэ-хара-мангатхай, которая сидела в правом медном дворце. Она верхние веки глаз подняла, видит Алтан-Жоло-мэргэна и говорит ему:

— Имеющий отца человек за отцом приехал. Не пройдет день, суставы твои оторву, не пройдет ночь, жизнь твою оторву.

Так говоря, она веки глаз подперла деревом толщиной в столб; встала с места и, держа в руке чугуно-серебряный хэдэргэ, бежит к нему. Тогда Алтан-Жоло-мэргэн подбежал к ней навстречу, схватил ее за обе косы и начал воевать. Они воевали во дворце; проломив во время борьбы северо-западный угол дворца, вышли на улицу, где воевали в продолжение трех суток, далее воевали в продолжение девяти суток, не могут друг друга победить; в продолжение трех месяцев воюют, не могут победить друг друга; ровным ровно воюют и в продолжение трех лет. В это время они вперед упирались, красных гор понаделали, назад лягались, серых гор понаделали; так они воевали. В это время на земле сделались такие сильные туман и пыль, что птицы блудили (и не находили) своих гнезд и птенцов, звери блудили (и не находили) своих детенышей и люди блудили, (не находя) своих балаганов. Так воюя, они боролись. В это время Эмэ-хара-мангатхай говорит девице Нарин-Зала-абахай:

— Ты была суженой моего сына. Кому думаешь добро, тому бросай белое просо, а кому думаешь зло, тому бросай черное просо!

Тогда Нарин-Зала-абахай Алтан-Жоло-мэргэну бросает белое просо: Алтан-Жоло-мэргэн от белого проса делается сытым и еще сильнее прежнего. Нарин-Зала-абахай к бабе Эмэ-хара-мангатхай бросает черное просо, от которого силы той убывают, и она скользит. На исходе третьего года Алтан-Жоло-мэргэн едва-едва бабу Эмэ-хара-мангатхай свалил на землю и

распорол ей брюхо. Через распоротое брюхо из нутра ее вышли во множестве звери, птицы и люди, едущие в телегах, верхом на конях и пешие. Звери убежали в лес, птицы улетели, люди разъезжаются в разные стороны и говорят между собою:

— Я такого-то царя подданный!

— Я в такой-то местности живу!

И все они благодарят Алтан-Жоло-мэргэна, которому желают добра, чтобы он до скончания века всегда побеждал своих неприятелей.

После этого Алтан-Жоло-мэргэн с девяти тайг взял бересту и с источников девяти ключей взял воду, потом поймал ястреба и сокола, которые, кружась, летали над воротами, освятил их берестой и вымыл водой из девяти ключей; тогда сокол и ястреб, соединившись, опять сделались царем Баян-Хара. После этого привязанных к воротам двух собак также освятил берестой и вымыл ключевой водой, тогда из двух собак сделался железно-вороной конь. Потом царь Баян-Хара узнал сына, сильно обрадовался и говорит ему:

— Ты непобедимого врага победил и неколимого жеребенка заколол.

После этого тело убитой бабы Эмэ-хара-мангатхай сожгли, таежные деревья привезли с вершинами и лесные деревья привезли с корнями; оставшиеся кости и пепел, сделав березовую лопату, повеяли к югу.

Потом Алтан-Жоло-мэргэн женился на девице Нарин-Зала-абахай. После этого они взяли весь скот и имущество убитой бабы Эмэ-хара-мангатхай, не оставляя обрывка ремня и обломка ножа. Все забрав, приехали домой.

Когда приехали домой, видят, что у них все взято в плен и угнано, только черный ворон кричит и желтая лисица лает. Около дворца вырос черный пырей до седла лошади. Так стоят царь Баян-Хара с сыном Алтан-Жоло-мэргэном, большим удивлением удивляются, большим дивом дивятся. Входя во дворец, отец с сыном говорят:

— Чей сын и чей потомок заполонил и угнал все?

Царь Баян-Хара, войдя во дворец, говорит:

— Прежде моя жена Урма-гохон-хатан была умницей. Она, должно полагать, оставила какой-нибудь знак.

С этими словами царь Баян-Хара выдернул в очаге северо-западный подставной камень (д о л и) и смотрит: там лежит бумага величиною с подол; взяв эту бумагу, читает. Там написано: «Все заполонил и угнал с дальней далекой страны прибывший, в северо-восточной стороне живущий «С рогами желтый мангатхай»¹, который — непобедимый воин и неодолимый неприятель. За мной не приезжайте! Если будете живы, то найдется добро». Царь Баян-Хара, прочитав эту бумагу, сильно рассердился и говорит:

— Чей сын, родившись бабою, должен сидеть дома, лишившись жены, всех подданных и разного скота? Чей сын, родившись мужчиною, должен безнаказанно заполнить чужую жену, чужих подданных и угнать чужой скот?

¹ По-бурятски: О борто-шара-мангатхай? (Г. Потанин).

После этого все обставили по-прежнему и пригнанный скот пустили пастись на северную сторону Алтая и на возвышенные места Хохоя. Потом царь Баян-Хара с своим сыном Алтан-Жоло-мэргэном вдвоем поехали прямо на северо-восточную сторону в страну «С рогами желтого мангатхая». Когда они проехали половину пути, тогда «С рогами желтый мангатхай» большим узнанием узнал и большим разумом уразумел, что царь Баян-Хара с сыном своим Алтан-Жоло-мэргэном едут к нему с войною. «С рогами желтый мангатхай» говорит:

— Человек, имеющий жену, к жене едет, и человек, имеющий имущество, к имуществу едет, а сын его, имеющий мать, к матери своей едет. Входящее войско я должен встретить и уходящее войско я должен проводить!

После этого «С рогами желтый мангатхай» садится на своего красного пороза, идущего без повода, темно-бурого жеребца без узды ведет за собою. Так поехал навстречу. Приехав на вершину одной пади, «С рогами желтый мангатхай» слез с красного пороза и ложится на землю; нижней челюстью подпирает широкую землю, а верхней челюстью подпирает высокое небо; так лежа, втягивает в себя все и глотает. Царь Баян-Хара с сыном своим Алтан-Жоло-мэргэном, ничего не зная и не разумея, едут вперед. Когда приехали близко, то вдруг отделились от земли, как перышко полетели по воздуху и попали в рот «С рогами желтого мангатхая», который царя Баян-Хара между правыми коренными зубами немного пожевал; когда тот выбился из сил, «С рогами желтый мангатхай» вынул его изо рта, выдернул свой правый рог, положил в него царя Баян-Хара и рог вставил на прежнее место. После этого Алтан-Жоло-мэргэна пожевал между левыми коренными зубами; когда тот выбился из сил, «С рогами желтый мангатхай» вынул его изо рта, выдернул левый рог, положил в него Алтан-Жоло-мэргэна и рог вставил в прежнее место. После этого «С рогами желтый мангатхай» говорит:

— Непобедимых врагов победил и неколимого годового жеребенка заколол!

Потом он сел на красного пороза и приехал домой.

Когда царь Баян-хара с сыном своим Алтан-Жоло-мэргэном уехали воевать в страну «С рогами желтого мангатхая», в то время Нарин-Зала-хатан сделалась беременною, несколько времени спустя у нее родились два мальчика-близнеца; запеленав их, Нарин-Зала-хатан положила их, а сама легла; лежит и не в состоянии встать; никто из людей не входит во дворец.

В это время «С рогами желтый мангатхай» узнает, что у жены Алтан-Жоло-мэргэна родились два мальчика-близнеца, которые, если вырастут большими, то будут непобедимыми врагами и неодолимыми неприятелями. Он говорит:

— Надо раздавить их, пока они маленькие; нужно их уничтожить, пока они младенцы.

После этого он сел на своего красного пороза без повода и повел за собою без узды темно-бурого жеребца. Так он ехал. Когда «С рогами желтый мангатхай» проехал половину пути, только что родившиеся два мальчика-близнеца большим uznанием узнали и большим разумом уразумели, что едет к ним «С рогами желтый мангатхай», чтобы их еще маленьких убить. Они плачут и говорят:

— Если бы мы сосали немного материнского желтого молока, то были бы в состоянии избавиться от «С рогами желтого мангатхая».

Мать их, Нарин-Зала-хатан, никак не может встать, чтобы накормить грудью новорожденных своих двух мальчиков-близнецов; она лежала без сил. В это время «С рогами желтый мангатхай» приезжает ко дворцу и, соскочив с красного пороза, бегом входит во дворец, подходит к лежащим двум мальчикам-близнецам и хочет их взять. Он говорит:

— Безрогие молодцы! Пока вы маленькие, раздавлю вас! Пока вы младенцы, нужно уничтожить вас!

В это время Нарин-Зала-хатан говорит:

— Старик, старик! Подожди! Какой ты до старости лет без ума и какой же ты в кипячении без шей? Мы в твоих руках — никуда не уйдем. Они только что родились, материнского желтого молока еще не сосали. Если ты их убьешь, не дав сосать материнского желтого молока, то ты долго будешь чувствовать грех и в жизни ты не будешь счастлив.

Тогда «С рогами желтый мангатхай» говорит:

— Говорено верно и дума правдива.

После этого он женщину Нарин-Зала-хатан легко бьет собольим рукавом и, шлепая, бьет выдровым рукавом; от этого она выздоровела. Она встает с постели здоровою; тихо, плавно наступает, тонкая трава растет, нагибаясь, тихо шагает, овцы и козлы кричат; говорит до того, что на плоских плитах камня трава вырастает; говорит до того, что на черной воде образовались пенки. Так говоря и разговаривая, подвигает золотой стол, на который кладет вкусную пищу, и подвигает серебряный стол, на который кладет действительно вкусную пищу. «С рогами желтый мангатхай» как птица клюет и как волк глотает. В это время Нарин-Зала-хатан садится около двух своих мальчиков-близнецов, одного берет на правое колено, а другого на левое; так сидя, кормит их грудью. Эти родившиеся два мальчика-близнеца, сидя на коленях матери, сосут материнское желтое молоко. В это время «С рогами желтый мангатхай» большим знанием узнает и большим разумом уразумевает и говорит:

— Обманщица обманула, хитрая перехитрила.

Вскакивает с места и бежит к Нарин-Зала-хатан, чтобы отнять у нее родившихся двух мальчиков-близнецов, которых она кормит. Когда «С рогами

желтый мангатхай» прибежал к Нарин-Зала-хатан и хотел было схватить детей, один мальчик, обратившись в соловья, полетел вверх, а другой мальчик, обратившись в расплавленное белое серебро, ушел в очаг. Тогда «С рогами желтый мангатхай», обратившись в семь ястребов, погнался за соловьем, трехгодовую землю три раза облетел, четырехгодовую землю четыре раза облетел и высокое небо восемь раз облетел. В это время семь ястребов стали догонять соловья. Соловей упал на землю и обратился в три низкорослые черные березы в пади. «С рогами желтый мангатхай» обратился в семь баб хакши, которые начали рубить низкорослые черные березы на веники. Через долгое время семь баб хагши все березки вырубали постепенно, только осталась одна березка; хотели и ее срубить, но она обратилась опять в соловья, который полетел вверх. «С рогами желтый мангатхай» обратился в семь ястребов, которые погнались за соловьем; только ястребы хотели поймать соловья, как он обратился в семьдесят маленьких рыб, которые и ушли в море. Тогда «С рогами желтый мангатхай» обратился в семь тайменей, которые ушли в море, чтобы догнать семьдесят маленьких рыб и съесть их. Таймени догнали рыбок, шестьдесят девять из них проглотили и погнались за последнею; догнав, только хотели было проглотить ее, как эта оставшаяся маленькая рыба обратилась снова в соловья и полетела вверх. «С рогами желтый мангатхай» обратился в семь ястребов, которые погнались за соловьем; соловей полетел на гору Монгото-ула, через окно влетел во дворец трех лам Соржи и спрятался под подолом одного из них. Тогда «С рогами желтый мангатхай» спустился под гору Монгото-ула, на подошве которой сел верхом на своего красного пороза и поехал прямо домой.

Три ламы Соржи воспитывали этого внука и вырастили его большим; дали ему имя Алтан-Шагай-мэргэн, а брата его называли Монгон-Шагай-мэргэн¹. Когда Алтан-Шагай-мэргэн вырос большим, тогда три ламы Соржи дали ему золотое перо, на котором сидя, куда он хотел, туда и летел. Алтан-шагай-мэргэн, взяв от трех лам Соржи золотое перо, сел на него и прилетел домой к матери. Прилетев к дворцу, на улице слез с пера, положил его в карман, сам входит во дворец, в котором сидит его мать Нарин-Зала-хатан, пылью запылившаяся и в пепле выпепелившаяся. Алтан-Шагай-мэргэн вошел во дворец, сел около очага и курит табак. Его мать Нарин-Зала-хатан спрашивает его:

— Откуда ты и куда едешь?

Тогда Алтан Шагай-мэргэн говорит:

— Я табунщик царя Томо-Улана, три года тому назад потерял трехгодовалого верблюда и разыскиваю его, на каждую гору смотрю и спрашиваю в каждом царстве, не могу найти до сих пор. Вы не слышали ли о таком верблюде?

Его мать, Нарин-Зала-хатан, говорит:

---

¹ Алтан — «золотой», монгон — «серебряный», шагай — «бабка».

— Не слыхала. Так езда, ты не слыхал ли от людей, что сделалось с моими двумя сыновьями, из которых один обратился в соловья и полетел вверх, а другой обратился в расплавленное белое серебро, которое ушло в очаг? За ними погнался «С рогами желтый мангатхай».

Тогда Алтан-Шагай-мэргэн говорит:

— Не знаю. Будто слышал, что того сына, который обратился в соловья, «С рогами желтый мангатхай» догнал и проглотил его, а о другом не слыхал.

Нарин-Зала-хатан начинает плакать и говорит:

— Я думала, если они останутся живыми, то после когда-нибудь придут ко мне.

Тогда Алтан-Шагай-мэргэн пожалел свою мать, не стал долго шутить над нею и открылся ей, что он ее сын и вырос у трех дедов (н а г а с а), лам Соржи, и теперь приехал к ней, чтобы жить с ней вместе. Мать его, Нарин-Зала-хатан, обвив руками его тонкую шею, поцеловала его и, обвив его толстую шею, поцеловала его. Она так сильно обрадовалась, что встав, не знала, что встала и, сев, не знала, что села. После этого Алтан-Шагай-мэргэн вне дворца и во дворце все поправил и сделал по-старому, как прежде было. Потом, когда поправилась его мать Нарин-Зала-хатан и сделалась по-прежнему, Алтан-Шагай-мэргэн говорит ей:

— Теперь пойду искать младшего брата, где он находится.

Собравшись, пошел искать своего брата; идя, находит старый след червяка, по которому идет в продолжение двадцати лет; след червяка сделался следом мизгиря, по следу мизгиря идет десять лет; след мизгиря сделался следом горностая, он идет по следу горностая; след горностая сделался следом хорька, он идет по следу хорька, пока он не сделался следом зайца; он идет по следу зайца, который потом сделался следом лисицы; он идет по следу лисицы, который сделался потом следом медведя; он идет по следу медведя, след медведя сделался следом змея; Алтан-Шагай-мэргэн идет по следу змея, след этот ушел в яму; по следу змея и Алтан-Шагай-мэргэн уходит в яму и в ней следит след змея. Спустившись вниз по этой яме, он вышел в нижнюю обитаемую землю. На нижней обитаемой земле, стоя на одной высокой горе, он смотрит вдаль туда и сюда и видит: вдали, на берегу синего моря, стоит один дворец, во дворе которого стоит большое корыто с водой. Из этого дворца выходит молодой человек, подходит к корыту, ложится в него и, покатавшись в корыте, делается большой змеей Абарга-мого. Эта большая змея Абарга-мого вползает в синее море, которое после этого начинает сильно волноваться, выходит из берегов и пенится белой пеной.

Алтан-Шагай-мэргэн спустился с этой высокой горы, дошел до этого дворца и вошел в него; там на столе стоит приготовленная пища. Он поел все, потом ушел в подполье и, спрятавшись там, лежит.

Через несколько времени большая змея Абарга-мого выходит из синего моря, подходит к корыту и, покатавшись в нем, делается по-прежнему молодым человеком. Это человек входит во дворец; на столе ничего не оказывается, все съедено. Тогда этот молодой человек начинает искать и в подполье находит Алтан-Шагай-мэргэна. Оба они выходят из подполья и начинают воевать друг с другом; во время борьбы они проломили юго-западный угол дворца, вышли на улицу и, борясь на просторе, воюют друг с другом равным равно. В это время в середину между ними падает сверху письмо. Они читают его; в этом письме написано, что они оба родные братья, что они дети Алтан-Жоло-мэргэна: старший из них Алтан-Шагай-мэргэн, а младший — Монгон-Шагай-мэргэн. Тогда они узнали, что они родные братья и перестали воевать. После этого Алтан-Шагай-мэргэн говорит своему младшему брату Монгон-Шагай-мэргэну:

— Почему ты здесь живешь, не едешь домой?

Монгон-Шагай-мэргэн говорит старшему брату:

— Как только я сюда пришел, стал воевать с одной большой змеей Абарга-мого и никак не могу победить ее до сих пор.

Потом они сели на золотое перо, поднялись на верхнюю обитаемую землю и пришли домой.

Когда они пришли домой, Алтан-Шагай-мэргэн начал собираться в дорогу, в страну «С рогами желтого мангатхай», чтобы выручить своего деда, бабушку и отца. Монгон-шагай-мэргэн должен был остаться с матерью и беречь ее от неприятельского нападения.

Приготовившись к дороге, Алтан-Шагай-мэргэн сел на золотое перо и полетел прямо к северо-востоку и пролетел половину дороги. Тогда «С рогами желтый мангатхай» узнал, что Алтан-Шагай-мэргэн летит к нему с войною. Тогда «С рогами желтый мангатхай» говорит:

— Имеющий отца человек к отцу летит, имеющий деда и бабушку человек к деду и бабушке летит и имеющий подданных и скот человек к подданным и к скоту летит! Едущего неприятеля я должен встретить и отъезжающего неприятеля должен проводить!

Так говоря, «С рогами желтый мангатхай» сел на своего красного пороза без повода и поехал навстречу. На вершине одной пади он слез с красного пороза и лег на землю; нижней челюстью упираясь в обширную землю, верхней челюстью подпирая высокое небо, он начал втягивать в себя все и глотать. Тогда таежные деревья с вершинами влетают ему в рот и лесные деревья с корнями влетают ему в рот, звери и птицы тоже влетают ему в рот, и он всех проглатывает. Алтан-Шагай-мэргэн все летел на золотом пере, не зная ничего.

Когда прилетел близко, то полетел прямо в рот «С рогами желтого мангатхай». Попад в его разинутый рот, он немедля схватил черное колючее копые, воткнул его поперек гортани и кричит из горла:

— Старик, старик! Жуй!

«С рогами желтый мангатхай» остался с разинутым ртом. Тогда Алтан-Шагай-мэргэн взял свой булатный ножик и начал пилить затылок «С рогами желтого мангатхая», перепилил затылок насквозь и вышел вверх. Тогда взял «С рогами желтого мангатхая» за седые волосы одною рукою, а другою выдернул с корнями одну большую красную листовницу и начал ею бить его, а «С рогами желтый мангатхай» начал как козел крича, плакать и, как козуля пища, плакать. Тогда Алтан-Шагай-мэргэн спрашивает «С рогами желтого мангатхая»:

— Куда ты девал моих отца, деда и бабушку? Укажи их!

Тогда «С рогами желтый мангатхай», не вынося сильной боли, принужден был уступить: он из правого своего рога вынул его деда, царя Баян-Хара, и из левого рога вынул его отца, Алтан-Жоло-мэргэна и, еле живых, отдал ему. Тогда Алтан-Шагай-мэргэн до смерти добил «С рогами желтого мангатхая», таежные деревья собрал с вершинами и лесные деревья собрал с корнями и тело «С рогами желтого мангатхая» сжег на огне, оставшиеся кости и пепел, сделал березовую лопату, разбросал в северную сторону и, сделав осиновою лопату, разбросал в южную сторону. После этого Алтан-Шагай-мэргэн с девяти тайг взял бересту и из источников десяти ключей взял воду, берестой освятил своих отца и деда и ключевою водою вымыл их; тогда они стали по-прежнему. После этого они втроем поехали к дому «С рогами желтого мангатхая», который жил в черном железном дворце, на все стороны по шестидесяти верст. Когда они приехали, то едва-едва нашли Урма-Гохон-хатан; она была заперта в железный амбар без двери; в этот амбар были заперты три зимних холода, соединенных в один холод; кормили ее, спуская пищу в амбар по желобу.

Железный амбар сломали и выпустили Урма-Гохон-хатан, которая (от сиденья в амбаре) сделалась маленькой как ребенок. Царь Баян-Хара съездил за берестой к девяти тайгам и из источников девяти ключей взял воду; по приезде привезенной берестой из девяти тайг освятил Урма-Гохон-хатан, а потом вымыл ее водою из девяти ключей. Тогда она сделалась по-прежнему красива и умна.

После этого они втроем подожгли черный железный дворец «С рогами желтого мангатхая»; всех подданных, разный скот, золото и серебро взяли, не оставив ни обрывка ремня, ни обломка ножа; едва помещаясь со скотом в падах ехали, едва досыта напавшая скот в ручьях ехали; так едучи, приехали домой. Всех подданных поселили на прежних местах, весь скот пустили пастись на прежних местах, на северной стороне Алтая и на возвышенных местах Хохоя. А сами живут счастливо и богато.

Ан нуга ашта, бурханда туше!

Напечатано в «Балаганском сборнике», Труды ВСОРГО, т. V, Томск, 1903, стр. 122-152.

АНГАХАЙ-МЭРГЭН

В прежнее время жил один парень, который был сирота и был очень сильный; он родился таким сильным. Его звали Ангахай-мэргэн. Он не мог удержать свою силу, пошел странствовать по разным землям и разыскивать других сильных людей. Раз он ходил по одной неизвестной местности и видит, что один сильный человек выдергивает растущие листовенницы; хватая их за верхушки и выдернув с корнями, он бросает их на сторону. Поздоровавшись с ним, Ангахай-мэргэн спрашивает:

— Как тебя зовут?

Тогда этот неизвестный и сильный человек отвечает:

— Меня зовут Шонхоши-бохо¹.

Ангахай-мэргэн спрашивает:

— Ты родился таким сильным человеком?

Шонхоши-бохо отвечает:

— Если бы ты видел самого Ангахай-мэргэна, что бы ты тогда сказал?

Ангахай-мэргэн говорит:

— Побратаемся и будем жить, ходить и помогать друг другу.

После этого они сделались братьями и далее пошли вместе. Они ходили по разным местам и однажды подходят к одному человеку, который выдергивает большие сосны; хватая сосны за верхушки и, выдернув с корнями, бросает в разные стороны. Они поздоровались с ним. Ангахай-мэргэн говорит:

— Какой ты сильный человек! Выдергиваешь сосны с корнями и бросаешь в разные стороны!

Тогда этот неизвестный человек говорит:

— Если б вы увидели самого Ангахай-мэргэна, то что сказали бы?

Ангахай-мэргэн спрашивает его:

— Как тебя зовут?

Тогда этот человек говорит:

— Меня зовут Наршаши-бохо.

Тогда Ангахай-мэргэн говорит:

— Побратаемся! Будешь ли ходить с нами вместе?

Наршаши-бохо согласился. Все трое побратались. Ангахай-мэргэн сделался старшим братом, Шонхоши-бохо средним братом и Наршаши-бохо младшим братом. Все они втроем пошли в тайгу и выстроили в ней дом; в этом доме они жили и охотились за зверями, мясом которых они питались. Они охотились поочередно; один остается домовничать, а двое охотятся на зверей. Однажды два старшие брата Ангахай-мэргэн и Шонхоши-бохо пошли охотиться на зверей, а домовничать остался младший брат Наршаши-бохо, который вечером к приходу старших братьев должен был приготовить ужин. Наршаши-бохо вечером варит ужин, а сам сидит, заложив дверь на крюк, дожидаясь возвращения

---

¹ Б о х о — «силач».

своих старших братьев. Мясо сварилось совсем. В это время один неизвестный человек подходит к двери и кричит:

— Отвори дверь!

Наршаши-бохо кричит:

— Не отворю, убирайся далее!

Тогда неизвестный человек говорит:

— Если не отворишь, то сломаю дверь и войду в дом.

Наршаши-бохо говорит:

— Не отворю.

Тогда неизвестный человек опять кричит ему:

— Отворяй дверь, а то сломаю!

После этого он дернул дверь так сильно, что крючок сломался; входит неизвестный человек, старик вышиною с четверть, борода его длиннее четверти, а глаза его величиною с чашку; такой маленький старик вошел в дом и говорит:

— Парень, дай мне поесть мяса.

Наршаши-бохо говорит:

— Не дам тебе мяса; едва сам приготовил и сварил его к приходу двух старших братьев.

Тогда этот неизвестный старик говорит:

— Если не дашь мяса, то силою отберу и съем.

Наршаши говорит:

— Не дам тебе мяса! Убирайся вон отсюда!

Тогда этот неизвестный старик достает без позволения мясо из котла и говорит:

— Буду есть мясо!

Тогда Наршаши-бохо с неизвестным стариком начал бороться и воевать. Через несколько времени неизвестный старик победил Наршаши-бохо. Этот неизвестный старик, подняв угол дома, сунул туда побежденного Наршаши-бохо и прижал его между углом и землей, а сам съел все мясо и ушел.

После его ухода Наршаши-бохо едва вырвался и освободился из-под угла дома, под которым был прижат. Освободившись из-под угла, он начал снова варить мясо. В это время пришли с охоты два старших брата, Ангахай-мэргэн и Шонхоши-бохо, и говорят:

— Как ты поздно начал варить мясо! Еще не сварилось до сих пор.

Наршаши-бохо говорит:

— С утра у меня заболела голова. Оттого я поздно сварил мясо.

Когда сварилось мясо, они съели его и легли спать.

На другое утро домовничать остался средний брат Шонхоши-бохо, а Ангахай-мэргэн и Наршаши-бохо пошли на охоту. Шонхоши-бохо к вечеру сварил мясо, дверь запер на крюк, а сам сидит, дожидаясь возвращения двух братьев. В это время один неизвестный человек подходит к двери и кричит:

— Отвори дверь!

Шонхоши-бохо в ответ кричит ему:

— Не отворю! Убирайся далее!

Тогда неизвестный человек говорит:

— Если не отворишь, то сломаю дверь и войду в дом.

Шонхоши-бохо говорит:

— Не отворю!

Тогда неизвестный человек опять кричит ему:

— Отворяй дверь, а то сломаю!

Потом он дернул дверь так сильно, что крючок сломался; входит неизвестный человек, старик вышиною с четверть, борода его длиною более четверти, а глаза его величиною с чашку. Такой маленький старик вошел в дом и говорит:

— Парень, дай мне поесть мяса!

Шонхоши-бохо говорит:

— Не дам тебе мяса; едва сам приготовил и сварил мясо к приходу двух старших братьев.

Этот неизвестный человек говорит:

— Если не дашь мяса, силой отберу и съем.

Шонхоши-бохо говорит:

— Не дам тебе мяса! Убирайся вон отсюда!

Этот неизвестный старик без позволения достает из котла мясо и говорит:

— Буду есть мясо!

Тогда Шонхоши-бохо с неизвестным маленьким стариком начал бороться и воевать; через несколько времени неизвестный маленький старик едва-едва победил Шонхоши-бохо, подняв угол дома, едва засунул его туда и прижал в углу, потом съел все мясо и ушел.

После ухода старика Шонхоши-бохо едва-едва вырвался и освободился из-под угла дома, под которым был прижат. Освободившись из-под угла, он снова начал варить мясо. В это время пришли с охоты два брата, Ангахай-мэргэн и Нарнаши-бохо, и говорят:

— Как ты поздно начал варить мясо! Оно еще не поспело.

Шонхоши-бохо говорит:

— С самого утра у меня болит голова. Оттого я поздно сварил мясо.

Когда сварилось мясо, они съели его и легли спать.

На другое утро домовничать остался старший брат Ангахай-мэргэн, а двое младших братьев Шонхоши-бохо и Нарнаши-бохо пошли на охоту.

Ангахай-мэргэн к вечеру сварил мясо, дверь запер на крюк, а сам сидит, ожидая возвращения двух младших братьев. В это время один неизвестный человек подходит к двери и кричит:

— Отвори дверь!

Ангахай-мэргэн в ответ кричит:

— Не отворю! Убирайся далее!

Тогда неизвестный человек говорит:

— Если ты не отворишь, то сломаю дверь и войду в дом.

Ангахай-мэргэн говорит:

— Не отворю!

Тогда неизвестный человек опять кричит ему:

— Отвори дверь, а то сломаю!

Потом он дернул дверь так сильно, что крючок сломался и входит неизвестный человек, старик вышиною с четверть, борода длиною более четверти, а глаза его величиною с чашку. Такой маленький старик вошел в дом и говорит:

— Парень, дай мне поесть мяса!

Ангахай-мэргэн говорит:

— Убирайся вон! Не дам тебе мяса! Я тебе не работник варить мясо!

Тогда этот неизвестный старик говорит:

— Если ты не дашь мяса, силою отберу и съем.

Он без позволения достает из котла мясо и начинает есть. Тогда Ангахай-мэргэн сильно рассердился на неизвестного старика и начал с ним бороться и воевать; через несколько времени Ангахай-мэргэн едва-едва победил старика, вытащил его на улицу и повесил на дерево за бороду. Сам вошел в дом, хорошенько сварил мясо и ждет двух младших братьев с охоты. Когда два младших брата пришли, они втроем начали есть сваренное мясо. В это время Ангахай-мэргэн говорит своим братьям:

— Я одного неизвестного старика повесил за бороду на дерево, идите и посмотрите на него.

Окончив есть мясо, братья вышли посмотреть на этого неизвестного старика, но он, оторвав бороду, ушел, на дереве осталась только его борода.

На другое утро втроем Ангахай-мэргэн, Шонхоши-бохо и Наршаши-бохо пошли по следам неизвестного старика, которые пришли прямо к одному большому, четырехугольному, величиною с быка, камню. Этот камень он своротил на сторону и сам ушел в яму под землю. Все трое достали много веревек, связали их одна к другой и Ангахай-мэргэн один конец веревки привязал вокруг своего тела и спустился в эту яму под землю, а два младших брата Шонхоши-бохо и Наршаши-бохо остались наверху ямы; держа другой конец веревки, они постепенно опускали Ангахай-мэргэна вниз в яму. Ангахай-мэргэн спустился в нижнюю землю (д о д о з а м б и), где точно такая же земля, как и наша. Когда он спустился на нижнюю землю, то отвязал конец веревки и пошел по нижней земле. Через несколько времени он обратился в комнатную муху и полетел прямо к дому мангатхая, влетел в его дом и подслушивает, что будет говорить мангатхай, который лежал с оторванной бородой и охал.

Этот мангатхай имел трех жен, которые тут же сидели. Мангатхай спрашивает у старшей жены:

— Ты какое имеешь превращение и что знаешь?

Тогда старшая жена говорит:

— К нам идет воевать Ангахай-мэргэн, который скоро придет и будет воевать с тобою. Я сделаю такой сильный жар, что лошадиный навоз будет кипеть от него; тогда я буду сидеть около дороги, по которой к нам придет Ангахай-мэргэн; около меня будет протекать ручей. Ангахай-мэргэн, проходя мимо меня, от сильного жара захочет пить воды; я предложу ему воду из ручья; когда он выпьет эту воду, тогда я ему сделаю одно.

Потом мангатхай спрашивает у средней жены:

— Ты какое имеешь превращение и что знаешь?

Тогда средняя жена говорит:

— Я сделаю сильный холод, от которого будут трескаться рога быка. В это время я буду сидеть около дороги, по которой придет к нам Ангахай-мэргэн, около себя разведу огонь. Когда Ангахай-мэргэн, проходя мимо меня, от холода замерзнет, тогда будет греться около моего огня; в это время я сделаю одно.

Потом мангатхай спрашивает у младшей жены:

— Ты какое имеешь превращение и что знаешь?

Младшая жена говорит:

— Я сделаюсь густым кустарником, таким, что тоненькая змея не может проползти в нем. Ангахай-мэргэн, подходя к густому кустарнику, вздумает вырубить себе черень для бича. В это время я сделаю одно.

Так разговаривая, сидят три жены с мужем мангатхаем.

Обратившийся в комнатную муху Ангахай-мэргэн, выслушав разговор мангатхая с тремя женами, вылетает из дома мангатхая, прилетает обратно и опять делается человеком по-прежнему. Сделавшись человеком, он пошел по направлению к дому мангатхая. В это время вдруг сделался такой жар, что лошадиный навоз закипел; на его дороге сидит одна женщина, около которой течет ручей. Ангахай-мэргэн проходит мимо этой женщины. Она кричит ему:

— Парень, парень! Подойди сюда! Я утоляю жажду жажущих. Выпей воды и утоли жажду.

Тогда Ангахай-мэргэн говорит ей:

— Я не хочу пить!

Он пошел далее. В это время сделался такой сильный холод, что растрескались рога быка; на дороге сидит одна женщина, около которой разведен огонь. Ангахай-мэргэн проходит мимо этой женщины, а она ему кричит:

— Парень, парень! Подходи к огню и грейся. Я замерзших от холода грею.

Тогда Ангахай-мэргэн говорит:

— Я не замерз.

Он пошел далее. На дороге стоит такая густая чаша кустарника, что через нее не проползет тоненькая змея.

Ангахай-мэргэн остановился было срубить один куст на черень бича, но в это время вспомнил слова младшей жены мангатхая и потому пошел далее. Потом он приходит к дому мангатхая, входит в дом; мангатхай лежит в нем больной.

Ангахай-мэргэн убил мангатхая, тело его сжег, оставшиеся пепел и кости березовою лопатою разбросал к северу и осиновою лопатою разбросал к югу. После этого он собрал все имущество мангатхая, взял трех жен и пошел обратно. Когда пришел к веревке, вперед привязал все имущество, взятое у мангатхая, и подергал веревку. Тогда вверху стоявшие два младших брата Шонхоши-бохо и Наршаши-бохо потянули веревку вверх, вытянули ее, отвязали с нее вещи, а веревку снова спустили вниз. Ангахай-мэргэн привязал к веревке старшую жену мангатхая и дернул веревку, а наверху стоявшие два младших брата вытянули веревку, вытащили старшую жену мангатхая и отвязали ее, а веревку снова спустили вниз. Ангахай-мэргэн к спущенной веревке привязал среднюю жену мангатхая и дернул веревку, которую братья тоже потащили наверх; вытащив среднюю жену, отвязали ее, а веревку снова спустили вниз. Ангахай-мэргэн привязал к ней младшую жену мангатхая и дернул веревку. Наверху стоявшие два младших брата вытащили наверх младшую жену мангатхая и отвязали ее, а веревку снова спустили вниз. На этот раз Ангахай-мэргэн привязал к веревке самого себя и дернул веревку, его потащили наверх. Когда его вытащили, он все имущество мангатхая разделил на три части: две части отдал двум младшим братьям, одну часть взял себе, двум младшим братьям отдал по одной жене, а себе оставил одну жену покрасивее. Так они трое женились и живут счастливо.

*Со слов бурята Бильширского инородческого ведомства
Хохинского рода Василия Иванова*

Напечатано в «Балаганском сборнике», Труды ВСОРГО, т. V, Томск, 1903, стр. 167-174.

VIII

СКАЗКИ

СТАРИК УХАНАЙ

Жил-был старик Уханай, имевший маленькую белую юрту, в которой жил сам и его семейство, и многочисленное стадо белых коров, пасшихся на неистощимых и вечно цветущих лугах и расплодившихся в таком огромном количестве, что Уханай давно потерял им счет, а из молока их накопил курунгу с озеро. У Уханая была жена по имени Сэскэл, а от нее сын — Дабхальжихан и дочь — Дагда, ходившие за отцовским стадом и оберегавшие его день и ночь. Однажды Уханай заснул и спал трое суток крепким сном. И снится ему, будто пришел какой-то непобедимый воин, пролил его курунгу с озеро величиной, сломал и опустошил белую юрту, победил и убил его сына, а тело сжег на костре, угнал его многочисленное стадо белых коров и увел его жену Сэскэл и дочь Дагду, так что он остался один безо всего в сломанной белой юрте. Проснувшись, Уханай увидел, что действительно сломана его белая юрта, в которой он спал, убит его единственный сын Дабхальжихан, угнано его многочисленное стадо белых коров, опрокинута и пролита его курунга с озеро величиной и похищены жена Сэскэл и дочь Дагда, а он остался один в сломанной юрте. Долго плакал старик, жалея семейство и стада, наконец, после девяти суток успокоился и пошел странствовать по белу свету, куда глаза глядят. Шел он, шел и нашел белую без мяса лопатку, нашел и говорит: «Все, что найдено на земле хорошо-го, пригодится мне». Затем, подняв лопатку, он разбил себе нос и, вымазав ее кровью, чтобы она казалась как бы с мясом, пошел дальше. По дороге он зашел к одному человеку. Тот и спрашивает его: «Ты откуда, старик, как тебя зовут и куда идешь?» — «Зовут меня Уханаем, — отвечает он, — местожительство мое на южной стороне, а иду я странствовать по белу свету». После этого старик остался пожить здесь и все время, пока жил, никогда не расставался со своей лопаткой; пойдет на улицу или куда-нибудь и лопатку с собой потащит. Видит это хозяин и спрашивает: «Отчего ты постоянно таскаешь с собой лопатку? Положил бы ее в наш котел, она и сварится с нашим мясом». — «Положить-то я, пожалуй, положу, — отвечал старик, — да боюсь, как бы ваш котел не съел ее. Тогда останусь без мяса». — «Наш котел не ест мясо, — возразил хозяин, — а если съест, то возьми за это наш котел».

Согласился старик, положил в котел лопатку и ждет, скоро ли она сварится. Когда стали вынимать сварившееся мясо, смотрят, а лопатка обмылась в воде и стала совсем белой. Вот старик и говорит хозяину: «Говорил я тебе, что ваш котел съест мое мясо! Что я теперь буду делать без мяса? Давайте теперь ваш котел!»

Нечего делать, отдал хозяин старику котел, хотя и удивился, каким образом котел, который прежде ничего не ел, теперь вдруг съел стариково мясо. А старик тем временем забрал котел и пошел дальше. Шел, шел и пришел к другому человеку. Тот принял его с радостью, как дорогого гостя, и спрашивает:

— Как тебя зовут? С какой стороны и куда идешь?

— Зовут меня Уханаем, — отвечал старик, — жил я на южной стороне, а теперь иду странствовать по белу свету.

Оставшись у этого человека, Уханай, как и прежде, повсюду начал таскать с собой котел. Вот хозяин и спрашивает:

— Отчего ты постоянно таскаешь котел с собой? Поставил бы его с нашими, он там и простоит до завтра, не потеряется.

— Нет, не поставлю, — отвечал старик. — Пожалуй, ночью ваш скот сломает его, тогда я и останусь без котла и мясо не в чем будет варить.

Тогда хозяин и говорит ему:

— У меня есть черный баран. Если котел твой сломается ночью, я отдам тебе за него этого барана.

Старик согласился и поставил свой котел с котлами хозяина. Затем, когда все заснули, он тихонько подошел к котлу и сломал его, а сам лег и заснул. Смотрят утром, а у старика котел лежит сломанный, и он требует за котел барана, приговаривая:

— Говорил я вам вчера, что сломают мой котел! Давайте теперь мне за него барана.

Нечего делать, отдал хозяин черного барана, а старик пошел дальше. По дороге зашел к третьему человеку, который тоже принял его как дорогого гостя, а старик опять, куда ни пойдет, повсюду таскает за собою черного барана. Вот хозяин и говорит ему:

— Отпусти, старик, своего барана с нашими, там никуда со двора не потеряется.

А старик:

— Боюсь, — говорит, — как бы ночью ваши бараны не съели моего. Тогда я останусь без барана.

— Хорошо, — говорит хозяин, — если наши бараны съедят твоего, то ты возьми за него моих двадцать белых баранов!

Старик согласился и отпустил своего черного барана с хозяйскими в овчарню. Когда ночью все уснули, он осторожно вышел на улицу, пробрался в овчарню, заколол своего черного барана и кровью его выпачкал хозяйских баранов, а шкуру разрезал и лоскутки повесил на их рогах. Затем воротился в юрту и лег спать. Смотрят наутро, все хозяйские бараны в крови, а на рогах их висят шкуры от черного старикова барана. Тогда Уханай и говорит хозяину:

— Говорил я, что твои бараны съедят моего! Смотри, все они в крови, а на рогах висят лоскутки кожи от моего барана. Давай же теперь своих баранов!

Нечего делать, отдал хозяин Уханаю баранов, а тот пошел с ними дальше.

Пришел старик на одно ровное место и давай их резать. Зарезал всех и мясо сложил в одну кучу, отчего тут образовался мясной бугор, а от крови — небольшой ручей. Кончив колоть их, Уханай пошел дальше, встретил по дороге двух человек в волчьих дохах и говорит им, что на пути видел мясной бугор и ручей крови. Те отвечают, что там нет и никогда не было ни мясной горы, ни ручья. Старик стоит на своем и говорит, что есть, а те не поддаются и говорят, что нет. Спорили, спорили и побились об заклад, причем встречные обещали отдать дохи, если проспорят. Пошли, смотрят: и действительно на пути лежит мясной бугор, а около него ручей крови. Тогда Уханай взял у них волчьи дохи и пошел дальше.

Шел, шел и пришел к одному человеку, у которого были две взрослые дочери. Заходит в юрту. Хозяин встретил его как дорогого гостя. Затем начал спрашивать, как его зовут, где живет и куда идет. Старик отвечал, что зовут его Уханаем, жил он на южной стороне, а теперь идет странствовать по белу свету. После этого старик остался ночевать и по-прежнему начал таскать с собой волчьи дохи, куда бы ни пошел. Вот хозяин и спрашивает:

— Отчего ты постоянно таскаешь с собой дохи? Положи их с нашими, никто не возьмет.

— Твои дочери изрежут, пожалуй, мои дохи на заплатки, тогда я и останусь без них! — ответил старик.

— Если изрежут, — говорит хозяин, — так я отдам их за тебя замуж.

Согласился старик и положил свои дохи с хозяйскими. Когда все уснули, он тихонько разрезал свои дохи на лоскутки и положил их около хозяйских дочерей. Смотрят наутро и видят, что стариковы дохи лежат изрезанными около хозяйских дочерей. А старик говорит:

— Говорил я вам, что изрежут мои дохи. Вот и изрезали. Давай теперь мне твоих дочерей!

Нечего делать, отдал хозяин за старика своих дочерей, после чего тот, пожив несколько времени у тестя, уехал домой, выстроил заново свою белую юрту и стал по-прежнему жить счастливо.

Но счастье его продолжалось недолго, потому что молодые жены не любили его. Однажды они накурили из курунги котел тарасуна, которого старик напился допьяна и начал петь песню, в которой подробно описал свою прежнюю счастливую жизнь, нашествие непобедимого воина, похищение последним его жены, детей и стад. Потом перешел к своему странствованию и описал, как он нашел лопатку, как обманом выменял на котел, на котел — черного барана, на черного барана — двадцать белых баранов, на двадцать белых баранов — две волчьих дохи, а на них — двух своих жен; как благодаря своей ловкости он сделался по-прежнему богат и добыл двух молодых жен! Услышав это, жены

рассердились и вылили на голову старика горячий бозо. После этого он умер. Тогда они сказали:

— Мы победили нашего врага!

Тело старика сожгли на костре, забрали все его имущество, переехали к своему отцу и стали жить здесь счастливо, рассказав отцу, как он был обманут стариком.

После этого: ан хужи ашта, бурханда тушэ.

Записана М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...». Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1889, стр. 6-11 (сказка № 3).

ДЕВИЦА ТЭБЭК-НОГОН-АБАХА

В прежнее счастливое время жил некто Ногон-Хонгор с женою Ногон-гохон. Они жили в красивом дворце, имели множество подданных и многочисленные стада скота, которые паслись на плодородных лугах. У них была дочь по имени Тэбэк-Ногон-абаха, отличавшаяся необыкновенной красотой и умом, так что красивее ее не было на свете. Она жила в отдельном от родителей дворце, окруженная многочисленными служанками. Однажды Тэбэк-Ногон-абаха приказала своим служанкам расчесать и заплести в косы свои волосы. Десять служанок встало с правой стороны и двадцать служанок встало с левой стороны. Начали чесать и заплетать ее волосы и едва окончили эту работу в продолжение суток. В это время они вычесали из ее головы вошь величиною с человеческую голову. Девушка не велела ее убивать, а стала кормить. Сначала она посадила ее на ладонь и кормила 10 дней, после чего вошь выросла с быка. Потом посадила ее на колени и кормила 20 дней. По прошествии этого времени вошь сделалась величиной с изюбра¹. Тогда она отпустила ее на высокую и крутую гору, на которой от крутизны не держится снег и скатывается вниз, и на вершину которой не может долететь птица сорока, и сказала при этом:

— Тот, кто первым узнает про эту вошь и сделает ей жертвоприношение, будет моим мужем!

Но долго никто не знал об этом и не шел ее сватать; наконец, приходит 58-головый Тангил-шара-мангатхай, узнавший секрет случайно.

У Тэбэк-Ногон-абаха была одна служанка, которая постоянно ходила за водой к морю. Служанка эта знала, что однажды десять служанок чесали ее голову с правой стороны, и двадцать служанок чесали с левой стороны и вычесали вошь, которую она кормила десять дней на ладонях и двадцать дней на коленях и отпустила на высокую гору, сказав при этом, что тот будет ее мужем, кто узнает о существовании этой вши и принесет ей жертву. Вот пошла она

---

¹ Изюбр — олень.

однажды за водой и встретила с 58-головым Тангил-шара-мангатхаем¹, который вышел из такого густого леса, что в него не проползет змея, не пробежит россомаха. Увидел Тангил-шара-мангатхай служанку и спрашивает, что слышала она нового и что поделывает девица Тэбэк-Ногон-абаха.

Тогда служанка со страху рассказала ему про вошь, которую девица Тэбэк-Ногон-абаха выкормила и обратила в изюбра, и прибавила при этом, что тот, кто первый узнает о ней и делает ей жертвоприношение, будет мужем ее госпожи. Затем, зачерпнув воды, она воротилась домой. А мангатхай, выслушав ее рассказ, приходит к Тэбэк-Ногон-абаха и говорит, что он первый узнал про изюбра, живущего на вершине высокой крутой горы, что это не изюбр, а вошь, которую она кормила 10 дней на ладони и 20 дней на коленях, и что он первый сделал жертвоприношение и пришел просить ее за себя замуж. Но девица ответила ему:

— У нас нет обыкновения так вдруг выходить замуж. Ты теперь иди домой и через три дня по обычаю нашему приезжай свататься ко мне и привози араки² и мяса. Потом я выйду за тебя и ты можешь тогда увезти меня с собою.

Выслушав этот ответ, 58-головый Тангил-шара-мангатхай обрадовался и пошел домой. Некоторые его головы от радости пели песни, другие разговаривали о свадьбе, третьи говорили сказки, четвертые курили табак. Девица же тем временем ушла за море и скрылась там от него.

На третий день приезжает мангатхай с мясом и вином, останавливается около дворца Ногон-Хонгора и кричит ему:

— Выходи ко мне навстречу! Я приехал сватать твою дочь!

Но старик отвечал:

— Я не могу выйти, потому что болен и лежу у очага.

Тогда Тангил-шара-мангатхай закричал жене Ногон-Хонгора:

— Выходи! Я приехал сватать твою дочь.

Но старуха отвечала:

— Я не могу выйти, потому что больна и лежу у очага.

После этого поехал ко дворцу девицы Тэбэк-Ногон-абаха и кричит:

— Выходи! Я приехал сватать тебя!

Но ему ответили, что девицы нет дома.

Рассердился мангатхай, съел мясо, выпил вино, вошел во дворец и спрашивает, куда девалась его невеста. Служанки отвечали, что она убежала спрятаться от него за море.

---

¹ Мангатхай — то же, мангыс или мангус монгольское, джелбогон — алтайское и ракша — санскритское. Этим именем называются громадные и прожорливые чудовища, которые могут проглатывать целые царства, не говоря уже об отдельных людях. Они обладают громадным телом и множеством голов. Число последних бывает различно, то 7, то 58 и т.д. Они напоминают собой чудовищных змей русских сказок. *И. Подгорбунский.*

² Араки — вино.

Тангил-шара-мангатхай отправился за ней в погоню. Приехал к морю и видит, что она сидит на другом его берегу. Вот он и спрашивает:

— Как ты переправилась на ту сторону?

А она ему в ответ:

— Я взяла камень с южной горы величиною с жеребенка и привязала его к передней стороне подола, потом взяла камень с северной стороны величиною с теленка и привязала его с задней стороны подола, да так и переплыла.

Выслушав это, Тангил-шара-мангатхай поспешно сходил за камнями, привязал их к себе и поплыл. Когда он был на середине моря, девица махнула черным платком, отчего подул ветер с кровавым дождем, потом пошел каменный град, который перебил ему все 58 голов, и он умер. Затем, когда волны выбросили его тело на берег, она сожгла его на костре и кости разбросала на все четыре стороны. После этого она воротилась домой, рассказала родителям, как победила чудовище, и начала жить по-прежнему счастливо. А затем: ан хужи ашта, бурханда тушэ.

Записана М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, Иркутск, 1889, стр. 14-17 (сказка № 5).

СТАРУХА ХЭРХЭН

Жила была старуха Хэрхэн, у которой был красный бык с белым пятном на лбу. Захотелось старухе заколоть этого быка, и она начала кормить его. Кормила три года, после чего бык сильно разжирел. Тогда старуха заколола его и начала ждать гостей. Но никто к ней не шел. Не дождавшись никого, она сама пошла искать гостей. Идет по дороге и видит сороку. Подошла и говорит:

— Пойдем ко мне в гости, я тебя угощу!

— А чем ты угостишь меня? — говорит сорока.

— Я угощу тебя мясом убитого быка, которого кормила три года, — отвечает старуха Хэрхэн и спрашивает сороку:

— Ты какое мясо больше любишь?

Сорока говорит:

— Я люблю клевать рубец.

Выслушав этот ответ, старуха Хэрхэн сильно рассердилась, схватила ком черной земли и, бросив в сороку, сказала:

— Ешь вот черную землю!

Потом она пошла дальше, по дороге встретила ворону и просит ее к себе в гости. Ворона соглашается и спрашивает:

— Чем угостишь меня?

Старуха отвечает:

— Я накормлю тебя мясом красного быка, которого кормила три года и недавно заколола! — и спрашивает:

— Ты какое мясо больше любишь?

— Я люблю сырое мясо, — отвечала ворона, — а особенно люблю глаза!

Старуха Хэрхэн опять сильно рассердилась, схватила ком черной земли и, бросив в ворону, сказала:

— Вот, ешь черную землю!

Затем пошла дальше и встретилась с пастухом рогатого скота. Подходит к нему и говорит:

— Приходи ко мне, я угощу тебя досыта.

— А чем ты угостишь меня? — спрашивает тот.

Старуха Хэрхэн ответила, что она недавно заколола быка, которого кормила три года, и спрашивает:

— Какое мясо ты больше любишь и много ли съешь?

— Я люблю, — говорит пастух, — жирное мясо и съем только чашку шей и кусок мяса.

Рассердилась старуха Хэрхэн на пастуха, что он так мало ест, схватила кусок черной земли и, бросив его в пастуха, сказала:

— Вот, съешь черную землю!

Сделав это, она пошла дальше, чтобы найти человека, который бы больше съел. Шла, шла и встретила другого пастуха, который пас овец. Подходит к нему и приглашает его к себе в гости; пастух соглашается. Тогда старуха Хэрхэн начинает его спрашивать о том же, о чем спрашивала и первого и, когда он сказал, что он съест только кусок мяса и чашку шей, кинула в него куском черной земли. Затем она пошла дальше искать другого гостя, который мог бы съесть больше, и встретилась с семиголовым мангатхаем. Подходит к нему и говорит:

— Ищу гостя, чтобы пригласить к себе и угостить. Не пойдешь ли ко мне?

— А чем ты будешь меня угощать? — спрашивает мангатхай.

Старуха Хэрхэн отвечает:

— Я недавно убила быка, которого кормила три года. Если придешь ко мне, я угощу тебя его мясом.

После этого они пошли к дому старухи Хэрхэн. Старуха приглашает его войти в дом, но он не может пролезть в двери и говорит:

— Ты иди в дом и бросай оттуда мне мясо, а я буду здесь есть!

Тогда старуха Хэрхэн вошла в дом и давай бросать ему в двери мясо, а он ловит и ест. Выбросила все мясо, а мангатхай еще просит и говорит, что он еще голоден. Не зная, что делать, старуха выбросила ему всю арсу¹ и сметану, но

---

¹ Арса — сыр, который готовится из бозо, т.е. из гуши, остающейся после выкуривания тарасуна.

мангатхай поел все это и еще требует. Тогда старуха Хэрхэн говорит, что у нее больше ничего нет, потому что она все ему отдала. Мангатхай рассердился, проглотил одну корову и собаку у старухи, а затем положил старуху Хэрхэн в мешок и пошел домой.

Придя домой, мангатхай повесил мешок со старухой над очагом и сказал детям, чтобы они к его приходу сварили мясо старухи, а сам ушел. После его ухода старуха Хэрхэн и говорит его семи сыновьям:

– Выпустите меня из мешка! Я вам сделаю по стреле!

– А как нам сделать это? – спрашивают те.

– Подайте мне ножик, я разрежу мешок и выйду, – говорит старуха.

Дети, недолго думая, подали ей ножик, после чего она разрежала мешок, вылезла из него и говорит:

– Ложитесь все спать! Кто первый заснет, тому первому я и сделаю стрелу.

Дети улеглись на постели и захрапели. Тогда старуха Хэрхэн всем им отрубила головы, вынула желудки, наполнила их кровью и привязала себе в подмышки, а мясо разрежала на куски и сварила в котле. Головы же убитых сложила рядом и прикрыла одеялом, оставив немного на виду. Когда мясо сварилось, она вынула его из котла, положила в корзины, а последние поставила около очага. Затем она вырыла под стеной юрты на улицу яму и легла в нее. Через несколько времени воротился семиголовый мангатхай и увидев, что мясо готово, похвалил детей. А сам и не замечает, что это мясо – мясо его детей. Затем он подошел к мясу, отрезал от него кусок и съел. В это время по телу его пробежала дрожь. Думая, что это произошло оттого, что он начал есть, не бросивши мяса огню, он отрезал и бросил кусок в огонь, потом отрезал и съел сам, после чего у него сильно забилось сердце. Мангатхай подумал, что это произошло оттого, что он не бросил мяса онгонам. Отрезав кусок, он бросил его онгонам, потом отрезал кусок от сердца и съел, но сердце у него забилось еще сильнее прежнего. Мангатхай пришел в удивление и решил, что сердце его бьется оттого, что он ест один, не разбудив детей. После этого он крикнул, чтобы дети вставали и садились с ним есть. Но дети не вставали. Тогда он крикнул вторично. Но и на этот крик дети не встали. Рассердившись, он подошел к постели и сбросил одеяло. Но вместо детей на постели покатались только их головы. Тогда только мангатхай догадался, что старуха перехитрила его, и начинает звать ее:

– Хитрая, перехитрила меня! Где ты, старуха Хэрхэн?

А старуха отзывается с улицы:

– Здесь!

Выбежал мангатхай на улицу. Искал, искал старуху и снова кричит:

– Где ты, старуха Хэрхэн?

А она отзывается в юрте:

– Здесь!

Мангатхай прибежал в юрту и начал здесь искать старуху. Искал, искал, никак не может найти и снова кричит:

— Где ты, старуха Хэрхэн?

А она опять отзывается на улице:

— Здесь!

Долго бегал мангатхай из юрты на улицу и с улицы в юрту, пока, наконец, не провалился в вырытую старухой яму. Тогда только он догадался, отчего он долго не мог найти старуху Хэрхэн.

А старуха тем временем, пока он раздумывал, выскочила из ямы и побежала. Вышел мангатхай из юрты, смотрит, а старуха уж далеко от него бежит. Пустился он за ней вдогонку, желая поймать ее и отомстить за детей, но как-то долго не мог догнать, так что старуха Хэрхэн добежала до черного моря (Хара-далай) и побежала по льду. Когда мангатхай начал ее совсем нагонять, она вылила на лед кровь из одного желудка. Мангатхай говорит: «Не оставлю кровь своего сына пролитую на льду!» — начал лизать ее и приморозил один язык на льду. Приморозил и кричит старухе Хэрхэн, чтобы она рубила между языком и льдом. А старуха подошла да и отрубила ему одну голову. После этого она снова пустилась бежать. Мангатхай за ней. Тогда старуха Хэрхэн разлила кровь из второго желудка, которую мангатхай начал лизать и снова приморозил язык, после чего старуха опять отрубила ему одну голову и делала то же самое до тех пор, пока не отрубила ему все головы, и он умер. Тогда старуха Хэрхэн сказала:

— Я победила непобедимого воина!

Она собрала в одну кучу семь голов и труп мангатхая и сожгла на костре. После этого она воротилась домой и зажила счастливо по-прежнему. А дальше ан хужи ашта, бурханда туше.

Записана М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1889, стр. 17-21 (сказка № 6).

ТЁНЕХОН

Жил был некто Тёнехон, который имел большого быка с белым пятном на лбу. Кормил он этого быка три года. За это время бык так разжирел, что едва ходил. Тёнехон заколол своего быка, жирного мяса много вышло, и стал он это мясо есть. Когда он варил большое ребро, то ел, вытягиваясь, и не мог всего съесть, а когда малое ребро варил, то ел, приседая, и не мог всего съесть.

Тогда Тёнехон пошел искать человека, который помог бы ему есть мясо заколотого быка. Идя по дороге, встретил Тёнехон ворона и рассказывает ему, что вот он три года кормил своего быка с белым пятном на лбу и потом заколол, а теперь ищет, кто бы помог ему съесть мясо. Он приглашает ворона к себе есть мясо. Ворон соглашается. Тёнехон спрашивает ворона:

– Ты что будешь есть?

Ворон отвечает:

– Буду клевать глаза.

Тогда Тёнехон рассердился на него и крикнул:

– Ешь голову отца!

И бросил в него черной землей.

После этого Тёнехон пошел далее и встретил на дороге сороку. Он и ей начал рассказывать, как он кормил три года быка с белым пятном на лбу, а потом заколол, а теперь ищет товарища, кто бы помог ему съесть мясо. Приглашает к себе сороку. Сорока согласилась идти к нему есть мясо. Тогда Тёнехон спрашивает сороку:

– Ты что будешь есть?

Сорока отвечает:

– Буду рубец клевать!

Тёнехон рассердился на сороку, сказал:

– Ешь голову отца! — и бросил в нее черную землю.

После этого Тёнехон отправился далее, встретил семиголового мангатхая и рассказал ему, как он три года кормил быка с белым пятном на лбу и потом заколол, как много жирного мяса получил и что теперь ищет товарища, кто бы помог ему мясо съесть. Тёнехон приглашает к себе семиголового мангатхая. Мангатхай согласился идти. Приходит Тёнехон с мангатхаем домой, а дверь в доме была мала, не может в нее семиголовый мангатхай пройти. Мангатхай сел снаружи дома, а Тёнехон вошел в дом и стал бросать мангатхаю мясо на улицу. Бросит жирного мяса, мангатхай его проглотит и кричит:

– Еще бросай! Я не сыт!

Тёнехон все бросал да бросал, мангатхай все проглатывал да проглатывал. Наконец Тёнехон все мясо ему перебросал, а мангатхай все кричит:

– Еще бросай! Я не сыт!

Тёнехон тогда изнутри дома отвечает:

– Все мясо выбросил, больше нет.

Тогда семиголовый мангатхай рассердился на Тёнехона, что он его к себе пригласил, а досыта не накормил; поймал Тёнехона, положил его в свой мешок, понес домой и говорит:

– Я тебя самого съем, коли ты меня к себе пригласил да не мог накормить.

Принес семиголовый мангатхай домой Тёнехона в мешке и говорит своим семи сыновьям:

– Вот я вам принес на обед!

Повесил мешок с Тёнехоном над огнем и говорит своим семи сыновьям:

– Я ухожу, а вы после меня его заколите, мясо сварите, а потом меня ждите!

– и ушел на охоту.

Тёнехон, вися над огнем в мешке, от сильного жара начал мочиться, а семеро сыновей мангатхая говорят:

— Это, верно, сало каплет! — и начали это сало пить.

Потом Тёнехон говорит семерым сыновьям мангатхая:

— Если вы меня из мешка выпустите, я каждому из вас по стреле и по луку сделаю.

Тогда семь сыновей семиголового мангатхая взяли ножик, разрезали мешок и выпустили Тёнехона.

Вылезши из мешка, Тёнехон начал придумывать, как бы ему убить семерых сыновей семиголового мангатхая. Он им говорит:

— Ложитесь все семь на постель и старайтесь заснуть; кто первый из вас заснет, тому я первому стрелу сделаю, кто вторым — второму, а кто последним, тому и стрелу последнему буду делать.

Тогда семь сыновей семиголового мангатхая постлали постель и легли спать.

Когда все уснули, Тёнехон взял топор, отрубил голову всем семерым сыновьям семиголового мангатхая, мясо их разрезал на куски и сварил в котле, а когда сварилось, разложил его в семь корзин и поставил семь корзин вокруг очага, а семь голов мангатхаевых сыновей положил на постели и покрыл их всех одеялом, кровь всех семи сыновей семиголового мангатхая он влил в их семь желудков и каждый желудок привязал к своей шее. После этого вырыл он яму и проход под стеной дома на улицу и выходы из ямы закрыл так, чтобы не было заметно. Залез Тёнехон в эту яму и лежит в ней, ждет, когда вернется домой семиголовый мангатхай.

Через несколько времени семиголовый мангатхай воротился, увидел, что мясо сварено, сложено в корзины и поставлено вокруг огня. Он подошел к первой корзине и говорит:

— Дети мои мяса сварили, в корзины сложили и ждуг теперь меня.

Потом говорит:

— Что это так у меня сердце бьется? Буду я есть сердце! — и начал есть сердце.

Ест и детям кричит:

— Вставайте, дети! Ешьте мясо!

Не встают его семь сыновей. Тогда семиголовый мангатхай подходит к постели и сдергивает со спящих одеяло, чтобы их разбудить. Тогда все головы его детей раскатились в разные стороны. Семиголовый мангатхай тогда сказал:

— Хитрец меня перехитрил и грешник меня перегрешил!

И начал звать Тёнехона:

— Тёнехон, где ты?

А Тёнехон крикнул на улице:

— Ой!

Семиголовый мангатхай выходит на улицу и, не видя его, опять зовет:

— Тёнехон, где ты?

Тёнехон в доме крикнул:

— Ой!

Воротился мангатхай в дом и начал везде искать Тёнехона, но не мог найти.

Опять зовет Тёнехона:

— Тёнехон, где ты?

Тёнехон опять на улице крикнул:

— Ой!

Тогда мангатхай выбежал на улицу и нашел выход из ямы, но в это время Тёнехон выскочил из ямы и побежал по льду желтого моря, держа в руках топор. Семиголовый мангатхай за ним бежит и уже догоняет его. Тогда Тёнехон вылил кровь из одного желудка на лед. Семиголовый мангатхай говорит:

— Кровь своего сына не оставляю я на льду! — и начал лизать кровь на льду языком. Язык у него примерз ко льду.

Мангатхай и кричит:

— Тёнехон! Руби топором между льдом и языком!

Тёнехон взял да одну голову мангатхая и отрубил, а сам побежал дальше. Семиголовый мангатхай без одной головы, только с шестью головами, погнался за Тёнехоном и стал его догонять. Тёнехон опять вылил кровь из одного желудка на лед. А семиголовый мангатхай опять начал пролитую кровь языком лизать, и язык у него опять примерз на льду. Семиголовый мангатхай кричит Тёнехону:

— Руби топором между языком и льдом!

Тёнехон отрубил ему голову и побежал дальше. Семиголовый мангатхай без двух голов, только с пятью головами, побежал опять догонять Тёнехона. Когда он стал догонять, Тёнехон из третьего желудка вылил кровь. Семиголовый мангатхай опять стал ее лизать языком; опять язык примерз ко льду и он кричит Тёнехону:

— Руби топором между языком и льдом!

Тёнехон еще одну голову отрубил у мангатхая и побежал далее.

Таким образом, Тёнехон одну за другой отрубил семиголовому мангатхаю все его семь голов, убил мангатхая, собрал дрова и сжег его тело, а пепел развеял по воздуху на все стороны. После этого Тёнехон стал жить счастливо.

Записана М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1889, стр. 21-24 (сказка № 7).

МУ-МОНТО

В прежнее счастливое время жил царь Гондол, который имел очень красивый дворец высотой до неба. Двери его были из перламутра, а колоды, полы и потолки из чистого серебра. Внутри дворца в каждом углу висело по образу, а

по стенам были развешаны портреты царей. У царя было две жены красивых, а от них он имел по сыну. От старшей жены сын назывался Му-Монто, а от младшей — Алтын-Сэгсэ. Первый был дурак, второй — красив и умен. Сына старшей жены царь не любил, а потому одевал его в худое платье, давал в руки железный аркан и посылал пешком пасти овец. Сына же младшей жены, Алтын-Сэгсэ, любил, а потому одевал его в хорошие и царские одежды, давал ему золотой аркан и посылал на коне пасти табуны лошадей.

Однажды Му-Монто, угнав овец на пастбище, заснул. Долго ли, коротко ли он спал, не знаю. Если узнаете — скажите мне! Но только когда он пробудился, увидел большое пламя, которое кружилось вихрем до неба. Когда пламя приблизилось к нему, внутри него он увидел колесо, которое вертелось и бросалось в разные стороны, но никак не могло вырваться из пламени. Тогда Му-Монто, недолго думая, поймал колесо своим длинным железным арканом и выбросил из пламени, после чего колесо обратилось в красивого молодого человека, который сел, поджав ноги, и говорит Му-Монто:

— Иди сюда, мой добрый спаситель! Ты спас меня от верной смерти и я не знаю, чем тебе отплатить.

Му-Монто подошел к нему, поздоровался и спрашивает:

— Чей ты сын?

— Я царь Мого-хан,— отвечал тот. — Веду войну с царем Галта-Мого-ханом, который победил меня и, окружив огненным вихрем, пустил. Я девяносто суток вертелся в огненном пламени и горел. Ты избавил меня от огня. Скажи же и ты, чей ты сын и как зовут твоего отца?

— Я сын царя Гондола,— отвечал Му-Монто.

Тогда Мого-хан говорит Му-Монто:

— Так как ты оказал мне большую услугу, то приезжай когда-нибудь ко мне в гости!

Му-Монто согласился и обещал как-нибудь приехать. После этого новые друзья расстались и разъехались в разные стороны. Когда Му-Монто воротился домой, он все случившееся рассказал матери и попросил у нее позволения ехать к Мого-хану. Та долго не соглашалась отпустить его в далекие и неизвестные страны, но, наконец, отпустила, снабдив хлебом, приготовленном на молоке двух овец. После этого, простившись с матерью, Му-Монто отправился в дорогу. Долго шел по горам, долинам и широким степям, много перешел он непроходимых болот, рек, морей и широких океанов, пока не износились его сапоги. Тогда он пошел босиком и шел до тех пор, пока на ногах не стерлось мясо до костей. Пошел на коленях и на них стер мясо до костей. Пошел на четвереньках, стер мясо на ладонях. Тогда он лег на землю и покатился как колесо. Долго катился он таким образом, пока не прикатился к одному дому. Войдя в него, он спросил:

— Далеко ли до царя Мого-хана, которого я спас от смерти?

Хозяин отвечал, что недалеко и что он — подданный этого хана. После этого он пригласил Му-Монто в дом и угостил его чем мог. Здесь Му-Монто немного отдохнул и оправился от дороги, а хозяин посоветовал ему, что просить у хана.

— Когда ты приедешь к нему,— говорил он,— то он предложит тебе половину подданных, золота и серебра; ты скажи: мне не нужно золота, которое я не умею считать, и подданных, которыми не могу управлять. А уступи мне лучше царевну Агу-Ногон, которая у тебя находится на постели за 10-ю занавесками.

В это время от хана приехала карета, запряженная тремя парами лошадей, в которую Му-Монто сел и поехал к ожидавшему его Мого-хану. Мого-хан провел его во дворец, где они гуляли девять суток, по прошествии которых Му-Монто стал собираться домой. Тогда его хозяин и говорит:

— Возьми у меня половину моих подданных, а также половину золота и серебра.

— Мне не нужно твоих подданных, которыми я не умею управлять,— отвечал Му-Монто,— и не нужно половины твоего золота, которое я не умею считать, а лучше отдай мне царевну Агу-Ногон, которая будет моим путеводителем и наставником.

— Ты говоришь то, что нельзя говорить,— сказал Мого-хан,— и просишь невозможное! Но так как ты спас мне жизнь, то нечего делать! Дам тебе, что просишь, потому что ты спас меня от верной смерти!

После этого он дал ему синеватую птичку, завернутую в золотой платок, и благословил их супружество. Затем дал желтого щенка и сказал:

— Когда пойдете под березами, щенок поймает вам тетерею, которую вы можете есть. Когда пойдете под соснами, он поймает вам сокола. Его тоже можно съесть. Вот ваш кормилец!

Выслушав слова хана, Му-Монто положил птичку за пазуху и отправился в обратный путь.

Долго ли шел Му-Монто назад, не знаю; знаю только, что желтый щенок ничего ему не поймав, за что он убил его и лег спать. Проснулся утром и видит, что лежит на хорошей мягкой постели, в хорошем дворце, за 70-ю занавесками, а около него лежит красивая женщина. В испуге Му-Монто соскочил с кровати, напялил на себя свою телячью шубу, опоясался веревочным поясом и давай бежать из дворца. Выйдя на улицу, он увидел красивый город и большой базар; пошел он по базару и давай у торговков калачи отбирать да есть. Потом отправился бродить по городу. Бродил, бродил; наконец, настала ночь и он не знает, куда голову приклонить, потому что никто его ночевать не пускает. Забрался в конюшню, но лошади стали его кусать и лягать, так что он должен был уйти. Пошел к собакам, еще хуже; пошел к свиньям, еще того хуже. Нечего делать, пошел искать дворец, в котором ночевал предыдущую ночь. Долго искал, наконец, нашел. Вошел и спрашивает, нельзя ли ему тут ночевать. «Можно!» — сказали ему, и он лег где-то в углу.

Проснулся утром, видит, опять лежит на той же кровати и с той же женщиной. Он опять хотел бежать, совсем уж шубу схватил, но женщина вырвала ее и бросила в печь. Сгорела телячья шуба Му-Монто, остался один пепел. Тогда Му-Монто и говорит женщине:

– Будьте добры, не шутите со мной!

Но женщина успокоила его, назвалась его женою и прибавила:

– Так как с того времени ты стал моим мужем и царем этого богатого царства и города, то ты должен одеться в царские одежды.

После этого Му-Монто сделался царем. Вот пошел он однажды пешком гулять по городу и идет мимо базара. Увидели его торговки да и говорят:

– Смотрите-ка, ведь это тот парень, который у нас калачи отбирал!

На что другие возражали:

– Нет, это наш царь!

Через несколько времени приехал к Му-Монто его брат, Алтан-Сэгсэ, который выехал из дому посмотреть отцовские табуны и нечаянно увидел богатый город. Он заехал узнать, кто тут царем, и ему сказали, что царем этого города – сын царя Гондола Монто-хан. Му-Монто принял брата ласково и братья долго между собою разговаривали. После этого Алтан-Сэгсэ уехал домой и рассказал своему отцу, что он видел брата, что тот сделался царем, женившись на дочери Мого-хана, имеет теперь собственный дворец и богатый город и т. д.

Выслушав этот рассказ, царь Гондол позавидовал сыну и решился его погубить. Через несколько времени он послал к нему своих людей и пригласил его приехать к себе. Му-Монто приехал. Отец принял его вежливо и начал расспрашивать, как он сделался царем. Затем, выслушав его рассказ, он и говорит ему:

– Когда мой отец, а твой – дед, умер, я дал ему белого коня и седло. Ни то, ни другое с того света еще не прислал. Прошу тебя, съезди на тот свет, выпроси у него коня и привези мне!

Му-Монто согласился, а потом, увидевшись с матерью, приехал домой и передал жене поручение отца. Прекрасная Агу-Ногон-хатан успокоила его и обещала показать ему дорогу в царство мертвых. На следующий день она дала ему такое наставление:

– Иди на север. На дороге увидишь большой черный камень. Ты подними его и крикни: «Пойди сюда!» Тогда тебе навстречу выйдет большая лисица и скажет: «Держись за хвост!» Потом иди за ней, куда она тебя поведет, и ты придешь в царство мертвых.

Му-Монто так и сделал. Пошел на север, встретил черный камень, поднял его и крикнул: «Поди сюда!» В это время из ямы вылезла лисица и сказала: «Держись за хвост!» Му-Монто взялся за хвост и они пошли. Шли долго, наконец, очутились на том свете, где тоже были свои солнце, луна и звезды. Сначала они встретили табун лошадей, которые паслись на голом камне, но были очень жирны. Потом увидели табуны домашних животных, которые

паслись на траве вышиной в колено, но были сухи, не могли ходить, падали. Дальше заметили несколько женщин, которые были соединены ртами (сшиты!) и не могли говорить. Му-Монто спросил, почему они так соединены, но лисица сказала:

– Когда придем, спроси у дедушки! — и пошли дальше.

Идут и видят большой котел с кипящей смолой, а в нем чиновников и шаманов. Когда Му-Монто спросил о причине этого, лисица опять сказала то же и повела его дальше. По дороге они встретили связанных за ноги и за руки мужчин, потом голых женщин, обнимающих суковатые поленья; дальше увидели женщин, которые ничего, по-видимому, не имея, жили в довольстве и, наконец, женщин, которые все имели, но почти умирали от голода. Наконец, пришли к деду Му-Монто. Тогда Му-Монто говорит ему:

– Мой отец, а твой — сын, царь Гондол, послал меня выпросить у тебя ту лошадь с седлом, которую он дал тебе, когда ты отправлялся из царства живых в царство мертвых.

Дед на это сказал:

– Друга не прогонишь, через печь не перескочишь! — и пошел с внуком к выходу из царства мертвых. Когда они пришли к тому месту, где сидели две женщины, из которых одна ничего не имела, а жила в довольстве, другая же все имела, но чуть не умирала от голода, Му-Монто и спрашивает дедушку:

– Почему одна женщина, ничего не имея, живет в довольстве, а другая наоборот?

Тогда дед ответил ему:

– Первая женщина была небогата в стране живых, но все, что имела, подавала нуждающимся, а потому теперь и не нуждается ни в чем, сидит же здесь за один малый грех. Вторая же была скупая, хотя была богата, а все говорила: «У меня ничего нет! Хоть с голоду умирай!» За это она теперь и страдает голодом и курит вместо табаку пепел.

Пошли дальше и пришли к тому месту, где голые женщины обнимали поленья. Му-Монто и спрашивает:

– Отчего эти женщины так страдают?

Дед отвечает:

– В стране живых они не были верны супружеским обязанностям, а вели нехорошую жизнь.

Пошли дальше и пришли к людям, связанным за ноги и руки. Опять Му-Монто спрашивает деда:

– За что они так страдают?

– За то, — отвечал дед, — что в стране живых они занимались воровством.

Пошли дальше и пришли к тому месту, где кипели в котле со смолой чиновники и шаманы.

– Почему они кипят в котле? — спросил Му-Монто.

Дед отвечал:

— Чиновники за то, что теснили бедных, брали большие взятки и судили неправильно, а шаманы за то, что не исполняли своих обязанностей, брали за труды большие деньги, нарочно пугали людей, чтобы выманить побольше, а иногда шаманили с тою же целью, зная, что больные, над которыми они будут шаманить, не выздоровеют.

После этого они пошли дальше и пришли к тому месту, где несколько женщин были соединены между собою губами и языками. При виде их Му-Монто спросил деда:

— За что связаны эти женщины?

Дед ответил:

— За то, что в стране живых занимались клязузами, ссорили людей между собою, клеветали на честных людей и льстили из-за своей личной пользы.

После этого они пришли к домашним животным, которые паслись на обильных пастбищах, но были тощи. Когда Му-Монто спросил деда о причине этого, тот отвечал:

— Их заморили в стране живых нерадивые хозяева, так что они и до сих пор не могут поправиться.

Когда он тот же вопрос предложил о животных, пасшихся на каменистой почве, но бывших тучными, дед отвечал, что они принадлежали прилежным хозяевам, которые кормили их хорошо, а потому они и в страну мертвых пришли тучными. Разговаривая так, они вышли из страны мертвых и пришли в страну живых. Тогда дед отдал Му-Монто коня с седлом и сказал:

— Отведи своему отцу этого коня и скажи, что он сам скоро придет ко мне.

После этих слов он исчез, а Му-Монто привел к отцу белого коня и передал слова деда. Царь Гондол от этих слов пришел в большой страх, но поблагодарил сына за то, что тот исполнил его поручение, а потом и говорит ему:

— Когда ты был еще маленьким, я делал жертвоприношение Эсэгэ-Малану большим бараном и девятью звериными шкурами. Сходи к Эсэгэ-Малану и выпроси у него моего барана и девять шкур!

Му-Монто согласился и поехал домой. Когда он рассказал о новом поручении отца жене, та его успокоила и обещала помочь подняться на небо. На другой день Му-Монто собрался в путь. Тогда жена привязала ему к плечу три мотка красных шелковых ниток и таинственной силою заставила его подниматься на небо. Поднимался он целых три месяца и, наконец, долетел до дворца Эсэгэ-Малана. Вошел во дворец, сделал земной поклон и говорит Эсэгэ-Малану:

— Меня послал к тебе отец мой, царь Гондол, со следующим поручением. Когда я был еще маленьким, то по обрядам нашей веры мой отец, царь Гондол, принес тебе в жертву большого белого барана и девять звериных шкур. Все это он просит теперь обратно.

В ответ на это Эсэгэ-Малан сказал, что через три дня пошлет ему требуемые вещи, а Му-Монто пошел с неба обратно. Спускается с неба и видит,

что Эсэгэ-Малан ударил громом в его отца, после чего ничего не осталось. Осталась только его мать, которая сидела на бугре живая и невредимая. Тогда Му-Монто ходил за матерью, привез ее к себе, да и доныне живет счастливо со своей прекрасной женой. А потом ан хужи ашта, бурханда туше.

Записана М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1889, стр. 25-32 (сказка № 8).

ОХОТНИК

В прежнее счастливое время жил один охотник, который никогда не делал промахов и не приходил домой с пустыми руками. Вот однажды, пробыв целый день на охоте, он не нашел ни птицы, ни зверя и, измученный, лег в лесу спать. Спит и видит во сне, будто вокруг него падает желтый и синий туман. Проснулся и видит, что это действительно наступает желтый и синий туман. В испуге он хотел стрелять, но из тумана послышался ему человеческий голос:

— Не стреляй в меня, я тебе не причиню зла!

Затем туман обратился в желтого, с пестрыми крыльями, змея, который сказал:

— Вот уж несколько лет я веду войну с желтым крылатым змеем и не могу его победить. Помоги мне!

Когда охотник согласился, змей повел его к тому месту, где будет происходить битва, и говорит:

— Когда мы начнем воевать, то три раза поднимемся к небу и три раза спустимся на землю. В четвертый раз он победит меня и будет вверху, а я внизу. В это время я поверну к тебе его голову и ты стреляй в его единственный глаз величиною с чашку, который у него находится посередине лба.

Разговаривая так, они дошли до дома змея, ночевали там, а утром рано змей спрятал охотника в неглубокую яму.

Через несколько времени прилетел желтый змей и кричит желтому змею с пестрыми крыльями: «Выходи скорее!» Тот вышел и началась битва. Противники три раза поднялись к небу и три раза спустились. Когда поднялись в четвертый раз, желтый змей с пестрыми крыльями был побежден и находился внизу, а желтый змей был наверху. Тогда желтый змей с пестрыми крыльями повернул голову противника к охотнику. Последний выстрелил, попал в глаз и убил его. Тогда на землю пал желтый ядовитый туман, от которого засохли все деревья и подошли звери. Охотник же спасся благодаря тому, что желтый змей с пестрыми крыльями прикрыл его своими крыльями и продержал под ними три дня, пока туман рассеялся.

После этого он говорит охотнику:

— Мы победили моего врага, который причинял много бед на земле, проглатывая ежедневно по три зверя и поедая огненных змеев, моих подданных.

Без тебя он убил бы меня, съел бы моих престарелых родителей и истребил бы всех огненных змеев. Поэтому я хочу тебя отблагодарить. Пойдем ко мне. Ты увидишь мой дворец, моих родителей и огненных змеев.

Охотник согласился и они спустились в глубокую яму (м о г о н и ш е н) под землей, на стенах которой блестели многочисленные драгоценные камни и на полу лежало множество желтых змей, свернувшихся кольцами. Пройдя множество комнат, они пришли, наконец, к очагу, у которого сидели два желтых змея с пестрыми крыльями, родители змея. Когда последний рассказал им, как охотник спас его от смерти, те поблагодарили его и предложили в награду или научить его 70 языкам, чтобы он мог понимать язык птиц, зверей и рыб и даже трав и деревьев, или дать столько золота и серебра, сколько он захочет. Охотник попросил научить его 70 языкам. Змеи стали его отговаривать, но он настоял на своем. Тогда они научили его 70 языкам, сказав при этом, что если он проговорится кому-либо об этом знании, то немедленно умрет. Затем охотник вышел из царства змей и отправился домой.

Идет и слышит и понимает разговоры, которые ведут между собой звери и птицы. У одного озера мыши и птицы говорят, что в этот день с восточной стороны полетит огненный змей, который все поглотит на своем пути: «Что будем делать?» Недолго думая, охотник снял свою одежду, надел ее на пень и подпоясал, а сам залез в озеро, приставил ко рту трубку и дышит через нее. Долго сидел он там, наконец увидел, что с востока летит огненный змей, за которым все горит. Когда змей подлетел к нему близко, он пустил в него стрелу, которая пролетела насквозь и вышибла у него сердце и легкие. Но перед смертью змей увидел пень, одетый в одежды охотника и, думая, что это сам охотник, обвился вокруг него и сжег, и сам умер.

Тогда охотник вышел из воды и сжег труп змея. В это время прилетел желтый змей с пестрыми крыльями и говорит:

— Ты убил моего лучшего друга, который летал на войну с черными змеями!

Но делать было нечего. Оплавав друга, змей возобновил сгоревшие одежды охотника и улетел, а тот пошел дальше. Идет мимо дома богатого человека и слышит, что собака лает:

— К нам не ходи! Хозяин наш сильно скупой. Тебя не накормит.

Идет мимо дома бедного человека, а собака лает:

— Хозяин наш добрый. Заходи, он убьет черного барана и тебя накормит!

Зашел охотник. Бедняк принял его с радостью, зарезал черного барана и накормил гостя. Гость бросил кусок собаке. Собака визжит:

— Добрый гость угостил меня! Целую ночь буду караулить дом!

После этого они легли спать. Вот ночью пришли волки и воют:

— Мы пришли съесть единственного коня у бедного человека.

А собака им в ответ:

— Смотрите! Я буду лаять громко, разбужу хозяина и гостя, и они вас прогонят! Хозяин у нас добрый. Идите лучше ешьте жирную кобылу у богатого! Сегодня у нас ночевал добрый гость и накормил меня досыта, и я целую ночь должна караулить и лаять.

Тогда волки пошли к богатому и воют:

— Мы пришли есть жирную кобылу!

А собаки отвечают:

— Хозяин наш скупой, нас не кормит. Съешьте у него самую жирную серую кобылу, а остатки мы доедим!

После этого волки задавили и съели кобылу.

На другое утро, когда хозяин и гость проснулись, хозяин снова его угостил и накормил досыта собаку. После этого гость попрощался и пошел. Идет, а собака бедного человека лает ему:

— У богатого есть один двухгодовалый бычок, в котором все счастье богача. Если кто купит этого бычка, тот будет счастливым.

Бедняк пошел к богачу и начал торговать у него двухгодовалого бычка. Богач согласился продать и они пошли выбирать его. Пришли, а собака бедного лает на одного бычка и говорит:

— Вот этот!

Взял бедняк бычка и повел к себе, но, узнав дорогой, что счастье богача не пошло с бычком, а осталось на дворе у богатого около столба, сказал:

— Видно, нелегко взять счастье у богатого! — и отпустил бычка.

После этого он пошел домой. Подходит к дому и слышит, старая собака лает:

— Наш хозяин идет!

А молодая спрашивает:

— Где он?

Потом обе подбежали к нему, ласкаются и говорят:

— Где ты так долго был? Без тебя нас хозяйка плохо кормила и часто била!

Вот однажды, когда охотник лег спать с женой, из-под юрты вышли две мыши и говорят:

— Как бы выпить молока из молочного озера?

Одна мышка говорит:

— Ты держи меня крепче зубами за хвост, а я поем молока, потом тебя подержу!

Так и сделали. Одна наелась досыта и выходит из молочного озера. Идет другая и говорит:

— Ты теперь наелась досыта, смотри, держи меня крепче, не отпусти!

Как-то выпустила хвост; та упала в молочное озеро и начала тонуть. Мышка бегаёт около молока и плачет:

— Как теперь без жены я выкормлю своих детей?

В это время охотник, слышавший все разговоры мышей, рассмеялся, потом встал и вытащил мышь из курунги. Но когда снова лег на постель, жена начала его спрашивать:

— Над чем ты смеялся и как узнал, что мышь попала в молоко?

Муж отвечал, что смеялся он потому, что вспомнил прежнюю жизнь, а мышь вытащил случайно. Жена не верит и пристает к нему с новыми вопросами. Долго он крепился, наконец сказал:

— Если я скажу тебе правду, то умру!

Жена опять не верит и пристает еще больше. Тогда муж говорит:

— Хорошо, я скажу тебе правду, только ты приготовь все к моим похоронам!

Затем он приказал принести колчан со стрелами и лук и повесить их в юрте на хоймор тэнги¹, выгнать десять котлов тарасуна и поставить около хоймор тэнги, принести и повесить там же его лучшую шубу, поймать и привязать к столбу гнедую кобылу на закол для угощения гостей и привести белого барана. Жена все это приготовила и говорит:

— Ну, теперь все готово! Говори!

Муж отвечал:

— Сегодня уже поздно. Расскажу тебе все завтра утром, а сегодня переночую еще в последний раз дома!

На другое утро он встал очень рано и вышел из юрты. Подходит к овчарне и слышит — овцы и бараны разговаривают между собою:

— Вот идет наш добрый хозяин, который хочет умереть по желанию своей жены. Отчего он не заставит ее молчать? Вчера поймали нашего большого барана, который показывал нам дорогу и водил по хорошим местам. Не найти нам без него дороги и приведется когда-нибудь заплутаться!

Затем он подошел к табуну коней и слышит их разговор:

— Вот идет наш добрый хозяин, который хочет умереть по желанию своей жены! Отчего он не заставит ее молчать? Вчера поймали, чтобы убить, нашу большую кобылу, которая постоянно указывала нам дорогу, говорила — тут нет волков, тут нет грязи, — и водила к хорошим травам. А теперь нас задавит волк, либо попадем в грязь и пропадем. Теперь без нее будет нам худо. Отчего бы хозяйину не остаться жить, а на месте его не умереть его жене? Тогда на ее похороны и убили бы ее серую кобылу, которая очень зла и постоянно нас лягает.

После этого охотник пошел в юрту; по пути он проходил мимо двора, в котором стоял рогатый скот. В это время его пороз согнал всех коров в один угол, мотает головой и говорит:

— Хозяин мой не может управиться с одной женой, а я вот имею много жен, да управляюсь с ними!

---

¹ Х о й м о р — место в юрте против дверей.

Наконец, он прошел в юрту. Там лежат его две собаки и ругаются между собою. Старая собака говорит:

— Я уже стара и скоро умру вслед за хозяином, так что хозяйка не успеет меня побить!

А молодая отвечает:

— И я тоже скоро умру, так что и меня она не успеет побить!

Разговаривая так, собаки начали драться между собою, и охотник выгнал их из юрты.

В это время жена снова начала приставать к нему с вопросами и ругать его. Тогда охотник рассердился и убил ее. Потом отпустил гнедую кобылу и белого барана, а на похороны убил серую кобылу. Потом он женился и стал жить счастливо.

Записана М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. I, Ирк., 1889, стр. 78-83 (сказка № 12).

СТАРИК С ДОЧЕРЬЮ

Давным-давно жил один бедный старик, у которого была одна очень умная и прекрасная дочь. Старик с дочерью жили в царстве царя Хартаган-хана. Однажды царь Хартаган-хан послал двух быстрых послов с приказанием, чтобы на следующий день сам старик пришел к нему. Два быстрых посла царя приехали к старику и говорят ему:

— Царь Хартаган-хан приказал, чтобы ты завтра приехал к нему.

Сказав это, быстрые послы уехали обратно.

На другой день старик отправляется к царю Хартаган-хану. Царь говорит ему:

— Иди в лес и узнай там, сколько лет медведю, а потом скажи мне!

Старик приходит домой очень печальный и испуганный и говорит своей дочери:

— Царь Хартаган-хан приказал мне узнать, сколько лет медведю, и сказать ему.

Дочь говорит старику:

— Ложись и спи!

Когда старик лег спать, дочь начала прясть шерсть и выпряла два клубка, величиною с человеческую голову. На другое утро она разбудила старика и на обоих плечах его пришила два клубка шерсти. Потом говорит отцу:

— Когда придешь к берлоге медведя, сядь и сиди, пока медведь не выйдет.

Старик пошел в лес и сел на берлоге медведя. Медведь, выйдя из берлоги, увидел старика с двумя клубками на плечах, испугался и говорит:

— Живу на земле семьдесят семь лет, не видывал человека с тремя головами!

Сказав это, он обратно убежал в берлогу. Старик приходит домой и говорит своей дочери, что медведь сказал себе семьдесят семь лет и что он не видывал человека с тремя головами.

Дочь говорит отцу:

– Иди теперь к царю Хартаган-хану и скажи ему, что медведю семьдесят семь лет.

Старик пошел к царю Хартаган-хану и сказал ему, что медведю семьдесят семь лет. Царь Хартаган-хан отпустил старика домой.

На другой день царь Хартаган-хан опять посылает за стариком двух быстрых послов с приказанием, чтобы старик завтра пришел к нему. Два быстрых посла приехали и сказали старику:

– Царь Хартаган-хан приказал, чтобы ты завтра пришел к нему!

Потом они уехали обратно. На другое утро старик приходит к царю Хартаган-хану. Царь приказывает старику:

– Иди и сосчитай, сколько в лесу и в тайге деревьев, и потом скажи мне.

Старик приходит домой очень печальный и испуганный. Как сосчитать, сколько деревьев в лесу и в тайге? Придя домой, говорит дочери:

– Царь Хартаган-хан приказал мне сосчитать, сколько всех деревьев в лесу и тайге, а потом сказать ему.

Тогда дочь его говорит:

– Ложись и спи!

Когда старик лег спать, дочь приготовила из сметаны, масла и хлеба пре-вкусный бон и говорит:

– Иди в лес, положи этот бон на тропинке зайца и послушай, что он будет говорить во время еды.

Старик пришел в лес, разыскал заячью тропинку, положил на нее бон, а сам лег и лежит. В это время прибегает заяц, начинает есть положенный бон и говорит:

– В лесу много тысяч деревьев, в тайге пятьдесят тысяч деревьев, а такой вкусной пищи я не едал!

Тогда старик приходит домой и пересказывает своей дочери слова зайца. Дочь его говорит:

– Иди и скажи царю Хартаган-хану!

Старик приходит к царю Хартаган-хану и говорит ему:

– В лесу много тысяч деревьев, а в тайге пятьдесят тысяч деревьев.

Хара Хартаган-хан говорит старику:

– Иди домой!

На другой день царь Хартаган-хан опять посылает двух быстрых послов за стариком, чтобы он на другой день пришел к нему. Два быстрых посла приехали к старику и говорят ему:

– Царь Хартаган-хан приказал, чтобы ты завтра пришел к нему.

Потом уехали обратно.

Старик на другой день приходит к царю Хартаган-хану. Царь призывает:

– Завтра приходи ко мне! Ни днем, ни ночью не приходи! Верховом на коне не приезжай и пешком не приходи! По дороге не приезжай и не иди! И когда ко мне приедешь, не стой ни на улице, ни на дворе!

Старик приходит домой очень опечаленный и испуганный и говорит дочери:

– Царь Хартаган-хан приказал мне завтра прийти к нему ни днем и ни ночью, ни верхом на коне и ни пешком, по дороге не ехать и не идти, и когда приду, ни на улице и ни во дворе не стоять.

Дочь говорит старику:

– Ложись и спи!

Старик лег спать. На другое утро рано дочь разбудила старика и говорит:

– Поезжай к царю Хартаган-хану на жеребой кобыле, не ездь по дороге, а между дорогами (х а р г у н д а л а н); когда приедешь, то встань на пороге.

Старик приезжает к царю Хартаган-хану.

Царь, увидев его, говорит:

– Я тебе приказал, не приходи ни днем и ни ночью!

Старик отвечает царю:

– Но ты не говорил: не приходи утром!

Царь Хартаган-хан говорит старику:

– Я тебе приказал прийти ко мне ни верхом на коне и ни пешком!

Старик говорит:

– Я приехал на жеребой кобыле.

Царь Хартаган-хан говорит:

– Я тебе приказал не ехать по дороге.

Старик говорит:

– Я проехал между дорогами (х а р г у н д а л а н).

Царь Хартаган-хан говорит:

– Я тебе приказал по приезде не стоять ни на улице, ни на дворе.

Старик говорит:

– Но не приказал не стоять на пороге!

Потом царь Хартаган-хан говорит старику:

– Завтра сделай мне веревку из пепла и принеси!

После этого отпустил старика домой. Старик приходит домой очень печальный и испуганный. Как сделать из пепла веревку? Придя домой, говорит дочери:

– Царь Хартаган-хан приказал мне завтра сделать из пепла веревку и принести ему.

Дочь говорит старику:

– Ложись и спи.

Когда старик лег спать, дочь его начала делать из соломы веревку. На другое утро разбудила старика и говорит ему:

– Вот отнеси эту веревку! Когда придешь во двор царя Хартаган-хана, эту веревку положи и сожги, а потом скажи царю, что принес веревку из пепла.

Старик пришел к царю Хартаган-хану, положил соломенную веревку на дворе и сжег ее, потом вошел во дворец и говорит царю:

– Принес веревку из пепла.

Царь Хартаган-хан выходит из дворца и смотрит: на дворе его лежит веревка из пепла. Он говорит старику:

– Я завтра приеду к тебе, а ты к моему приезду выдой быка, из молока его приготовь ильгин-тарак¹.

Старик приходит домой очень печальный и испуганный. Как подоить быка, как приготовить из его молока ильгин-тарак? Придя домой, он передает дочери слова царя. Дочь говорит старику:

– Ложись и спи, а утром проснешься, не вставай, лежи в постели!

На другой день царь Хартаган-хан едет к старику. Дочь, увидя царя, побегала на улицу, бегаёт и собирает щепки. Царь Хартаган-хан подъехал к дочери старика и спрашивает:

– Для чего собираешь щепки так торопливо?

Дочь старика отвечает царю Хартаган-хану:

– Отец мой родил сына. Я хочу приготовить бульон.

Тогда царь Хартаган-хан спрашивает:

– Разве мужчины родят сыновей?

Дочь старика говорит:

– Разве можно доить быка и из молока его приготовить ильгин-тарак?

Тогда царь Хартаган-хан уехал обратно домой.

У царя Хартаган-хана был один сын – Харжи-мина. Царь женил его на дочери старика. Когда делали свадьбу, то царь Хартаган-хан приготовил мяса с бугор и вина как озеро воды.

На свадьбе Харжи-мина гуляли в продолжение девяти суток и едва-едва разошлись по домам.

Однажды царь Хартаган-хан с сыном уехал на охоту. Дорогой он говорит сыну Харжи-мина:

– Тяни коня за хвост!

Харжи-мина схватил коня за хвост и тянет. Царь Хартаган-хан говорит своему сыну Харжи-мина:

– Ты дурак! – и начал бить его.

Поехали далее. Царь Хартаган-хан говорит своему сыну:

– Котлуем деревянный котел!

---

¹ Т а р а к – простокваша.

Харжи-мина соскочил с телеги, начал рубить дерево и, свалив его, начал выдалбливать котел. Царь Хартаган-хан сильно рассердился на сына Харжи-мина и начал его бить.

Царь Хартаган-хан с сыном возвратились домой. Харжи-мина говорит своей жене:

— Отец мой помешался в уме от старости лет. Когда мы ехали на охоту, он бил меня два раза. В первый раз он сказал: «Тяни коня за хвост!» Когда я начал тянуть, он стал меня бить, говоря, что я дурак. Во второй раз он сказал: «Котлуем деревянный котел!» А когда я срубил дерево и начал долбить, он меня опять начал бить.

Жена говорит своему мужу Харжи-мина:

— В первый раз царь велел тебе тянуть вожжи, а во второй велел приготовить кушанье для еды. А ты не понял, дурак, за то тебя царь и бил.

Потом царь Хартаган-хан уехал к царю Шажин-Номон-хану, с которым хотел состязаться своим умом и испытать его. Когда царь Хартаган-хан приехал к царю Шажин-Номон-хану, то оба начали говорить друг с другом. Царь Хартаган-хан не мог устоять против царя Шажин-Номон-хана и не мог разгадать его загадок. Тогда Шажин-Номон-хан запер царя Хартаган-хана в темницу. Царь Хартаган-хан посылает двух быстрых послов и говорит им:

— Скажите моей снохе, что я лежу, покрытый выдровым одеялом и на соболиной перине, и прошу ее послать золотые ножницы, двух баранов заколоть, сто овец пригнать с шерстью и сто овец пригнать без шерсти.

Два быстрых посла приехали к Харжи-мина, сыну Хартаган-хана, и говорят ему:

— Отец твой, царь Хартаган-хан, приказал сказать, что он лежит, покрытый выдровым одеялом на соболиной перине, и просил послать золотые ножницы, заколоть двух баранов, пригнать сто овец с шерстью и сто овец без шерсти.

Харжи-мина приказал убить двух баранов и стричь шерсть со ста овец, потом пошел сказать своей жене слова отца.

Жена выслушала его и говорит:

— Ты, дурак, не понимаешь! Отец твой сидит в тюрьме; выдровое одеяло значит «небо»; соболиная перина означает «землю»; заколоть двух баранов значит убить посланных двух быстрых послов; привезти золотые ножницы значит, чтоб я сама к нему приехала; сто овец с шерстью значат сто вооруженных человек; а сто овец без шерсти значат сто невооруженных человек.

Потом она сказала своему мужу:

— Прикажи своим людям поскорее убить двух быстрых послов, вооружить сто человек и еще ста человекам без оружия приготовиться ехать.

Харжи-мина приказал убить двух быстрых послов, приготовить сто вооруженных человек и сто человек без оружия. Когда все это было готово, Харжи-мина с женою и с людьми поехали к царю Шажин-Номон-хану. Приехав

к царю Шажин-Номон-хану, они освободили царя Хартаган-хана из темницы. Потом жена Харжи-мина начала говорить с царем Шажин-Номон-ханом. Царь не мог разгадать слов жены Харжи-мина. Тогда самого царя Шажин-Номон-хана заперли в темницу. После этого царь Хартаган-хан с сыном, снохой и с людьми возвратился домой. Теперь они живут счастливо.

Записана М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1899, стр. 86-92 (сказка № 14).

БОХОН-ХОБУН¹

Давно прежде жил некто Бохон-хобун, который имел белого бычка как вошь и маленькую тележку, в которую он запрягал белого бычка. Однажды Бохон-хобун своего белого бычка как вошь запряг в свою тележку и поехал на охоту. Бохон-хобун едет и видит – на дороге лежат ножницы. Бохон-хобун поднимает ножницы, кладет на свою тележку и говорит:

– Всякая вещь – богатство!

Едет он дальше и видит – на дороге лежит лягушка. Бохон-хобун поднимает лягушку, кладет на свою тележку и говорит:

– Всякая вещь – богатство!

Едет он далее. На дороге лежит змея. Бохон-хобун поднял змею, положил на свою тележку и говорит:

– Всякая вещь – богатство!

Едет он далее: видит – на дороге лежит кобылье место (н а м т а х а н, детское место). Бохон-хобун поднял его, положил к себе на тележку и говорит:

– Всякая вещь – богатство!

Едет Бохон-хобун дальше, видит – на дороге лежит молоток; он кладет молоток на свою тележку и говорит:

– Всякая вещь – богатство!

Едет дальше: на дороге лежат два яйца степной курицы. Бохон-хобун кладет их на свою тележку и говорит:

– Всякая вещь – богатство!

Едет Бохон-хобун дальше: на дороге лежат два куста боярки да шиповника; он поднял их, положил на свою тележку и говорит:

– Всякая вещь – богатство!

Приезжает Бохон-хобун к дому мангатхая и заходит в дом. Взял он кобылье место и положил под порогом, а молоток положил над дверью. Лягушку он положил в тарак, а змею положил в курунгу. Ножницы он положил в постель, также кусты боярки и шиповника, а два яйца степной курицы зарыл в пепел

---

¹ Б о х о н - х о б у н – «вошь-молодец».

на очаге. После этого Бохон-хобун спрятался под кроватью мангатхая, лежит и ждет, когда мангатхай придет.

В скором времени приходит сам мангатхай. Входя в дом, мангатхай говорит:

— Фу, фу! Как здесь воняет! Земляные лягушки и жуки были у меня.

После этого мангатхай хотел напиться тарака, начал пить; оттуда выскакивает лягушка. Мангатхай испугался и говорит:

— Что за чудо и хитрость творятся!

Потом мангатхай хочет пить курунгу, подходит к посуде и хочет пить; оттуда его ужалила змея. Он испугался и говорит:

— Что за чудо и хитрость творятся!

После этого мангатхай хочет лечь в постель. Только лег, как снизу его укололи ножницы и кусты боярки и шиповника. Он вскакивает с постели и кричит:

— Что за чудо и хитрость творятся!

Мангатхай подходит к очагу и хочет развести огонь. Начал он огонь раздувать, а в это время два яйца степной курицы лопаются и бросают ему в глаза горячий пепел и жидкость. Мангатхай совсем ослеп. Тогда мангатхай хотел выйти на улицу, подошел к порогу, наступил на кобылье место, поскользнулся и упал; в это время на голову мангатхая упал молоток и разбил ему голову. Так мангатхай и пропал.

После смерти мангатхая в его доме стал жить Бохон-хобун.

Записана М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. I, Ирк., 1899, стр. 99-10 (№ 17).

ДОНОЙ

Прежде жил некто Доной, который был очень богатый и в то же время очень скупой человек. Он никогда никому ничего не давал и никого не кормил, даже и бедных людей. Однажды к Доною приходит бог в виде бедного человека и просит накормить его. Тогда Доной сказал бедному человеку, что у него ничего нет. Бедный человек говорит Доною:

— У тебя много разного скота.

Доной говорит:

— Это звери.

Тогда бог сказал Доною:

— Пусть будут звери! — и ушел.

С этого времени разный скот Доноя начал бегать, пугаться людей и не могли его загнать во двор. Когда гонялись за скотом, один из семейства Доноя

бросил мутовкой, которой мешали тарак¹, попал в скот и замарал их тараком. Тогда весь скот Доноя обратился в оленей, изюбрей и сохатых, а тарак остался в виде белых пятен на задних частях скота.

Записана М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1889, стр. 117-118 (сказка № 226).

БОГАТЫЙ ЦАРЬ БАДМА

В прежнее счастливое и богатое время жил богатый царь Бадма, имевший в езде приятного сивого коня, который пасся на северной стороне Алтая. Царь Бадма имел сто тысяч разного скота, который пасся на северной стороне, и множество подданных, которые жили на северной стороне. Он имел также множество разного скота, который пасся на южной стороне, и многочисленных подданных, которые жили на южной стороне. Богатый царь Бадма имел упирающийся в дневное небо четырехугольный белый дворец, который был белее снега; упирающийся в ночное небо высокий белый дворец, который был белее бумаги. Внутри этот дворец был высеребрен белым серебром, по углам стояли изображения бурханов, по стенам изображения царей, на правой стороне дворца стоял золото-серебряный престол; вокруг дворца было три ограды, а вне трех оград была серебряная коновязь. Богатый царь Бадма имел трех жен; две старшие царицы жили в одном дворце, а младшая царица Намту-харакшин жила отдельно. В одно утро богатый царь Бадма говорит своим трем женам:

— Я поеду на охоту; к моему приезду с охоты приготовьте мне подарок.

Две старшие царицы говорят:

— Мы приготовим тебе две новые шубы, которые будешь надевать в летнее время.

А младшая царица Намту-харакшин говорит:

— Я к приезду твоему рожу мальчика с золотой грудью и серебряным задом.

После этого богатый царь Бадма вышел на крыльцо и крикнул своего в езде приятного сивого коня, который в это время пасся на северной стороне Алтая. Сивый конь услышал голос своего хозяина, прибежал домой и остановился у серебряной коновязи. Тогда богатый царь Бадма берет сплошно серебряный недоуздок и, как ребро, серебряную узду и выходит на улицу; сплошно серебряным недоуздкой зануздывает и, как ребро, серебряной уздой обнуздывает сивого коня; кладет на него шелковый потник, седлает серебряным седлом, накрепко подтягивает десятью подпругами, крепко-накрепко подтягивает

---

¹ Т а р а к – сквашенное молоко.

двадцатью подпругами и привязывает своего коня шелковым поводом к серебряной коновязи. После этого говорит:

– Приготовление коня окончилось.

Потом входит во дворец. Две старшие царицы подвигают золотой стол, поставив на него вкусные кушанья; подвигают серебряный стол, поставив на него действительно вкусные кушанья; богатый царь Бадма ест как волк глотает и как птица клюет. Наевшись, он встал из-за стола и начал одеваться. Он взял все нужные для охоты орудия, вышел на улицу и, сев на сивого коня, поехал по направлению к Алтаю и Хохую. На пути осмотрел свой разный скот, который размножился пуще прежнего. Осмотрев его, поехал охотиться. По отъезде богатого царя Бадмы две старшие царицы сшили летние шелковые шубы; окончив шитье, сшитые шубы повесили; а младшая царица Намту-харакшин родила сына с золотой грудью и серебряным задом; родившегося сына, спеленав, положила около себя, а сама лежит.

Две старшие царицы, узнав, что младшая царица Намту-харакшин родила сына с золотой грудью и серебряным задом, взяли только что родившегося черного щенка и пошли к младшей царице. Придя, незаметно подменили, на место родившегося мальчика положили черного щенка, а сына с золотой грудью и серебряным задом взяли с собой и вышли из дворца на улицу; взятого ребенка отнесли к черному морю и бросили его, а сами пришли домой и ждут приезда мужа, богатого царя Бадмы.

Богатый царь Бадма охотился на северной стороне Алтая и на южной стороне Хохоя, во время охоты убивая жирных зверей, а сухих отпускал; убив много зверей, приехал домой, остановился у серебряной коновязи, слез с коня, отвязал торока, убитых зверей свалил по обе стороны коня и отпустил коня пастись на северной стороне Алтая. Тогда две старшие царицы вышли навстречу, из убитых зверей отделили, что подлежит пище, тех бросили к пище; что подлежит выделке, тех бросили к выделке и после этого вошли во дворец; войдя во дворец, подвинули серебряный стол, поставив на него действительно вкусные кушанья. Богатый царь Бадма ел как птица клевал и как волк глотал. После этого две старшие царицы показывают ему шубы и говорят:

– Мы сшили тебе летние шелковые шубы; ты будешь носить их в летнее время.

Богатый царь Бадма надел на себя сшитые шелковые шубы; они как раз впору ему. Он обрадовался, что сшили ему летние шелковые шубы. Потом старшие царицы говорят:

– Младшая твоя царица Намту-харакшин родила тебе, бездетному, в дети черного щенка и, спеленав его, лежит в ожидании тебя.

Тогда богатый царь Бадма сильно рассердился, взяв верховой кнут, пошел к младшей царице Намту-харакшин и побил ее кнутом, говоря:

– Бездетному мне родила черного щенка!

Богатый царь Бадма жил так некоторое время, а потом опять собирается на охоту; перед выездом он спрашивает у своих трех жен, что они приготовят к его приезду.

Две старшие царицы говорят:

— Мы приготовим шелковые шубы, которые ты будешь носить в зимнее время.

А младшая царица говорит:

— Я к твоему приезду рожу сына с золотой грудью и серебряным задом.

После этого богатый царь Бадма уехал на охоту на северную сторону Алтая и на южную сторону Хохоя.

После отъезда богатого царя Бадмы две старшие царицы сшили две шелковые шубы, какие носят в зимнее время, и приготовленные шубы повесили. Младшая царица Намту-харакшин родила сына с золотой грудью и серебряным задом, спеленала родившегося сына, положила его около себя, а сама лежит.

Две старшие царицы, узнав, что младшая царица Намту-харакшин родила сына с золотой грудью и серебряным задом, взяли с собой черного щенка и понесли к ней; родившегося у нее сына с золотой грудью и серебряным задом незаметно взяли, на его место положили принесенного черного щенка, потом пошли к черному морю и бросили в него мальчика с золотой грудью и серебряным задом, а сами пришли во дворец и ждут приезда мужа, богатого царя Бадмы.

Охотившийся на северной стороне Алтая и на южной стороне Хохоя богатый царь Бадма убил множество зверей; жирных убивал, а сухих отпускал. Набив зверей, он приехал домой, остановился у серебряной коновязи, слез с коня, развязал торока, свалил убитых зверей и сивого коня отпустил на северную сторону Алтая.

Две старшие царицы вышли навстречу. Из убитых зверей, годных в пищу, отложили для готовки, подлежащих выделке отложили для выделки. Потом пошли во дворец, подвинули золотой стол, поставив на нем вкусные кушанья, и подвинули серебряный стол, поставив на нем действительно вкусные кушанья. Богатый царь Бадма ел как птица клевал и как волк глотал. Наевшись, встал из-за стола. Тогда две царицы взяли приготовленные шелковые шубы и подали своему мужу; он надел шелковые шубы — как раз впору. Тогда он обрадовался. Две старшие царицы говорят:

— Твоя младшая царица Намту-харакшин тебе, бездетному, в дети родила черного щенка и, спеленав его, лежит.

Богатый царь Бадма сильно рассердился, взял верховой кнут, пошел к младшей царице и побил ее кнутом, говоря:

— Бездетному мне в дети родила черного щенка!

Побив ее и бросив, ушел к двум старшим царицам.

Так жил богатый царь Бадма. Несколько времени спустя он опять собрался на охоту; тогда две старшие царицы подвинули золотой стол, поставив на нем вкусные кушанья, подвинули серебряный стол, поставив на нем действительно вкусные кушанья; богатый царь Бадма ел как птица клевал и как волк глотал и, наевшись, вышел из-за стола. Потом говорит своим трем царицам:

— Что приготовите к моему приезду?

Тогда две старшие царицы говорят:

— Мы приготовим лисьи легкие шапки.

А младшая царица Намту-харакшин говорит:

— Я к твоему приезду рожу тебе сына с золотой грудью и серебряным задом.

После этого богатый царь Бадма выходит из дворца; сев на сивого коня, он уехал на северную сторону Алтая и на южную сторону Хохоя.

После того, как богатый царь Бадма уехал на охоту, две старшие царицы сшили две лисьи легкие шапки и повесили. Младшая царица родила сына с золотой грудью и серебряным задом. Она взяла сына и спрятала его в рукав, а черного щенка запеленала в пеленки и положила около себя и сама лежит.

Две старшие царицы взяли черного щенка и пошли к младшей царице, нашли возле нее черного щенка в пеленках, взяли его незаметно, на его место положили щенка, которого принесли с собой, а сами пошли к черному морю и бросили в него взятого черного щенка. Потом они пришли во дворец и сидят в ожидании мужа, богатого царя Бадмы, который охотился на северной стороне Алтая и на южной стороне Хохоя.

Он убил много зверей; жирных зверей он убивал, а сухих отпускал. Убив много зверей, он приехал домой, остановился у серебряной коновязи, слез с коня, развязал торока, убитых зверей свалил по обе стороны коня и коня отпустил пастись на северную сторону Алтая. Две старшие царицы вышли навстречу, убитых зверей, подлежащих пище, бросали к пище, подлежащих выделке бросали к выделке. После этого вошли во дворец, там подвинули золотой стол и поставили на нем вкусные кушанья, подвинули серебряный стол, поставили на нем действительно вкусные кушанья; богатый царь Бадма ел как птица клевал и как волк глотал; наевшись, вышел из-за стола. Тогда две старшие царицы принесли ему приготовленные легкие лисьи шапки; он надел их на голову — как раз впору. Тогда богатый царь Бадма сильно обрадовался. В это время две старшие царицы говорят:

— Твоя младшая царица Намту-харакшин тебе, бездетному, в дети опять родила черного щенка.

Тогда богатый царь Бадма сильно рассердился, схватил верховой кнут, прибежал к младшей царице, избил ее кнутом; потом зашил ее в бычью кожу, положил в железную бочку и вкатил в черное море. После этого богатый царь Бадма жил с двумя старшими царицами.

Младшая царица Намту-харакшин, зашитая в бычью кожу и положенная в железную бочку, катится по дну черного моря. Спрятанный ею в рукаве сын с золотую грудью и серебряным задом с каждым днем и с каждой ночью растет в бочке более и более. Однажды он сказал матери:

— Почему мы все, и днем и ночью, живем в темноте, без травы и солнца, и отчего всегда катимся?

Тогда его мать, царица Намту-харакшин, говорит ему:

— По глупости твоего отца и по зависти двух старших цариц мы катимся в железной бочке по дну черного моря.

Тогда этот мальчик начинает кричать, призывая небесных богов, чтобы они освободили его и его мать из железной бочки. Небесные боги услышали крик и призывание; на луне сделали хороший суглан и на Плеядах сделали меткий суглан; на суглане они открыли материнское желтое священное писание и читают его. В нем вычитывают, что младшая царица Намту-харакшин с младшим сыном, зашитые в бычью кожу, катятся по дну черного моря. Тогда небесные бурханы (боги) сделали так, что железная бочка со дна моря выкатилась на остров. Когда бочка выкатилась, младший сын царицы Намту-харакшин узнал, что железная бочка выкатилась на сухое место. Он ночью разбил бочку и разорвал бычью кожу, в которую они были зашиты. Когда они вышли на остров, то с помощью волшебной и таинственной силы он устроил большой и прекрасный дворец, в котором царица Намту-харакшин стала жить со своим младшим сыном.

В одно утро младший сын говорит своей матери, царице Намту-харакшин:

— Сегодня придут три табунщика царя Томо-Улана; они будут просить показать дорогу к богатому царю Бадме; тогда ты скажи им: дорогу не знаю, спросите на улице у лежащего под крыльцом желтого щенка.

После этого младший сын выходит на улицу, обращается в желтого щенка и лежит под крыльцом. Несколько времени спустя во дворец входят три табунщика царя Томо-Улана и спрашивают о дороге к богатому царю Бадме. Тогда царица Намту-харакшин говорит:

— Я не знаю дороги; выходите на улицу, там под крыльцом лежит желтый щенок, у него спросите, он знает дорогу и укажет вам.

Три табунщика царя Томо-Улана вышли из дворца на улицу и спрашивают у лежащего под крыльцом желтого щенка:

— Укажи нам дорогу к богатому царю Бадме.

Тогда желтый щенок, лежащий под крыльцом, вытягивается из-под крыльца, выходит и ведет трех табунщиков по направлению к богатому царю Бадме. Когда дошли до половины дороги, тот желтый щенок указал дворец богатого царя Бадмы, а сам пошел домой. На пути он обратился в черную муху и улетел за табунщиками; догнав их, сел на спине одного из них. Эти три табунщика приехали ко дворцу богатого царя Бадмы; царь рассердился на них, что долго ехали. Тогда три табунщика говорят:

— Мы заблудились и попали на остров черного моря, где стоит прекрасный дворец; смотря на этот дворец, мы незаметно провели три дня.

Тогда две старшие царицы говорят:

— Это ничего. Прямо на южной стороне, на берегу большого моря стоит вечно зеленеющая береза, которая зимой и летом в зеленых листьях; на этой березе гнездятся семьдесят разных птиц, которые поют и играют круглый год. Если бы вы эту березу увидели, то что было бы с вами?

Тогда черная муха, сидевшая на спине одного табунщика, услышав этот рассказ, улетела домой и обратилась в человека. Входя во дворец, он говорит своей матери Намту-харакшин:

— Я слышал, что прямо на южной стороне, на берегу большого моря стоит вечнозеленая береза, на которой гнездятся семьдесят разных птиц, которые поют и играют круглый год. Я пойду и принесу эту березу.

Тогда его мать говорит:

— Ты еще маленький, путь дальний, тебе нельзя еще идти.

На другое утро младший сын царицы Намту-харакшин собрался в дорогу, взял в руки трость и, опираясь на нее, отправился прямо в южную сторону. Несколько времени спустя он приходит к берегу большого моря; действительно, на берегу большого моря стоит одна большая и вечно зеленеющая береза, на которой гнездятся семьдесят разных птиц, поющих и играющих. Этот младший сын обратился в тринадцать черных мышей; эти мыши и подрыли землю под корнями этой березы; ни одного корня не испортили и не оторвали, когда рыли землю под березою.

После этого, обратившись снова в человека, он поднял эту березу с корнями, положил на голову и принес домой со всеми семьюдесятью разными птицами. Он посадил ее около дворца; принесенная береза на новом месте растет еще лучше прежнего и по-прежнему на этой березе гнездятся семьдесят разных птиц, которые поют и играют круглый год.

В одно утро младший сын говорит своей матери Намту-харакшин:

— Сегодня придут три табунщика царя Томо-Улана, они будут спрашивать о дороге к богатому царю Бадме; ты скажи, что не знаешь дороги, пусть спросят у лежащего под крыльцом желтого щенка.

После этого он выходит на улицу и, обратившись в желтого щенка, ложится под крыльцом. Несколько времени спустя приходят три табунщика, входят во дворец, просят указать дорогу к богатому царю Бадме. Тогда царица Намту-харакшин говорит им:

— Я не знаю дороги к богатому царю Бадме. Спросите на улице у лежащего под крыльцом желтого щенка. Он покажет вам дорогу.

Три табунщика выходят на улицу и спрашивают о дороге у желтого щенка, лежащего под крыльцом; щенок, вытягиваясь, выходит из-под крыльца и ведет их по направлению к богатому царю Бадме. Пройдя половину расстояния, он показал им дворец богатого царя Бадмы, а сам пошел обратно домой. По дороге

он обратился в черную муху. Муха полетела за табунщиками, догнала их и села одному из них на спину. Эти три табунщика приехали к дворцу богатого царя Бадмы и вошли во дворец. Тогда богатый царь Бадма на них рассердился, что они долго ездили. Три табунщика говорят:

— Мы по дороге заблудились и попали на остров черного моря. На этом острове стоит красивый дворец и около дворца растет вечно зеленеющая береза, на березе гнездятся семьдесят разных птиц, которые поют и играют круглый год. Смотря на них, мы незаметно простояли три дня, поэтому долго промедлили.

Тогда две старшие царицы говорят:

— Прямо на северной стороне есть большая свинья Хадарган, которая носом пашет землю, сеет хлеб и хвостом боронит круглый год. Подданные этот хлеб жнут, молотят, мелют муку, из которой выгоняют вино. Гуляя, вино пьют. Что было бы с вами, если бы вы посмотрели на эту свинью?

Тогда черная муха, сидевшая на спине одного табунщика, полетела домой и снова обратилась в человека; входя во дворец, этот человек говорит своей матери царице Намту-харакшин:

— Я слышал, прямо на северной стороне есть одна большая свинья Хадарган, которая носом пашет землю, сеет хлеб и хвостом боронит круглый год, а подданные этот хлеб жнут, молотят, мелют на муку, из которой гонят вино, и вино, гуляя, пьют. Я пойду к этой свинье и приведу ее домой.

Тогда мать, царица Намту-харакшин, говорит:

— Эта свинья очень сильна и сердита, ты с нею не справишься. Не ходи! Ты еще молод.

На другое утро младший сын, взяв трость и опираясь на нее, отправился прямо в северную сторону. Несколько времени спустя он приходит в местность, где действительно видит одну большую свинью Хадарган, которая носом пашет землю, сеет хлеб и боронит хвостом. Подданные этот хлеб жнут, молотят, мелют муку, из которой выгоняют вино и, гуляя, вино пьют. Эта свинья Хадарган ест одно дерево, которым только и питается.

Этот младший сын царицы Намту-харакшин набрал этих деревьев с корнями и, маня и кормя эту свинью Хадарган этими деревьями, привел ее домой со всеми подданными. Тогда эта свинья со своими подданными поселилась около дворца младшего сына царицы Намту-харакшин и по-прежнему носом пашет землю, сеет хлеб и хвостом боронит круглый год, а подданные жнут, молотят, мелют на муку, из которой выгоняют вино и, гуляя, вино пьют.

В одно утро младший сын говорит своей матери царице Намту-харакшин:

— Сегодня придут три табунщика царя Томо-Улана, будут спрашивать о дороге к богатому царю Бадме. Ты скажи, что не знаешь дороги, спросите на улице у лежащего под крыльцом желтого щенка.

После этого он вышел на улицу, обратился в желтого щенка и лежит под крыльцом. Несколько времени спустя приходят три табунщика, вхо-

дят во дворец и спрашивают о дороге к богатому царю Бадме. Тогда царица Намту-харакшин говорит:

— Я не знаю дороги, выходите на улицу и там спросите у желтого щенка, лежащего под крыльцом. Он знает дорогу.

Три табунщика вышли из дворца и спрашивают о дороге у желтого щенка, лежащего под крыльцом. Щенок, вытягиваясь, выходит из-под крыльца и ведет их по направлению к богатому царю Бадме. Доведя их до половины дороги, он показал им дворец богатого царя Бадмы, а сам пошел обратно домой; по дороге обратился в черную муху. Муха полетела за тремя табунщиками, догнала их и села на спине одного из табунщиков. Табунщики приехали ко дворцу богатого царя Бадмы, слезли с коней и вошли во дворец. Богатый царь Бадма рассердился на них, что долго ехали. Три табунщика царя Томо-Улана говорят:

— Мы по дороге заблудились и попали на остров черного моря, где увидели красивый дворец; возле дворца растет вечно зеленеющая береза, на которой семьдесят разных птиц гнездятся, выводят птенцов и круглый год поют и играют; кроме того, около дворца одна большая свинья Хадарган носом пашет землю, сеет хлеб и хвостом боронит; этот хлеб все подданные жнут, молотят, мелют муку, из муки выгоняют вино, которое, гуляя, пьют. На это смотря, провели три дня.

Тогда две старшие царицы говорят:

— Это ничего в сравнении с тем, что есть на конце черного моря. Там есть железный дворец в длину и ширину шестьдесят верст. В этом дворце живут два нагих мальчика. Они выходят из дворца и каждый из них поднимается на отдельную гору; поднявшись, они играют, бросая друг в друга горами. Около них стоит одна черная собака на цепи. Эта черная собака кругом бегаёт на расстоянии версты, ловит разных зверей и ест их. Что было бы с вами, если бы вы это посмотрели?

После этого черная муха, сидевшая на спине одного табунщика, вылетела из дворца и прилетела домой, и здесь обратилась в человека как прежде.

После этого он входит во дворец и говорит своей матери царице Намту-харакшин:

— На конце черного моря стоит железный дворец в длину и ширину шестьдесят верст; в этом дворце живут два нагих мальчика, которые, выйдя из железного дворца, поднимаются на две разные горы и играют, бросая друг в друга горами. Около них стоит черная собака на цепи; она бегаёт кругом на расстоянии версты, ловит разных зверей и ест. Я пойду к ним и приведу их домой.

Тогда его мать, царица Намту-харакшин, говорит:

— Ты еще маленький, не можешь с ними управиться. Подожди немного!

Младший сын говорит:

— Пойду непременно и приведу их!

Тогда его мать, царица Намту-харакшин, надоила своего молока, испекла на нем два калача и отдала своему сыну.

На другое утро младший сын царицы Намту-харакшин, взяв трость, опираясь на нее, отправился пешком по берегу черного моря. Через несколько времени он дошел до конца черного моря. Действительно, стоит железный дворец длиною и шириною шестьдесят верст. Из этого дворца вышли два нагих мальчика, поднялись на отдельные горы и начали играть, бросая друг в друга горами как мячиками. Около них на цепи бегает одна большая черная собака на расстоянии версты, ловит разных зверей и ест сама.

Этот младший сын царицы Намту-харакшин незаметно входит в железный дворец, в котором на столе стоят разные кушанья. Он съел их, положил на стол принесенные калачи, а сам влез в подполье и там спрятался. Несколько времени спустя эти два нагих мальчика входят во дворец, смотрят — на столе ничего не оказалось, лежат только два калача. Старший два раза укусил и съел, а младший один раз укусил и съел, потом смотрят друг на друга и спрашивают друг друга:

— Что ты узнал?

— А ты что узнал?

Старший нагой мальчик говорит:

— Я два раза сосал молоко моей матери, вкус которого в этом калаче.

А младший нагой мальчик говорит:

— Я один раз сосал молоко моей матери, вкус которого в этом калаче.

После этого каждый из них съел свой калач, а потом они говорят друг другу:

— Должно быть, пришла наша мать?

Эти два нагих мальчика начали искать в железном дворце и полезли в подполье, где и нашли младшего сына царицы Намту-харакшин. Тогда они узнали, что они родные братья, что они дети богатого царя Бадмы и что мать их — младшая царица Намту-харакшин. Тогда они собрались идти к матери, взяли большую черную собаку и повели ее за собой по берегу черного моря и так пришли домой к своей матери. Когда они пришли, то мать их, царица Намту-харакшин, сильно обрадовалась. С этого времени она стала жить с тремя своими сыновьями на своем острове. Потом три мальчика собрались ехать к своему отцу — к богатому царю Бадме; они в один день поехали, по дороге, немного не доезжая, остановились ночевать, развели большой огонь, около которого и ночевали. На другое утро богатый царь Бадма увидел этот огонь и послал человека, которому приказал пригласить ночевавших, чтобы они заехали к нему в гости. Посланный человек приехал и просит этих трех мальчиков заехать к богатому царю Бадме. Эти три мальчика согласились.

— Если нас приглашает сам царь, — сказали они, — то нам, простым людям, сидеть нечего.

После этого встали, сели на своих коней и поехали к богатому царю Бадме.

Приехав, остановились у серебряной коновязи, привязали к ней шелковыми поводками своих коней, а сами вошли во дворец и здороваются.

Тогда богатый царь Бадма посадил их на правой стороне дворца на серебряном престоле и спрашивает:

— Откуда вы едете, куда путь держите и как вас зовут?

Эти три мальчика говорят:

— Мы живем на острове черного моря, мать нашу зовут царицей Намту-харакшин, а отца не знаем. По слухам, по людским словам, отец наш — богатый царь Бадма, которого мы поехали искать.

Тогда богатый царь Бадма сильно обрадовался, встал с места, не знает, что встал, и сев, не знает, что сел. В это время он говорит:

— Я думал, что я не имею сыновей, а оказывается, имею трех прекрасных сыновей, которых не знал.

Потом богатый царь Бадма от трех своих сыновей расспросил все и узнал о всех хитрых злодействах двух старших цариц. Он сильно на них рассердился и спрашивает их:

— Любы ли вам хвосты семидесяти соловых кобыл и вершины семидесяти красных лиственниц?

Две старшие царицы говорят:

— Если мы будем доить семьдесят соловых кобыл, то молоком их будем сыты, а если будем топить (дворец) дровами от семидесяти лиственниц, то будем сидеть в тепле.

Богатый царь Бадма одну старшую жену привязал к хвостам семидесяти соловых кобыл; привязав, кобыл отпустили и крикнули; семьдесят соловых кобыл разорвали ее на семьдесят частей и убежали в разные стороны. Другую старшую царицу привязали к вершинам семидесяти красных лиственниц и вершины отпустили: вершины семидесяти лиственниц выпрямились и разорвали ее на семьдесят частей. Все разорванные части поклевали сороки и вороны. После этого три сына богатого царя Бадмы переехали к отцу своему; дворец, березу, свинью Хадарган и черную собаку привезли с собой. Богатый царь Бадма стал жить с младшей царицей Намту-харакшин и с тремя своими сыновьями. Он живет очень счастливо и богато.

Ан нуга ашта, бурханда туше.

Напечатано в «Балаганском сборнике», Труды ВСОРГО, т. V, Томск, 1903, стр. 152-167.

ОХОТНИК

В прежнее время жил один охотник. Однажды он охотился и упал в змеиную яму. Со всех сторон приползли к нему змеи, чтобы ужалить его. В середине ямы около белого камня лежал большой змей: это был змеиный царь Могон-хан. Змеиный царь зашипел на змей, они все убежали и спрятались между камнями.

Охотник лежит в змеиной норе и видит, что змеи поодиночке подползают к белому камню и лизут его языком, а потом обратно ползут; змеиный царь тоже лижет этот камень. Охотник сильно проголодался, а змеиный царь головой показывает ему на камень. Охотник подошел к камню, полизал его и сделался сытым, как будто поел какой пищи. Так этот охотник пролежал в змеиной норе целую зиму, до весны. Когда настала весна, то все змеи выползли из норы; охотник остался в норе с змеиным царем; змеиный царь превратился в человека и говорит охотнику:

— Я давно воюю с лягушачьим царем Бахан-ханом, но не могу его победить. Можешь ли ты убить его?

После этого змеиный царь опять обратился в большую змею, посадил охотника на себя, вылетел из ямы и прилетел к желтому морю Шара-далай¹; тут он остановился около дерева и говорит:

— Вот скоро желтое море будет кипеть и выйдет из него лягушачий царь; на его спине есть золотой крест; если попадешь в этот золотой крест, то убьешь его. Но только нужно стрелять прежде, чем лягушачий царь сделает синий ядовитый туман, от которого все живое умирает. Я под деревом вырою яму, а ты залезь на дерево и сядь против ямы: когда ты выстрелишь, сделается синий ядовитый туман, от которого ты упадешь в яму, а я тебя накрою.

Сказав это, змеиный царь вырыл под деревом яму. Охотник залез на дерево, сидит против ямы и ждет царя лягушек. Немного погодя желтое море начинает кипеть и пениться желтою пеной; из желтого моря выходит большая лягушка, на спине которой блестит золотой крест. Охотник прицелился в крест, выстрелил и попал в него, убил лягушачьего царя. Сделался синий ядовитый туман; сидевший на дереве охотник потерял сознание и упал в яму. Змеиный царь накрыл его. Когда ядовитый туман рассеялся, то змеиный царь оживил охотника и говорит:

— Теперь опять желтое море будет кипеть, из воды выйдет сама царица лягушек; на груди у нее будет серебряный крест; если попадешь в этот крест, то убьешь царицу лягушек; тогда сделается желтый туман; ты опять упадешь в яму, я тебя оживлю. Только нужно стрелять прежде, чем лягушачья царица сделает желтый ядовитый туман.

Охотник опять залез на дерево и сидит против ямы. Немного погодя желтое море начинает кипеть и пениться желтою пеною; из моря выходит большая лягушка, на груди которой блестит серебряный крест. Охотник прицелился и выстрелил в серебряный крест, убил царицу лягушек; тогда сделался желтый ядовитый туман, от которого охотник потерял сознание и упал в яму, а змеиный царь накрыл его. Когда желтый ядовитый туман рассеялся, змеиный царь оживил охотника и говорит:

---

¹ Ш а р а – желтый, д а л а й – море.

— Я несколько лет воевал с царем лягушек, никак не мог победить его; он убил множество моих подданных, а ты непобедимых моих врагов победил. Возьмешь ли золото и серебро или узнаешь семьдесят языков?

Тогда охотник говорит змеиному царю:

— Мне не нужно ни золота, ни серебра. Как их понесу домой? Откуда, скажут, взял? Лучше научи меня понимать семьдесят языков.

Тогда змеиный царь научил этого охотника понимать семьдесят разных языков, а потом говорит ему:

— Если ты об этом кому-нибудь скажешь, то умрешь.

После этого змеиный царь улетел, а охотник пошел домой.

По дороге он проходит мимо одного дерева, на котором сидят сорока и ворона. Они между собою говорят:

— На берегу моря стоит соловый жеребенок; кто первый из нас перешагнет через него, тот будет счастлив и богат.

Охотник, услышав разговор сороки и вороны, побежал на берег моря, где стоял соловый жеребенок, и перешагнул через него прежде сороки и вороны. Как только он перешагнул, жеребенок стал невидим. После этого охотник, понимающий семьдесят языков, пришел домой и живет. Однажды ночью он слышит, что две мыши вышли из норы, подошли к крынкам с молоком и говорят между собою. Одна мышь говорит другой:

— Ты держи меня за хвост, а я буду есть молоко; когда я наемся, ты будешь есть, а я буду держать тебя за хвост.

После этого одна мышь стала есть молоко, а другая держала ее за хвост своими зубами. Когда первая мышь наелась, вторая начала есть молоко, а первая стала держать ее за хвост. Перед тем вторая мышь говорила первой:

— Смотри, держи хорошенько, не урони меня в молочное море.

Когда вторая мышь ела молоко, у первой, державшей зубами хвост второй, сделалась отрывка и она отпустила хвост; евшая молоко мышь упала в молоко, начала тонуть и упрекать свою товарку:

— Я говорила тебе, держи хорошенько!

Слышавший весь этот разговор бурят-охотник засмеялся, встал и выбросил мышь из молока. Жена охотника начинает допрашивать его, отчего он засмеялся и как узнал, что мышь попала в молоко. Он никак не может отговориться; жена настаивает, чтоб он сказал. Наконец он говорит своей жене:

— Приготовь хорошего коня, оседлай лучшим седлом, надень на него лучшую узду, приготовь также мою хорошую одежду; тогда я скажу, потому что, когда я тебе скажу, я должен умереть.

Его жена поймала хорошего коня, взнуздала его хорошею уздою, оседлала наилучшим седлом и приготовила ему всю одежду. Он оделся и рассказал ей, как он попал в нору змей, где пробыл целую зиму, как он со змеиным царем прилетел к желтому морю, победил царя и царицу лягушек и как выучился понимать семьдесят языков. Сказав это, охотник умер; его похоронили.

Змеиный царь, узнав, что охотник, который помог ему победить царя и царицу лягушек, умер, сказавши о своем знании семидесяти языков, прилетел и вырыл тело охотника из земли, три раза перешагнул через него и каждый раз на него помочился; тогда умерший охотник ожил. Змеиный царь говорит ему:

— Зачем ты рассказал, что знаешь семьдесят языков? Я тебе говорил, что нельзя рассказывать.

Тогда охотник говорит ему:

— Тарасун страшный! Это он меня заставил говорить.

Змеиный царь спрашивает, что такое тарасун.

— Приходи через семь дней,— отвечает охотник змеиному царю,— тогда узнаешь, что такое тарасун.

Змеиный царь согласился прийти через семь дней и улетел. Оживший охотник пришел домой и начал выгонять троённый тарасун¹. На седьмой день змеиный царь, превратившись в человека, приходит в дом охотника; тот угощает его троённым тарасуном. Змеиный царь пьет троённый тарасун и хвалит:

— Какое славное питье!

Напился допьяна и повалился, превратившись снова в змею. Тогда охотник взял змеиного царя, начал бить его об стену и волочить по земле; потом приготовил мягкую постель и положил на нее змеиного царя. На другой день змеиный царь проснулся, встает и спрашивает у охотника, отчего у него все тело болит.

Охотник говорит ему:

— Когда ты напился пьяным, то, превратившись в змею, бился и катался по земле, оттого, надо полагать, болит все твоё тело.

Змеиный царь поверил, что тарасун страшен, разрешил охотнику говорить, что он знает семьдесят языков и улетел домой. После этого охотник начал жить по-прежнему.

Однажды охотник проехал мимо одного улуса, в это время на него полаяли собаки богача и бедняка. Собака бедняка лаяла ему:

— Заезжай к моему хозяину, он бедный, имеет одну корову и одну овцу; если заедешь к моему хозяину, то его жена подаст тебе побелиться (с а г а л х а)² молоком ее единственной коровы и заколет единственную овцу, а если заедешь к богатому, то жена богача на тебя и не посмотрит и не подаст даже побелиться, не то, что накормит.

Так лаяла собака бедняка. А собака богача лаяла:

— Заезжай к моему хозяину; он очень богат, но скупой. Немного покормит тебя.

---

¹ Т р о ё н н ы й т а р а с у н — три раза перегнанное вино из молока.

² П о б е л и т ь с я — поесть молока.

Охотник заехал к богатому, вошел в юрту, поздоровался и сел у двери. Жена богача на него даже и не взглянула и не дала побелиться. Охотник вышел из юрты, сел на коня, подъехал к юрте бедняка, входит. Жена бедняка пригласила его сесть налево от двери¹ и подала молоко побелиться. Бедный домохозяин пригласил его ночевать, вечером заколол свою единственную овцу; когда сварилось мясо, он большое количество кусков его бросил в огонь, потом стал угощать гостя. В это время входит в юрту собака, ласкается к охотнику, визжит и говорит:

— Хороший гость, урони лопатку с мясом, я схвачу ее и выбегу на улицу; хозяин не будет сердиться.

Охотник понял слова собаки и, как будто нечаянно, уронил лопатку с мясом. Стоявшая собака схватила лопатку и выбежала из юрты; хозяин не погнался за собакой, чтобы отнять лопатку с мясом. Охотник наелся досыта и лег спать. Ночью в юрту бедняка входит хозяин огня² богача и начинает разговаривать с хозяином огня бедняка. Хозяин огня бедняка спрашивает у хозяина огня богача, отчего у него выколоты глаза. Тот говорит:

— Глаза выколлот мой хозяин. Он очень скупой; когда жарит мясо, то достает ножом; таким образом и выколлот мне глаза. Когда приедет с тайлгана³, то бросает в огонь маленький кусок жира, а мяса не бросает; ему жалко куска мяса. Когда бросает кусок жира, то бросает мне прямо в глаза. Когда варит саламат, то мне в глаза льет одно масло, а саламату не дает; когда разводит огонь, то мне на голову бросает дрова.

Так рассказывает хозяин огня богача. А хозяин огня бедняка говорит:

— Мой хозяин бедный, но очень хороший! Когда приезжает с тайлгана, то около меня кладет много мяса и жира, так что я досыта наедаюсь. У нас хотя одна корова, но все-таки он варит саламат и дает мне его достаточно, а также дает и масла и я наедаюсь досыта. Дров мне на голову никогда не бросает. Ты лучше приходи ко мне, будем жить вместе.

Хозяин огня богача говорит:

— Приду жить к тебе, но только вперед сожгу своего хозяина.

Тогда хозяин огня бедняка сказал ему:

— У твоего хозяина в юрте стоит наша ступка⁴, выброси ее на улицу, а то сгорит!

---

¹ Налево от дверей место, где садят почетных гостей.

² Т. е. дух огня.

³ Т а й л г а н — общественное жертвоприношение.

⁴ Деревянная ступка, в которой толкут кирпичный чай.

Хозяин огня богача ушел. В эту ночь все юрты богача сгорели в пожаре, а ступка бедняка была выброшена на улицу и осталась цела. Богач стал подозревать бедняка, что он из зависти поджег его юрты, так как его ступка оказалась выброшенной на улицу. Тогда охотник рассказал богачу, как хозяева огней разговаривали между собой, и что поджог сделал хозяин огня, а бедный сосед не виноват. Он рассказал про себя, что знает семьдесят языков, понимает разговор всех животных и видит духов и убедил их. После этого охотник уехал домой. Бедняк поправился и стал жить счастливо, а богач разорился.

Напечатано в «Балаганском сборнике», Труды ВСОРГО, т. V, Томск, 1903, стр. 174-181.

IX

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

ЖЕЛТО-СЕРЫЙ ВОЛК И ЛИСИЦА-САМКА¹

Давно прежде жила лисица; у нее были маленькая козочка, ягненок-баран и теленок-пороз (бычок). Жили они у нее в небольшом хлеву. Когда лисица-самка уходила в лес траву рвать и цветы собирать, то козочка, ягненок-баран и теленок-пороз крепко-накрепко в хлеву затворялись и изнутри крепко-накрепко дверь запирали. Уходя, лисица строго-настрого им приказывала никому, кроме нее, дверей не отпирать. Когда лисица приходила домой с цветами и травой, то козленочек-коза, ягненок-баран и теленок-пороз отпирали и впускали ее. Она давала им травы и цветы и они их ели.

Однажды лисица-самка ушла рвать траву и цветы, а козочка, ягненок и теленок заперлись в хлеву. Лисица рвала траву и цветы и пела песню:

– Козленочек мой коза, ягненок мой баран, теленок мой пороз будут эту травку и цветы жевать и есть.

Подслушал эту песню желто-серый волк и приходит к хлеву, чтобы съесть козленка, ягненка и теленка у лисицы-самки.

У двери в хлев волк говорит:

– Козленочек-коза, ягненок-баран, теленок-пороз, отворите дверь! Я, ваша мать, пришла, много травы и цветов принесла.

Когда козленочек-коза, ягненок-баран, теленок-пороз услышали голос волка, они ему сказали:

– Голос твой толстый, ты не наша мать, у нашей матери голос тоненький да протяжный.

Потом они выглянули в щелку и говорят:

– Ты серый, а наша мать – желтенькая.

Волк пошел и покатался на желтой глине, а потом опять приходит и говорит тоненьким протяжным голосом:

– Отворите дверь! Я, ваша мать, много цветов и травы принесла.

---

¹ В тексте: у н у г у и з и.

Тогда козленочек-коза, ягненок-баран, теленок-пороз говорят:

– Ты покажи нам свои зубы!

Волк оскалил свои зубы и показывает. Козленочек-коза, ягненок-баран, теленок-пороз говорят:

– Зубы нашей матери маленькие, а твои слишком длинные и толсты! Ты не наша мать, а волк! Иди к желтому морю; там на берегу, увязнув в грязи, лежит соловый жеребенок, его съешь!

Волк отправился к желтому морю, увидел там солового жеребенка и говорит ему:

– Я тебя съем!

Тогда соловый жеребенок говорит:

– Если хочешь меня съесть, так ешь; только прежде вытащи меня из грязи, а то у меня в грязи душа будет мучиться.

Волк вытащил солового жеребенка из грязи на сухой берег и говорит:

– Теперь я тебя съем!

Соловый жеребенок говорит:

– Если хочешь меня съесть, так ешь; только вычисти меня прежде от грязи; тебе есть лучше будет, а душа моя будет без грязи ходить.

Волк вычистил солового жеребенка от грязи, и жеребенок стал высокий и поправился немного. Волк опять говорит:

– Теперь я тебя съем!

Соловый жеребенок говорит:

– Если хочешь съесть, то ешь; только прочитай, что у меня на задней ноге написано, потом съешь!

Волк стал смотреть, что написано у солового жеребенка на задней ноге. В это время соловый жеребенок со всей силы лягнул волка, волк и упал замертво, а соловый жеребенок убежал в свой табун.

Когда волк очнулся, он ушел на высокую гору и говорит себе:

– Зачем я не съел солового жеребенка, а по его просьбе вытащил его из грязи? Ну хотя бы из грязи вытащил, так зачем я стал его чистить? Ну хотя бы и вычистил грязь, зачем я пошел к задней ноге солового жеребенка и стал смотреть, что у него на ногах написано? Пущай бы я грамотный был!

Так говорил волк и бил своей головой камень. Бил, бил да и убили.

Записана М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1899, стр. 92-94 (сказка № 15).

ХИНХУНАЙ-БАГИН

Давно прежде был один бедный человек Хинхунай. Он сажал картошку. С некоторого времени картошка стала убывать: кто-то по ночам крал у него

картошку. Хинхунай не мог никак узнать, кто его картошку крадет. Начал он по ночам караулить, чтобы поймать вора. В одну ночь он заметил, что кто-то вырывает картофель. Он тихонько подкрался и поймал. Оказалось, что ворует картошку лисица-самка (у н у г у-и з и). Хинхунай начал жестоко бить лисицу. Тогда лисица говорит ему:

– Не бей меня, отпусти! Я тебя женю на царской дочери и ты будешь богат.

Тогда Хинхунай перестал бить лисицу-самку, взял с нее обещание и отпустил ее. Лисица убежала.

Через несколько времени приходит эта лисица к Хартаган-хану и просит у хана безмен. Хартаган-хан спрашивает:

– Зачем тебе безмен?

Лисица говорит:

– Безмен просит богач Хинхунай, который счет потерял деньгам золотым и серебряным, а теперь хочет узнать, сколько весят его деньги.

Тогда Хартаган-хан дал лисице безмен. Получив от него безмен, лисица унесла его домой и потом начала этот безмен таскать по камням и по песку, чтобы безмен сильно истерся. Когда безмен сильно потерся, тогда лисица приносит его к Хартаган-хану и отдает обратно. Хартаган-хан, увидав свой безмен, спрашивает лису:

– Отчего это безмен так истерся и отчего вы его долго держали?

Лисица отвечает, что безмен истерся от того, что богач Хинхунай вешал им свое золото, а долго не возвращали оттого, что только что успели перевешать, раньше не могли кончить.

Тогда Хартаган-хан удивился богатству Хинхуная, у которого так много серебра и золота. После этого лисица-самка говорит Хартаган-хану, что Хинхунай-богач желает сватать у хана дочь. Царь Хартаган-хан согласился и назначил время, когда богачу Хинхунаю приехать к нему свататься к его дочери. Лисица ушла домой.

К назначенному времени Хартаган-хан приготовился принимать богача Хинхуная. Лисица пришла к Хинхунаю, чтобы идти с ним к царю и сватать дочь, а у Хинхуная одежды хорошей нет, шуба у него вся в дырах да заплатках. Лисица набрала в поле самых ярких цветов, чтобы издали казалось, точно серебро и золото блестит и усыпала этими цветами всю его шубу, а к подолу камней навязала, со всей другой его одеждой то же сделала и научила Хинхуная:

– Когда мы поплывем к царю Хартаган-хану по морю в лодке, то, приставая к берегу на глубоком месте, я лодку опрокину. Ты с себя одежду сбрось, чтобы она утонула, а сам нагишом останься.

После этого лисица с Хинхунаем пошли к царю, пришли к морю, сели в лодку и поплыли.

Народ Хартаган-хана стоял на берегу и смотрел, как лисица-самка плыла с Хинхунаем по морю; издали народу одежда Хинхуная показалась как будто из

золота и серебра сделана, и все подданные хана удивлялись и говорили, какая красивая шуба у богача Хинхуная.

Когда лисица приближалась к берегу, на глубоком месте она как будто нечаянно опрокинула лодку, сама выплыла на берег. Хинхунай начал нарочно около лодки в воде барахтаться и в это время снял с себя всю одежду, которая и ушла на дно моря, а сам остался нагишом. Тогда его на лодке вытащили на берег. Царь Хартаган-хан надел на богача Хинхуная свою лучшую одежду и увез их обоих с лисицей к себе домой. Здесь стали их угощать, а лисица все время плакала и говорила, что очень дорогая одежда утонула у Хинхуная.

После этого богач Хинхунай сосватал дочь Хартаган-хана. Условились насчет калыма и когда быть свадьбе. Пожив у хана, поехали домой.

Лисица опять ушла в лес и в лесу встретила девять волков. Она им говорит:

— У царя Хартагана в амбаре много жирного мяса лежит. Пойдемте его есть!

Все девять волков согласились и пошли с лисицей. Когда они пришли к Хартаган-хану, лисица отперла амбар с мясом и впустила туда волков, сама двери за ними заперла, пошла к хану и говорит ему:

— Ваш зять богач Хинхунай, зная, что у вас много разного скота, много золота и серебра, вам в подарок их не посылает,— а если надо, то пришлет,— а посылает он вам в подарок девять волков.

Хартаган-хан поверил лисице-самке и обрадовался. Он думал, что волки ручные, отпер дверь амбара, чтобы посмотреть на волков, а они все повыскакивали и убежали в лес.

После этого лисица опять ушла в лес, встретила там девять лисиц и сказала им то же, что волкам; обманула и их. Привела их на двор к Хартаган-хану и заперла в амбар. А сама говорит Хартаган-хану:

— Ваш зять вместо скота послал вам в подарок девять лисиц.

Царь Хартаган-хан сильно обрадовался, он подумал, что все девять лисиц ручные, отпер амбар, чтобы посмотреть их. В это время все девять лисиц повыскакивали из амбара и убежали в лес.

После этого, когда приблизился срок свадьбы, лисица задумала обмануть Тэмэ-Улан-хана, взяла с собой Хинхуная и пошла с ним к хану. Идя по дороге, они встретили множество верблюдов с пастухами; пастухи и верблюды были Тэмэ-Улан-хана. Лисица-самка говорит пастухам:

— Скоро придет большое войско воевать с твоим царем. Если ты скажешь, что ты пастух Тэмэ-Улан-хана, тебя убьют и верблюдов угонят, а если ты скажешь, что ты пастух богача Хинхуная, то тебя не тронут.

Пастух испугался и обещал говорить, что он пастух Хинхуная.

Пошли лиса и Хинхунай дальше и встретили они табуны лошадей с табунщиком. Ему они сказали то же самое, что верблюжьему пастуху, и табунщик обещал говорить, что он табунщик богача Хинхуная. После этого пошли они дальше и встретили стадо коров с пастухом, которому тоже сказали, что идет

большое войско. Пастух также испугался и согласился говорить, что он пастух богача Хинхуная. Дальше встретили они овечьего пастуха, которому тоже сказали, что говорили пастухам верблюжьему, коровьему и табунщику. Тогда пастух овечий тоже испугался и согласился говорить, что он пастух богача Хинхуная.

После этого лисица с Хинхунаем пошли к самому царю Тэмэ-Улан-хану и ему сказали, что скоро придет большое войско и все его царство завоюет, что с этим войском трудно будет воевать. Тогда царь Тэмэ-Улан-хан сильно испугался и спрашивает у лисицы-самки, что нужно сделать, чтобы победить это войско. Лисица-самка говорит ему: если хан хочет избавиться от этого войска, то вот что следует сделать. Пусть хан спрячется, а своему войску и слугам прикажет говорить, что это войско и слуги богача Хинхуная.

— Кроме того, приготовьте побольше мяса и вина и всего прочего, как будто у вас в доме свадьба. Когда войско придет, то хан спрячется, а мы с Хинхунаем все войско угостим и пьяными напоим, тогда пьяных всех их можно убить.

Царь Тэмэ-Улан-хан на все это согласился.

Хан приказал приготовить много мяса, вина и всего прочего и сказать своим подданным и слугам, чтобы все они говорили, что хозяин у них — богач Хинхунай и что у их хозяина свадьба. Когда все приготовили, тогда хан Тэмэ-Улан с женою и сыном спрятались в сено.

Хозяевами остались лисица-самка с Хинхунаем. Когда царь Хартаган-хан ехал со свадебным поездом, то по дороге они встретили пастухов с верблюдами, с конскими табунами, с коровами и с овцами. Они этих пастухов спрашивали, чьи они пастухи. Все пастухи отвечали, что они пастухи богача Хинхуная. Когда свадебные гости приехали к дому, то их лисица-самка с Хинхунаем встретили и угостили. На другой день устроили свадьбу.

В тот день лисица-самка начинает плакать и горевать. Тогда Хартаган-хан спрашивает: отчего она плачет и горюет? Лисица ему отвечает:

— Ваш зять еще богаче был бы, если бы не шулмусы (черти)! С некоторых пор шулмусы здесь поселились и съедают людей и скот.

Хартаган-хан спрашивает у лисицы, как избавиться от этих шулмусов. Лисица говорит:

— Можно бы избавиться от этих шулмусов, если б вокруг сена поставить вооруженных людей, а сено со всех сторон поджечь. Если шулмусы в образе людей из сена выскочат, то их надо поскорее хватать и назад в огонь бросать, тогда они сгорят.

По указанию лисицы царь вокруг сена, в котором спрятался Тэмэ-Улан-хан со своей женой и сыном, поставил вооруженных людей и приказал сено со всех сторон поджечь.

Когда сено подожгли, из него выскочил Тэмэ-Улан-хан с женою и сыном, но вооруженные люди их поймали, побили и снова в огонь бросили; там они и сгорели.

После этого царь Хартаган-хан погулял на свадьбе у богача Хинхуная и уехал домой, и дочь свою оставил у Хинхуная. Так из прежнего бедняка Хинхунай сделался богачом и царем вместо убитого царя Тэмэ-Улан-хана и живет теперь счастливо с помощью лисицы-самки.

Записана М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Балаганские сказки», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1899, стр. 94-98 (№ 16).

ДЕВИЦА ХОНХИНУР¹

Давным-давно жила на свете девица Хонхинур, у которой было двадцать семь погремушек. Она жила на берегу Золотого озера на местности кочковатой.

Однажды к девице Хонхинур пришла лисица-самка и говорит, что ее звали на свадьбу к Хартаган-хану, а потому она просит у Хонхинур ее двадцать семь погремушек. Девица Хонхинур не дала своих погремушек лисице. Тогда лисица-самка говорит ей:

— Я приду через три дня. Если ты и тогда не дашь мне своих погремушек, то я возьму в рот твое Золотое озеро и растопчу своими копытами твою кочковатую землю!

И ушла.

После этого сидит девица Хонхинур и плачет. Летели два лебедя, слышат они плач девицы Хонхинур и спрашивают:

— Отчего ты, девица Хонхинур, плачешь?

— Приходила ко мне лисица, просила у меня мои двадцать семь погремушек надеть на свадьбу к Хартаган-хану, а я не дала своих погремушек. Тогда лисица сказала, что опять через три дня придет, и если я и тогда своих двадцать семь погремушек не отдам, лисица хотела мое Золотое озеро в свой рот забрать и мою кочковатую землю своими копытами растоптать.

Два лебедя говорят девице Хонхинур:

— Если через три дня придет лисица-самка просить твои двадцать семь погремушек, ты не отдавай их; а если скажет, что возьмет в рот твое Золотое озеро и растопчет землю, ты ей скажи: «Где у тебя рот взять мое Золотое озеро и где твои копыта, чтобы растоптать кочковатую землю?» Если спросит лисица, кто тебя научил так говорить, ты ей не говори.

После этого лебеди улетели к югу.

Через три дня приходит лисица-самка и говорит девице Хонхинур:

---

¹ Х о н х и н у р — ботало, ширкунец.

– Теперь отдай мне свои двадцать семь погремушек! А не отдашь, возьму в рот твое Золотое озеро и растопчу твою кочковатую землю!

Хонхинур говорит:

– Не отдам тебе своих двадцать семь погремушек! Где у тебя рот взять мое Золотое озеро и где у тебя копыта растоптать мою землю?

Лисица спрашивает, кто ее научил так говорить. Хонхинур говорит:

– Никто не научил, сама говорю.

Лисица не поверила, начала допытываться, кто научил так говорить. Наконец, Хонхинур не выдержала и сказала, что два лебедя ее научили. Лисица спрашивает, куда лебеди улетели. Девушка Хонхинур говорит:

– К югу полетели.

Лисица-самка ушла искать тех двух лебедей. Ходила она, ходила, наконец нашла этих двух лебедей: сидят они в дупле дерева; тут она их поймала и начала сильно бить, приговаривая:

– Зачем вы научили девушку Хонхинур?

Два лебедя говорят:

– Не бей нас, лисица! Мы тебя на себе повезем куда ты хочешь!

Лисица говорит:

– Везите меня за море!

Лебеди согласились. Лисица села на одного лебедя и оба лебедя полетели. Вот они летят над черным морем, и там лебедь, на котором сидела лисица, начинает встряхиваться. Лисица говорит:

– Не уроните меня в черное море!

Лебеди говорят:

– Нет, не уроним!

Когда лебеди прилетели на самую середину черного моря, тогда они сбросили лисицу в море, а сами полетели дальше.

Лисица-самка глотала, глотала воду и едва-едва выкарабкалась на берег. Пошла на высокую гору, стала там сушиться и думает:

– Зачем я поверила лебедям, когда на них за море полетела?

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1899, стр. 100-102 (сказка № 18).

Х

ЛЕГЕНДЫ

ЦАРСТВО ДЕВИЦ

С трудом очень немногое мне пришлось узнать о царстве девиц (о х и н х а н и у р а м). На все вопросы буряты большею частью говорят только, что где-то прежде было такое царство, в котором царицей была девица и все войско (с э р э к) состояло из девиц. Прежде наши старики, говорят буряты, рассказывали об этом царстве, а ныне забыли. Другие во время расспросов о девичьем царстве вспоминают, что между восточными тэнгэринами есть Охин-тэнгэри; эта Охин-тэнгэри была покровительницей царства девиц. Некоторые буряты указывают, что у бурят есть сказки об Охин-хане и Охин-батаре¹, у которых все войско состояло из девиц. Царь-девица со своим войском из девиц выходила на войну и воевала. Нужно заметить, что буряты считают сказки за действительность: по их мнению, сказочные герои и богатыри когда-то действительно жили на земле.

По одному рассказу, записанному у унгинских бурят, девичье царство находится на северо-восточной стороне; в нем живут только женщины; царем у них девица (х а н и н б а с а г а н); все чиновники в царстве, все войско, все подданные — девицы; мужчин в их царстве нет. Есть у них разный скот, но в табунах одни кобылы, рогатый скот состоит только из коров, овец и коз; жеребцов, коней, порохов, быков, баранов и козлов вовсе нет. Девицы девичьего царства знают много волшебств. В царстве девиц был Обога-хан (так буряты зовут Петра Великого) и едва-едва убежал от них.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 192-193.

СОБАЧЬЕ ЦАРСТВО

(Н о х о х а н и у р а м)

По поверью унгинских бурят, в северо-восточной стороне находится царство собак. В стране, где царствуют собаки, все мужчины рождаются собаками, как

---

¹ Х а н — царь, б а т а р — богатырь.

наши собаки, а женщины рождаются людьми, как наши обыкновенные женщины; эти женщины собачьего царства говорят по-человечески; в то же время они знают собачий язык и понимают язык своих мужей. Буряты соблюдают правило: мужчины избегают мочиться по ночам, обратившись лицом на северо-восток, потому что в это время все женщины в собачьем царстве исполняют обряд «хурулха», обратившись лицом на юго-запад, т.е. в нашу сторону, надеясь, что от совершения этого обряда у них мальчики будут родиться не собаками, как обыкновенно, а людьми. Если кто помочится ночью, обратившись лицом на северо-восток, то с ним может случиться несчастье — его сыновья родятся в собачьем царстве, и он останется бездетным.

По преданию унгинских бурят, один бурят заблудился во время охоты; он долго блудил, вся одежда его износилась и он уже ходил нагишом. Однажды он остановился у озера и пил воду; в это время к нему подъехала девица верхом на коне; седло ее было серебряное. Конь ее имел восемь ног, а не четыре, как у наших коней. Девица остановилась около бурята и завела с ним разговор; бурят спросил ее, где он находится и как зовут эту местность. Она сказала ему, что он пришел в собачье царство. Затем эта девица отвела бурята к себе домой, одела его в свою одежду и накормила. Это была дочь собачьего царя, которого в это время не было дома; со своими подданными собаками он ушел на охоту. Через несколько дней собачий царь со своими собаками возвратился с охоты. Дочь собачьего царя и ее мать спрятали бурята. Собачий царь, войдя в дом, по запаху узнал, что без него в доме был чужой, начал нюхать и по-собачьи говорит жене и дочери:

— Кого вы спрятали? Приведите его!

Жена и дочь собачьего царя вывели спрятанного бурята. Собачий царь, обнюхав его, поворчал немного, лег на положенные перины и подушки и говорит своим подданным по-собачьи, что через трое суток этого бурята нужно съесть. На другой день собачий царь с собаками опять ушел на охоту. Тогда дочь собачьего царя говорит буряту:

— Мой отец говорил своим подданным, что через три дня, когда собаки возвратятся с дороги, тебя съедят. Нужно от них убежать!

Они все приготовили и убежали. Когда собачий царь возвратился с охоты и узнал, что его дочь убежала с этим бурятом, он собрал всех своих подданных собак и побежал за ними в погоню, нюхая по следам. Он начал догонять их; тогда бурят с дочерью собачьего царя залезли на дерево. Собачий царь и его собаки прибежали к дереву; собаки положили на землю перину и подушки, которые они принесли с собой в зубах; царь лег на перину и подушки и приказал собакам грызть дерево поочередно. Собаки начали грызть. Дочь собачьего царя говорит буряту:

— Они скоро перегрызут дерево и съедят нас. Ты стреляй в моего отца! Когда убьешь их царя, они убегут обратно.

Бурят выстрелил и убил собачьего царя. Собаки перестали грызть дерево, отбежали от него и говорят:

— Ты нашла человека, убила своего отца и живи с этим человеком счастливо!

Потом одни собаки взяли в зубы перину и подушки, другие — тело убитого собачьего царя и убежали обратно.

Когда собаки скрылись из виду, бурят и дочь собачьего царя слезли с дерева и пошли вперед; кое-как они пришли в дом буряты; здесь он женился на дочери собачьего царя; она была очень красива; в собачьем царстве все женщины красивы. Через несколько времени эта девица начала худеть и скучать по родине. Близкий родственник мужа этой женщины тоже пожелал достать себе жену из собачьего царства; он обратился к ней за советом, чтобы она указала дорогу, как ехать. Приехав в собачье царство, он зашел в дом собачьего царя, в котором жила только одна его жена. Она сказала ему, что ему не достать здесь жену, что собаки его загрызут как только увидят, и что ему лучше всего поскорее уехать домой, пока собаки не возвратились с охоты. Она дала этому буряту что-то в мешочке и просила передать ее дочери. Бурят, убедившись, что достать жену из собачьего царства невозможно, уехал домой и, приехав, привезенный мешочек передал дочери собачьего царя. Она развязала мешочек и видит там сушеное и толченое мясо восьминогого коня. Когда она начала есть это сушеное и толченое мясо, она начала понемногу поправляться и совсем поправилась.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 193-196.

XI

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ГОД

У бурят каждый год имеет свое название по имени животного; таких названий двенадцать: 1 — мышь, х у л а г а н а; 2 — бык, у х э р; 3 — лев, б а р; 4 — заяц, ш а н д а г а н; 5 — дракон, л у; 6 — змей, м о г о; 7 — конь, м о р и н; 8 — овца, х о н и н; 9 — Плеяды, М и ш и д; 10 — курица, т а х я; 11 — собака, н о х о й; 12 — свинья, г а х а й. После года свиньи следующий год опять получает название мыши и т.д. У унгинских бурят новый год бывает осенью. Летом Плеяды скрываются на некоторое время; когда они снова покажутся, у бурят начинается новый год.

Каждый бурят знает хорошо свой год, т.е. год, в который он родился, в год ли Плеяд или в год быка или льва. По мнению бурят, каждый человек имеет характер, подходящий к тому животному, в год которого он родился. Например, если он родился в год быка, то он вялый, сонливый, выносливый, упрямый и т.д.; если родился в год мыши, он добродетельный, запасливый, благоразумный и пр.; родившиеся в год льва бывают сердиты, вспыльчивы, смелы и т.д.; в год змеи злы, скрытны, хитры и т.п.

Бурят в год своего рождения ведет себя осторожно, не выезжает далеко из дома, обращается к ворожеям и шаманам, чтобы они предсказали ему, благополучно ли он проведет год своего животного. Кроме того, он старается брызгать вино и тарасун местным горным старцам и пр., чтоб они покровительствовали ему и защищали бы от злых духов. По мнению бурят, человек в год животного, в котором родился, бывает очень хрупок, может легко заболеть и умереть. Злые духи ждут год рождения человека и тогда особенно нападают, потому что в такой год легче ему повредить. В год своего животного мужчинам нельзя жениться, а девушкам выходить замуж. Бурят, родившийся в год быка, ни за что не будет колоть быка или корову, хотя мясо не запрещается есть; родившийся в год коня во всю жизнь не будет колоть коня; а если придется, то поручает сделать другому буряту, который родился не в год коня.

Буряты считают за грех женить сына или выдать дочь замуж в марте месяце (по-бурятски ул а н з у д а н). Если кто в этот месяц женится или выйдет замуж, будет жить несчастливым.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 253-254.

НАЗВАНИЯ ПАЛЬЦЕВ

Обыкновенные:

Большой	— э р х э
Указательный	— д о л ё б о р
Средний	— д у н д а х у р ь г а н
Безымянный	— н э р э у г э й х у р ь г а н
Мизинец	— ш и г и ш к э

Детские:

Большой	— б а р б а д а й
Указательный	— б а ш и н т у л а й
Средний	— т о х о - т о б ш и
Безымянный	— т о л и - б а т о р
Мизинец	— б и ш и х а н ш и ш у х э

Записано М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып. 1, Ирк., 1899, стр. 131 (№ 47).

ПАЛЬЦЫ-ВОРЫ

Барбадай говорит: «Украдем!»

Башин-тулай говорит: «Ладно!»

Тохо-тобши говорит: «Я, высокий человек, буду смотреть!»

Толи-батор говорит: «Досыта наедемся, до бедноты будем отпираться!»

Бишихан шишухэ говорит: «Я скажу» (буду доказывать).

Записано М. Н. Хангаловым у бурят Балаганского ведомства

Напечатано в сб. «Бурятские сказки...», Записки ВСОРГО по этнографии, т. I, вып., Ирк., стр. 133-134 (№ 48).

ЗАРЫВАНИЕ ПОСЛЕДА

1. Когда родится ребенок, унгинские буряты имеют обычай послед зарывать в землю в какой-нибудь посуде, чаще всего в берестяном лукошке; вместе с последом в лукошко кладут уголь, зерновой хлеб, три черные камня, изредка

серебряную монету и березовые лучинки; последние кладут крестообразно внизу и сверху; иногда на послед выливают вино или тарасун. Бильширские буряты вместе с последом зарывают боярышник и шиповник, так как злые духи боятся этих растений. Некоторые буряты обертывают послед отцовскими штанами. Уголь кладут с последом, воображая, будто кладут огонь; раскалившись, уголь будет бросать искры, злые духи боятся искр и потому будут бояться подойти близко к ребенку и откажутся от намерения ловить его душу. Зерновой хлеб кладут, чтоб родившийся ребенок расплодился и размножился как хлеб; кроме того, у бурят существует поверье, что если душа человека, преследуемая злыми духами, спрячется в хлебе, то духи не могут найти и поймать ее. Кладя зерновой хлеб с последом, говорят: тарян бото тара будан бобо будара (по-русски: «как хлеб распространись, как просо брызни»). Три черных камня кладут со словами: хара шулун бото ханхинажи ба, хурэ шулун бото ханхинэжи ба (по-русски: «как черный камень, звеня, стой! как рыжий камень, гудя, стой!»); этим хотят сказать, что послед или, как подразумевают, душа родившегося ребенка должна быть крепка и тверда как камень в отношении злых духов. Иные, кладя камни, говорят: хара шулун халга хурэ шулун хурэ (по-русски: «черный камень ворота или дверь, рыжий камень каменный двор»). Серебряную монету кладут, чтоб родившийся ребенок был долговечен как серебряные деньги; при этом говорят: мунгуни дэли мунху наһато боло (по-русски: «будь долговечен годами как деньги»). Березовые лучинки кладут, чтоб ребенок рос и разветвлялся, т.е. размножился как березовое дерево: при этом говорят: хуһан модни адали намшил ажи намалажи ба (по-русски: «как березовое дерево с листьями и ветвями стой!»); крестообразное расположение лучинок, вероятно, вызвано представлением, заимствованным от русских, будто злые духи боятся креста; с этой же целью — отпугнуть злых духов — кладутся боярышник и шиповник. Вино и тарасун должны укрепить тело и душу ребенка; душа чтоб ничего не боялась, тело чтобы не знало болезней; вино и тарасун у бурят почитаются твердым кушаньем, по-бурятски хату иден. Для чего обертывают отцовскими штанами, буряты объяснить мне не могли.

2. Обыкновенно буряты зарывают послед в землю в избе или юрте; в первой, если ребенок родится в зимниках, во второй — если в летниках. В юрте зарывают его за очагом (хойморт). На улице зарывать считают грехом.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 245-247.

ДЕТСКИЕ ИГРЫ

1. Волки и табуны. Бурятские дети нередко играют в игру «Волки и табуны лошадей». Игра ведется так. Один из играющих делается волком,

иногда двое; все остальные мальчики и девочки представляют табуны лошадей; из них один или два представляют жеребцов. В двух разных местах делают дворы, то есть на земле чертят два четырехугольника в расстоянии один от другого около 15 саж., более или менее размерами, смотря по желанию играющих. Дети, изображающие лошадей, стоят внутри дворов или очерченных четырехугольников, а волки ходят между дворами и караулят их. Табун выходит из двора и бежит к другому двору; волк догоняет его и ловит лошадей; если он поймал мальчика или девочку, значит, он съел или задавил лошадь. Входить во двор и во дворе ловить волк не может, он должен ловить только между дворами. Жеребец показывает, как будто он защищает табун. Волк должен переловить всех лошадей в обоих табунах; пойманные им лошади становятся детьми волка и помогают ему ловить остальных.

2. Турпаны. Буряты верят, что птица турпан ест своих детей. Бурятские дети, когда купаются в реке, играют в турпанов. Один или двое из играющих представляют турпанов — самца или самку; остальные — детенышей турпанов. Турпаны гоняются за детьми, стараются поймать их, т.е. хотят съесть; изображающие детенышей стараются уйти; они плавают и ныряют. Когда большие турпаны переловят всех детенышей, игра прекращается.

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 252-253.

СУД СТАРУХ

По словам унгинских бурят, бывал в старину так называемый «суд старух»; он устраивался в том случае, если у какого-нибудь буряты после женитьбы не родятся дети; тогда у этого бездетного буряты собирались все старухи из окрестности и варили саламат. Сварив саламат, клали его в чашки и ставили вокруг очага с огнем; бездетного буряты сажали около очага и масло с саламатом и часть самого саламата клали в огонь очага. После этого самая старшая старуха снимала с себя штаны и била бездетного буряты, приговаривая:

— Спи со своей женой... чтоб родились дети! Докуда будешь бездетным?

Затем и все остальные присутствующие старухи бьют его каждая своими штанами и приговаривают те же слова. Потом все старухи едят сваренный саламат. На этом суде по обряду должны участвовать семь старух. Молодые женщины, девицы и мужчины не участвуют.

Если через год или более после этого обряда у бездетного буряты родился сын или дочь, и если у него было состояние, то устраивали праздник. Бездетный буряты был наказан за свою бездетность старушечьим судом; теперь он исправил свое поведение, жил с женою как следует, удостоился сделаться отцом и в благодарность за покровительство старух перед заянами он должен был устроить в честь старух обряд «милага».

Когда у бывшего бездетного бурята родится ребенок, на третий день после его рождения собираются все соседи и родственники, в особенности женщины всех возрастов; женщины являются здесь главными распорядителями праздника; мужчины принимают участие также, не различая возраста.

Осчастливленный новорожденным домохозяин готовится к празднику; заготавливает вино и тарасун, пригоняет табун лошадей и загоняет их во двор. Собравшиеся женщины идут во двор, выбирают в табуне по своему усмотрению самую жирную кобылу и ловят ее арканом. Поймать кобылу должна непременно женщина; мужчины не принимают участия в ее ловле. Одна из женщин берет аркан, набрасывает на голову выбранной кобылы и тянет, а другие женщины помогают ей, удерживают ее, подводят к дому и колют. Заколоть кобылу должна по обряду женщина; она берет топор и бьет прямо в лоб кобылы; затем женщины снимают шкуру, в чем иногда им помогают мужчины; женщины чистят и моют внутренности, очищают кишки от кала и тонкие кишки начинают кровью; все мясо варят в котлах, в то же время в юрте в котле варят саламат, с которого масло берут в особую посуду.

К обряду «милага» присоединяется еще другой обряд «ологодо урулха» (пеленание ребенка: олго — «люлька», урулха — «вводить», следовательно, «вводить ребенка в люльку»; т.е. ребенок входит в свой дом; олгодохо — пеленать ребенка в люльке). Для этого обряда колют барана или годового или двухгодового бычка, который специально назначается для «ологодо урулха» (иногда говорят «торолхо»). Во время этого обряда новорожденного ребенка в первый раз пеленают в люльке¹. Все собравшиеся дарят для новорожденного ребенка кто сколько может; женщины приносят из своих домов в подарок разные предметы для пеленания: шкурки саксург молодых козлят, козулью шкуру для пеленания в холодное время года, пеленки, сшитые из материи, рубашки для ребенка и пр.; некоторые молодые девицы и женщины дарят деньги. Если новорожденный мальчик, то старики приносят стрелы, на выемках которых привязаны белые миткалевые ленты, и одаривают ими в знак того, что новорожденный вырастет большим и будет носить колчан со стрелами. Молодые мужчины дарят деньги по состоянию. Родители новорожденного тоже одаривают гостей по состоянию; некоторым надевают новые рубашки, другим шелковые или простые платки, а женщинам на шею привязывают золотые и серебряные монеты и т.д. В прежнее время, когда обряд «торолго» окончится, когда все, что приготовлено для него, съедят и выпьют, начинался веселый и бурный праздник «милага».

Саламат и мясо колотой кобылы, сваренные заранее, клали в корзины и чашки и ставили около очага; тут же ставили посуду с вином и тарасуном. В это время главными распорядителями бывали женщины. Они капали вино и

---

¹ Подробности напечатаны в «Этногр. Обозрении», изд. Имп. общества любит. естествозн., антр. и этногр., за 1891 г. № 3, стр. 151.

тарасун в огонь, от мяса отрезывали несколько кусков и тоже бросали в огонь; клали в него саламат и выливали на него масло. По совершении этого обряда начинали пить вино и тарасун и есть мясо и саламат. Все присутствующие женщины, как распорядительницы обряда «милага», держали «харха» или «хаба»¹ и подавали гостям вино и тарасун; мужчины на этом празднике являлись как бы гостями. Когда еда и питье приближались к концу, под влиянием выпитых напитков общество становилось оживленным, говор и шутки становились непринужденными. В это время женщины ставили около двери караул из старух и пожилых женщин, которые должны были не выпускать никого из юрты. Молодые мужчины, хорошо зная, что им угрожает, старались выбраться из юрты заблаговременно, пока еще не поставлен женский караул.

Кто прозевал момент, того уже не выпустят и над ним свершится грозный суд старух. Когда караул поставлен, женщины-распорядительницы брали особую посуду, клали туда масло и сажу с котла и мешали; получалась черная мазь. Когда мазь готова, молодые женщины и девицы выходили из юрты, а старухи и пожилые женщины брали приготовленную мазь и сначала мазали ею лицо самой старой старухи; это делалось, чтоб показать, что суд нелицеприятен, никому не делает пощады. Потом они макали в эту мазь свои руки, бросались на отца новорожденного и мазали ему лицо и тело; если он сопротивлялся, то женщины так расходились, что раздевали его, вымазывали ему все тело; когда его оставляли, вымазанный сплошь, он одевался. Потом женщины приступали к другим мужчинам и мазали всех без разбора. Благоразумные мужчины не оказывали сопротивления, сидели смиренно и тогда женщины ограничивались только тем, что мазали одно лицо. Ни мольбы, ни просьбы не помогали; женщины не унимались, пока не вымажут всех мужчин от старого до малого. Мазали женщины и друг друга, но только ради шутки, мужчинам же доставалось в этот день больше всех, особенно молодым, которые были женаты, но еще не имели детей.

После этого доедали мясо и саламат и допивали вино и тарасун; при этом весело шутили и пели песни, а потом постепенно расходились по домам. Какое значение имело это мазанье черной мазью, я не мог узнать; никто не мог мне этого объяснить. На этот праздник собиралось иногда множество гостей, так что доедали все мясо, и этим кончался праздник «милага», который устраивали только богатые буряты, потому что он был сопряжен с большими расходами. Ныне буряты ограничиваются обыкновенно одним «торолго».

Напечатано в «Балаганском сборнике», стр. 247-251.

---

¹ Хаба — сосуд.

ХII ЛЕГЕНДЫ КОСТЬ ИКИНАТ

Кость Икинат произошла от осины, которая считается отцом (у л я н а м о д о н э с э г э), и птицы г у л и э х э (по-бурятски — г у л и ш у б у н э х э), которая считается матерью.

Одна девица родила сына. Родившегося мальчика она положила в дупло осины, потому что в прежнее время девицам родить было очень позорно. Этого мальчика кормила птица гули.

Мальчика вскоре нашел один человек, который и вырастил его. От этого мальчика и произошла кость Икинат — «х о р о н х а р а и к и н а д».

Записано М. Н. Хангаловым в 1902 г. от Петкова-Федотова, старика из I Кульметского рода Унгинского ведомства

Печатается по рукописи М. Н. Хангалова (архив Музея этнографии народов СССР, шифр V 100, инв. № 39146, тетрадь 8-ая, стр. 129).

КОСТЬ НАРАТ

Нарат есть особая кость (я н а н) у бурят. Нараты будто бы произошли от дочери Икината, которая была замужем за бурятом из кости Нарат.

Нараты размножились до 800 человек. Они жили на том же месте, что и сейчас. Когда в этих местах стали вырастать деревья, тогда нараты стали говорить, что сюда придет другой народ и будет война. Нараты хотели переехать на правую сторону реки Ангары.

Девушка из племени Икинат, вышедшая замуж за бурята из кости Нарат, в это время была беременной и уехала к своим родителям. Вскоре после ее отъезда люди кости Нарат собрались и уехали. Они приехали к берегу реки Ангары и увидели в воде отражение солнца. Думая, что это золотое блюдо блестит на дне, они захотели достать его. Тогда они один за другим вошли в воду и утонули. Происходило это следующим образом: сперва в воду вошел один человек, который начал тонуть и махал руками, призывая своих сородичей спасти его. Другие же буряты, думая, что он машет руками, призывая к себе, бросились в воду и один за другим утонули, все 800 человек.

Тем временем беременная женщина возвратилась от своих родителей к себе домой и увидела, что все нараты уехали. Она родила ребенка и лежала после родов без огня и без пищи. У ней была только вода, которую она и пила. Сорока принесла ей огниво и трут и бросила больной женщине. Потом эта же сорока в клюве стала приносить мясо. Женщина развела огонь и варила принесенное сорокой мясо. Этим она питалась и, в конце концов, выздоровела. От ее сына произошла кость Нарат.

Записано от унгинского бурята Николая Иванова, 1902 г.

Печатается по рукописи М. Н. Хангалова (архив Музея этнографии народов СССР, шифр V 100, инв. № 39146, тетрадь 8-ая, стр. 129.)

УТКА-ЧЕЛОВЕК (х у н н о г о н о н)

По поверьям бурят, есть утка-человек. Утка-человек бывает двух родов: утка-мужчина и утка-женщина. Утку-мужчину убил один бурят, который говорил, что утка-мужчина очень похожа на мужчину. Утку-женщину убил бурят Шолотского рода Унгинского ведомства Жарга. Утка-женщина похожа на женщину: на голове у нее будто шапка, две косы, ожерелье и шуба.

Эти утки имеют лекарственное значение. Они излечивают от всяких болезней — только стоит приложить к больному месту, и в то же время больной чувствует облегчение.

Записано со слов унгинского бурята Николая Иванова, 1902 г.

Печатается по рукописи М. Н. Хангалова (архив Музея этнографии народов СССР, шифр V 100, инв. № 39146, тетрадь 8-ая, стр. 129.)

МОЛЬ И КЛОП

Согласно преданию унгинских бурят, моль и клоп прежде были людьми. Давно-давно жил один богатый татарин с женою. Они имели 103 овцы, но были очень скупы. Приближалась татарская пасха (?), к которой надо было приготовиться следующим образом. На праздник пасхи старик-татарин с женою должны были по обычаю приготовить жареную овцу. Овцу жарили целиком, ставили на стол и покрывали скатертью.

Старик-татарин с женой хотели приготовиться к пасхе. Муж хотел поймать жирную овцу, а жена, по скупости, хотела поймать самую худую овцу. Они долго спорили между собою в овчарне: какую овцу ловить.

В это время сделалось темно. Они не могли отличить своих овец от чужих. Тогда скупая жена сказала, что утром рано поймают худую овцу, заколет ее и изжарит.

В это время бурхан обратился в старика-соседа и пришел в их дом. Скупая старуха стала жаловаться и говорит, что она хотела поймать из 103 овец самую худую, заколоть и изжарить на пасху, но не смогла найти в темноте. Старик-сосед и говорит ей, что безразлично, какое бы ни было мясо, надо заколоть большую пеструю кошку, сжарить ее, поставить на стол и закрыть скатертью, мулла все равно не узнает.

Старик-татарин с женой последовали этому совету: закололи свою большую пеструю кошку, зажарили ее целиком, поставили на стол и покрыли скатертью.

На другое утро пришел мулла с татарами. Он начал читать молитвы и говорить что-то непонятное. В это время из-под скатерти вскочила большая пестрая кошка и, мяукая, выскочила на печь. Хозяин-татарин испугался и полез под мох в юго-западный угол, а жена с испуга полезла под шерсть в северо-восточный угол. Хозяин-татарин сделался клопом, а жена его — молью.

Записано со слов унгинского шамана Мандрея Степанова

Печатается по рукописи М. Н. Хангалова (архив Музея этнографии народов СССР, шифр V 100, инв. № 39146, тетрадь 8-ая, стр. 129-130).

СТАРИК-НИЩИЙ

Старик-нищий, имеющий березовую трость, жил подаванием. В одном городе ему дали краюшку хлеба. Он пошел дальше, в другой город. По дороге ночевал около двух озер. Ночью из черного озера вышла черная лягушка, а из белого озера вышла белая лягушка. Эти две лягушки начали воевать между собою. Черная лягушка стала побеждать белую.

Тогда старик-нищий начал бить березовую тростью черную лягушку и убил ее. Белая лягушка поблагодарила старика-нищего и попросила его подождать ее, а сама ушла в черное озеро, в котором пробыла три дня.

Старик-нищий не мог дожидаться возвращения белой лягушки и собрался идти далее. Но в это время черное озеро стало сильно волноваться и затряслась земля. Из черного озера вышла белая лягушка, которая во рту несла волосяную веревку. Эту волосяную веревку она отдала старику-нищему и сказала:

— Если эту волосяную веревку бросить и при этом сказать: «Вяжи!», то она свяжет.

Старик-нищий взял волосяную веревку, положил ее в мешок и отправился далее.

По дороге старик остановился около озера Алтан. Когда он сидел на берегу озера, сюда прилетели три дочери Неба, обратившись в лебедей. Они тоже сели на берегу озера Алтан. Две старшие сестры сказали, что здесь пахнет чем-то вонючим, а младшая сестра не почувствовала запаха и заметила:

— Вы предвещаете, что озеро Алтан должно высохнуть.

После этого все три сестры сняли лебяжью одежду, сделались девицами и начали купаться в озере. Тогда старик-нищий одежду младшей сестры спрятал и бросил волосяную веревку, говоря: «Вяжи!», а сам спрятался.

Тогда девицы вышли из воды. Две старшие сестры оделись и полетели на небо, а младшая сестра осталась на берегу озера и сказала старику:

— Если ты старик, то будешь отцом моим, а если ты молодой, то будешь женихом; выходи и отдай мою одежду!

Старик-нищий вышел и они пошли дальше. По дороге ночевали на одном берегу. Младшая дочь Неба была необыкновенно красива — ночью от обеих щек светилось кругом.

Хоредой-мэргэн ехал на охоту и увидел на бугре свет. Он подъехал поближе и остановился недалеко от спящих, боясь их разбудить. Когда старик и девушка проснулись, то Хоредой пригласил их к себе домой. Хоредой женился на младшей дочери Неба.

Хоредой-мэргэн от этой жены имел одного сына и одну дочь.

Однажды жена Хоредой-мэргэна обратилась к своему мужу с просьбой:

— Покажи мне мою прежнюю лебяжью одежду. Я теперь имею от тебя одного сына и одну дочь, куда пойду от них?

Хоредой-мэргэн поверил ее словам и отдал ей лебяжью одежду. Она надела ее и спрашивает у мужа:

— Красива ли я?

Хоредой-мэргэн отвечает:

— Красива!

Тогда дочь Неба поднялась наверх, кружась над юртой, и сказала, что сын будет называться Шаратом, а дочь — Хангин. После этого она поднялась на небо.

От сына произошла кость Шарат, а от дочери — кость Хангин.

*Записано со слов бурятки Закулейского улуса 2-го Олзоева рода
Унгинского ведомства Ольги Данчиновой*

Печатается по рукописи М. Н. Хангалова (архив Музея этнографии народов СССР, шифр V 100, инв. № 39146, тетрадь 8-ая, стр. 130-131).

КОСТЬ МАНХАЛЮТ

В давнее время, с южной стороны Байкала, из местности Зунгария пришли люди кости Сэгэнут на северную сторону Байкала.

Один человек из кости Сэгэнут был беден и имел много сыновей. Этот бедный человек одного своего сына, по имени Богдай, во время облавной охоты зэгэтэ-аба потерял. Потерянного сына нашли два брата — Ада и Хохоно из кости Енгут. Когда Ада и Хохоно нашли потерянного мальчика Богдая, тогда они говорили между собою, что этот мальчик будет умным и метким стрелком, поэтому его следует увезти домой. Так и решили: найденного мальчика Богдая повезли к себе домой. По дороге бурят Ада говорит своему товарищу:

— Лучше убьем мальчика.

Но Хохоно не согласился и сказал, что не будет убивать мальчика, так как он будет хорошим человеком, что видно по его глазам; когда он вырастет, тогда его поселим ниже себя; он пригодится.

Так они спорили и не убили Богдая, а привезли его к себе домой.

Когда мальчик Богдай вырос большой, от него произошло целое племя, ныне живущее в Кахинском ведомстве, в Енгутском роде, в Манхалютском улусе.

*Записано со слов головы Кахинского ведомства Андрея Асалханова
и Капитана Петкинова, оба они из кости Манхалют*

Печатается по рукописи М. Н. Хангалова (архив Музея этнографии народов СССР, шифр V 100, инв. № 39146, тетрадь 8-ая, стр. 134).

КОСТЬ ЕНГУТ

Буряты кости Енгут жили на северной стороне Байкала, в местности Болок Ошоһон и Бохонор, в Кудинском ведомстве.

Однажды буряты из кости Енгут собрались ехать на свадьбу. Среди них была одна вдова, которая должна была скоро родить. Собираясь на свадьбу, енгуты не хотели брать с собой вдову из-за ее беременности. Однако беременная вдова не согласилась остаться дома и убедила всех своих сородичей, что она вовсе не беременна; тогда было решено взять ее с собой.

Вдова поехала на свадьбу на гнедом жеребце. По дороге, там, где ныне стоит Хонуртовское село, тут в лесу стоял пустой балаган одного тунгуса. Енгуты остановились у этого балагана. В это время беременная женщина почувствовала себя плохо. Тогда сородичи заперли ее в балаган, а гнедого жеребца привязали к дереву около балагана, сами же отправились далее.

Вскоре после их отъезда беременная женщина родила сына, которого положила в сло-манную и брошенную поваренку тунгуса.

Когда енгуты, по окончании свадебного гулянья, возвращались к себе домой, то заехали к балагану тунгуса, чтобы посмотреть, что случилось с оставленной ими женщиной. Енгуты взяли женщину с ребенком и привезли домой. Мальчику дали имя Енгут.

Енгут рос без отца. Его все обижали как сироту. Когда он вырос большим, то переехал жить в местность «Тайтуруги саган хэртэ», где енгуты жили и размножились до 99 колчанов. Тогда они сделали религиозный обряд «тайлган» большому тэнгэри. Во время тайлгана все перепились допьяна — жертвенного козла повесили на березу с мясом. Этим они сделали свой тайлган нечистым и оскорбили большого тэнгэри. Последний за это строго наказал их. После этого среди кости Енгут многие стали умирать от разных болезней. Тогда енгуты переехали на новое место и стали жить около горы Хатан-ула. Здесь они живут и поныне.

*Записано со слов бурята Кахинского ведомства
Енгутского рода Артемия Жарбакова, 1902 г.*

Печатается по рукописи М. Н. Хангалова (архив Музея этнографии народов СССР, шифр V 100, инв. № 39146, тетрадь 8-ая, стр 134-135).

КОСТЬ ЗУНГАР

Буряты Зунгарского рода свое происхождение ведут от сына тэнгэри.

Зунгарские и икинатские буряты произошли от сына Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри Сэжин-Сагана, который спустился на землю по приказанию Эсэгэ-Малан-тэнгэрина. Сэжин-Саган спустился на землю вместе с Буха-нойоном, который служил ему проводником на земле.

На земле Буха-нойон, обратившись в сивого пороза, стал бодаться с пестрым порозом экиритского народа. В это время собака укусила Буха-нойона за заднюю ногу, отчего он сделался нечистым и не смог снова сделаться человеком. Поэтому он ушел на западную сторону и стал хатом.

Тогда Сэжин-Саган остался один на земле, без проводника, и ездил по разным местам.

Однажды он увидел дочь царя Аю-хана. Она была очень красива и чиста и жила отдельно от отца. Царь Аю-хан свою дочь посвятил бурхану, а потому она жила отдельно от отца.

Сэжин-Саган, увидев дочь царя Аю-хана, польстился на ее красоту и чистоту и стал жить с ней. Дочь царя забеременела от Сэжин-Сагана. Об этом услышал от своих подданных царь Аю-хан. Тогда царь Аю-хан сильно рассердился на свою дочь, потребовал ее к себе и сказал ей:

— Ты позоришь мое царское имя и меня самого. От кого ты сделалась беременной? Сейчас скажи; а если не скажешь, то через три дня отрублю тебе голову.

Тогда дочь говорит своему отцу, царю Аю-хану:

— Ай, собака! Царь-отец, ты меня посвятил бурхану, заставил жить отдельно. За мою красоту и чистоту меня полюбил сын самого тэнгэри, спустился с неба на землю и живет со мною. Как я откажу самому бурхану?

Тогда царь Аю-хан спрашивает у дочери:

— Где твой небесный бурхан?

Дочь царя Аю-хана отвечает отцу:

— Этот небесный бурхан теперь у меня в доме.

Тогда царь Аю-хан приказывает своей дочери:

— Этот небесный бурхан пусть завтра придет ко мне.

Дочь царя Аю-хана ушла домой. На другое утро она послала к отцу Сэжин-Сагана.

Сэжин-Саган пошел к царю Аю-хану. Когда он вошел в дом царя, то жена Аю-хана, увидев Сэжин-Сагана, сильно испугалась и упала. Она покатила под кровать и спряталась там, а сам царь Аю-хан едва-едва усидел на престоле, помня, что он царь. Царь Аю-хан поздоровался с Сэжин-Саганом и посадил его.

Потом царь Аю-хан спрашивает у Сэжин-Сагана:

— Ты ли живешь с моей дочерью, которая сделалась беременною? Будешь ли жениться на ней?

Тогда Сэжин-Саган отвечает Аю-хану:

— Я, лстясь на ее красоту и чистоту, сын тэнгэрина, спустился с неба на землю, живу с твоею дочерью и женюсь на ней.

Царь Аю-хан сильно обрадовался, что у него есть зять, и говорит, что нужно сделать свадьбу. Он приказал бить в золотой барабан, чтоб собрать северных подданных, и приказал бить в серебряный барабан, чтоб собрались южные подданные.

Все подданные Аю-хана собрались, сделали свадьбу и гуляли на ней. Когда кончили свадьбу и гулянье, подданные царя Аю-хана собрались разъехаться по домам.

Тогда Сэжин-Саган сказал, что он давно спустился с неба на землю, теперь соскучился по дому и хочет подняться обратно на небо, а потом снова спустится на землю и придет к жене.

Царь Аю-хан приказал своим подданным не расходиться по домам и немного подождать, чтобы проводить его зятя. Тогда подданные не стали разъезжаться по домам и остались ждть.

Сэжин-Саган в присутствии всех подданных царя Аю-хана с шумом и гулом поднялся наверх и скрылся в небе.

Впоследствии дочь царя Аю-хана родила сына. Тогда подданные царя Аю-хана собрались и устроили большое гулянье, во время которого родившемуся ребенку дали имя «от небесного сына родившийся сын Сэгэндэ-Номо». Потом подданные царя Аю-хана разошлись по домам.

Впоследствии родившийся сын Сэгэндэ-Номо вырос большой. От него произошло множество потомков, которые носили название кость «Сэгэнуд». От кости Сэгэнуд произошли два рода — Зунгар и Икинат.

У одного бурята из кости Сэгэнуд родились два близнеца, которым дали имена: тот мальчик, который вырос на правой руке, будет «Барунгар», а тот, который вырос на левой руке, будет «Зунгар». От этих двух близнецов-мальчиков произошли кости Барунгар и Зунгар.

Кость Барунгар живет за морем, а потомки Зунгара — нынешние зунгарские буряты. Зунгарские буряты пришли с южной стороны моря и поселились около Болог ошоһон, а Бохо-нура в Кудинске, а потом переселились в разные места, а впоследствии поселились на нынешней Одесе.

*Записано со слов бурята Одесинского улуса **Ангана Хубаракова***

Печатается по рукописи М. Н. Хангалова (архив Музея этнографии народов СССР, шифр V 100, инв. № 39146, тетрадь 8-ая, стр. 140-141).

МУРУЙ

Бурят Муруй ушел за море, где у него родился сын Мултугу. Муруй оставил сына, а сам вернулся обратно на северную сторону моря Байкала и поселился около Усть-Осы, где ныне улус Мурусхан. Муруй на этом месте устроил из войлока юрту (турга булгаһан) и стал доить черную козу, вымазав ее предварительно сажей. Коза принадлежала сыновьям Хулдута. Когда сыновья Хулдута узнали, что их козу доит Муруй, они пришли и избивали Муруя, а козу забрали домой.

Потом с южной стороны моря пришел сын Муруя — Мултугуй, который стал большим силачом.

Муруй снова начал доить черную козу. Тогда приехали сыновья Хулдута и начали бить Муруя. Силач Мултугу вступился за своего отца и поколотил сыновей Хулдута. Избив их, он привязал их к коням и отпустил домой. После этого сыновья Хулдута переехали на другое место — в Удэн-ноёд.

*Записано со слов старика **Ашахана Бильчирского улуса**
I Хултубуева рода в Бильчирском ведомстве*

Печатается по рукописи М. Н. Хангалова (архив Музея этнографии народов СССР, шифр V 100, инв. № 39146, тетрадь 8-ая, стр. 142-143).

ПЛЕМЯ НОЁД

В местности Боху-нур и Болог отохон жили четыре брата, сыновья бурята Ноёд. Отсюда они ушли и поселились в местности Хутанха (в нынешнем Бильчирском ведомстве). Два брата остались жить в Хутанхе, а другие два брата — Зага и Зунги — пошли дальше и пришли в нынешнее Молькинское ведомство и поселились в местности «Удэ».

Старший брат Зага поселился здесь, говоря: «От удинской величиною с быка козули не пойду». Младший же брат, Зунги, поднялся по Ангаре вверх и поселился там, где ныне живут потомки его, зангаевские буряты Нельхайского ведомства.

*Записано со слов бурята **Константина Саввина** из Унетского улуса
Молькинского ведомства. 1902 г.*

Печатается по рукописи М. Н. Хангалова (архив Музея этнографии народов СССР, шифр V 100, инв. № 39146, тетрадь 8-ая, стр. 149).

БОТО-БУМАЛ

Давным давно жили две шаманки — Асухан и Хутухэн (Хутухэн).

Шаманке Асухан подчинялось 10 юрт атагутов, а шаманке Хутухэн — 20 юрт хотоготов.

Когда шаманка Хутухэн состарилась, то, по старинному обычаю прежних бурят, бездетных людей по достижении известного возраста умерщвляли, делая им «ухэ унхулхэ», а потом запирали дверь юрты, закрывали отверстия для выхода дыма и все имущество делили между собою соседи.

Когда шаманке Хутухэн исполнилось предельное для бездетных число лет, то все соседи собрались и пришли к ней, чтобы совершить над ней «ухэ унхулхэ» и разделить между собою все ее имущество.

Когда соседи пришли с намерением сделать ей «ухэ унхулхэ», то шаманка Хутухэн заперла дверь и не пустила их в юрту. Тогда несколько человек из собравшихся залезли на юрту и через отверстие вылили на огонь очага воду. Тогда из очага выскочил один горящий уголек и упал на колени шаманки Хутухэн, которая от этого горящего уголька снова развела огонь в очаге. Когда соседи вошли в юрту, то увидели, что у ней в очаге снова горит огонь. Тогда они разделили между собою имущество шаманки, оставив ей только огонь в очаге, одного пороза и одну корову.

Три дочери Эсэгэ-Малана-тэнгэри часто спускались на землю и играли. Однажды они спустились с неба на землю. В это самое время шаманка Хутухэн, надев оргой и мяхабши, начала шаманить. Во время шаманения она взяла от обширной земли сок, которым сделала религиозный обряд «сасали барьха».

Тогда старшая дочь Эсэгэ-Малана-тэнгэри говорит:

— Это что за превращение и что за волшебство?

Средняя дочь Эсэгэ-Малана-тэнгэри на это сказала:

— Не узнаешь, какие превращения и волшебства могут сделать люди обширной земли.

Младшая же дочь Эсэгэ-Малана-тэнгэри сказала:

— Мы спускаемся на обширную землю и играем. Соком обширной земли нечего брезгать.

Так сказав, она проглотила сок обширной земли и от этого забеременела.

Все это видела и слышала шаманка Хутухэн. С этого времени она начала считать время. Когда пришло время родить младшей дочери Эсэгэ-Малана-тэнгэри, шаманка Хутухэн поднялась на небо и караулила у дворца младшей дочери Эсэгэ-Малана. В полночь шаманка Хутухэн услышала плач ребенка. Она вошла во дворец, взяла железную люльку, в которой лежал спеленутый мальчик, вышла из дворца на улицу и бросила ее на землю, сказав при этом:

— Если ты присужден судьбою умереть, то уйди без известия, а если присужден судьбою жить, то спустишься на землю и упали на улице около моей юрты.

Так говоря, шаманка Хутухэн бросила мальчика, спеленутого в железной люльке, вниз, на землю. Потом она сама спустилась на землю и видит, что мальчик в железной люльке лежит под сивым порозом. Она никак не могла взять мальчика от сивого пороза. Тогда она пришла домой, надела оргой и мяхабши, начала шаманить. Во время шаманения видит, что нужно сделать жертвоприношение (тайлган) Эсэгэ-Малану-тэнгэри белою кобылицею и большим белым бараном.

Шаманка сделала жертвоприношение (тайлган), во время которого на правой стороне стояла белая кобылица, а на левой стороне — большой белый баран. После тайлгана шаманка Хутухэн подошла к порозу, чтобы взять мальчика в железной люльке, но сивый пороз опять не отдал мальчика и не подпустил к нему шаманку.

Тогда шаманка вновь начала шаманить и видит, что она неправильно сделала жертвоприношение (тайлган): на правой стороне должен стоять большой белый баран, а потом белая кобыла.

Шаманка опять сделала тайлган. На этот раз большого белого барана поставила на правой стороне, а белую кобылу — на левой. Тогда жертвоприношение было принято: сивый пороз отдал шаманке Хутухэн мальчика в железной люльке. Шаманка взяла мальчика и принесла в свою юрту. Но она не могла развязать верхнего ремня, так называемого х о б ш и р г о, которым привязывают от изголовья люльки и притягивают над дугой люльки до ног.

Тогда шаманка Хутухэн снова начала шаманить и видит, что нужно сделать «торолго». Она сделала обряд «торолго», тогда ремень хобширго развязался. Потом шаманка Хутухэн не могла развязать ремни люльки. Она снова начала шаманить и видит, что надо сделать «билага». Шаманка Хутухэн сделала «билага», тогда ремни железной люльки развязались. Шаманка взяла мальчика и стала его воспитывать. Этому мальчику дали имя Бото-Бумал. Он имел одного сына — Болот-Саган. Болот-Саган имел двух сыновей: Булаган-Хара и Ноён Бура.

*Записано со слов бурята Унетского улуса 3-го Ноётского рода
Молькинского ведомства Константина Саввина. 1902 г.*

Печатается по рукописи М. Н. Хангалова (архив Музея этнографии народов СССР, шифр V 100, инв. № 39146, тетрадь 8-ая, стр. 159 — 161).

БУХА-НОЙОН

Кость Ноёт произошла от Бото-Бумала, который имел небесное происхождение.

На земле жила шаманка Асухан, которая была из кости Атагад. У нее не было детей.

Шаманке Асухан исполнилось 60 лет. Тогда соседи собрались и пришли разделить между собою имущество шаманки Асухан, которая заперла дверь и не пустила соседей в юрту. Тогда соседи взобрались на юрту. Через отверстие для выхода дыма они вылили воду на огонь в очаге, который и потушили по обычаю того времени. В это время из очага выскочил горящий уголь и упал на колени шаманки Асухан, которая от этого угля снова добыла огонь и развела огонь в очаге.

Когда соседи вошли в юрту, то увидели, что у шаманки Асухан опять горит огонь в очаге. Тогда ее решили оставить живую, не разделили между собою ее имущества и разошлись по домам.

После ухода соседей шаманка Асухан начала шаманить. Во время шаманения она узнала, что от трех дочерей Будургу-Саган-тэнгэри должен родиться мальчик, которого она должна усыновить и воспитать.

Три дочери Будургу-Саган-тэнгэри спускались с неба на землю и купались в озере. Шаманка Асухан взяла масло величиною с бабку (шагай) и распустила его по озеру. Старшая дочь Будургу-Саган-тэнгэри увидела масло и говорит:

— Что за чудо, что это плавает по воде в озере?

Средняя дочь говорит:

— Кто знает, какие превращения и какой обман земных!

Младшая дочь Будургу-Саган-тэнгэри сказала:

— Это сок земли, — и взяла и проглотила его.

От этого она сделалась беременной. Ребенок, имеющий волоса и имеющий кости, начал расти в утробе матери.

Потом младшая дочь Будургу-Саган-тэнгэри родила мальчика, которого спеленала и положила в железную люльку и бросила вниз на землю.

Сын Хохо-Монхон-тэнгэри и Уда-Монхон-тэнгэри, обратившись в сивого пороза, спустился на землю и кормил брошенного мальчика.

В это время шаманка Асухан шаманила и узнала, что родившийся мальчик брошен на землю, а сивый пороз кормит его. Шаманка сделала жертвоприношение кобылицей и бара-

ном. Тогда сивый пороз уступил мальчика в железной люльке шаманке Асухан, которая взяла мальчика, принесла его домой. Хотела развязать ремни железной люльки, но не смогла. Тогда она начала шаманить и узнала, что нужно сделать «торолго».

Шаманка Асухан легла на постель и сделала вид, что она будто бы родила мальчика и таким образом выполнила обряд «торолго». После этого ремни железной люльки развязались и шаманка смогла взять мальчика.

Этому мальчику дали имя Бото-Бумал, что значит «Спустившийся с неба». Он имел трех жен, от которых у него не было детей.

Ухан-хат (Ухан-хад) имел трех сыновей, которые выходили из воды на сушу и играли. Это узнал Бото-Бумал, который на берегу моря разостлал белый войлок, а на нем поставил тараг, ашхан и тарасун.

Три сына Ухан-хата вышли из воды и стали играть на берегу моря. Играли, играли и проголодались. Они съели тараг, ашхан и выпили тарасун, от которого опьянели и уснули на войлоке.

Бото-Бумал взял младшего сына Ухан-хата. Этот мальчик, когда его взяли на руки, проснулся и стал звать:

— Отец Ухан-Лобсон, возьми!

Ухан-Лобсон услышал зов младшего сына; море заволновалось и вышло из берегов. Он хотел взять мальчика. Тогда Бото-Бумал бросил его на колени старшей жены своей. Волны моря ушли обратно.

Мальчик снова стал звать:

— Отец Гэрэл-нойон и мать Туя-хатан, возьмите!

Море еще сильнее разволновалось и вышло из берегов, чтобы взять мальчика. Бото-Бумал бросил мальчика на колени средней жены своей. Видя это, Ухан-хат сказал, что от колена женщины взять мальчика — грех. Так говоря, Ухан-хат ушел обратно в море.

Этот мальчик вырос и женился. Он имел двух сыновей: Ноён-Бура и Булаган-Хара.

От Ноён-Бура произошли буряты из кости Ноёт.

*Записано со слов Николая Шанхаева из Унетского улуса, 2-го Ноётского рода
Молькинского ведомства. 1907 г.*

Печатается по рукописи М. Н. Хангалова (архив Музея этнографии народов СССР, шифр V 100, инв. № 39146, тетрадь 22-ая, стр. 616-617).

ХАРЯТА УТХА

Племя Харят произошло от одной молодой женщины, которая жила среди бурят кости Ноёт. Она родила сына. Родившегося мальчика, считая чужим (харитажи), пеленали на доске от кадушки (торхо). От этого родившийся мальчик получил имя Торхо. У той же женщины родился еще сын, которого назвали Хохор (хохор).

Потомки Торхо живут в улусе Шанай. Потомки Хохора живут на Ангаре в Шеколаевском улусе 3-го Ноётского рода.

Харядан тэнгэри,
Хан Саган тэнгэри
Хунхэнэмэ дутан,
Хужэлэмэ улэн,
Ханхинама дутан,
Хабирама улэн,
Гал ехэ сахилган,
Газар ехэ дохолгон,

Худан хобун Һалта абага
Хан Саган тэнгэридэ
Хаха шу нэрьюллэш.
Ногто угэй дэгдэлэш.
Гурба хонод гол орхид
Бурьтагдажи болилоб.
Еһо хоножи ботхо боллоб.
Хан Саган тэнгэридэ
Хазар угэй дэгдэлэш.
Ноён Саган тэнгэридэ
Ногто угэй дэгэлэш.
Далхани хобун Харухи,
Далхани хобун Харухи,
Васькин хобун Ширбэшки.

Записано со слов шамана Заимского улуса Данила Константинова. 1907 г.

Печатается по рукописи М. Н. Хангалова (архив Музея этнографии народов СССР, шифр V 100, инв. № 39146, тетрадь 20-я, стр. 535-536).

СЕМЬ СЫНОВЕЙ БАИНА

В племени Онго был бурят по имени Баин, у которого было семь сыновей. Трое из них остались жить на старом месте, на Обосе. Старший сын — Нумаг, имена двух младших сыновей рассказчик не помнил.

Один сын Баина переехал жить в местность, называемую Усть-Оса. Другой сын переехал в местность Холоро (Холоро), то есть в нынешнюю Хутанку, а два сына переехали жить в местность Коха.

Один сын Баина, переехав в Усть-Осу, сделался там старостой, а потом сильно заболел и заказал своим трем старшим братьям, которые жили на старом месте в Обосе, приехать навестить его.

Три старших брата, жившие в Обосе, услышав, что их брат, который уехал в Усть-Осу, очень болен, поехали его проведать.

Когда они приехали в Усть-Осу, то их брат-староста к этому времени уже умер и его отвезли хоронить, то есть, по обычаю того времени, повезли в лес сжигать. У домашних они расспросили, куда они уехали. Когда узнали, в какую сторону увезли покойника, тогда они поехали туда и нашли в лесу.

Когда братья приехали на место, где собирались сжечь тело их умершего брата-старосты, они увидели, что один работник стоит, привязанный к дереву («мори барюһан, эмэл тохуһан»). Этого работника хотели убить и сжечь вместе с умершим старостой, которому он должен служить в загробной жизни, ловить коня и седлать его. Другие же буряты в это время рубили деревья, чтобы сжечь тело покойного старосты.

Два брата говорят:

— Зачем убивать человека и сжигать, его нужно отпустить.

Но старший брат Нумаг возразил им, ссылаясь на то, что, по обычаю, необходимо убить работника и сжечь его, чтобы он в загробной жизни служил их брату. Нумаг настаивал на своем, а два младших брата непременно хотели отпустить работника, обреченного на смерть.

В конце концов два брата поссорились и подрались друг с другом. Третий же брат, воспользовавшись разыгравшейся ссорой, потихоньку привязанного к дереву работника отвязал и отпустил на свободу. Работник убежал в лес и скрылся.

После похорон три обосинских брата устроили в доме умершего старосты поминки, которые продолжались несколько дней, а после этого поехали домой.

Отпущенный работник все время караулил их на дороге. Когда братья поравнялись с ним, он вышел к ним навстречу и поблагодарил двух братьев, спасших его от смерти и отпустивших его на волю.

Отпущенный работник ругал Нумага:

— Ты хотел убить меня, пролить кровь мою, за это твоих потомков не будет более 49 душ!

Два младших брата предложили работнику сесть на коня, но он отказался, сказав, что лучше пойдет пешком.

Так они приехали в Обосу. Работник тоже пришел с ними в Обосу и стал жить у двух младших братьев, которые отпустили его на волю. Он работал у них поочередно, по 10 дней, сперва у одного, потом у другого.

От этих двух братьев произошли буряты I и II Онгоевских родов, а потомки Нумага составляют только один Улангинский улус в Обосе и более 49 душ их не бывает.

*Записано со слов старика **Ивана Банеева**, бурята Замойского улуса, 2-го Онгоева рода, Бильчирского ведомства. 1909 г.*

Печатается по рукописи М. Н. Хангалова (архив Музея этнографии народов СССР, шифр V 100, инв. № 39146, тетрадь 56-ая, стр. 1620-1622).

(ИЗ ПРОШЛОГО БУРЯТ)

Прежде буряты жили и добывали себе пищу следующим образом.

От солнечной стороны (т.е. южной) березы взяли березу и сделали стрелу; от солнечной стороны лиственницы взяли лиственницу и сделали лук. Так они начали стрельбу (харбур), с помощью которой добывали себе пищу, убивая зверей.

Когда наступила осень, они замерзли. Тогда наши предки из ветвей ели устроили шалаш (бухэг), в котором стали жить. На шалаш ветви они клали вниз верхушками и вверх комлем; снег падал на ветви ели и в шалаше сделалось тепло.

Из шалаша они вышли и пошли в лес, где увидели четыре дерева, которые росли друг к другу близко, образуя четырехугольник. Они взяли верхушки тех деревьев и срубили их ровно. Из этих деревьев сделали четыре столба юрты (тэнги), на них положили поперечные бревна (хараса) и устроили первую юрту урса, в которой устроили очаг (гуламта), развели огонь и жили. Так выстроили первую юрту урса.

*Записано со слов старика бурята **Павла Бардукова** из Нижне-Кахинского улуса, Кахинского рода Кахинского ведомства, 1902 г.*

Печатается по рукописи М. Н. Хангалова (архив Музея этнографии народов СССР, шифр V 100, инв. № 39146, тетрадь 8-я, стр. 145).

ОТКУДА ВЗЯЛИ И КАК СЕЯЛИ ХЛЕБ НА СЕВЕРНОЙ СТОРОНЕ БАЙКАЛА

Мышь говорит воробью:

— Здесь хлеба нет и мы умрем от голода. Ты лети на южную сторону моря и оттуда принеси хлебные зерна!

Воробей полетел за море и принес три зерна, которые мышь зарыла в мягкую землю. Из трех зерен родилось 27 зерен. Мышь и воробей начали делить зерна, каждому из них досталось по 13 зерен, а одно зерно осталось. Из-за последнего зерна мышь и воробей начали драться. В это время пришли люди и увидели зерна. Люди взяли эти зерна, мыши и воробью дали по одному зерну, а остальные зерна посеяли и получили хлеб.

*Записано со слов старика **Павла Барлукова** из Кахинского рода,
Нижне-Кахинского улуса, Кахинского ведомства.*

Печатается по рукописи М. Н. Хангалова (архив Музея этнографии народов СССР, шифр V 100, инв. № 39146, тетрадь 8-ая, стр. 145).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Манж. — Манжигеев И. А. Словарь бурятских шаманистических и дошаманистических терминов. — М., 1981.

алар. — аларский говор бурятского языка

букв. — буквально

бур. лит. — современный бурятский литературный язык

в бур. орф. — в бурятской орфографии

в знач. — в значении

д. б. — должно быть

детск. — детское выражение

зап.-бур. — западно-бурятский диалект бурятского языка

и т. д. — и так далее

какого-л. — какого-либо

м. б. — может быть

см. — смотри

т. е. — то есть

эхир. — эхиритский говор бурятского языка

УКАЗАТЕЛЬ БУРЯТСКИХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

В трудах М. Н. Хангалова довольно часто встречаются бурятские слова, выражения, пословицы, поговорки, песни, шаманские призывания (последние в отрывках, а иногда и целиком). При этом автор передавал бурятские слова русскими буквами с добавлением для некоторых звуков бурятского языка диакритических знаков. Система транскрипции, применявшаяся М. Н. Хангаловым, отлична от русской академической транскрипции, употреблявшейся русскими востоковедами, и не может быть воспроизведена в настоящее время ввиду отсутствия в местных типографиях соответствующих транскрипционных знаков. Поэтому в нашем издании мы внесли частичные изменения в транскрипцию М. Н. Хангалова. Эти изменения касались следующих случаев: 1. Замена буквы *х* с двумя точками над ней на *h*; 2. Замена буквы *о* и *у* на *o* и *u*; 3. Замена буквы *о* на *o* в тех случаях, когда не было сомнений в произношении соответствующего слова; 4. Замена *o* на *э* в слове *моргон* — «меткий стрелок», «мудрый», «витязь», феодальный титул — на *мэргэн*. Почему М. Н. Хангалов во всех своих статьях, как изданных, так и оставшихся в рукописи, пишет *моргон* вместо *мэргэн*, непонятно, — во всех монгольских языках и в бурятских диалектах употребительно *мэргэн*; 5. Слово *тайлган* (шаманская религиозная церемония) у Хангалова встречается в двух формах иногда даже в одной и той же статье: с сохранением дифтонга *ай* в форме *тайлган* и без дифтонга с долгим гласным *a*, но без обозначения долготы, в форме *талган*. В нашем издании мы предпочли первую форму, как общепринятую в русской научной литературе, в бурятских же текстах мы оставили так, как написано самим автором.

К сожалению, М. Н. Хангалов в своей транскрипции не отмечал долготы гласных и не был последователен в применении принятой им системы, что привело к разнобою в передаче одних и тех же слов.

Оставляя в неприкосновенности написания бурятских слов, принятые М. Н. Хангаловым в его работах, за исключением оговоренных выше случаев, мы сочли полезным дать в конце настоящего тома указатель бурятских слов и выражений, указатель племенных и родовых названий, а также имен собственных и географических названий с указанием принятой в настоящее время орфографии в современном бурятском литературном языке.

Изменения и дополнения к указателю бурятских слов и выражений внесены Б. Д. Цыреновым, кандидатом филологических наук.

А

абай — почтительное обращение: «хозяин-абай!» — «почтенный хозяин!» 11; бур. лит.: аба й.

ада — один из видов злых духов по шаманским верованиям 26, 27, 30; бур. лит.: ада.

ада-хулгана — вид мыши 47.

адуш а — «табунщик» 11; бур. лит.: адуш а н.

алак даган — «пегий лончак» 12; должно быть: алаг даган, бур. лит. алаг даган — «тушканчик, земляной заяц» (см. Черемисов, Словарь, стр. 41).

алтан хадур — «золотой серп» 57; бур. лит.: алтан хадур.

алтан гургалдай — «соловей» 192; бур. лит.: алтан гургалдай.

алтаргана — назв. птицы 106; бур. лит.: алтаргана бот. «золотарник» (см. Черемисов, Словарь, стр. 47).

Алха, таби! — «отпусти, Алха!» 11; от санскр. Раху, чудовище, проглатывающее солнце.

ан хуба ашта бурханда тушэбэ — «живя безмятежно, надеются на благодетельных бурханов» 130; должно быть: ан нуубаа аштай бурханда тушэбээ.

ан хуга ашта бурханда тушэ — 93, 157, 219, 253; д. б.: ан нуугаа аштай бурханда тушэ.

ан хужи ашта, бурханда туше — 24, 170, 209, 219, 224, 225; надо: ан нуужа ашата бурханда тушэ.

ангата — «птица аркалик»; — 5, 6; бур. лит. ангата.

ангир — «турпан» 5, 6, 19; бур. лит. ангир.

анда — «приятель» 37; бур. лит. анда.

араки — «молочная водка» 43, 220; бур. лит. архи.

арбан орхо атагут — «десять семей атагутов» 71; д. б.: арбан урхэ атагууд.

аргал — «сухой скотский помет» 154; бур. лит.: аргал.

арза-орзо — «дважды и трижды перегнанная монгольская водка» 142; бур. лит.: арза хорзо.

арса — «сыр из бозо» 222; бур. лит.: арса (н).

архинша — «пьяница» 11; бур. лит.: архинша.

атаха-хулгана — «мышь-землеройка» 47; бур. лит.: атахай хулгана (см. Черемисов, Словарь, стр. 591).

аша — «вьюк» 32; бур. лит.: аша (н).

Б

бар — «лев» 269; зап. бур. — «лев», бур. лит.: бар — «тигр, барс».

барбадай — (детск.) «большой палец на руке» 270; бур. лит.: барбадай а.

барун тала — «западная сторона» 38; бур. лит.: барун тала.

батар — «богатырь, витязь» 94, 96-105; бур. лит.: баата р.

батур — «богатырь, витязь» 68; монг. бауатур совр. монг. баатар; бур. лит.: баатар.

башин тулай — (детск.) «указательный палец на руке» 270.

билага — назв. шаманского обряда, совершаемого при рождении ребенка 283.

бишихан шишухэ (или бишихан шушухэ) — детск. мизинец 270; должно быть: бишыхан шашуухан (?)

бо-нохо — «шаман-собака» 46; должно быть: боо нохой.

бодно — «перепел» 115, 117, 118.

болдонто, болдоктын — «бугор» 115, 117; бур. лит.: болдог — «холмик, бугор», болдогтой газар — «местность, покрытая кочками» (см. Черемисов, Словарь, стр. 108).

болто — «коса у женщин» 40; должно быть: боолто (?).

боржи — «чеканное серебро» 130; бур. лит.: боржон (н).
бохолдой — «особая категория духов» 35; бур. лит.: боохолдой.
бохин хубун — «вошь-молодец» 242; бур. лит.: бооһэн хубуун.
бон — «лепешки, приготовленные из толченых корней и звериного жира» 71, 72; бур. лит.: боон.
бугуля — «аркан» 30; бур. лит.: бугуули.
бурхан — «бог, божество, Будда» 5, 6, 7, 10, 13, 20, 27, 32, 33, 38, 40, 46, 57, 83, 90, 136, 143, 153, 154, 248, 280; бур. лит.: бурхан.
бурхан хара — «бурхан увидел» 33; должно быть: бурхан хараа.
бухарь — эпитет лука для стрельбы 132, 134-136, 145, 147, 154; бур. лит.: бухайр.
буха шубун — «выпь?» 49, 50; должно быть: буха шубуун.
буха дорохо оллоһон Булгад — «Булагат, найденный под быком» 79; должно быть: буха доороһоо оллоһон Булгад.
бухэг — «шалаш» 286; должно быть: бухээг.
бээр ботоһон Сомбол-бурхан — «сделавшийся сам собою бурхан Сомбол» 5; должно быть: бэээр бутээһэн Сомбол-бурхан.

Г

гажа шини хушер, шини тухар ябахаб — «одною твоею силою и твоею помощью буду жить» 49; должно быть: гажа шинии хусээр, шинии туһаар ябахаб.
газада дала — «море» 52; бур. лит.: газаада далай.
газар хёдёлхё — «землетрясение» 14; должно быть: газар худэлхэ.
галта гуроһон — «огненные козули» 17; должно быть: галта гурооһэн.
галта мого — «огненная змея» 55; должно быть: галта могой.
галта модон — «дерево, имеющее огонь» 55, 56.
галта хара унэгэн — «огненно-черная лисица» 47; должно быть: галта хара унэгэн.
ганза — «курительная трубка» 133, 136; бур. лит.: ганса.
гахай — «свинья» 269; бур. лит.: гахай.
голто зурхэн — «аорта» 155; бур. лит.: зурхэнэй гол — «аорта».
горохон — «козуля» 33; бур. лит.: гуороһэн.
гуламта — «очаг» 286; бур. лит.: гуламта.
гули шубун эхэ — «птица, мать-прародительница икинатов» 275; должно быть: гули шубуун эхэ; вероятно, это аларское уули — «снова».
Гэнэн худагтын тамга — «печать Гэнэн-хутухты» 68; должно быть: Гэнэн хутагтын тамга.
гэрэл — «сияние, свет» 106; бур. лит.: гэрэл.

Д

дадын жирэлгэн — «мерцание» 65, 66; должно быть: дайдын жирэлгэн.
дальта мого — «крылатая змея» 55; должно быть: далитай могой.
дальта морин — «крылатый конь» 17; должно быть: далитай морин.
джэлбогон — алтайск. — чудовище наподобие мангатхая 220.
додо замби — «нижняя земля» 213; бур. лит.: доодо замби.
долебор — «указательный палец» 270; бур. лит.: долёбор.
доли — «подставной камень в очаге» 203.
дунда хунхэн — «средняя душа» 31; должно быть: дунда һунэһэн.
дунда хурьган — «средний палец» (на руке) 270; бур. лит.: дунда хурган.

духарян — пить водку из чашки, передаваемой присутствующими по кругу по очереди 97; бур. лит.: *духарян* н.

дэши барьха — шаманский обряд; брызгать вино в огонь 36; должно быть: *дээшэ бариха*.

Е

ётёдё — «старуха, бабушка» — 10, 12; бур. лит.: *утоо*.

Ж

жимэги — назв. дерева 132.

жирки — «бурундук» 18; бур. лит.: *жэрхи*.

З

загаһан — «рыба» 5.

зада — «холодный ветер со снегом» 48; бур. лит.: *зада* — «ненастье, непогода».

зарин — «высшая степень шамана» 58, 69; бур. лит.: *заарин*.

заря — «еж» 8, 9; бур. лит.: *заряа*.

заяни шара худар — букв. «желтая сутра судьб» 136; должно быть: *заяанай шара худар*.

заяши — по шаманским воззрениям, это «первая, хорошая душа человека, которая о нем заботится» 30, 31, 32, 33, 40; должно быть: *заяаша*.

зулмадхан — «сброшенная кожа во время линьки» 54; бур. лит.: *зулмадаһан*.

зумара — «суслик» 48; бур. лит.: *зумара*.

зурган — «присутственное место» 69; бур. лит.: *зургаан*.

зэгэтэ-аба — «облавная охота» 59, 60, 74; бур. лит.: *зээгэтэ-аба*.

И

илхэ — «песок» 6; бур. лит.: *элһэн*.

ильгин тарак — «простокваша» 240; должно быть: *ильгин (?) тарак*.

инзаган — «козуленок» 8; бур. лит.: *инзаган*.

К

китахи хур — «китайские дворы» 43; должно быть: *китаһии хур (?)*.

курунга — название молочного продукта 187, 236, 243; бур. лит.: *хурэнгэ*.

кырык — «частные жертвоприношения» 73; должно быть: *хэрэг*.

Л

лу — «дракон» 269; бур. лит.: *луу*.

лусуд — божества вод, озер 84; бур. лит.: *лусад*.

М

мангус, монг. — «чудовище» 220; соответствует бур. *мангатхай*.

мангыс, см. *мангус*.

манхир малан хуса — «белый баран с рогами» 72; должно быть: *манхир малан хуса*.

мила — «чума» 45; бур. лит.: *милан (н)*.

милага — название праздника 273-274.

милан эжин — «хозяин чумы» 45; должно быть: *миланай эзэн*.

мого — «змея, змей» 12, 269; бур. лит.: *могой*.

могон ишен — «глубокая яма» 234; должно быть: *могойн эшээн* — «змеиная нора».

могон хабдар — «змеиный нарыв» 54; должно быть: *могойн хабдар*.
минархажигорле — «плачет от бича» 39; должно быть: *минаархажигорлоо* (?).

монгон онгосо — «серебряная лодка» 8; бур. лит.: *мунгэн онгосо*.

мори барюхан, эмэл тохуһан — «конюх», букв. «держаший коня, седлающий седлом» 285; должно быть: *мори барюһан, эмээл тохон*.

морин — конь 269.

монхон хара уһа — «живая вода» 161; должно быть: *мунхэн хара уһан*.

му хунхэн — «плохая душа» 31; должно быть: *му һунэһэн*.

му-шубун — злые духи, по шаманским представлениям, имеющие клюв как у птиц 25, 26; должно быть: *му шубуун*.

мэргэн — багор 73.

Н

нагаса — «дед, отец матери» 207; бур. лит.: *нагса*.

намтахан — «послед, детское место» 44, 242; бур. лит.: *набтаһан* или *намтаһан*.

нара буру — «против солнца» 8; бур. лит.: *нара буруу*.

наран — «солнце» 106; бур. лит.: *нара(н)*.

ном — «священное писание» 191.

нохой — «собака» 269.

нэгэ эхэ богол — «одно большое препятствие» 145; должно быть: *нэгэ эхэ боогол*: селенгинское *боогол* — «загородка, ограда».

нэрэугэй хурьган — «безымянный палец (на руке)» 270; бур. лит.: *нэрэгуи хурган*.

О

об мани будьма хан — б; надо: *ом мани падмэ хум*.

оболжин — «удод» 51; бур. лит.: *буболжэн* (см. «Русско-бурят-монгольский словарь»). Под редакцией Ц. Б. Цыдендамбаева. М., 1954, стр. 677).

онгон — «небесный бог» 9, 10; бур. лит.: *онгон* — «дух, гений».

ондор тэнгэри — «высшее небо» 8; должно быть: *ундэр тэнгэри*.

онжи — «приданое» 140; бур. лит.: *энжэ*.

отон — «черви» 53; бур. лит.: *утэн*.

охин хани урам — «царство девиц» 266; должно быть: *ухин хаанай орон*.

ошохоно хоно ерһэн Ользон, барягдаһан хоно ерһэн Баянда — «Ользон, появившийся после ухода; Баянда, появившийся после захвата» (?) 80; должно быть: *ошон хойно ерһэн Ользон, баригдаһан хойно ерһэн Баянда*.

О

ологодо урулха — «класть в люльку» 273; должно быть: *улгыдэ оруулха*.

олгодохо — «пеленать ребенка в люльке» 273; бур. лит.: *улгыдэхэ* — «качать люльку» (см. Черемисов, Словарь, стр. 504).

олод — «калмыки» 67, 68, 70, 75, 78.

ормо — «сливки» 73, 74; бур. лит.: *урмэ(н)* — «пенка»; *урмэ сагаан* — «пенки, сливки» (см. Черемисов, Словарь, стр. 516).

С

сагалха — «побелиться» 140; бур. лит.: *сагаалха*.

саган могой — «белая змея» 54; должно быть: *сагаан могой*.

сасали — «брызганье молоком и пр.» 46.
сасали барьха — «брызганье тарасуном в честь богов» 282; должно быть: *сасалие бариха*.
сок хуга — «сел уголь» 38; должно быть: *сог хугаа*.
суглан — «сходка» 153, 199; должно быть: *суглаан*.

Т

тайжи, тайша — глава бурятского ведомства 59; бур. лит.: *тайшаа*.
тала — «сторона»; 56; бур. лит.: *тала*.
талган, тайлган — «общественное жертвоприношение» 72, 123, 153, 257, 279, 282, 283; бур. лит.: *тайлган*.
тама — «ад» 107; бур. лит.: *тама*.
тан дундаһа олдоһон Такши — «Такши, найденный в самой середине» 79; должно быть: *тан дундаһаа олдоһон Тагша*.
тан дундаһа олдоһон Такши-мэргэн — «Такши-мэргэн, найденный в самой середине» 73; должно быть: *тан дундаһаа олдоһон Тагша мэргэн*.
тарак — «творог» 73, 74, 243, 244, 284; «простокваша»; бур. лит.: *тараг*.
тарал эрэн буха — «пестрый пороз» 71; должно быть: *тараал эрэн буха*.
тарасун — «молочная водка» 24, 28, 29, 73, 256, 284.
тарим даха — назв. шаманского обряда 38; должно быть: *тарим дааха*.
тарян бото тара будан бобо будара — «как хлеб, распространись, как просо, брызни» 271; должно быть: «*таряан бутэ шара будаа бутэ будара*».
тахя — «курица» 269; бур. лит.: *тахяа*.
толи батур — «безымянный палец» на руке, детск. 270; бур. лит.: *толи баатар*.
торсок — «деревянный крынка» 49.
торолго — обряд при рождении ребенка 274, 283, 284; должно быть: *турэлгэ*.
торолхо — 273; должно быть: *турэлхэ*.
торхо — «кадушка» 284; бур. лит.: *торхо*.
тохо-тобши — «средний палец» на руке, детск. 270.
турга булгаһан — «юрта» 281; должно быть: *туурга булгааһан*.
тэбши — «корзина» 32; бур. лит.: *тэбшэ* — «небольшое корыто, деревянное блюдо» (см. Черемисов, Словарь, стр. 463).
тэжэ хурьган — «совершенно белый ягненок» 45; должно быть: *тэжэ (?) хурьган*.
тэнги — «опорные столбы в юрте» 36, 236, 286; бур. лит.: *тэнги*.
тэнгир — «небо» 17; см. также *тэнгэри*.
тэнгэри, см. *тэнгэри*.
тэнгэрин нохо — «небесная собака (волк) 17; должно быть: *тэнгэрин нохой*.
тэнгэрин оёдол — «Млечный Путь» 10, 83; бур. лит.: *тэнгэрин зуйдэл* (см. «Русско-бурят-монгольский словарь», под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева, М., 1954, стр. 273).
тэнгэри улага — «северное сияние» 37; бур. лит.: *хойто зугэй толон* (см. «Русско-бурят-монгольский словарь», под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева, стр. 588).

У

угин — «горностай» 8; бур. лит.: *уе (н)*.
удэн — «дверь» 38; бур. лит.: *удэн*.
узэлтэ нохо — «собака-ворожея» 46; должно быть: *узэлтэ нохой*.
ула унтар — «фарт погас» 48; должно быть: *зол унтар* (?).
улан бургахан — «красная береза» 16; см. выше *бургахан*.
улан зудан — «март» 39, 270; должно быть: *улаан зудан* (?).
улан монгон — «красное родимое пятно» 34; должно быть: *улаан мэнгэ*.

улан шоро — «красная глина» 6; *улаан шорой*.
улгэн дэлхэ — «широкая земля» 8; д. б.: *улгэн дэлхэй*.
улус — «поселение, деревня» 35; бур. лит.: *улас*.
улэнши — «мастерские для шитья одежды, обуви и т.д.» 154.
уляһа модон эсэгэ — «дерево осина-отец» 275; должно быть: *уляаһа модо эсэгэ*.

унугу-узи — «лисица-самка» 259, 261; д. б.: *унэгэн эзы*.
ургуй — «подснежник» 80; бур. лит.: *ургы*.
ургун узурха олдohon Обогон — «под корнем (подснежника) найденный Обогон» 80; должно быть: *ургын узуурһа олдohon Обогон*.
урса — «юрта» 286; бур. лит.: *урса* — «конусообразный шалаш».
утаргалжин — назв. птицы 50; должно быть: *утагалжан (?)* — «полевой кулик».
утуг — «поливной луг» 71, 145; бур. лит.: *утэг*.
утха — «происхождение» 56; бур. лит.: *удха*.
ухэр — «бык» 269; бур. лит.: *ухэр*.
ухэунхулхэ — «заставить глотать жир» 282; должно быть: *оохэн унгуулхэ (?)*.

Х

хаба — «сосуд» 274; бур. лит.: *һаба* — «кожаный сосуд».
хайн хунхэн — «хорошая душа» 31; должно быть: *һайн һунэхэн*.
халун шулу — «жаркий камень» 52; должно быть: *халуун шулуу*.
халюун — «масть лошади» 62; бур. лит.: *халуун* — «игренивая масть лошади».
хамнаган — «тунгус» 25; бур. лит.: *хамниган*.
хан — «царь» 12, 64; бур. лит.: *хан* или *хаан*.
хан хун харгуя ого — «царь-человек, дорогу дай!» 16; *хан хун, харгые угэ!*
хан хэрэгдэ шубун — «царь птиц» 20; должно быть: *хан Хэрэгдэ шубун*.
ханин басаган — «царь-девица» 266; должно быть: *хаанай басаган*.
ханже — 11.
хара тун — «черная галка» 51; должно быть: *хара туун*.
хара тухурюн — «черный журавль» 49; должно быть: *хара тохорюн*.
хара шоро — «черная земля» 6; должно быть: *хара шорой*.
хара шулун бото ханхинажи ба, хурэ шулун бото хунхинэжи ба — «как черный камень, звеня, стой; как рыжий камень, гудя, стой» 271; должно быть: *хара шулуун буте хашхинажа бай, хурин шулуун бутэ хунхинэжэ бай!*
хара шулун халга — «черный камень — ворота» 107, 271; должно быть: *хара шулуун хаалга*.
харгун далан — «между дорогами» 239; бур. лит.: *харгын далан* — часть дороги между колеями (см. Черемисов, Словарь, 201).
харана — «саранка» 47; лит.: *һарана*.
харха — «сосуд» 274.
хараса — «поперечное бревно» 286; аларское, эхиритское: *харааса* — «матица в восьмистенной юрте» (см. Черемисов, Словарь, 551).
харбур — «стрельба» 286; лит.: *харбуур* — «игрушечная» стрела (см. Черемисов, Словарь, стр. 555); *харбаан, харбалта* — «стрельба» (см. Черемисов, Словарь, стр. 554).
харитажи — «считая чужим» 284.
харьха эрбэхэ — «летучая мышь» 15; бур. лит.: *һарьһан эрбэхэй*.
хат — «сыновья тэнгэринов; божества более низкого разряда, чем тэнгэрины» 9; должно быть: *хад*.

хатарха — «название бурятской национальной пляски» 28.
хату иден — «крепкая пища» (т.е. вино и тарасун) 271; должно быть: хатуу эдеэн.
хаши — «ножницы» 5; бур. лит.: хайша.
хаши-загахан — «рыба-ножницы» 5, 6, 121; должно быть: хайша загахан.
хёхёшубун — «кукушка» 19; бур. лит.: хухышубуун.
хи-хуй — «вихрь» 31; бур. лит.: хи хуй.
хобуд — «сыновья» 106; должно быть: хубуд.
хоймор — «северная сторона, почетное место в юрте» 38, 131, 236; бур. лит.: хоймор.
хоймор тала — «сторона, где находится хоймор в юрте» 38, 73.
хоймор тэнги — «столб в юрте, находящийся за очагом» 36; должно быть: хоймор тэнги.
хоймор худалху татаху — «снять сидение с хоймора» 73; должно быть: хоймор нуудалху татаха.
хойморто — «за очагом, на хойморе» 271; должно быть: хойморто.
холонго — «хорек» 8; бур. лит.: холонго.
хонин — «овца» 81, 269; бур. лит.: хонин.
хонхинуур — «ботало, ширкунец» 264; бур. лит.: хонхинуур.
хормого — «налучник» 193; бур. лит.: хормого — «колчан» (см. Черемисов, Словарь, стр. 583).
хорон хара икинад — 275.
хугэй гартга — «не с молочной рукой» 45; должно быть: хугуй гартга.
хуба — «доля» 34; бур. лит.: хуби.
хуба шихэтэ — «собака со стоящими, как у волка, ушами» 46; бур. лит.: хуба шэхэн — «маленькие уши».
хубин тимэ — «такая доля» 34; должно быть: хуби и тимэ.
хубитай — «суженая» 34.
хүдэрэ-ход — 148.
хужир — солонец 67.
хулгана — «год мыши» 269; бур. лит.: хулгана, ургэнши хулгана — «полевка», 68; должно быть: ургэншэ.
хулэж — «аргамак, рысак» 45; бур. лит.: хулэг.
хун загахан — «человек-рыба» 52; должно быть: хун загахан.
хун гурбан хунхэтэ — «человек с тремя душами» 31; должно быть: хунгурбан хүнэһэн.
хуни зулмадхан — «отлинявшая кожа человека» 39; должно быть: хунэй зулмадхан.
хур — назв. смычкового музыкального инструмента 27, 28, 63; бур. лит.: хуур.
хур-тама — «яма» 107, 116.
хури эжин — «хозяин хура» 63; должно быть: хуурай эжэн.
хурай — «голова жертвенного животного с дыхательным горлом и легкими» 48.
хуралха — «обряд снятия хурая» 48.
хурулха — назв. обряда 36.
хурунга — назв. молочного продукта, курунга 50; бур. лит.: хурэнгэ.
хурэ шулуун хурэ — «двор из рыжего камня» 107; должно быть: хурин шулуун хурээ.
хутун модон — «холодное дерево» 56; должно быть: хуйтэн модо.
хуһан модни адали намшилажи намалжи ба — «как березовое дерево с листьями и ветвями стой!» 271; должно быть: хуһан модоной адали намшалажа намаалжа бай!

Хухэлэхэн анда — букв. «приятель Хухэлэхэн», назв. ветра 37; должно быть: хухэлэхэн анда.

Хухэлэн анда ерэ хайса иделхэ — «пришел приятель Хухэлэн поесть хорошенько» 37; должно быть: Хухэлэн анда ерээ хайса эдеэлхэ.

хун ногоһон — «утка-человек» 276; должно быть: хун нугаһан.

хун хорһин — «человек-корень», назв. травы 57.

хэдэргэ — «зубчатая линейка, которой мнут кожи при выделке» 196, 197, 202; бур. лит.: хэдэргэ.

хэрэ — «ворона» 82; бур. лит.: хирээ — «ворон».

хэрэсэ-хулгана — «особый вид мышши» 47.

хэрмэн — «белка» 8; бур. лит.: хэрмэн.

хэрэтын — «вороний» 82; надо: хирээтэн.

хянуур — «телохранители» 140; должно быть: хянаур.

Н

һакша — «дряхлый, -ая» 206; бур. лит.: һагшаа.

һал — «плотик» 79; бур. лит.: һала.

һудал — «сидение» 73; бур. лит.: һудал.

Ч

четхыр — «черт» 27; должно быть: шудхэр.

Ш

шагай — «бабка» 283, 386; бур. лит.: шагай.

шажагай — «сорока» 81; бур. лит.: шаазагай.

шандаган — «заяц» 8, 269; бур. лит.: шандаган — «заяц-русак».

шараһаралтэхэ — «козел темно-желтой масти» 72; должно быть: шараһааралтэхэ.

шарашубун — «филин» 20; бур. лит.: шарашубун.

шата сомогон — «лытка с мясом» 73; бур. лит.: шата сэмгэн — «бедренная кость» (см. Черемисов, Словарь, стр. 682).

шибэ — «шерсть на брюхе» 71.

шитхыр — 7, 10, 13, см. четхыр.

шихэтэ юмада дулдахабэ, амата юмада мэдэгдэхэбэ — «имеющие уши не слышали бы, имеющие рты не узнали бы» 45; должно быть: «шихэтэй юумэдэ дулдахагуй, аматай юумэдэ мэдэгдэгуЙ».

шоно — «волк» 57.

шубун — «птица» 12; бур. лит.: шубун.

шулма — «злой дух» 24; см. шулмус.

шулмас — «злой дух» 263; совр. монг. шулмас — «демон» (см. Лубсандэндэв, Словарь, стр. 659).

шигишкэ — «мизинец» 270; эхиритское: шишихи-би и шихи (детск.), боханское: шэгэшхэй; бур. лит.: шэгшы.

Э

эгич — «старшая сестра» 81-92; бур. лит.: эгэшэ.

эжин — «дух-хозяин» 21, 27, 55; бур. лит.: эжэн.

эжитэ модон — «дерево, имеющее духа-хозяина» 55; должно быть: эжэтэй модо.

эргихэ олдоһон Эхирит — «на яру найденный Эхирит» 74; должно быть: эрьеһэ олдоһон Эхирид.

эрдэни — «драгоценность» 65; бур. лит.: эрдэни.

эрэн гутар эсэгэтэ, эргин габа эхэ Эхирит — «Эхирит, имеющий отцом пестрого налима, а матерью — шель берега» 72; должно быть: эреэн гултаар эсэгэтэй, эрьеын габа эхэтэй Эхирид.

эртэнгин жоргон зулэ — «шесть царей над всеми животными» 15; должно быть: юртэмсын жоргоон зуйл(?) — букв., «шесть видов (царей) мира».

эрхэ — «большой палец» (на руке) 270; бур. лит.: эрхы.

эсэгэн монгон бахана — «отцовский серебряный столб» 8; должно быть: эсэгын мунгэн бахана.

эхэн алтан ума — «материнская золотая утроба» 8; должно быть: эхын алтан умай.

Я

ябадал — «дух, заян» 29.

яман — «коза» 73; бур. лит.: яман.

яһан — «кость, род» 275; бур. лит.: яһан, монг. письм.: yasan.

УКАЗАТЕЛЬ
племенных и родовых названий

- А р г а н у т, кость 70.
А т а г а д (Атагут, атагуты), племя 282, 283.
А л а г у т, племя 71.
А ш е х а в а т, род 74.
Б а р г а т, племя 70.
Б а р у н г а р, кость 280, 281.
Б а я н д а, кость 79, 90.
Б у з а г а т, племя 90.
Б у л у т, племя 71, 72, 73, 74, 75, 78.
Б у л у т, племя 70.
Е н г у т (енгуты), род 278, 279.
Е н г у т с к и й р о д, см. Енгут.
З а н г а е в с к а я к о с т ь 281.
З о л ю т, кость 70.
З у н г а р, кость 279, 280, 281.
З у н г а р с к и й р о д 79, 279.
И к и н а т (икинаты), племя 79, 275, 280.
И к и н а т, Икинатский род 79, 279.
К а х и н с к и й р о д 286, 287.
К у л ь м е т с к и й I р о д 275.
М а н х а л ю т, кость 287.
М а н х а л ю т, племя 70, 278.
Н а р а т (нараты), кость 275, 276.
Н о ё д, род 281, 283, 284.
Н о ё т, см. ноёд.
Н о ё т с к и й II р о д 284.
Н о ё т с к и й III р о д 283, 284.
О л з о е в I р о д 69.
О л з о е в II р о д 29, 69, 278.
О л о т, см. олот.
О л ь з о н, кость 80.
О н г о, род 285.
О н г о е в с к и й I р о д 286.
О н г о е в с к и й II р о д 286.
О л о д, племя 59, 67, 68, 70, 75, 78.
О л о т, племя 59.
С о н г о н, племя 79.
С э г э н у т, род 70, 75, 78, 278, 280.
У л а б а т, кость 70.
У р а н х а й, кость 70.
Х а н г и н (хангинцы), кость 70, 76, 278.
Х а х и н с к и й (Хохинский) р о д 25, 26, 29, 215.
Х а р а - м о н г о л, кость 70.
Х а р м я г а н, кость 70.
Х а р т у л, кость 70.
Х а р я т, род 284.
Х а с а м а к, кость 70.
Х а т а г а т ы, племя 282.
Х у л т у б у е в I р о д 281.
Х о р д у т, кость 70.
Х о т о г о н, племя 79.
Х о т о г у т (Хотогуты), племя 71, см. также Хатагаты и Хотогон.
Х у л д а т, кость 70.
Х э р б и т, племя 70.
Х э р м э ш и н, кость 70.
Ш а р а т (шараты), род 70, 76, 278.
Ш о л о т с к и й р о д 276.
Ш о ш о л о к, род 70.
Э х и р и т (эхириты) племя 71, 72, 74, 75, 78.
Э л э т, племя 59, 78.

УКАЗАТЕЛЬ
имен собственных и географических названий

Принятые сокращения:

бож. — божество

г. — гора

гор. — город

дев. — девица

ж. — жена

зв. — звезда

кн. — князь

м. — местность

пред. — предок

стр. л. — лук для стрельбы

ц. — царь

ца. — царица

чуд. — чудовище

бг. — богатырь

оз. — озеро

губ. — губерния

вед. — ведомство

о-в. — остров

рч. — речка.

А

Абай - Гэсэр - богдо - хан, богатырь 11-94, 98-105.

Абарга, царь рыб 162; змей.

Абарга - за га хан, царь-рыба 162.

Абарга - мого, царь всех змей 12,66; змея.

Агу, царь 191-194.

Агу - Ногон - абаха, сестра Гарьюлай-мэргэна 158-169.

Ада, бурят из кости Енгут 278.

Алагуи, сын Тоглока 74.

Александровский завод 79.

Алман - го хон - абаха, дочь западного тэнгэрина Арак-Саган-тэнгэри 106.

Алма - моргон - хатан, младшая жена Гэсэра 86-92.

Алтай, горы 90, 131, 148, 158, 159, 191, 192, 197, 244-247.

Алтан, оз. 277.

Алтан - Жоло - мэргэн, сын царя Баян-Хара 197-204.

Алтан - Сэгсэ, сын царя Гондола 228, 230.

Алтан - Сэсэк, батор 170-179.

Алтан - Шагай - мэргэн, батор, сын Алтан-Жоло-мэргэна 206-209.

Алха, демон 10, 11.

Ами - Сахидак, тэнгэри, брат Абай-Гэсэра 103, 104.

Анга - Улан, мифич. гора, см. Ангай-Улан 174, 175, 179.

Ангай, мифич. гора 159, 167, 168.

Ангай - Улан, мифич. гора 123.

Ангара, рч. 67-69, 77, 275.

Ангахай - мэргэн, батор 210-215.

Ансагалда Хара - Китаһа 150.

Антонов Харитон, бурят-сказитель 12.

Арак - Саган, западный тэнгри 106.

Аргалан - зон, царь всех зверей 12, 13, 66, 67.

Аршинов Лука, бурят-сказитель 278.

Асалханов Андрей, голова Кахинского ведомства 278.

Астраханская губ. 75.

Асухан, шаманка 73, 74, 282-284.

Ата - Улан - тэнгэри, бож. 105.

Атагад 283.

А х а - з а н д а н - м о д о н, царь всех деревьев 12.
А ш а х а н, старик-сказитель из Бильчирского вед. 281.
А ш е х е в а т, сын Токлока 75, 79.
А ш у р а - Ш а р а, 15-головый мангатхай 110, 111, 114-116, 118-121.
А ю - х а н, царь 74, 279, 280.

Б

Б а д м а, царь 244-253.
Б а и н, бурят из рода Онго 285.
Б а й к а л, оз. 67, 71, 72, 75-78, 278.
Б а л а г а н с к, гор. 79.
Б а л а г а н с к а я степная дума 69.
Б а л а г а н с к и й округ 68.
Б а л а г а н с к о е вед. 10, 11, 15, 17, 67, 68.
Б а н е е в И в а н, сказитель 286.
Б а р г а - б а т у р, предок 75, 76.
Б а р л у к о в П а в е л, сказитель 286, 287.
Б а р т о, пред. 78, 79.
Б а р у н г а р, бурят из кости Сэгэнуд 280-281.
Б а х а р, собака 131.
Б а я н - Х а р а, царь 191-209.
Б а я н д а, пред. 79-80.
Б и л т а г а р - Х а р а - ш у р г а л ж а н, царь муравейника 161, 165.
Б и л ь ч и р с к и й улус 281.
Б и л ь ч и р с к о е вед. 30, см. также Бильширское.
Б и л ь ш и р с к о е вед. 25.
Б о г д а й, родоначальник кости Манхалют 278.
Б о г д о р, царь 179-181, 187, 190.
Б о л о к О ш о н о н, м. 278, 281.
Б о л о т - С а г а н, сын Бото-Бумала 283.
Б о м б о ж и й (иногда неправ. Б о м б о х и й) 85.
Бомбохий, см. Бомбожий.
Б о р ж и н - Д а л х а, сын Тоглока 74.
Б о т о, сын Такши, пред. 79.
Б о т о - Б у м а л, пред. 79, 282-284.
Б о х а н с к о е вед. 47.
Б о х о н - х о б у н 242, 243.
Б о л о г - О т о х о н 281.
Б о х о д, сын Тоглока, пред. 79.
Б о х о н у р, м. 278, 281.
Б у д а, колчан 132, 136.
Б у д а - У л а н - б а т о р, сын Бомбожия, старший богатырь Гэсэра 85.
Б у д у р г у - С а г а н - т э н г э р и, бож. 283.
Б у з г а н, сын Булагата, пред. 74.
Б у и н о в Б у г д а н, сказитель 80.
Б у л а г а н - Х а р а, сын Болот-Сагана, пред. 283, 284.
Б у л а г а н - Х а р а, сын Булагата, пред. 74.
Б у л а г а т, родоначальник пл. булагат 71, 73, (= Бумал), (= Тагши-мэргэн).
Б у л а к - С а г а н - Б у м а л, сын Тоглока, пред. 75.
Б у л г а н - Х а р а, см. Б у л а г а н - Х а р а.
Б у л г а т, сын Бото, пред. 79.
Б у л у т, сын Сагана, пред. 79.

Бумал, сын Такши, пред. 79.
Бумал - Саган, сын Тоглока, пред. 74.
Бунаев Михаил, тайша 77.
Бура 79.
Бурхан, бож. 13, 20, 27, 32, 33, 40, 46.
Буханойон-бабай, мифический прародитель булагатов и эхиритов 71, 72.

В

Верхоленский округ 68.
Верхоленское вед. 67.
Высокое Небо, бож. 8, 9.

Г

Гал-Долмо-хан, чудов. 93, 98, 99, 101-105.
Ганга-Бэрэд-хан, царь 93-96.
Гарьюлай-мэргэн, богатырь 158-169.
Гондол, царь 227, 228.
Гонок-гохон-духэ, дочь царя Гули-хана 181-183, 187, 189, 190, 191.
Готол, сын Токлока, пред. 79.
Гули-хан, царь 181-184, 186-188, 190.
Гун Сава, русский посол (=гр. Савва Владиславич-Рагузинский) 59.
Гунир, собака — покровительница местности 185, 186.
Гунир, желтая собака Тальян-Шара-мангатхая 182-184.
Гунир-шара-нохой, собака 162, 164.
Гур-Бурят, сын Илюдэр Тургэна, пред. 75.
Гурба Марал, соzv. (= Орион) 12.
Гурбан Хонгор-хубуд, три сына восточного тэнгэри Шархан гурбан 106.
Гуртэ-зарин (Монготуев), шаман 69.
Гэнэн-худахта, лама 67, 68.
Гэрэл-нойон 284.

Д

Дабагар-шара-мангатхай, чудов. 138.
Дабхальжи-хан, сын старика Уханая 216.
Дагда, дочь старика Уханая 216.
Дарда-шара-мангатхай, чудов. 195, 196.
Долон-обогод, соzv. Большая Медведица 11.
Доной, скупой богач 243, 244.

Е

Енгут, сын Ноёна Буры, предок Янгутского (Енгутского) рода 79, 278, 279.
Енхэбэ, три сестры Лобсогдолдой-хара-мангатхая 81, 82, 87-91.
Жарбаков Артеми, бурят Енгутского рода 279.
Жилэн-тэнгэри, девять восточных тэнгэринов 105.

З

Зага, сын Ноода, пред. 281.
Замойский улус 286.
Запхи, сын Эхирита, пред. 75.
Заря-Азарга, мифич. еж 8.

Заса - Шихур, дядя Гэсэра 97, 98.
Захан-зандан-модон, царь деревьев 12.
Зотон-хара, дядя царя Богдора 180.
Зунгар, бурят из кости Сэгэнуг 279-281.
Зунги, сын Ноеда 281.
Зэрэн, гора 104.

И

Иванов Василий, бурят-сказитель 25, 35, 56, 215.
Иванов Николай, унгинский бурят, сказитель 276.
Идинская степная дума 69.
Идинское вед. 79.
Икинат, родоначальник кости Икинат 79, 275, 280.
Икинатское вед. 75.
Илюдэр - Тургэн, сын Барга-Батура, пред. 75.
Ирга, батор Лобсогоддой хара-мангатхая 89.
Иркутск, гор. 76.
Иркутская губ. 70, 75.
Китай 43, 68.
Константинов Данила, шаман 285.
Кудинское вед. 67, 77.
Кульмэнгэ, сын Болота, пред. 79.
Лена, рч. 77.
Лоб-хара, конь Лобсогоддой-хара-мангатхая 81, 92.
Лобсогоддой-хара-мангатхай, чудов. 81-85, 88.
Лохор-тайжи-мангатхай, чудов. 138, 139.
Мадари-бурхан (монг. Mayida᠒i, санскр. Майтрея), Будда 67.
Макаров Мадаc, бурят-сказитель 12.
Малое море (=Нариндалай), часть оз. Байкал к северу от о-ва Ольхон 67.
Манжу, кудинский шаман, сказитель 72, 75.
Манзан, три моря 191, 193.
Манзан-Гёрмё-ётёдё, бож. 10.
Манзан-Гормо, бож. 85, 86, 98, 103, 106.
Манхалют 278.
Манхалютский улус 278.
Маса-Богдо-хан, царь 12, 60, 61.
Мешит (Мишид), соzv. (=Плеяды) 153.
Мишид, соzv. (=Плеяды) 153, см. также Мешит.
Млечный Путь 10.
Молькинское вед. 47, 281.
Монголия, страна 67-69, 77.
Монгото-ула, гора 59, 130, 133, 153, 154, 191, 193.
Моргон-Тоголтор, сын Хан-Тюрмаса тэнгэри 106.
Мор-мэргэн, батор 134, 135.
Морон, гора 104.
Му-Монто, сын царя Гондола 227-233.
Мултугу, сын Муруя, пред. 281.
Мултугуй, см. Мултугу.
Муруй, бурят 281.
Мурусхан, улус 281.
Муры, сын Болота 79.
Мэлхэн-дала, море 13.

Н

Найжин, м. 93.
Нал-хатан, хозяйин солнца 10.
Намту-харакшин, царица, мл. жена царя Бадмы 244-253.
Наран-Гэрэл, царь 187-189.
Наран-Гэрэлтэ-хан 106.
Нарат 275, 276.
Нарин-Зала-абахай, дочь трех лам Соржи 202, 204, 205, 206.
Нарин-Шара (Шарат), царь 131, 134, 146, 147.
Нарин-Шарат, см. Нарин-Шара.
Нарин-Шарата, царь 148-149.
Наршаши-бохо, батор 210-215.
Нельхайское вед. 281.
Нижне-Кахинский улус 286-287.
Никола-Бурхан (=св. Николай) 57-58.
Ногон-гохон, жена Ногон-Хонгора 219.
Ногон-Уранда, жена Такши, пред. 79.
Ногон-Хонгор, царь 219, 220.
Ноёд, бурят 281, 284.
Ноён-Бура, сын Болот-Сагана, пред. 79, 283, 284.
Ноён-Бура, сын Тоглока, пред. 79.
Ноег, сын Ноёна-Буры, пред. 79.
Нумаг, старший сын Баина 285, 286.

О

Обгон, см. Обогон.
Обого-хан (=Петр Великий) 266.
Обогон, пред. 79, 80.
Оборто-Шара-мангатхай, чудов. 155, 156.
Обоса, м. 285.
Одеса, м. 281.
Одесинский улус 281.
Ока, р. 67, 69.
Олзой, сын Болота, пред. 79.
Олзой-хан, пред. 69.
Ользон, пред. 80.
Ольхон, о-в 67, 76.
Ольхонское вед. 67.
Онгой, сын Обогона, пред. 79, 80.
Онхотой, сын Обогона 79, 80.
Орион, созв. (=Гурба Марал) 12.
Оро-Хэнзэ, батор, сын Эрэ-Тохоло-мэргэна 152-157.
Орорши-моргон 64.
Оса, рч. 69.
Охин-батор 266.
Охин-тэнгэри, покровитель царства девиц, бож. 266.
Охин-хан 266.

П

Петкинов Капит, бурят из кости Манхалют, сказитель 278.
Плеяды, созв. 153.

Подгорбунский И. 23.
Потанин Г. Н. 4, 81, 134, 137, 192, 201.

С

Саввин Константин, бурят 281, 283.
Саган, сын Бумала, пред. 79.
Саган, сын Тоглока, пред. 74.
Садамтын - Саган, оз. 77.
Саксага (Сансага) - гохон - абаха, дочь царя Шажага-баяна 171, 178.
Сансага - гохон - абаха, см. Саксага - гохон - абахай.
Сарагал - нойон 107, 108, 110.
Сараган - нойон, дядя Ута-Саган-батора 107, 108.
Саратовская губ. 75.
Сахидак - Саган - ула, гора 91.
Сахир, пред. 79, 80.
Селенга, рч. 78.
Серебряная гора, см. Монгото - ула.
Солбон, зв. (=Зарница) 11.
Сомбол - бурхан 5, 6.
Соржи, три ламы 206.
Ставропольская губ. 75.
Степанов Мандрей; унгинский шаман 277.
Сухэр - нойон, лама 68, 69.
Сыхир, родоначальник 79, 80.
Сэгэн - Сэбдэк - тэнгэри, бож. 279.
Сэгэндэ, родоначальник икинатов 78.
Сэгэндэ - Номо, сын бурхана Сэжин-Сагана и дочери царя Аю-хана, мифические предки кости Сэгэнуд 280.
Сэжин - Саган, сын Саган-Сэбдэ-тэнгэри 279, 280.
Сэмбэр - ула, мифич. гора (= монг. Sumber-aynla инд. гора Сумеру) 12.
Сэрэн - Галда, брат Шоно-батора 59-62.
Сэскэл, жена старика Ухана 216.
Сэсэк, бурятка-сказительница 130.

Т

Такши, пред. 79.
Такши, дочь 79.
Такшил - Лохор - мангатхай, чудов. 156, 157.
Тальян - шара - мангатхай, чудов. 181-183.
Тамшин, степь 138.
Тамшин - Шара, равнина 149.
Тангил - шара - мангатхай 220, 221.
Тармаев Бурю, балаганский бурят, сказитель 11.
Таряши - бурхан, бож. 154.
Ташаланги, м. 156.
Тёнехон 224-227.
Тобольск, город 75.
Тоглок, сын Булаган-хара, пред. 74, 80.
Токлок, табунщик Солбона 11, 79.
Токто, пред. 80.
Томон - Жаргалан, старшая жена Гэсэра 85, 105.

Томо - Улан, царь 206, 248, 249.
Тотхото, падь 69.
Трубачеев Башин, бурят-сказитель 8.
Тунка, м. 68, 75, 76.
Тункинское вед. 68, 75.
Тутэ-шубун 20.
Туя-хатан 284.
Тэбэк-Ногон-абаха, дочь царя Ногон-Хонгора 219, 220.

У

Уда-Монхон-тэнгэри, бож. 283.
Удэ, м. 281.
Удэн-ноёд, м. 281.
Улангинский улус 286.
Улатай, сын Булута, пред. 79.
Уля, м. 68.
Унга, рч. 67, 68, 69.
Унгинское вед. 8, 47.
Унетский улус 281.
Урма-гохон, дочь царя Агу 191, 193, 197, 209.
Урма-гохон-хатан, средняя жена Гэсэра 82-85, 121-123.
Урма-гохон-хатан, жена Ута-Саган-батора 107.
Усть-Оса, м. 281, 285.
Ута-Саган-батор 107, 110-115, 116-125, 128-130, .
Ухан-Лобсон (Уһан-хад) 284.
Ухан-хат (Уһан-хад) 284.
Уханай, старик 216-218.
Ухэр-Боксо, царь 64.
Уһан-хад, см. Ухан-хат.

Х

Хадала, бурят 25, 26.
Хадара-гохон-абаха, дочь Наран-Гэрэлтэ-хана 106.
Хадарган, свинья 250, 251.
Хакша-һамаган, старуха 143.
Хал-хатан, хозяин Луны 10.
Халык-хан, царь 74.
Хальмакшин, жена Сэрэн Галда 59, 62.
Хамаев Халбай, бурят-сказитель 22.
Хан-Боргод, западный тэнгри, бож. 106.
Хан-Гужир 179-191.
Хан-Гурмэ-хатан, жена Хан-Тюрмаса-тэнгэри, бож. 106.
Хан-Тюрмас-тэнгэри, бож. 86, 103, 106.
Хан-хун, царь – человек 16.
Хан-Хэрэгдэ, мифич. птица 184-186.
Хан-Хэрэгдэ-шубун, царь птиц 12, 20, 111-113, 118.
Хангин, дочь Хоридой-мэргэна, пред. 278.
Ханха, бурят 69.
Ханха-нур, оз. 69.
Хара-Сотон, дядя Ута-Саган-батора 107-109, 121, 122.
Хара-Сотон, завистливый дядя Шажин-Номона 140-143.

Харжи-мина, сын царя Хартаган-хана 240-242.
Харжи-Муя, сын царя Хартаган-хана 178, 179.
Хартаган-хан, царь 178.
Хартаган-хан, царь 237-242, 261-264.
Хатан, падь 82, 86, 89, 93, 94.
Хаха, м. 25.
Хаха, падь 8, 29.
Хахин, бурят 11.
Хахар, собака 131.
Хашалык-ула, гора 131, 134, см. также Хашилак.
Хинхуна, см. Хинхуна-Багин.
Хинхуна-Багин 260-264.
Хобоши-хатун, дочь Неба, жена Хоредой-мэргэна, пред. 77, 78.
Хогой, сын Обогона, пред. 80.
Хоёт, сын Токлока, пред. 79.
Хожори, кузнец 11, 12.
Хожори долон дархад — «семь кузнецов Хожороевых» 11.
Хон, черный ворон 89.
Хонгдор, сын Токлока, пред. 79.
Хонин Хотон, страна 81, 85, 87, 91, 93.
Хонуртовское село 279.
Хонхинур, девица 264, 265.
Хоредой, старик 23, 24.
Хоредой-мэргэн, предок хоринцев 277, 278.
Хоредой-мэргэн, сын Илюдэр-Тургэна, предок хоринцев 75, 76, 77, 78.
Хорто-шара-мангатхай, чудов. 138, 139.
Хорто-Шарта, змей 185.
Хохо, три старшие сестры Гэсэра 86.
Хохой, горы 131, 148, 191, 197, 245, 246.
Хохо-Монгон-тэнгэри 137, 283.
Хоходой-мэргэн, батор 12.
Хохосо-мэргэн, батор 16.
Хохосо-мэргэн, сын Хохо-Монгон-тэнгэрина, батор 137, 138, 139, 142-144, 147-151, 155, 156.
Холоро, см. Холоро.
Хото-урур, м. 76.
Хохо-болдок, возвышенность 75.
Хохоно, бурят из кости Енгут 278.
Ху-нур, оз. 75.
Хубараков Анган, бурят-сказитель 281.
Хулдут, бурят 281.
Хултаса, мангатхай, чудов. 148, 149, 150, 151, 152, 155.
Хун-горохон 16.
Хун-Тайжи, отец Шоно-батора 59, 60, 61.
Хурмуста-тэнгэри, бож. 73.
Хурхуд, сын Тоглока, пред. 75.
Хурхут, см. Хурхуд 79.
Хусыхэн, шаманка 71, 72.
Хутанка, м. 281.

Хутанха, см. Хутанка.
Хутухэн, шаманка 282, 283, 284.
Хутухэн, см. Хутухэн.
Хэрхэн, старуха 221-224.
Хэрэтуй, падь 87.
Хэрэтын, падь 82.

Ч

Чингис-хан 64, 65, 66, 67.

Ш

Шажага - Баян, царь 171-173, 178.
Шажагатын, м. 81.
Шажин - Номон-хан, царь 125, 126, 138, 140, 142, 143, 241, 242.
Шана, м. 191.
Шапхаев Николай, бурят-сказитель 284.
Шара - Сэсэк - абахай, дочь царя Шажин-Номон-хана 126-128, 134, 148-150, 152.
Шара - Сэсэк, дочь царя Нарин-Шара 131, 147.
Шарабали, три царя 106.
Шаралдугохон - абахай, дочь царя Шажин-Номон-хана 138, 143, 144, 147, 149, 150, 152.
Шаран-гурбан-тэнгэри, бож. 106.
Шарат, сын Хоредоя пред. 278.
Шетинский улус 8.
Шибэгэни - бурхан, три бурхана (бож.) 6, 7, 84, 90.
Шингил-шибэй, м. 76.
Ширга, батор Лобсоголдоя хара-мангатхая 89.
Широкая земля, бож. 8, 9.
Шитхыр, демон 7, 13.
Шодоро-мэргэн-батор 94-96.
Шоно-батор, сын Хун-тайжи 59-62.
Шонхоши-бохо, батор 210-215.

Э

Экирит, мифич. предок племени эхирит 72, 75.
Элтэсэ, мангатхай, чудов. 148-152, 155.
Эмэ-хара-мангатхайка, чудов. 152, 155, 196, 197, 200-203.
Эржин-Шумар-батор, второй батор Гэсэра 85, 100, 101.
Эрмэльжин-гохон-абахая, сестра Алтан-Сэсэка 170-179.
Эрхэ-Анзан-батар, мл. батор Гэсэра 95, 96.
Эрэ-Тохоло-мэргэн, батор 130-137, 144-149, 151-152, 155-157.
Эсхэ-Улан-батар 64.
Эсэгэ-бурхан, бож. 6, 7.
Эсэгэ-Малан-тэнгэри, бож. 23, 24, 153, 160, 162, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 174, 175, 176, 179, 184, 188, 232, 233, 279, 282.

Я

Якутская обл. 76, 77.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. Г. Н. Румянцев	3
Предисловие. С. Г. Жамбалова	4
I. Мифы космогонические и этиологические	5
Сотворение мира и человека (сотворение балаганских бурят)	5
Первая чета.....	8
Небо и земля.....	8
Открытие дверей неба.....	9
Млечный Путь.....	10
О луне	10
Затмение луны.....	10
Солбон	11
Долон-обогод.....	11
Хохосо-мэргэн	12
Цари земли	12
О потопе	13
Поверье о землетрясении.....	13
II. Легенды о животных и растениях	15
Цари животных	15
Медведь	15
Медведь	16
Хун-горохон.....	16
Волки	17
Верблюд.....	17
Крылатый конь.....	17
Заяц.....	17
Бурундук.....	18
Собака.....	18
Собачий пай в хлебе.....	19
Кукушка.....	19
Турпан.....	19
Филин	20
Птица тутгэ	20
Дятел.....	20
Орел	21
Поверье о лебедях, воронах и коршунах	21
Щука.....	22
Налим	22
Табак	22
III. Шаманские легенды.....	23
Старик Хоредой.....	23
Му-шубун	25
Филин	26
Шаман-дерево	27
Хур.....	27
О духах	28

Ада	30
Заяши	30
Доля	33
Душа человека	34
Смерть	35
О могилах.....	35
Людоеды	36
Похороны скупого хозяина	36
IV. Поверья и приметы	37
Небесные и атмосферные явления	37
Огонь	38
О человеке	38
О детях	40
О покойниках	41
О сновидениях.....	42
О доме и домашних предметах	42
О кладях	43
Вино.....	43
Домашний скот	44
Собака.....	45
Мышь.....	46
Лисица	47
Волк	48
Сурок	48
Перелет птиц	49
Птица буха-шубун.....	49
Журавль	49
Лебедь и гусь.....	50
Ласточка	50
Птица утаргалжин	50
Удод.....	51
Турпан.....	51
Черная галка	51
Сорока	51
Коршун	51
Ворон	52
Пчела	52
Муравей.....	52
Человек-рыба (хун-загахан)	52
Рыба	53
Лягушка	53
Черви	53
Змеи	53
Поверья о деревьях.....	55
Летающие орехи и хлебные зерна.....	55
Дерево с огнем и холодное дерево	56
Боярышник	56
Травы	56

Трава хун-хорһин	57
Никола-Бурхан.....	57
V. Исторические предания.....	59
Гора Монгото-ула	59
Шоно-батыр.....	59
Хур.....	63
Чингис-хан	64
Предания о Гэнэн-худакте и Сухэр-ноёне	67
VI. Генеалогические предания	70
Племена бурят	70
Булагат и Экирит и их потомки	71
Булагат и Экирит и их потомки (второй вариант).....	72
Барга-батыр.....	75
Хоредой-мэргэн	76
Сэгэндэ и Барто.....	78
Такши и его потомки.....	79
Кости Ользон и Баянда.....	79
Обогон	80
VII. Улигеры	81
Война Абай-Гэсэр-богдо-хана с Лобсоголдой-хара-мангатхаем.....	81
Война Абай-Гэсэр-богдо-хана с Гал-Долмо-ханом.....	93
Отрывки из повести об Абай-Гэсэр-богдо-хане.....	105
Ута-Саган-батыр	107
Эрэ-Тохоло-мэргэн	130
Гарьюлай-мэргэн.....	158
Алтан-Сэсэк и его сестра Эрмэльжин-гохон-абаха.....	170
Хан-Гужир	179
Царь Баян-Хара.....	191
Ангахай-мэргэн	210
VIII. Сказки.....	216
Старик Уханай.....	216
Девица Тэбэк-Ногон-абаха.....	219
Старуха Хэрхэн.....	221
Тенехон	224
Му-Монто	227
Охотник	233
Старик с дочерью	237
Бохон-хобун	242
Доной.....	243
Богатый царь Бадма	244
Охотник	253
IX. Сказки о животных.....	259
Желто-серый волк и лисица-самка	259
Хинхунай-багин	260
Девица Хонхинур	264

X. Легенды	266
Царство девиц	266
Собачье царство (нохо хани урам).....	266
XI. Этнографические заметки	269
Год	269
Названия пальцев.....	270
Пальцы-воры.....	270
Зарывание последа	270
Детские игры	271
Суд старух	272
XII. Легенды	275
Кость Икинат	275
Кость Нарат	275
Утка-человек.....	276
Моль и клоп.....	276
Старик-нищий	277
Кость Манхалют.....	278
Кость Енгут	278
Кость Зунгар.....	279
Муруй	281
Племя Ноёд	281
Бото-Бумал.....	282
Буха-Нойон	283
Харята утха	284
Семь сыновей Баина	285
(Из прошлого бурят)	286
Откуда взяли и как сеяли хлеб на северной стороне Байкала	286
Указатели	288
Указатель бурятских слов и выражений	288
Указатель племенных и родовых названий	298
Указатель имен собственных и географических названий.....	299

МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ХАНГАЛОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В трех томах

Т О М Ш

Рецензент *Б. Д. Цыренов*
Редактор издательства *Д. М. Дондукова*
Набор и верстка *В. И. Афанасьева*
Корректор *З. Н. Зундуева*

ЛР № 071908 от 23.06.1999 г.

Сдано в набор 28.09.03 г. Подписано в печать 07.10.04 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Ньютон. Печать офсетная.

Усл.-печ.л. 18,13. Усл.кр.-отг. 18,13. Уч.-изд. л. 21,99.

Тираж 500. Заказ 235.

Издательство ОАО «Республиканская типография»
Отпечатано в ОАО «Республиканская типография» РБ
670000, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13